

№ 3(33). 2019

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Июнь 2019 № 3 (33)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов — Председатель Правления Союза писателей России
Григорий Блехман — секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов — прозаик, публицист, драматург
Елена Груцкая — поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев — секретарь Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — прозаик, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета по культуре
при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылёв — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован

Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.

Дата выхода номера в свет: 11 июня 2019 года

Тираж: 1000 экз.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв.50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул.Артиллерийская, 81,
Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки — Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка — Елена Балантаева

Отпечатано в типографии «Страж Балтики»

г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53–17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи сохраняются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал – 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе – *курсивом*, плюс фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе Ё. Тексты, где игнорируется эта буква, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашаем к дискуссии

Никита Лобанов-Ростовский. Меценатство сегодня. *Выступление в Российском центре науки и культуры в Париже, 30.04.2019* 4

Валерий Скрипко. Мытарства матросов «корабля современности». *О статье Валентина Курбатова «Опять за старое. Опять по-новому» – «Берега», 1 (31)-2019* 6

Проза

Людмила Яцкевич. А я всё живу... *Повесть о жизни Г. К. Лавреги, рассказанная им самим* . 8

Николай Иванов. Саур-Могила. *Песнь* 31

Алексей Новгородов. Выбор (между личным и вечным). *Повесть* 36

Геннадий Сазонов. Миронежье. *Современная провинциальная хроника* 50

Александр Чумиков. 90-е. Александр и другие. *Повесть. Часть 2. Начало в журнале № 2 (32)-2019* 72

Берега юбилеев

Михаил Фёдоров. Мой друг – хранитель моих малых Родин. *Очерк к 100-летию журнала «Воин России»* 102

Валентин Баюканский. Букет из будущего. *Рассказ* 105

Сергей Воробьёв. Именины на шельфовом леднике. *К 200-летию со дня открытия Антарктиды. Рассказ* 109

Поэзия

Сэда Вермишева. Плач о потерянной Родине. *Поэма* 112

Алексей Шорохов. *Стихи* 118

Дмитрий Филиппенко. *Стихи* 121

Николай Алешков. От истока реки до устья. *Стихи* 125

Берега Новороссии

Елена Дубровина. Батюшка из Луганска. *Рассказ* 129

Берега Крыма

Александр Дидуленко. Что значит Коктебель и откуда он взялся? *Очерк* 131

Берега памяти

Евгений Лушев. Начало войны в 1941 года. *Очерк* 135

Берега истории

Екатерина Фёдорова. Забытый министр Российской Империи А.Б. Лобанов-Ростовский 143

Русский мир без границ

Берега Болгарии

Никола Р. Казански. Болгарская миссия в России в 1895 году. Возобновление дипломатических отношений 156

Берега Великобритании

Мария Львова. Интервью с Ольгой Викентьевной Ткаченко-Матвеевой, дочерью первого послевоенного корреспондента «Известий» в Лондоне В. А. Матвеева (1923–1997).. 159

Юлия Пляукшта. Вишнёвый сад посажен 165

Критика

Людмила Воробьёва. «Посредине странствия земного»... *Размышления над книгой Лидии Довыденко «Гумилёвская осень»* 168

Владимир Подлuzский. Львиная доля. *Авторецензия* 176

Берега молодых

Анастасия Косташ. О белых пятнах истории и Таргариин 179

Бережок

Анатолий Мартынов. Жили-были. *Рассказ* 182

Наши друзья

Советуем почитать. Подписка и приобретение журнала 186

Берега дискуссии

Никита Лобанов-Ростовский

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский родился 6 января 1935 года Болгарии, в Софии. Выдающийся меценат, геолог, банкир и коллекционер, собиратель театрально-декорационного русского искусства 1-й трети XX века (в частности, эскизов к «Русским сезонам»). Почётный председатель Координационного совета российских соотечественников в Великобритании, первый заместитель председателя Международного совета российских соотечественников в России, член Бюро «Фонда Кирилла и Мефодия» в Софии, член правления «Института современной русской культуры» в Лос-Анджелесе (Калифорния), член «Ассоциации американских учёных русского происхождения» в Нью-Йорке, член совета директоров «Международного фонда искусства и просвещения» в Вашингтоне, член «Общества коллекционеров» в Москве и Лондоне, академик Международной академии информатизации при ООН, попечитель

Русского камерного оркестра в Лондоне, член комитета «Русского Славянского Искусства» в Москве, член попечительного совета «Фонд милосердия имени Анны Павловой» в Москве, член совета директоров «Ассоциации театрального музея» в Лондоне, пожизненный член Союза благодотворителей музея «Метрополитен» в Нью-Йорке, Почётный доктор Санкт-Петербургской Академии художеств, действительный член Петровской академии наук и искусств

Меценатство сегодня

*Выступление в Российском центре науки и культуры
в Париже 30.04.2019 г.*

На следующий день после пожара в соборе Нотр-Дам в Париже 15-го апреля французский миллиардер Франсуа Пинот (владелец аукционного дома «Кристис») публично объявил, что он дарит 100 млн. евро на реставрацию собора. Спустя полчаса Бернар Арно (владелец бренда «Луи Вуйтон / Эрмес») пожертвовал 200 млн. евро на эти же цели. Скоро за ними – семья Беттенкур (владелец фирмы «Лореаль») добавила в казну 200 млн. евро. И только несколько позже первый корпоративный даритель, нефтяная компания «Тоталь», пообещала 100 млн. евро. Правительство же конкретно ничего не объявило, ограничиваясь уверениями, что собор будет полностью реставрирован.

Вышеуказанное подтверждает чрезвычайное накопление капитала у немногих частных лиц. Их возможности на много превышают возможности правительств ассигновать казённые деньги на культуру. Политкорректная оппозиция не замедлила выразить своё негодование, указывая, что эти огромные средства могли бы быть использованы на постройку льготного жилья для эмигрантов и нуждающихся туземцев. В этом контексте приведу несколько данных:

– 50% всего имущества на планете принадлежит 1 % населения. Это напоминает 1900–1910-е годы, бурный расцвет капитализма в США и Европе.

– 90 % финансовых авуаров в РФ принадлежат 3 % населения.

– Зарплата управляющего порой в тысячу раз превосходит зарплату рабочего.

– Сегодня в России, США и Китае возможности меценатов на поддержку культуры превышают возможности правительств.

– В Соединенных Штатах в 2018 году дарение (меценатство) составило 400 млрд. долларов, что представляет 5.5 % валового дохода и превышает федеральный бюджет по культуре. В России же

на меценатство было потрачено 400 млрд. рублей (т.е. более чем в 60 раз меньше чем в Америке). В США можно списать 50 % суммы дарений с налогов. А в РФ – до 25%

– В Великобритании госбюджет на культуру – 900 млн. фунтов, что составляет 0,4 % валового дохода. Это равняется 14 фунтам (20 долларов) на жителя. Меценатство составило 0,8% валового дохода, т.е. дважды больше государственного бюджета на культуру.

– В Европе, как правило, музеи финансируются примерно в такой пропорции: 1/3 государством/муниципалитетом, 1/3 меценатами и 1/3 с продажи билетов и коммерческой деятельности.

США

В США в этом контексте коммерческая деятельность культурных учреждений, таких как музеи, определяется в налоговом режиме как коммерческая деятельность «не для прибыли» (not for profit), а для поддержания бюджета неодоходного учреждения. То есть такой доход не облагается налогом. В США только два государственных музея:

Смитсоновский институт и Национальная галерея в Вашингтоне. Последняя первоначально принадлежала казначею Мелону, который в советские времена покупал у Эрмитажа живопись. Чтобы замять дело против него за злоупотребление госсредствами, он подарил стране основанный им музей, который впоследствии был переименован в «Национальную галерею». Соединенным Штатам 242 года. Но количество объектов мирового культурного достояния в Штатах превышает количество таковых в Англии, основанной 1100 лет тому назад (937 г.). Это обстоятельство объясняется двумя факторами: 1) в США никогда не было налога на ввоз/вывоз антиквариата и искусства; 2) американские олигархи, в отличие от российских, в начале XX века вкладывали свой капитал в индустриализацию страны и закупку антиквариата и искусства в широком масштабе в Европе, включая демонтаж замков во Франции и Италии и их перевозку и переустановку в штатах Нью-Йорк и Калифорния. Вышеуказанное наводит на мысль, что в будущем музеи и культурные мероприятия вне РФ будут финансироваться главным образом меценатами, а не государством.

Портрет Н.Д. Лобанова-Ростовского, кисти Георгия Шишкина

Российская Федерация

По стремлению бизнесменов к благотворительности Россия занимает 137 место из 145. Крупномасштабное меценатство в РФ директивно. Президент указывает госкомпанию или олигарху субсидировать тот или иной проект. Сами по себе олигархи не интересуются русской культурой, не будучи связаны с русским народом. Поэтому олигархи не особенно интересуются будущим России. Подтверждение этому – вывоз капитала из России ежегодно мощным потоком. Меценатство в РФ может реально осуществляться на основе малого и среднего бизнеса. Это они носители национальных интересов. А для этого нужно изменить законодательство о меценатстве. Сегодня физические лица могут уменьшить ежегодный доход, с которого берётся налог на суммы, перечисляемые на благотворительные цели, до 25% суммы общего дохода. Предприятия могут получить льготу со средств на благотворительность по ставке 20%. Было бы желательно увеличить размер дарений, списываемых с налогов, от 20-25 % до 50 % от дохода, например, увеличивая каждые 5 лет на 5 %, пока 50 % не будет достигнуто. Это предложение следует продвигать в Комитете по культуре при Думе РФ, а также разглашать в СМИ, в том числе этот вопрос будет обсуждаться и на Экономическом Форуме в Санкт-Петербурге в июне 2019 года.

Приглашаем к дискуссии

Валерий Скрипко

Скрипко Валерий Иванович – юрист по профессии. Окончил юридический факультет Иркутского госуниверситета. Работал редактором Братской студии телевидения, заместителем редактора городской газеты.

Печатал статьи в журналах: «Наш современник», «Москва», «Сибирь» «День и ночь», «Природа и человек. XXI век», в «Литературной газете», в газетах: «День литературы», «Российский писатель».

Лауреат международной премии «Русский позитив» Российского фонда мира и журнала «Москва» за статью о творчестве В. П. Астафьева, 2013

Мытарства матросов «корабля современности»

О статье Валентина Курбатова «Опять за старое. Опять по-новому» – «Берега» 1 (31)–2019

Живой классик критического жанра в русской литературе в своей статье грустно шутит над «откровениями» одного молодого блогера, который с упоением описывает нынешний умственный хаос и находит в нём множество достоинств, неведомых прошлым временам...

В статье Валентина Курбатова приведена цитата из рассуждений молодого человека, которая навеяла мне некий образ. Молодой блогер представился мне в виде отчаянного моряка с «корабля современности». Этот «корабль» российского общества, как и в начале двадцатого века, пускается в путь с новой командой творческих людей. Молодые, горячие матросы первым делом ищут, кого бы «сбросить с корабля», чтобы не мешал им двигаться... Правда, о том, куда держать курс – они ещё не знают, интуитивно его ищут, но помехой видят не собственные заблуждения, а прежние авторитеты..., которые мешают им смотреть вдаль...

Поскольку новый технологический уклад даёт новые информационные возможности, не виданные ранее увлечения и интересы, эти очередные «подарки» научно-технологического прогресса «молодые матросы» ошибочно принимают за новые смыслы, пути и жизненные цели, поэтому с «корабля современности» пытаются «сбросить» прежних духовных кумиров...убедительно доказывавших тщетность поисков счастья в материальном прогрессе, призывавших прежде всего «обустроить душу», очищая её для света Божьей благодати! Прежние кумиры и учителя предлагают опереться на вековой опыт, но это предполагает доверие к прошлому и смирение, что молодёжи совсем не свойственно. Властвовать над сознанием современников безраздельно должны, по их мнению, только участники команды «корабля современности».

Своими призывами «не заморачиваться» на внешней стороне любого прогресса, мудрые знатоки человеческих душ пробуют вразумить молодёжь. Но их мало кто слушает и ещё меньше тех, кто слышит.

Какая может быть философия и религия на этом празднике новых научных открытий, совершённых во имя роста благ и удобств? Как показывает опыт самых благополучных западных стран, уже прошедших эту стадию увлечения прогрессом, на выходе всех ждёт тоска унылых будней. В шестидесятые годы там *«вступило во взрослую жизнь первое поколение, выросшее в беспрецедентном достатке и благополучии».*

Участники этого нового мирового опыта ужаснулись: перед ними *«открылась онтологическая бездна¹, которую безуспешно пытался завалить товарами простодушный консьюмеризм^{2*}».*

¹ Онтология – учение о сущем; раздел философии, изучающий фундаментальные принципы бытия.

² Консьюмеризм – это организованное общественное движение, ставящее своей целью расширение и защиту прав потребителей.

Но российской молодёжи – всё ни по чём! В своих мегаполисах и островках благополучной жизни среди огромной, очень не обустроенной ещё России – представители нового поколения среднего класса столкнулись с теми же проблемами, но, похоже, ещё даже не задумывались, как их решать.

В начале двадцатого века у нас кого только не сбрасывали с символического корабля «современности». Кроме этих решительных мер, новые поколения применяли чуть более гуманный метод: пересадку с «корабля современности» – на «философский пароход», на котором отправили на Запад лучших русских философов.

Появились футуристы и имажинисты. Российское общество бурлило, смешивало стили жизни, языки и наречения разных социальных слоёв. Всё новое, необычное «пробовали на вкус» – отвергли или пускали в оборот!

Но через семьдесят лет оказалось, что без правильного духовного окормления «корабль современности» не может найти верного направления движения и всякий раз, как корабль «Титаник» на полном ходу, врежется в айсберг очередного духовного кризиса.

«Горячие матросы» осознают, что в очередной раз ошиблись и в отчаянии начинают искать тех мудрецов, которых они когда-то «сбросили за борт» своего корабля. Самих мудрецов уже нет, но из «воды» времени достают их книги, ищут на «дне» их научные труды.

С начала девяностых годов стали усиленно издавать И.А. Ильина. Оказались востребованными его «Основы религиозного опыта». Вдруг стали популярными труды историка пушкинских времён Н.И. Костомарова.

Молодёжь, сколько бы не бунтовала, а всё равно придёт пора ей «присмиреть». Об этом, с отеческой улыбкой напоминает Валентин Яковлевич Курбатов. Снова заглянем в цитату, которую приводит в своей статье наш великий критик. Новое поколение, как пишет молодой блогер, приходит в среду и обустроивает её под себя. С «чем» приходит? Что у поколения за душой?

Оно уже грозит государственным институтам? Чем грозит? Наверно, только разрозненной «толпой индивидуалистов», то есть людей, чья мысленная деятельность направлена внутрь себя, а не на поиски духовного единения с соотечественниками для создания крепкого общества.

Если уж и сможет что-нибудь «сломать» эта «толпа индивидуалистов», так это последние оставшиеся нам от социализма социальные привычки коллективизма и взаимопомощи. Чтобы создать новое, продуктивное – надо его хотя бы иметь в проекте. Созданный с помощью идеологической обработки «рыночных хозяев мира – «индивидуалист» мирового общества потребления, как у нас в стране, что за рубежом, в своей жизненной стратегии удивительно предсказуем, и однообразен! «Революционности» ему хватает только на то, чтобы внутри своей страны любыми способами избавиться от последних «навыков коллективизма», от каких –либо общих правил поведения. Избавиться, разгромить, уничтожить, а потом спрятаться под «крылышко к заокеанскому хозяину, печатающему доллары. Все тут идёт в дело: предательство родной истории, ломка родного языка, ирония над всем и вся».

Вся надежда на здоровую, мыслящую часть молодёжи, которым скучен весь этот примитив пост-модернизма под разными вывесками.

Когда самые многочисленные классы в России не могут договориться и живут сами по себе, грабя и насилая друг друга, на месте столкновения, как искры из преисподней появляются «бесы», обнаруженные Ф.М. Достоевским.

Помягче надо жить, поспокойней! Русская культура, люди – это наше богатство – его нельзя «разбазаривать». Это невыгодно никому, в конце концов!

Проза

Людмила Яцкевич

Яцкевич (Калачёва) Людмила Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Вологодского государственного университета, член Союза писателей России. Ею опубликованы научные работы по русской филологии и краеведению, в том числе исследования языка и поэтики Н.А. Клюева, В.И. Белова, современных вологодских писателей. Л.Г. Яцкевич – автор рассказов и воспоминаний о своей родной деревне Квасюнино Шекснинского района Вологодской области, а также небольшой повести «Поэт и блаженный». Публиковала статьи по литературоведению в журналах «Вологодский лад», «Берега», «Родная Кубань», а также на сайтах «Вологодский литератор», «Русская народная линия», «День литературы».

А я всё живу...

Повесть о жизни Григория Кононовича Лавреги, рассказанная им самим

Вся жизнь моя – это перебежки от одной линии огня к другой. А огонь каждый раз шквальный – на поражение. Выскочишь живой, отдышишься и, наконец, вздохнёшь полной грудью... А тут опять огонь! А я всё живу...

Сирота

Родился я в 1913 году в городке Корсунь-Шевченковский на Украине. Отец – Конон Родионович, был рабочим, из крестьян. Работал в нашем селе на сахарном заводе токарем-модельщиком. Мать моя, Ефросинья Яковлевна, в девичестве Пустильник, была благочестивая и трудолюбивая женщина. Нас, детей, в семье было трое: Анна – 1908 года рождения, Маша – 1911-го и я – 1913-го.

Когда мне исполнился один год, отца забрали на Германскую войну. Главным помощником у мамы осталась Анна. У нас поля были в трёх местах, так что маме доставалось. А шестилетней Ане и Маше, которой тогда было только три года, надо было накормить всю домашнюю живность. Правда, мама брала с собой в поле коня, корову и тёлку. Я, сам себе предоставленный, очень баловался: залезал во все шайки, в которых кормили свиней да поили корову с тёлкой. Мать вернётся с работы – поругает, а потом пошутит: «Ты, наверно, Гриша, моряком будешь – больно воду любишь». Вот так мы и росли.

В 1918 году семилетнюю Машеньку тиф задавил, а годом раньше, под Рождество Христово, мама получила «похоронку», вместе с которой прислали отцовские награды – два Георгиевских Креста. Все селяне, зная про отцовские награды, когда встречали мать, кланялись ей, а мужчины даже шапку снимали. Однажды, когда мы с ней шли по селу, я спросил её: «Мама, ты разве батюшка?» Я тогда так понимал, что шапки снимают только перед священником. Мама мне пыталась объяснить, что эти поклоны – дань уважения к отцовским наградам. Да разве я тогда понимал, что такое Георгиевские кресты! Я тогда очень завидовал детям, у которых отцы были живы. Особенно в праздники чувствовал своё сиротство. Дети на пруд бегут купаться, а мне мама говорит: «Нарви три ведра вишен, засыпь в сушню, и тогда отпущу». Помню такой случай. Мне тогда лет шесть было, а Ане – одиннадцать. Послала нас мама убирать чечевицу. Убирали мы её с утра до трёх часов дня. Только сложили всё в кучи – вдруг с запада поднялась столбом какая-то чёрная туча и двинулась прямо на нас. Мы

страшно испугались и спрятались в ближайшую канаву. Стало темно, я заплакал от страха. А сестра придавила меня к земле и закрыла собой. Вихрь вращающимся столбом прошумел по нашему полю, но мы чудом уцелели. Только всю нашу чечевицу унёс и много ещё чего натворил в нашем селе и округе. Мы пришли домой с плачем: «Мама, вихрь унёс нашу чечевицу!» А мама нам ответила: «Не надо плакать, Бог дал, Бог и взял! Слава Богу, что сами живы».

Весной 1922 года, когда мне исполнилось девять лет, мама мне сказала: «Ты, сынок, теперь у нас в семье мужчина. Поэтому с этого времени отдаю тебе на попечение нашего коня Гнедка. Береги его». Эти слова мамы возродили меня в каком-то новом мире, наполнили гордостью и ответственностью. Ведь я так любил Гнедка, и он отвечал мне тем же.

Прошёл год. Наша семья выбивалась из сил, чтобы сохранить хозяйство. Правда, помогали нам, как могли, два маминых брата, но и у них были семьи, и им было тяжело. И мама другого выхода не нашла как принять примака. Мой «новый отец» оказался с особым характером. К труду его не влекло, зато любил выпить в компании таких же, как он, гуляк.

Я тогда уже ходил в школу, и за конём приходилось присматривать отчиму. Почему-то он невзлюбил нашего Гнедка. Однажды он сильно избил его в конюшне. Иду я утром в школу, а меня догоняет наш конь, видно отвязался, и так жалобно заржал мне в ухо. Оглянулся я – а у него слезы текут из глаз. У меня от жалости к нему сердце заныло. Вернулся я с ним домой и сказал матери решительно: «За Гнедком я сам буду ухаживать. Ведь ты сказала мне, что он мой». Так и пошло дальше. Правда, мне было тяжело зимой. День короткий, придёшь из школы и в первую очередь заходишь к коню. Потом, когда поешь, мама просит смять ногами три свёртка конопля. Потом идёшь к своему школьному другу за книгами, чтобы делать уроки. Учебники выдавали в то время на троих учеников. Я брал книги у Коли Коваленко часов в 10 вечера, когда он уроки делает. А после меня ждал своей очереди Филька Гончаренко. Вот так и осваивали грамоту.

В 1927 я закончил в своём селе «четырёхлетку». Учитель сказал матери: «Григорий способный, дайте ему возможность дальше учиться». Я очень хотел учиться, но школа была в другом дальнем селе, поэтому нужно было снимать комнату на всё время учёбы. Отчим тогда заявил мне: «Я расписаться не умею, а хлеб кушаю не хуже грамотных. Ты закончил четыре класса, и хватит. Бери коня и иди в поле». Так закончилась моя учёба

Тогда я понял, что я одинок в мире, и у меня впервые появилось стремление самому распорядиться своей жизнью. Пошёл я на сахарный завод и упросил, чтобы меня взяли в подмастерья. В те времена ни газовой, ни электросварки не было. Всё было на заклёпках, а заклёпки грели на походном горне. И попробуй недогретую или перегретую заклёпку подать, так сам бригадир по шее даст. И никому не пожалуешься. А если будешь жаловаться, то выгонят.

Работал я на заводе восемь лет, пока в армию не взяли. Всему научился, стал в последнее время мастером-аппаратчиком сначала сахароварения второго, а затем и первого продукта. Всё хорошо на работе, только вот в жизни моей что-то идёт печаль за печалью.

Первая утрата

Не у всякого жена Марья – кому Бог даст.

Расскажу всё по порядку. Жили рядом с нами (наши огороды задами сходились) хорошие соседи – дед Дорош и бабка Одарка. У них своих детей не было, и дед Дорош привязался ко мне, когда я мальчиком был: то яблоком, то грушей угостит, то посадит к себе в повозку и везёт с собой в поле. В 1921 году, когда на всей Украине был страшный голод, ходило по сёлам много нищих, и просили кусок хлеба. И вот однажды пришла к соседям за подаванием одна такая нищая с двумя малыми детьми. Мальчику было лет семь, а девочке лет пять. Все измождённые, особенно мать. Баба Одарка говорит деду Дорошу: «Смотри, какая красивая девочка. Давай попросим у этой женщины – пусть её нам оставит». Дед и попросил. Женщина заплакала: «Спасите её душеньку! Я ведь всё равно скоро умру. На том свете с Господом буду вас вспоминать за ваше добро». На том и расстались.

Кому горе, а кому радость. Дед с бабой наглядеться не могут на свою Анку (так звали девочку). Удочерили и окрестили её. И стали мы с ней как брат и сестра. Взрослые нам и работу посильную

давали вместе: пасли овец, коров, а дед Дорош брал обоих с собой в поле, и мы там на пару гуляли.

Дружба наша продолжалась, и когда мы подросли. Летом 1931 года мне было 18 лет, а Анке – 15. На вид мы были совсем разные: она черноглазая, с пышными чёрными волосами, а я белокурый, с серыми глазами. Привязались мы друг к другу крепко. Встречались каждый день. Я был сам не свой, если хоть день её не вижу. Обычно иду я утром на работу и зайду к их дому, постучу в её окно тихонько. Она узнавала мой сигнал и выбегала мне навстречу. Дед Дорош и бабка Одарка наблюдали за нашей дружбой и радовались. Дружба эта была такой чистой и по-детски счастливой.

В тот июньский день что-то у меня тяжело на сердце было. Работаю на заводе, а со мной, сам не знаю, что творится. Как всегда закончил работу в пять часов и пошёл домой через огороды, чтобы с Анкой встретиться. Но её не увидел, хотя она меня обычно там ждала. Пошёл я домой грустный, захожу в хату и вижу: мама на машинке что-то белое шьет и плачет. Я подумал, что опять отчим её чем-то обидел, как это бывало частенько. Спрашиваю её: «Мама, опять он тебя обидел?» Мама поднялась, подошла ко мне, обняла и ещё пуще заплакала. Я уже со страхом говорю ей: «Что случилось?» А мать сквозь слёзы: «Грыццю, Грыццю, больше ты не увидишь своей Анки...» – и залилась слезами. Меня сразу как громом ошарашило, в глазах потемнело. Я не мог понять до конца смысла её слов.

Затем, как сквозь сон, я услышал рассказ матери. Дед Дорош возил со двора на своём поле навоз, а Анка пристала к нему: «Папа, дай я с тобой поеду на поле». Дед отвечает: «Доченька, на навозе ехать нехорошо». А она опять своё: «Я положу наверх мат и не запачкаюсь». Тут бабка Одарка её поддержала: «Пусть поедет с тобой, коли хочет». Дед и сдался. Посадил Анку наверх и дал вожжи в руки. Выехали они за село, стали спускаться с Никоновой горы, и у одной лошади при спуске порвался ошейник, повозку крутануло в сторону – Анка упала вниз головой и попала лошади под копыта. Так погибла моя Анка.

Всё село пришлось проводить в последний путь мою сестричку-подругу. Во время похорон я потерял сознание. Не помню, как я оказался дома. Опомился уже в кровати, рядом сидит врач Кривенко.

Проболел я две недели. Вышел потом снова на работу. А мне уже ничего не интересно. Жизни не рад был.

Так прошли незаметно три года. Осенью 1934 года заболела мама, сделали ей тяжёлую операцию. Родственники мне без конца долбят: «Женись. Через год уйдёшь в армию – мать больную одну оставишь. А женишься – невестка поухаживает за ней». А на ком мне жениться? Нет моей Анки – и жизни нет. Стали меня родственники сватать – то за одну девушку, то за другую. Но зачем мне те, к кому душа не лежит! Но и маму больную не могу одну бросить. Что было делать? И вот первого мая решили мы на работе с ребятами и девушками отметить праздник. Выпил я немного, но захмелел. И появилась у меня неожиданно горячая решимость – сегодня же сосватаю себе невесту! Вспомнил советы родственников – не гнаться за богатством, а выбрать девушку победнее, чтобы была верным другом в жизни. Вот, подумал, Тина – девка для меня подходящая. Отец у неё давно умер, у матери их четверо: старшая Харитина, затем Варя, Маша и четырехлетний пацан Андрейка. Осмелился я, подошёл к этой девушке и прямо сходу смело заявляю: «Тина, давай поженимся!» А она мне тоже сразу, даже не задумавшись, отвечает: «Давай!». Я опешил. И уже в смущенье тихо говорю: «Да я всерьёз ведь предлагаю». А она также решительно: «И я всерьёз!»

Мне бы не спешить, призадуматься, узнать, что за человек эта девушка. А я был в каком-то оцепенении все три года со дня гибели моей Анки. Да и не понимал тогда, что значит семья. Знал только одно – надо жениться, пока в армию не ушёл.

Взял я Тину под руку и повёл к своей маме. По дороге чувствую, что девушке неловко, – застенялась всё-таки. Пришли домой, и я сказал: «Мама, эта девушка будет моей женой. Прошу любить и жаловать». Мать обрадовалась, конечно. В тот же день вечером пошли мы с невестой к её матери в село Моринцы. Попутно напомним, что это село знаменитое: родина нашего украинского поэта Тараса Шевченко. Мать Тины нас благословила. Мы с ней перед иконой дали клятву беречь наше супружество до гроба. Венчания не было, так как церкви в наших местах все закрыли уже к тому времени. 15 мая 1935 года мы зарегистрировались и погуляли на свадьбе.

Предательство

*То не беда, коли на двор взошла,
а то беда, как со двора-то нейдет.*

Осенью того же года меня призвали в армию. Попал я в полковую школу в город Чугуев. 14 января получаю поздравительную телеграмму: жена родила мне сына, назвали Василием. Я так радовался, что об этом узнали все, даже начальник полковой школы капитан Трикоз. Я написал домой письмо, поздравил жену и поблагодарил за сына. Мне оставалось служить полтора года. Я стал с нетерпением ждать возвращения домой...

Прошло месяца три, и получаю я письмо от своего друга, Пустильника Степана Петровича, который работал секретарём сельского совета. В письме он сообщал, что жена моя занимается нехорошими делами, бросает сына на больную мать, а сама уходит к подруге, у которой тоже муж в армии. Там они устраивают балы да гулянки. Я, конечно, не поверил этому, хотя и огорчился страшно. Пишу сестре Анне, думаю, она-то не соврёт. Но я ошибся. Сестра, добрая женщина, очень переживала за меня и за ребёнка моего, поэтому не решилась написать правду. Думала, что всё утрясётся само собой. «Это неправда, – отвечает она на моё письмо, – твоя жена Тина с сыном ждут тебя».

Получив такой успокоительный ответ от родной сестры, я очень рассердился на друга и написал ему злое письмо, в котором выругал его за клевету. Но прошло ещё два месяца, и друг, не обидевшись на меня, снова мне сообщает, что дела мои плохи, жена встречается с каким-то типом.

Горько мне стало, тяжело на душе. Но собрался с духом и заставил себя написать жене строгое, но примирительное письмо. Письмо вышло сумбурное, но главный смысл его сводился к одному: «Возьми себя в руки. Если не жалеешь мою мать, то пожалей нашего сыночка».

Отправил письмо и в страшной тревоге жду вестей из дома, ещё на что-то надеюсь. Однако новости меня ошеломили и окончательно выбили из колеи. Пишет уже сестра, винится передо мной, что скрывала от меня правду и сообщает, что Тина забрала сына от моей мамы и, бросив ребёнка на попечение своей бедной матери, загуляла в открытую. Дома днями не появляется. А теперь она беременна.

Меня охватило отвращение. Но я, как человек упрямый и настёрный, всё привык доводить до конца. Пишу жене: «От кого ты ждёшь ребёнка?» Она мне отвечает какую-то чушь: мол, Гриша, я не виновата. Дескать, у нас на заводе работает экспедитор, и он под угрозой оружия заставляет меня любить его. Письмо меня возмутило. Враньё! ... Ну, а вдруг – правда?! Что же мне делать?

Каждый переживает оскорбление по-своему. Было бы разумно расстаться с Тиной. Разве это жена? Но я по молодости и горячности совершил безрассудный шаг, за который горько поплатился потом. Гордость моя страдала, унижение жгло день и ночь. Что я сделал в таком тяжёлом положении? А взял и написал письмо начальнику заводской охраны товарищу Белецкому, в котором спрашивал, кто обижает мою жену, кто этот вооружённый экспедитор? Товарищ Белецкий поступил с моим письмом как человек деловой, при исполнении служебных обязанностей. Мне он кратко сообщил, что такого вооружённого экспедитора на заводе вообще нет. А письмо моё он, человек сугубо бдительный, передал в районное отделение милиции. Шел 1937 год.

Допрос

Не бойся, не верь и не проси.

Вызвали Тину в районную милицию на допрос по поводу моего письма. Она с перепугу им сказала, что ничего не писала мужу о вооружённом экспедиторе. Составили протокол и велели подписаться под ним. Жена поставила подпись и таким образом опять меня предала. Глупая, она даже не понимала, что очередной бесчестный поступок подвёл её уже к самому краю пропасти.

Однажды прямо к нам на занятия в класс заходит посыльный и сообщает: «Красноармейца Лаврегу вызывают в НКВД». Я не чувствовал за собой никакой вины, но внутренне похолодел: «Ведь туда вызывают врагов народа!» В мёртвой тишине поднялся и последовал за посыльным.

В НКВД мне велели зайти в третий кабинет. За столом сидел здоровенный детина, на петлице две шпалы. Я представился: «Курсант Лаврега по вашему вызову явился». Следователь предложил сесть

напротив него, вытащил из кармана папиросы «Казбек» и вежливо предложил мне. Я отказываюсь: «По дороге к вам накурился». А он настойчиво снова предлагает. Я подумал: «Папиросы высшего сорта. А мы курим солдатскую махорку. Попробую, раз так настаивает». Я взял папиросину, а он уже зажигалку достаёт и даёт мне прикурить. Думаю про себя: «Как эти энкэвэдисты вежливо встречают свою жертву. Но зачем он меня вызывал? Что он от меня хочет?» А он вдруг также вежливо мне говорит: «Вот, за то время, пока выкуришь эту папироску, расскажи мне, с какой вооружённой бандой ты был связан?» Я засмеялся и отвечаю: «Это пуля номер один». Он как схватится за пистолет и закричит: «Я тебя в рог согну! Ты всё мне скажешь!» Я рассердился и говорю: «Товарищ начальник! Я не преступник. Я курсант Советской Армии. И если чесноку не ел, то вонять не будет». Он встал, вышел из-за стола, молча прошёлся по кабинету, о чём-то думая. А потом допрос начался по-новому:

– Женат?

– Да.

– Дети есть?

– Да, сынишкой жена порадовала.

– А сейчас какая у вас связь с женой?

Молчу в ответ. А в душе буря. Что делать? ...Наконец, решил, что в данной ситуации лучше говорить правду. Иначе запутают, и тогда гибель.

Рассказал о переписке с родственниками и женой. Следователь оживился:

– Так она, значит, тебе всё-таки писала о вооружённом экспедиторе? Чем докажешь?

– У меня её письмо сохранилось. Однако зачем вам вникать в наши семейные несчастья?!

– Иди в часть и быстро возвращайся ко мне с письмом!

Когда я вернулся с этим несчастным письмом, следователь сказал мне:

– Теперь ты свободен. А ведь жена тебя предала. Теперь все вопросы у нас к ней. Пусть в вашем районе с ней разбираются.

«Успокой», он меня отпустил. В сердце смешалось всё: и унижение, и радость, что избежал страшной беды, и страх уже не за себя, а за ту, которая ввергла меня в эту пропасть.

Финал этой глупой истории был трагичным. Её вызывали в органы, вели допрос по поводу её письма и ложных показаний, и, не найдя ничего, за что бы можно было зацепиться, со злобой избили её, так что беременная женщина скинула ребёнка.

Зачем я написал письмо товарищу Белецкому?! Зачем! ...

Этим же летом умерла моя мать, и я остался совершенно одиноким.

На Японской войне

После окончания срочной службы в 1937 году домой возвращаться было страшно, да никто меня там и не ждал теперь. Мне предложили остаться на сверхсрочную, и я с радостью согласился. Был я грамотный, в технике разбирался и роста был небольшого, поэтому отправили меня в танковые войска.

Сначала служил в танковом батальоне в Днепропетровске, был командиром танка Т-26. В феврале 1938 года наш батальон перебросили в Восточную Сибирь. В час ночи подняли по тревоге, и мы всю ночь грузились на поезд на станции Лоцманка. Под утро поезд отправился на восток.

Ехали 8 суток. Утром в сорокаградусный мороз мы прибыли в Иркутск. Ожидали конца изнурительного пути, а попали в сутолоку и хаос. Вокзал и привокзальная часть города были переполнены техникой и людьми. Холод, шум, гам, детки кричат. Ведь многие ехали с семьями. Как позже выяснилось, почти одновременно в Иркутск прибыли, кроме нас, ещё два батальона. Один – тоже с Украины, из Житомира, а другой – с Урала. Тогда пошёл слух, что нас разгрузили в этом городе или по ошибке, или по вредительскому умыслу.

Только к вечеру всех рассовали по квартирам. Нас, днепропетровских, поселили в старые заброшенные казармы, которые почему-то называли Екатерининскими. Отопления в них вообще не было. Так наш личный состав и дожил в этой неотопливаемой казарме до мая.

В мае наш батальон отправили на озеро Хасан. Так как дело шло уже к концу военных действий, мы мало принимали участия в них. В августе нас привезли под Читу, на станцию Песчанка. Там

дали для танков гаражи, а личный состав разместили в деревянных, но тёплых казармах, где мы и перезимовали. А в мае 1939 года нас направили в Монголию своим ходом, так как железной дороги в тех местах тогда не было.

В Монголии наш батальон объединили с двумя другими батальонами в одну бригаду, которой командовал комбриг Яковлев. Весь фронт возглавлял Георгий Константинович Жуков. Именно тогда он был награждён первой Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Японцы оказались очень способными вояками, бегали, как страусы, кричали всё свое «банзай», что значит, примерно, то же, что наше «ура». Наступали на нас нахально и навязчиво. Особенно запомнились ожесточённые бои 3 июля 1939 года за высоту Баин-Цаган. В тот жаркий день погиб – сгорел заживо вместе с танком – наш командир взвода лейтенант Стариков.

К концу лета японское «банзай» стало затихать, в августе самураи получили по шапке и поняли, что им пора уходить восвояси. Однако наш батальон стоял до октября около города Дархан, или, как его называли сами монголы, Мундурхан. Мы интересовались жизнью чужой страны и его народа. Поразило полное отсутствие санитарной культуры, но было приятно осознавать дружеское расположение монголов к нам, советским солдатам. Здоровались с нами так: «Цырик СССР, самбайто». Значило это: «Русский солдат, добрый день». Запомнилось гостеприимство монголов. Удивили нас также торговые обычаи. Если взял товар в руки, то уже положить его назад и не купить невозможно. Хромовые добротные сапоги стоили дешевле чайной ложки, так как металлического производства у них в помине не было. Население занималось в основном овцеводством.

В октябре наш батальон вернулся под Читу на станцию Песчанка, а в ноябре мне дали отпуск за два года службы. Я решил поехать домой на Украину.

На Финской войне

Судьба придёт – по рукам свяжет.

Ехал домой восемь суток. Стоял конец ноября 1939 года. Сестра Анна, с которой не виделся четыре года, очень обрадовалась мне. В тот же день пришло к нам много друзей односельчан, которые как-то моментально узнали о моём приезде. Каждый приглашал меня к себе в гости. Но я в первый вечер ни к кому не пошёл, так как очень устал в дороге. Кроме этого, я хотел сразу же приступить к главному делу, ради которого и вернулся на родину. Преодолевая себя и свои горькие чувства, пошёл в соседнее село, где жила у своей матери Тина с моим сыном. Надеюсь уговорить отдать сына мне. Сестра не советовала этого делать, так как знала, что Тина страшно боится встречи со мной и трёх-летнего сына Василия настроила против меня. Я стал пугалом для родного сына!

Так и вышло. Она спряталась от меня. Когда я зашёл в их хату, то застал только её мать, которая встретила меня неласково.

Вернулся к сестре, ещё более уставший и удручённый. Вдруг приходит посыльный из сельсовета и говорит: «Велели передать, что вам завтра к 10 часам утра надо прибыть в районный военкомат и встать на временный учёт. Сейчас военное время. Идёт финская кампания».

Встал я утром пораньше и отправился пешком в районный центр, который находился в семи километрах от нашего села. Военком встретил меня дружелюбно, расспросил о службе в Сибири и в Монголии. Уточнил: «Так вы командир танка Т-26?» Я ответил: «Да». Тогда он мне и говорит: «Понимаю, что вы приехали в отпуск, отдохнуть, погостить у родственников. Но отдыхать хорошо, когда страна вне опасности. Идёт война, и на финский фронт требуются танкисты. Завтра мы отправляем группу военных в Ленинград. Вы поедете с ними. Завтра в 10 быть здесь».

Вернулся в село. У хаты поджидают меня три друга. Каждый зовёт к себе, даже поспорили между собой. Я им сообщаю о своём завтрашнем отъезде и приглашаю в гости: «Идите, берите с собой своих подруг и приходите ко мне. Будете сразу и встречать меня, и провожать». Сестра заплакала. Я её успокаиваю: «Сестра, я военный человек. Никуда не денешься – родину защищать надо. Хорошо, что я хоть кому-то нужен!»

Итак, судьба забросила меня за Ленинград, на Карельский перешеек. Побывал в поселениях с такими финскими названиями, как Терийоки, Райвола, Перкярви, и наконец, Виипури. Теперь это соответственно русские населённые пункты: Зеленогорск, Рошино, Кирилловское и Выборг.

Дали мне танк с хорошими ребятами. Но как было идти в атаку, если толщина снега достигала полутора метров, а морозы стояли сорокаградусные, особенно в конце февраля и в начале марта. Я и десяти раз не сходил в атаку со своим танком. А на кого идти, если все враги сидят в бетонных блиндажах, стены и потолок в которых метровой толщины. У них целые дома были под землёй устроены. А мы дрожали от холода, нам негде было укрыться. Тогда, наверное, больше людей погибло от мороза, чем от пуль. Да и финские снайперы немало бойцов погубили. Но и финнам тоже досталось.

Наконец, 12 марта 1940 года ровно в 12 часов война закончилась. Наш батальон до мая квартировал под Выборгом, а затем нас перебросили опять в Сибирь, под Омск. Там я вспомнил о своём чемодане, оставленном перед отпуском в Чите у друзей, и решил, что заеду за ним, когда закончится срок моей сверхсрочной службы осенью 1941 года, и отправлюсь уже насовсем домой, в родное село. Ведь мне было уже 27 лет, а я ещё и жизни не видел.

Однако домой я вернулся только осенью 1945 года.

Северо-западный фронт

Счастливый к обеду, роковой – под обух.

В субботу 21 июня 1941 года договорились мы с друзьями, что завтра, в воскресенье, рано утром пойдём на весь день в берёзовую рощу, которая находилась в полутора километрах от нашей части. Приготовили всё необходимое, и утром в шесть часов (по московскому времени это было два часа) встали, отметились у дежурного, сообщили, куда идём, и отравились в путь. Нас было шестеро: два друга с жёнами и мы, два холостяка.

Утро было прекрасным, воздух в берёзовой роще удивительным! Нашли подходящее место на лужайке среди цветов, женщины расстелили скатерть, разложили еду, налили всем по стопке... Вдруг выбегает из-за кустов посыльный: «Товарищи! Срочно в часть. Тревога!»

Мы ещё выругались: «Нашли, когда тревогу устраивать! В выходной день!» Прибежали в часть. Весь личный состав уже был построен, а комиссар части, держа в руках за спиной фуражку, повесив голову, ходил перед строем взад и вперёд. И только мы встали в строй, вышел командир части и объявил: «Митинговать у нас нет времени. Сегодня в 4 часа 05 минут фашисты без объявления войны напали на нашу страну. Пока мы здесь стоим, там, на западных границах, гибнут наши братья, женщины, дети. Поэтому срочно всем привести в боевую готовность технику. Завтра начинаем погрузку на поезд».

Никто точно не знал, куда идёт наш поезд. Ехали только ночью, а днём стояли в тупиках. В Москву приехали через шесть суток. Всех повели в баню. Кому нужно было, выдали новое обмундирование, дали запас питания, и на третий день ночью мы выехали из Москвы. Куда едем – опять никто из нас не знал.

И вот на вторые сутки остановка в пути. Оказалось, что стоим на станции Бологое. Значит, везут к Ленинграду. Впереди на путях разбомблённый немцами эшелон, который шёл впереди нас. Срочно очищают пути, восстанавливают движение.

Привезли нас на полустанок Сясьстрой. Кругом бесконечная топь, необъятные болота. Тут не только танку – человеку трудно пройти. А наши знаменитые танки Т-26 практически годились только для парада. Да и броню легко прожигала немецкая термитка. К весне 1942 года от нашего батальона осталось совсем немного танковых экипажей. Всех оставшихся танкистов приписали к 146 отдельной курсантской стрелковой бригаде, которая прибыла на Северо-западный фронт из Омска и стояла в обороне в районе Сельца, Уползы и фанерного завода. Тогда только что поступили на вооружение в эту бригаду автоматы ППШ. С ними мы ходили ночью в разведку. Но немцев и близко не было. Они не дураки – лезть в эту трясику. Они спокойно заняли три деревни, окружили их минами и спокойно спали ночами.

Наши солдаты стали опухать от голода, развелись вши, помыться негде было. Кормить стали по третьей норме. Давали водки по сто граммов. Как выпьешь – зашумит в голове, кое-как уснёшь, и всё забудется на время.

Дождались весны 1942 года. Мы с другом Мишей пошли как-то в лес, нашли сухое место, сняли рубашки, повесили на кустах и давай по ним стрелять. На шум пришёл командир подразделения

Ветёлкин: «Зачем по рубашкам стреляете?» Мы отвечаем: «Фашистов расстреливаем!» А вши хуже фашистов нам досаждали тогда. Грызли, спасу никакого от них. А тут ещё голод. Стали выдавать в день по сухарику на брата. В мае вода, наконец, спала. Стали мы ползать по болоту, собирать подснежную клюкву.

Даже варили её на болотной воде без сахара.

Ближе к лету пришли радостные вести: появились новые мощные машины – танки Т-34. На Северо-западном фронте организовали школу БТКУКС, что значило – Бронетанковые курсы усовершенствования командного состава. Собрали всех, кто хоть немного понимал в танковом деле и уставах. Школа располагалась в Калининской области недалеко от станции Лыкошино, в лесу, в двух километрах от передовой. Сначала надо было построить землянки для занятий и сна, столовую, баню. И в это же самое время необходимо было учиться. Кормили нас опять по третьей норме, так как мы были всё-таки не на передовой. Еле ноги таскали, но надо было всё перетерпеть. Не мы одни мучились. Пособий для учёбы почти не было, кроме плакатов. Новые танки тоже пока не прибывали к нам. Вместо учёбы мы строили подсобные помещения, использовались на самых тяжёлых работах. Многие начали пухнуть с голода. Мы, наконец, потребовали: «Давайте оружие и посылайте на передовую. Если погибнем, то в бою, а не умрём позорной смертью в тылу от голода». Только тогда штабники зашевелились. Присвоили нам звание младших лейтенантов, вручили удостоверения и направили на передовую в 27 армию, куда должны были прибыть новые танки. Но и там пока их не было, и там нас сначала заставили рыть землянки для себя, но кормили уже по второй норме.

Расскажу один из многих эпизодов того времени. Вызывают меня часов в девять в штаб нашей армии на КП, вручают ценный пакет, дают броневик, двух автоматчиков для охраны и приказ – вручить пакет начальнику штаба фронта не позднее 12 часов. На пакете необходимо было расписаться в том, кто этот пакет принял и в какое время.

Ехать было недалеко, километров двадцать. Но кто видел осенью фронтовые дороги на северо-западе, тот поймёт, что нам пришлось испытать, пока мы добирались до места. В сплошной трясине мы с трудом двигались в нужном направлении. Бедные солдаты, сопровождающие меня, полностью выработались за дорогу. Грязные с ног до головы с хлюпающей жижей в сапогах, подошли мы к штабу без пяти минут 12. Я сразу кинулся в землянку, в которой, как мне сказали, находился полковник. Не тут-то было! Часовой винтовкой загородил дорогу: «Полковник обедает». Спросил, как найти его заместителя – капитана, и он мне указал на другую землянку. Но и там меня не пропустил часовой и направил к писарю, в третью землянку. Здесь также стоял часовой и не пускал. Тогда я вынужден был нахально оттолкнуть часового и вскочить внутрь. Это было довольно просторное помещение. У плитки стояла женщина и пекла блинчики, а младший лейтенант сидел рядом и ел их. Он закричал мне: «У нас обед!» Я ему в тон отвечаю: «А у нас обеда нет. Уже двадцать минут ищу, кому в штабе вручить срочный пакет. Вот распишитесь, что принял в 12.00».

Каюсь, стало противно, что этот лейтенант, сидя за столом, ест блинчики, соблюдает режим дня, и у него уже две медали. А у нас на передовой ни у кого ни одной награды.

Лейтенант молча взял пакет, расписался. Я взял документ и, выходя из землянки, не удержался и зло пошутил: «Две медали за блины, а третью получишь за принятый пакет. А нас блинами хорошо фрицы кормят!»

Вышел на улицу. Пасмурно, мой грязный броневик стоит под соснами. Вдруг подбегает к броневику какой-то лейтенант и заполошно кричит: «Чей броневик? Чей броневик?» Я подошёл и говорю: «Мой». А он как заорёт: «Воздух! Убери броневик в укрытие!» Я осмотрелся и прислушался. Где-то далеко и высоко за облаками действительно был еле слышен гул самолета. Я засмеялся и в ответ ему тоже кричу: «Паникёры, по щелям!»

Сели мы на свой броневик и опять поползли по грязи на передовую, в своё расположение...

Курская дуга

Бог видит, кто кого обидит.

Вспоминаю военные годы, фронт и всё рассказываю о каких-то незначительных эпизодах, ухожу от главного, о чём вспоминать тяжело нормальному человеку. И счастлив тот, кто этого не видел и

не испытал! Лучше бы на старости лет не уходить из жизни с этой страшной болью воспоминаний. А боль эта великая – о своей загубленной душе и о душах тех людей, врагов, кого приходилось убивать.

Ведь я же убийца! Сколько японцев, финнов и фашистов я убил на своём танке! Не сосчитать! А ведь они тоже люди были с человеческими душами и сердцами! А мы их давили гусеницами, как дрова. Ведь простой нормальный человек, попадая в такой переплёт на войне, становится не то что ненормальным, а просто сумасшедшим ...

Сердце стонет, а разум успокаивает: «Мы били тех, кто залез в наш дом, как разбойник, чтобы уничтожить нас. Мы защищались».

А сердце и душа опять в смятении: «Так правда на нашей стороне? И Бог нам простит? А простит ли? Наверное, этого никто, никогда и нигде не прощает! Но что невозможно человекам, то возможно Богу».

Всю войну со мной был во внутреннем кармане у самого сердца маленький образ Спасителя. С ним я и под бомбы и обстрелы попадал, и не один раз выскакивал из горящего танка, а в январе 1944 года в Винницкой области при двадцатипятиградусном морозе вместе с танком провалился под лёд.

Пословица говорит: «Кому суждено сгореть, тот не утонет». Но и горел я в танке не раз, да не сгорел. Помню, уже после Курской дуги, где всякое со мной было, в Богодухове под Харьковом в конце августа 1943 года чудом выскочил из горящего танка и спасся. Боезапас взорвался, когда я успел отбежать метров десять. Да и можно ли всё подобное перечислить, что было от начала до конца войны? Многое кажется настолько невероятным, что вспоминаешь и думаешь: «Как я мог уцелеть?»

* * *

Сам погибай, а друзей выручай.

Расскажу всё по порядку. Итак, первый год войны прошёл. Осенью 1942 года 397-ая стрелковая дивизия была направлена на Северо-западный фронт в район Старой Руссы. Немцы туда же направили свою 16-ю армию СС. Шли ожесточённые бои за Демяновский плацдарм. Если бы немцы его захватили, то им открылся бы прямой путь на Ленинград. Наше танковое подразделение бросили для поддержки 397-ой дивизии. Фашисты всеми силами пытались прорвать нашу оборону. Ходили даже в психические атаки. Шли пьяные, или как пьяные, прямо на танки! А мы шли на них и давили! Отвратительная, страшная картина! После такого боя трудно было себя заставить взглянуть на свой танк, гусеницы которого были все покрыты остатками человеческой плоти. Трудно было не сойти с ума после такого. И спасало только одно чувство – они пришли к нам убивать нас, мы защищаем Родину.

Помню, в конце февраля 1943 года начался сильный миномётный обстрел наших позиций. Когда я находился около своего танка, рядом разорвалась мина. Я опять уцелел, но осколком задело сзади с левой стороны голову. Я упал и на время потерял сознание. Пришёл в себя, когда ко мне подскочили две девушки-медички в полушубках, подняли меня и потащили куда-то в безопасное место. Страшно кружилась голова, но память сохранилась. Завели, наконец, меня в огромную палатку в лесу. Там, видимо, уже с вечера лежали без сознания трое солдатиков. И сразу одна из девушек сделала мне перевязку. Как потом выяснилось, это была капитан Мария Довбыш – командир медсанбата. Эту девушку я запомнил хорошо. Была она смелая, решительная, но очень добрая, как все белоруски. Думал ли я тогда, что мы с ней встретимся через 45 лет!? Но об этом в своё время я расскажу.

Я пролежал в этой палате 6 или 8 дней, а потом меня, как тяжело раненного, отправили в тыловой госпиталь в Калининскую область, около Осташкова. В конце апреля я вернулся в своё подразделение. К тому времени 397-ю стрелковую дивизию передислоцировали в неизвестном направлении, а наш танковый полк переформировали в 31-й танковый корпус и в конце апреля с Северо-западного фронта перебросили под Курск. Там наш корпус ввели в состав формирующейся 1-ой танковой армии, командующим которой был назначен генерал-лейтенант Катуков Михаил Ефимович, а замполитом Попель Николай Кириллович.

Вся 1-я армия готовилась к тяжёлым боям. Наш корпус стоял в лесу, неподалёку от деревни Бого-явленская Белица и в который раз тщательно перепроверял свою боевую готовность.

Наконец, в ночь с 4 на 5 июля наша армия вышла на исходную позицию во втором эшелоне около Прохоровки и села Зоринские Дворы. Сюда же подошла 5-я танковая армия генерала Рыбалко. Наша задача была – стоять насмерть, но не пропустить фашистов дальше.

На небольшом рубеже с обеих сторон сошлись тысячи танков, артиллерийских орудий, большие силы авиации. Наша разведка своевременно определила места наибольшего скопления вражеской техники, и нам удалось, опередив немцев на полчаса, ударить из тысяч огневых точек с земли и воздуха. Немцы ответили тем же.

Это был не бой, а настоящий ад, который для нас продолжался весь день 12 июля. Тысячи танков против тысяч танков, с воздуха самолёты сыпали бомбы днём и ночью. День с ночью смешались в вонючем дыму и гари. От взрывов бомб нас качало в танке, как на волнах. Выйти из танка было невозможно в таком аду. А в танке от раскалённой на солнце брони жарища, духота, вода кончилась, мучает страшная жажда. Когда с воем летит бомба, думаешь – это наша, то от ужаса всю внутренность выворачивает.

Время словно остановилось. Несколько дней никто из воюющих не мог пересилить другого. Правда, немцы потеснили наших около станции Ржава и вклинились в нашу оборону километров на 12, но потом попали к нам в мешок. Наконец, налёт вражеской авиации ослаб, так как им пришлось перебросить часть самолётов на южный фронт, на котором наши войска неожиданно пошли в наступление. Нам стало легче, и, собрав последние силы, мы погнали фашистов в направлении Белгорода, оставив под Прохоровкой гигантское страшное кладбище людей и металла. Как можно было уцелеть в этом аду!?

Бои под Белгородом

Но и дальше, под Белгородом, нам пришлось выдержать сильное сопротивление врага. Шли бои в районе сёл Томаровка, Кустовое, Стригуны. Силы у нас иссякли. Как потом мы узнали, Сталин дал совет командованию фронта окопаться под Белгородом, занять оборону и дать солдатам передышку. Однако Жуков и Василевский понимали, что у немцев силы велики, и, если мы окопаемся, то и немец окопается, займёт оборону. И тогда срывать его с места будет нелегко, будут новые большие потери у нас. Командование приняло решение продолжать наступление, подтянув резервы с тыла.

В ночь с 4 на 5 августа мы попали в засаду возле Томаровки. В бою фашисты сожгли 5 наших танков вместе с экипажем. Уцелевшие три танка – мой, Ачкасова и Коновалова – уничтожили засаду. Но дальше ночью двигаться было опасно. Мы замаскировались в подсолнухах и просидели там до утра. Утром вызывает нас комбат и даёт нам боевое задание – в ночь на 6 августа уничтожить скопление фашистских войск в роще, расположенной между селами Кустовое и Стригуны, и освободить путь на Борисовку. Обещает, что даст нам в подкрепление роту автоматчиков, а перед атакой по скоплению фашистов сыграет «катюша». Атаку начинать сразу после её залпа

Только стемнело, мы сняли маскировку с наших танков и вывели их на линию исходной атаки. Однако обещанной роты автоматчиков нет и нет. Идти без них ночью в атаку очень опасно. Такую атаку называют слепой и решаются на неё только в исключительных случаях. Простояли в ожидании до 12 ночи. Ни автоматчиков, ни залпа «катюши» нет! В половине первого вызывает нас капитан Петров и сообщает, что получен приказ выполнять задание. Что делать? Главное, надо действовать быстро. Утром немцы нас разобьют. Посоветовались и решили рассредоточить танки по широкому фронту на расстоянии друг от друга 200 метров. Идти на первой скорости, но газовать, чтобы немцы подумали: едет на них много танков, а не всего три. И стрелять, и стрелять из всех видов оружия.

По сигналу красных ракет мы ринулись вперёд, но с напряжением следили друг за другом, чтобы никому не вырваться вперёд. Одновременно мы сыпали пулями в направлении рощи, где якобы стояли немцы. Шли мы в таком порядке: я слева, по центру Ачкасов, справа Коновалов. Вдруг танк Коновалова вспыхнул. Уже светало, и мы увидели, что из танка выскочили двое. Неожиданно и танк Ачкасова качнулся и встал. Через люк выскочили двое и тоже скрылись...

Я остался один. В особых случаях командир танка сам должен принять решение в считанные секунды. Что делать?! С одной стороны, есть правило, что один танк, да ещё без сопровождения

пехоты, не идёт в бой – это верная гибель, так как из танка трудно оценить обстановку, экипажу за бронёй не видно. Значит, надо возвращаться обратно! С другой стороны, есть нравственный закон: хоть один в поле не воин, но сам погибай, а друзей выручай. И ещё есть закон войны: если ты вернулся, не выполнив задания, то ты трус. А это хуже смерти! Итак, решение только одно – вперёд в атаку!

Уже совсем рассвело. Слева из села Кустовое нас бьют противотанковыми. Водитель Михаил Проворов, уже не ожидая команды, направил танк на противотанковую батарею. Вдруг сильный удар в левый борт. Я дал команду: «В укрытие, за сарай!» Нужно было разобраться, откуда в нас лупят. И только Миша направил танк в сторону, как снова мы получили сильный удар в левый борт. Меня ударило чем-то тяжёлым по ногам, страшная боль, в танке всё заволочло дымом. Я кричу во всё горло, но не слышу своего голоса.

Когда дым рассеялся, я увидел невероятную картину: Миша Проворов сидит на своём месте, зажав руками рычаги, а головы у него нет! Наш «башенный» Ваня Шубин что-то кричит, а я его не слышу. И вообще ничего не слышу и не понимаю...

Вдруг кто-то схватил меня за воротник комбинезона и потащил вверх. Так Ваня спас меня. Идти я не мог, ноги не повиновались, поэтому он меня буквально волок. Оттащил от танка, положил в какой-то воронке и бросился снова к танку.

Таким же образом он спас и самого молодого бойца нашего экипажа – стрелка-радиста Толю Вавилова, который тоже оказался раненным: ниже колена перебило ногу. Ваня и в третий раз бросился к танку, видимо, решив вытащить тело своего друга Миши Проворова, но, к счастью, не успел добежать – в танк ударила третья болванка, попала в бак с горючим, и машина вспыхнула, как факел.

Да, Ваня родился в рубашке! Удивительная храбрость и удивительное спасение. Как он остался невредимым, даже не раненным под таким градом пуль?! К сожалению, после боя я больше не встретил его. Мы с Толей Вавиловым попали в госпиталь, а когда вернулись в свой 31-й корпус, то Вани уже там не было. На его след мне не удалось напасть ни во время войны, ни после. А с Толей Вавиловым мы и после войны поддерживали связь долгие годы.

В госпитале я пролежал недолго – неделю. Хотя последствия контузии меня ещё долго мучили, я снова участвовал в боях.

В Белгородской области под Борисовкой у немцев был СПАМ – сборный пункт аварийных машин. Там они решили сделать небольшую передышку в непрерывных боях. Однако наши танкисты нагрянули неожиданно в два часа ночи и захватили СПАМ. Там оказалось 10 «тигров». Наши экипажи, потерявшие свои танки в боях, взяли этих зверей в свои руки, заправили горючим, боеприпасами и, получив задание, погнали их своим ходом в направлении Харькова. Однако «тигры» оказались «зайцами», так как были не приспособлены к далёкому переходу. Часть из них погорела от самовоспламенения, а остальную часть тянули тягачами.

Бои за Украину

Кому суждено сгореть, тот не утонет.

Под Харьковом около Богодухова немцы встретили нас страшным огнём. Пустили в ход все виды вооружения, даже авиацию. Три раза Харьков переходил из рук в руки. Под конец боёв за Харьков немцы каким-то образом подбросили отравленный ром, и многие любители выпить от него погибли.

И всё же Харьков был освобождён в конце августа 1943 года, а 3 сентября почти без боя освободили и Сумы. Так как наш 31-ый танковый корпус потерял все машины, его вывели из боёв на формирование в посёлок Кияница, где мы остались ждать новые танки из Нижнего Тагила. И простояли мы там ни много, ни мало – до 2 января 1944 года. В этот день мы приняли прямо на платформах новые танки, привезённые с Урала. И на следующую ночь со станции Сумы двинулись в путь-дорожку поближе к фронту. Ехали с остановками. И вот рано утром 6 января, под Рождество, когда мы прибыли на станцию Казатин в Винницкой области, нас встретили фашистские бомбардировщики.

Но, поскольку мы уже были заранее предупреждены о скорой разгрузке и успели к ней подготовиться, то моментально остановились, разгрузились и бросились врассыпную. Так что враг нам не успел сделать никакого вреда. Фашисты сбросили свой смертоносный груз куда попало и улетели. А нас сходу бросили в бой – освобождать от засевших немцев ближние деревни. От Казатина мы прошли почти без боя через Сигнал, Соколец, Кордышевку, Николаевку, Осиповку. Первое сопротивление встретили у Збаража, но особенно сильным оно было у села Брицкое. Из него фашисты выгнали всех жителей, под домами выкопали блиндажи, установили в них противотанковые пушки и из этих укрытий лупили так, что спасу не было. Один наш танк загорелся, но экипаж спасся.

Когда было взято Брицкое, мы получили новый приказ – идти в Зозов. Немцам удалось взять нас в клещи и придавить к реке Соб. Пощипали нас они изрядно. За время оккупации они построили мощные противотанковые укрепления, и нам пришлось туго. Однако и эти бои миновали, и нам дают новую команду – срочно направляться в районный центр Липовец, где фашисты свирепствуют с народом. А в нашем батальоне осталось всего 8 танков. Тогда командир батальона майор Сорокин Иван Николаевич берёт три танка и едет по правому берегу реки Соб из Зозова в Липовец, который находился на левом берегу реки.

Стояла вторая половина января, морозы доходили до 25 градусов. Мы очень спешили, так как отступающие фашисты всё уничтожали на своём пути. Надо было спасти посёлок и оставшееся в нём население. Подъезжаем уже близко к Липовцу, хотели перебраться на левый берег. А мост взорван, и под ним кругом сломанный лёд. Если нам возвращаться назад 18 км к известной нам переправе, а потом по левому берегу снова идти 18 км к Липовцу, то за это время от него ничего уже не останется – фашисты его сожгут, и жители все погибнут. Что делать?!

Майор Сорокин решил форсировать реку танками. В этом месте река шириной не более 80 или 100 метров. Отъехали от взорванного моста на безопасное расстояние ниже по реке, нашли отлогий берег и решили здесь попробовать переправиться. Майор Сорокин знал меня ещё с Курской битвы, и поэтому обратился ко мне: «Лаврега, ты у нас парень хваткий. Давай рискнём?» Я ответил: «Как прикажете». Он мне: «В таких делах не приказывают. На такое дело идут добровольно». Разве мог я отказать своему любимому командиру, с которым вместе прошёл через столько жестоких боев?!

Танк Т-34 вместе со снаряжением и боевым комплектом весит более 30 тонн. Выдержит ли лёд? Однако говорят, риск – благородное дело. Я хотел сам сесть за рычаги, но механик-водитель Володя Анкудинов сказал: «Не подведу!» Отъехали метров 50 и на четвёртой скорости помчались вихрем по льду. Однако противоположный берег оказался выше льда, и Володя хотел поэтому сбавить скорость... Тут лёд не выдержал, задняя часть танка оказалась в воде по башню, а передняя задрала пушку вверх, как зенитка. Мы застряли, ни туда и ни сюда. Выбрались из танка. Постояли, порядились, что делать дальше. Но выход был только один: нужно было сцепить все шесть тросов, которые были у нас, и два танка, оставшиеся на правом берегу возьмут провалившийся танк на буксир. Для этого нужно было под ледяной водой зацепить трос за серьгу у танка.

Механик стоял молча, видимо, струсил, а размышлять некогда было. Я ухватил трос и прыгнул в воду. Вода оказалась по плечи. Пришлось трижды окунаться с головой, чтобы, наконец, ощупью под водой зацепить трос за серьгу. Фуфайка и ватные штаны на мне так намокли, что мне самому было уже не выбраться из воды.

Мои орлы вовремя вытащили меня из ледяной проруби – неожиданно налетели шесть «юнкеров». Два танка на правом берегу успели уехать, а мы, четыре человека, отбежали от реки в поле, где стояла скирда соломы, и спрятались под неё. «Юнкеры» сделали круг, зашли в пике над моим танком, сбросили две бомбы – и мой танк превратился в металлолом. Сидя в скирде в промокшей одежде, я сильно закоченел, и майор Сорокин дал мне свою фляжку со спиртом: «На, Григорий, глотни раза три».

Этим же вечером нам приказали идти к селу Очеретня. Так я и проходил, как чучело, в замёрзшей одежде три дня, пока она на мне не вымерзла досуха. Удивительно, но даже насморка не было.

Ночной бой

Был полковник, а стал покойник.

А дело было так. Фашисты наступали на нас «в лоб», отвлекали, а тем временем основные силы пошли в обход, чтобы окружить нас и уничтожить. Однако наша разведка донесла, что нас окружают. Дан был приказ прорвать кольцо в направлении селения Очеретня. Выскочить из окружения удалось не всем. В нашей 242-ой танковой бригаде осталось 11 танков. Наступила ночь. Фашисты решили не рисковать, и всё затихло.

Вечером наша разведка сообщила, что в четырёх километрах от нас на станцию Погребвище прибыл немецкий эшелон с танками. «Тигров» и «пантер» было единиц 30. Наше командование разработало смелый план нападения на эту станцию: ночью уничтожить или захватить боевую технику противника. Рассчитывали застать спящих фашистов врасплох.

Такую задачу поставили полковнику Верёвченко, прибывшему к нам на стажировку. Его назначили командовать 11-ю танковыми экипажами, только что вышедшими из боя. Полковник был необстрелянным новичком, только что закончил военную академию и приехал к нам, как на парад – во всём новеньком, сшитом с иголки: шинель стального цвета, перчаточки, даже генеральская папаха. И ему доверили одиннадцать танков, оставшихся в живых после жестокого боя!

Сначала всё шло хорошо. Полковник вывел колонну танков за село Очеретня, там он остановил танки, собрал всех членов экипажей и приказал дальше двигаться при полной маскировке в темноте, без единого огонька. Всю колонну разделил на две части. Три танка идут на разведку первыми, а остальные двигаются на некотором расстоянии сзади и ждут сигнала красной ракеты, после которого бросаются вперёд на выручку.

Полковник сел в машину младшего лейтенанта Шифрина Семёна Марковича, я ехал за ним, а за мной молодой танкист Андрей. Проехали примерно километр, и Сеня заметил впереди промелькнувшую искру огня. Решили, что это в немецких окопах часовой закурил. Сеня бросил «лимонку» и, видимо, попал в цель. После взрыва – тишина, которую мы долго прослушивали. Всё спокойно, и мы проехали ещё метров 500. Неожиданно заметили: что-то впереди чернеет. Подошли ближе и, хотя издали, но рассмотрели накрытые брезентом танки, а метрах в ста – здание, в котором, вероятно, спали немцы. Часовые задремали что ли? Нас подпустили так близко? Надо побыстрее их обезвредить, развернуть наши танки и направить огонь из шести пулемётов и трёх пушек по зданию. Такая мысль промелькнула, как молния, у всех нас. Но, как оказалось, у всех, кроме нашего командира – полковника Верёвченко.

На войне, как и в мирной жизни, побеждает тот, у кого выдержки больше. Наш молодой, необстрелянный командир растерялся и сделал то, чего никто не ожидал. Он неожиданно громко, во всё горло, закричал: «За мной, вперёд!» – хотя у него в руках были сигнальные флажки. Проснувшийся часовой пустил вверх красную ракету, предупреждая других часовых, стоявших у здания. Мгновенно выскочили и бросились к своим танкам немецкие танкисты.

Не разбирая дороги, наши танки, следом за первой машиной, где находился командир, помчались в темноту, подальше от опасности, так как принимать бой уже не имело смысла. В темноте заехали на железнодорожное полотно. Водитель Семёна на первом танке увидел впереди мостик и насыпь, повернул туда танк и юзом пошёл вниз по насыпи. Мой водитель пошёл по его следу, а за нами стал спускаться танк Андрея. Он с силой ударил мой танк по картеру заднего ведущего колеса и сорвал картер с болтов правой гусеницы. Сенин танк продолжал мчаться вглубь немецкого тыла, и вдруг впереди взрыв – танк наскочил на мину. Как оказалось потом, только гусеницу повредило. Полковник Верёвченко выскочил из машины и, ничего не сказав, бросился в сторону от танка и скрылся в неизвестном направлении. Больше мы его не видели.

Между тем, оставшиеся позади восемь танков смело шли нам на помощь. Наши посчитали, что это мы дали им сигнал красной ракетой. К тому времени, когда они подошли к немецкому расположению, мы, уже лишившись командира и двух танков, собрались у оставшегося танка за железнодорожной насыпью и были в полной растерянности. Немцы же, наоборот, за это время успели занять боевые позиции, развернули танки и, когда подошла наша танковая колонна, они в упор расстреляли её. Все экипажи погибли....

Мы слышали, как гибнут наши товарищи, но ничем не могли им помочь. Броню голыми руками не возьмёшь.

Пока шёл этот кратковременный страшный бой, мы вытащили затворы с пушек, спрятали под взорвавшийся танк Сени и бросили две гранаты Ф–1 в моторное отделение. Блок управления и по три гранаты взяли с собой и поспешили уходить, пока фрицы не разнюхали, где мы находимся.

Каюсь, горькие мысли одолевали нас: все решили, что полковник – враг народа, выполнял задание фашистов. Завёл 11 танков и 44 человека экипажей в тыл врага на гибель, а сам скрылся.

Тёмная ночь. Густая облачность. Куда нам идти? Где свои? Компаса у нас не было. Пойдём влево – налетают тучи трассирующих пуль, и мы падаем в снег. Пойдём вправо – загораются осветительные ракеты, а чьи наши или немецкие – не знаем! Опять в снег! Так мы проползали по снегу всю эту длинную, страшную ночь. Мокрым, уставшим, голодным, засыпающим на ходу, нам казалось, что за эту ночь мы весь земной шар обошли!

Когда мы полностью обессилели, и нам уже было всё равно куда попасть, неожиданно перед нами оказалась какая-то насыпь. Это была заброшенная железная дорога, вся засыпанная снегом. Вдруг далеко, за дорогой, послышались человеческие голоса. Кто это? Свои или враги? Присели за насыпью и стали прислушиваться. И вдруг слышим русский мат.

После того, что мы перенесли за эту ночь, эти отвратительные ругательные слова, которых я не переносил, сейчас показались родными. Когда голоса приблизились к нам, мы окликнули идущих. Попросили подойти к нам. Подошёл лейтенант с двумя солдатами. Все держали оружие наизготовку – ведь мы подошли со стороны противника. К этому времени уже рассвело, и на душе стало как-то лучше. Ведь мы теперь у своих. Тем не менее, нам дали команду выходить по одному из-за насыпи и сдавать оружие. Мы сдали два автомата, личные пистолеты ТТ и гранаты Ф–1. Повели нас, как арестантов, через всю деревню Чапаевка в землянку к подполковнику. Когда тот услышал, что мы из 31 танкового корпуса, то сразу же дружелюбно сказал: «Так это же наши соседи, они всё время нас выручают». Мы кратко рассказали о всех наших злоключениях и потерях в прошедшую ночь. Он посочувствовал нам и сразу же посоветовал побыстрее уходить из Чапаевки, так как сейчас начнётся сильный обстрел. Накормить нас он не смог, так как полевая кухня ещё не подошла. Все жители деревни были уже эвакуированы. Мы, не отдохнув, направились в указанном нам направлении на село Спиченцы, где и встретили наши тылы.

О судьбе нашего полковника Верёвченко мы узнали через несколько дней. После двухдневного боя наша смелая разведчица Евгения Данилюк ездила по передовой на трофейном мотоцикле и в бывшем немецком окопе увидела его труп. И вот мы снова встретились со своим командиром: на лбу вырезана пятиконечная звезда, на спине содрана полосами кожа, челюсть сбита влево. Видимо, его допрашивали с пытками, а потом казнили.

Похоронили полковника Верёвченко как героя в деревне Павловка на общем кладбище.

Победа

Нам, танкистам, потерявшим в боях танки, пришлось остаться в Винницкой области в ожидании пополнения новой техникой. В начале марта 1944 года наша продовольственная машина поехала за продуктами в село Погребище. Теперь там были наши тылы. Вся дорога была сплошное месиво, и машина застряла у самой станции. Майор Сорокин отправил меня с моим экипажем на помощь. И когда наш танк тащил на буксире эту машину, налетели на нас два «мессера», обстреляли и сбросили две бомбы. Я сидел на вершине танка, но уцелел, хотя и был ранен – осколок чиркнул по пальцам правой руки. Отбило двум пальцам концы, а третий перебило. Я посчитал, что это небольшое ранение и в госпиталь не пошёл. Однако началось опасное загноение, меня отправили в госпиталь, где сделали операцию.

Через два месяца лечения я догнал свою часть уже в Западной Украине, в Ивано-Франковске. После лечения меня не стали сразу направлять на фронт, а отправили в тыл на СПАМ ремонтировать танки. Я сопротивлялся этому, возражал: «Я не хозяйственник, а строевой командир танка!» Но мне полковник Макаров из 242 танковой бригады ответил, что на войне не избирают профессии. Нужно выполнять приказ. Во время войны не ты сам себе хозяин, а старший по званию. Уговаривал и по-

хорошему: «Ведь ты воюешь с первых дней войны! Где только не побывал в боях. Трижды ранен, хватит. Иди в тыл и руководи ремонтом танков».

Вечером приехали мы с Макаровым в его бригаду. Собрал он всех хозяйственных шоферов и при мне им говорит: «Это ваш новый командир взвода. Прошу любить и жаловать!» Меня он предупредил: «Будет малейшее недоразумение или недопонимание в чём-либо – беги ко мне. Решим вместе любой вопрос».

Однако повоевать мне ещё пришлось. Вместе со своим 31-ым танковым корпусом я дошёл до Вислы, а затем до Одера. От Одера повернули на Бреслау. Весной 1945 года в немецком городе Гинденбурге мы получили особое задание – гнать фашистов, не давая им укрепиться в Татрах, и через перевал выйти к чешскому городку на Эльбе, название которого я забыл.

Путь был далёкий, тяжкий и опасный. Бойцам почти не приходилось отдыхать. Шли измученные, усталые, иногда даже на ходу засыпали. Немало погибло наших шофёров, которые от усталости уснули за рулём и упали вместе с машинами в пропасть. И это в самые последние дни войны!

Наконец, утром 8 мая мы вышли к этому городку, и нам разрешили остановиться и отдохнуть. Чехи нас приветствовали. Везде слышалось: «Наздар! Наздар!» Солдат приглашали в дома на отдых, дарили подарки.

Наш танковый батальон, насчитывающий к тому времени всего 45 человек и 6 танков, привели на отдых ко двору одного чеха. Майор Панков построил личный состав и стал нам говорить: «У пана чеха во дворе большой навес, под которым лежит прошлогоднее сено, попросим, чтобы он разрешил нам на нём отдохнуть». Пан стоял в стороне и с опаской наблюдал за нашим разговором. Видимо, он кое-что понимал по-русски. Он подошёл к майору и, путая чешские слова с русскими, стал объяснять что-то. Главной его мыслью было то, что нельзя спать в сене русскому солдату, завоевавшему весь мир. Он берётся всё устроить хорошо. Затем он быстро убежал и вернулся минут через 15, приведя с собой человек 10 соседей. наших солдат разобрали по домам по два-три человека, накормили и уложили отдыхать. И мы уснули блаженным сном, даже не подозревая, что в это самое время в Берлине Георгий Константинович Жуков подписывает Акт о безоговорочной капитуляции фашисткой Германии.

В 9 часов вечера всё небо чешского городка осветилось радостным салютом – тысячами трассирующих пуль, снарядов, ракет. Мы не спали всю ночь – все ликовали. Наш пан чех отдал нам для праздника свой сад, куда к нам приходило множество местных жителей. Все приветствовали нас: «Наздар!» Многие приносили нам разные подарки – угощение.

На следующий день, 9 мая, всем огласили великую победу. Это был конец тяжелейшей войны.

Бесчестье

Счастлив бывал, да бесчестье в руки поймал.

Итак, вся моя молодость прошла в войнах. Вернулся я осенью 1945 года в родное село инвалидом второй группы. Что могло остаться от села после того, как через него пролегла несколько раз передовая линия наших фронтов! Там камня на камне не осталось! За что зацепиться моими покалеченными руками?

Уцелевшие односельчане летом приготовили землянки и собирались в них зимовать. А у меня даже этого не было.

Правда, единственная радость, что жива сестра Анна. Она меня и утешила немного. Особенно я воспрянул духом, когда она достала и отдала мне Библию – довоенный подарок мне от деда Якова Трофимовича. Когда я ушёл в армию, то передал её на сохранение матери, а она передала её перед смертью Анне. Перед приходом фашистов сестра завернула Библию в хорошую одежду, положила в крепкий мешок и закопала глубоко в землю, а место заметила. И вот чудо! Библия сохранилась, как новая.

Да, в ту страшную войну фашисты не смогли порушить святыни нашего сердца! Сколько горя они оставили после своего нашествия на нашу страну! Сколько убитых молодых жизней, детей, женщин, стариков... Сколько раненных! А сколько покалеченных душ и сломленных судеб!

Война закончилась, но её ядовитые стрелы продолжали достигать меня и разить в самое сердце ещё многие годы.

Сразу после войны не однажды пытался я встретиться со своим сыном Василием, ездил к нему раза три. Но подросток был настроен против меня своей матерью и не захотел считать меня своим отцом. Вырос он, как трава в поле. Когда в хрущёвские времена снова начали рушить церкви, он, будучи комсомольцем, принял в этом участие: валил кресты, срывал колокола. Когда женился, жена родила ему трёх мёртвых детей. Он, конечно, очень переживал. И вот, как потом рассказала мне в письме моя сестра Анна, с которой он всё-таки поддерживал отношения, приснился ему однажды дед в белой одежде и сказал ему: «Сынок, пойди в церковь и жди, когда запоют: «Иже херувимы, тайно образующе...» В этот момент встань перед алтарём на колени, ударь три поклона и скажи: «Прости меня, Господи, за моё злодеяние!» Но он этого не сделал.

Получив письмо от сестры (а я тогда жил под Ленинградом), я тут же написал сыну, надеясь, что он поймёт меня: «Когда ты, сынок, родился, бабушка настояла, и тебя крестили, хоть и было это в 1936 году. Почему же ты сейчас отворачиваешься от креста? Ведь Бог милостив».

Однако ответа на это письмо я не получил. Так навсегда разошлись наши дороги. По-видимому, Господь меня наказал за горькую судьбу сына. Расскажу всё по порядку.

Как я уже говорил, вернулся я в своё родное село осенью 1945 года. От села ничего не осталось. А те, кто всё-таки остался в живых, накопили землянок и там спасались от холода. Что мне одному делать здесь? И вот узнал я, что в Сумской области в посёлке Кияница начинается восстановление сахарного завода, требуются рабочие, одиноким дают общежитие. Поехал туда, и приняли меня на работу каменщиком 3-го разряда, хотя я в этом деле ничего не смыслил сначала.

Был я одиноким и бесприютным, а так хотелось после тяжёлых годов войны простого семейного очага. И вот познакомился я с молодой женщиной, заведовавшей почтой. Очень скоро мы поженились с Галиной, в конце 1946 года у нас родилась дочурка, а в 1948 – сын. За мою хорошую работу выделили мне двухкомнатную квартиру. Одной семьёй с нами стали жить тёща и младшая сестра жены, мы их выписали к себе с их родных мест. К 1952 году завод уже пустили в ход, я к тому времени работал диспетчером при автоколонне и получал хорошую зарплату. Всё шло хорошо.

И вот неожиданный звонок из военкомата. Звонил майор Кутайцев: «Лаврега, завтра утром явиться в райвоенкомат со всеми документами». Этого майора я хорошо знал, поэтому удивился его официальному тону.

На следующее утро я отправился в наш районный центр Хотень. Майор встретил меня, как всегда дружелюбно, пожал мне руку, спросил, как мои семейные дела. Я ответил: «Да, слава Богу, хорошо. Детишки растут. Дочурке 6 лет, собирается на следующий год в школу, а сыну – 4 годика». И вдруг Кутайцев задаёт мне вопрос: «А ты за своей женой ничего не замечаешь?» Я обмер: ещё не утихла боль от моей первой женитьбы, а тут опять что-то произошло! Отвечаю майору: «Нет, у нас всё хорошо». Тогда майор говорит мне: «Иди к начальнику МВД товарищу Овчарову. Он тебе всё расскажет».

Идти было недалеко, но по дороге стало страшно, как под миномётным огнём в танке. Майор Овчаров встретил меня спокойно. Спросил: «Чем интересуешься? Её прошлым?» Я не знал, что говорить и молчал в смятении. Тогда он велел своему помощнику капитану принести папку за 1943 год. Тот принёс, майор достал из неё одну фотографию и протянул мне со словами: «Кого ты здесь узнаёшь?» Я впился глазами в снимок. Сначала бросились в глаза три девушки, запряжённые, как лошади, и тянущие плуг. За плугом стоит мужик, как мне потом пояснили, староста Подлужный. Всё остальное, что я увидел на этой фотографии, повергло меня в ужас и стыд: перед девушками стоит фашист, в чём мама на свет родила, и манит девушек конфеткой, а немного в стороне стоит какая-то голая женщина – на голове шляпа, на руках длинные перчатки, а на ногах туфли. Я взгляделся в женщину, и в глазах у меня потемнело... Это была моя жена Галина...

Не дав мне опомниться, Овчаров протягивает мне вторую фотографию, на которой я опять взглядел свою улыбающуюся жену в обществе голых фашистов. У меня от этой бесстыжей картинки в глазах помутилось. А майор мне поясняет: «Нашли всё это при обыске старосты Подлужного, который не успел скрыться. Вот и Галину нашли».

Затем, не особенно обращая внимания на моё состояние – а я еле стоял на ногах и поэтому сел на стул – майор сообщил, что жену арестуют для следствия по делу Подлужного. Меня, как ни в чём не виновного, они не будут привлекать, но я им мешаю в этом деле. Овчаренко мне приказал: «Иди сейчас домой и не рассказывай, где был и что видел. Скажи, что уезжаешь в командировку, собери чемодан, простись с детьми и приходи в военкомат. Там тебе дадут направление на работу под Ленинград. О детях мы позаботимся. Устроишься – возьмёшь их к себе».

Я вышел от них совсем одуревшим. В сознании не укладывалось то, что я узнал. Да и как я брошу самое дорогое – детей? И как пережить позор жены, с которой я прожил вместе восемь лет?

Дома Галины не было. Спросил о ней у тётчи, но она необычно зло ответила: «А чёрт вас знает, где вы ходите!» Я понял, что она ужасно расстроена и уже что-то знает. Не дождавшись жены, я собрал чемодан, со слезами попрощался с детьми и ушёл в военкомат. Там выписали направление на строительство под Ленинград, и в тот же вечер я уехал.

А жене кто-то сообщил о предстоящем аресте, и она скрылась. Некоторые уже думали, что она покончила с собой. Однако через два года, опять же при тяжёлых для меня обстоятельствах, я узнал, что она жива. Но об этом я расскажу в своё время.

Дружеский союз

Знать по судьбе нашей бороной проехали.

И вот я в Зеленогорске, который был до 1940 года финским городком-курортом Терийокки. Для восстановления жизни в Ленинградской области после военной разрухи требовалось очень много строителей. Людей присылали, вроде меня, или они сами ехали сюда со всех концов Советского Союза. С жильём было плохо. Спали в уцелевших финских домиках вповалку, кто где мог пристроиться. А летом обычно спали прямо на стройке под лесами. Зарплату сначала давали маленькую – 30 рублей. Отошлешь детям, которые жили у тётчи, 20 рублей, а себе – 10. Хватало этих денег только на перловую сечку: наваришь вечером на ужин каши в кастрюльке без хлеба и какого-либо жира и поужинаешь, да ещё оставишь на завтрак и на обед на следующий день. Вот так и жил, вернее, существовал. А если норму не выполнишь – из бригады попросят уйти.

Прошло два года. Шёл 1954 год. Много в стране стало меняться после смерти Сталина. И вдруг меня вызывают в прокуратуру на допрос. Разговаривал со мной прокурор Завьялов, который оказался хорошим человеком и постарался разобраться в запутанном деле, которое ему досталось. Он сразу же спросил меня, посылаю ли я детям деньги. Я ответил: «Сам не ем, а им отправляю пособие». Тогда он мне говорит: «Сколько же у тебя детей?» Говорю: «Двое: дочурка 1946 года рождения и сын 1948». А Завьялов меня ошарашил: «Ошибаешься! У тебя теперь трое детей. Пришла повестка на взыскание алиментов из Крыма. Тебе полагается завтра в 10 часов быть в суде Советского района в Крыму». Это было в апреле 1954 года. Какой ребёнок?! Я два года не видел жены и знать не хотел, где она находится! И как я за ночь доберусь из Зеленогорска до Крыма?!

Завьялов, как опытный и бывалый человек, сразу дал мне совет: «Отправляй «молнию» с просьбой отложить дело до выяснения обстоятельств». На второй день он сам отпечатал на машинке текст делового письма, в котором удостоверял районный суд, что я безвыездно проживал два года в Зеленогорске, жена ко мне не приезжала, поэтому я не являюсь отцом ребёнка. Через некоторое время Завьялов получил ответ из Крыма и вызвал меня снова, чтобы сообщить новости. Суд прекратил дело в виду ложных показаний моей бывшей жены и предлагал начать встречный иск за клевету. Одновременно сообщалось, что Галина уже находится под арестом за хищение государственного имущества.

Как развивались дальше события, мне написали мои друзья из Кияницы. Надо сказать, что после бегства Галины и моего вынужденного отъезда в Зеленогорск, моих детей вместе с бабушкой переселили из квартиры, которую я получил в своё время, в комнату в общежитии. Конечно, детям жилось несладко без родителей. И вот когда Галине угрожала тюрьма до пяти лет, она вызвала свою мать и детей в Крым. Суд пожалел троих детей и вместо тюремного заключения выслал её из Крыма в 24 часа. Все они вернулись домой. А за её поведение во время войны она так и не получила ника-

кого наказания, поскольку её прямой причастности к преступлениям фашистов и полицаев не было доказано. Да и времена изменились.

Так время шло вперёд, а эхо войны преследовало меня по пятам, не давая сердцу утешения. Однако в 1955 году это утешение я, наконец, обрёл. Нашел себе много пострадавшую, как и я, женщину. Татьяна Ивановна была душа-человек. Обоим нам было сорок два года, оба прошли через тяжёлые семейные испытания, не говоря о войне, которая всем без исключения принесла одни беды. В прошлом у Татьяны Ивановны было двое детей – сын и дочь, а муж – пьяница и разбойник. Удивительно, детей звали как и моих: сына – Славик, а дочку – Тамара. Только у меня сын был младше дочери, а у неё наоборот. Жили они тогда в Ярославской области в городе Угличе. Муж после войны уехал работать шофёром в автоколонне. Деньги ей не присылал, и она растила детей одна, испытывая большие материальные трудности. Правда, помогали ей два её брата – Николай и Иван, которые работали на Волге грузчиками – носили по трапу мешки на пароходы, и её брали с собой, так как она никакой работы не боялась.

И вот когда уже дети подросли, Славiku было 17 лет, а Тамаре 15, случилась с ними беда. Шли как-то брат с сестрой домой, и заметил Славик в кустах четырёх школьников, которые между собой о чём-то спорили, а один держал в руках непонятный предмет. Славик подошёл к ним поближе и вдруг понял, что это за предмет. Это была граната. Он закричал детям с испугом: «Бросьте гранату! Да подальше от себя!» Видимо, чека в гранате была выдернута. Раздался взрыв. На глазах Тамары все четверо школьников были убиты, а Славика тяжело ранило. Вскоре он скончался в больнице, а сестра от потрясения заболела менингитом и тоже умерла...

Муж Татьяны Ивановны даже на похороны детей не приехал. Вскоре она уехала насовсем из Углича, подальше от места страшных событий, от одиночества, от безысходности... Устроилась она на лесоразработки в Рошино под Ленинградом. Там мы с ней и встретились. Уставшие от голодного существования, мы, четверо мужиков, решили подработать в выходные дни: подрядились строить барак-общежитие для лесоразработчиков. Из их числа нам дали подсобниц. Мне досталась Татьяна.

В первую полочку нам, как вольнонаёмным строителям, заплатили хорошо, а женщин-подсобниц обидели: ничего не заплатили, сказав, что они и так уже получают зарплату в этой организации. Я был старшим в нашей бригаде, поэтому пошёл и настоял, чтобы и женщинам заплатили положенное за работу в выходные дни, иначе мы бросаем работу. На другой же день этот горе-начальник выдал женщинам деньги, а через день его уволили за обман рабочих.

Как-то раз приезжает на мотоцикле из Ленинграда Татьянин муж и требует денег. Кто-то из знакомых ему сообщил, что его жена работает по выходным и «хорошо зарабатывает». Вёл он себя очень нагло, и ребята наши, родом вологодские, «дали ему денег». Больше он не появлялся.

Татьяна запала мне в сердце своей беззащитностью и горькой судьбой. Мне её было до слёз жалко, я её стал воспринимать как своего, родного человека. Рассказал о своей судьбе и предложил жить вместе. Она сначала колебалась. Я попросил у своего начальника дать комнату в семейном общежитии, и она решилась перейти ко мне.

Жили мы с Татьяной душа в душу. Добрая была женщина. Сама стала просить забрать моих детей к нам. А жилось им там несладко, и у меня душа о них болела. Приезжал за ними в Кияницу, но мать и бабушка мне их не отдавали, однако сын Славик, закончивший первый класс, ко мне сразу привязался и вскоре с попутчицей, которая направлялась в Ленинград из тех мест, приехал к нам в Зеленогорск. Татьяна с сыном так подружилась, как другая мать не смогла бы дружить со своим родным ребёнком. Она была верной любящей женой и матерью. Жизнь наша вошла в спокойное русло.

В 1961 году нам дали квартиру. Славик вырос и ушёл служить в армию. Перед демобилизацией он написал: «Папа, я решил остаться в армии на сверхсрочную. Буду жить в Барановичах». Я был рад, что сын пошёл по моим стопам и стал военным человеком, как я в молодости.

Всё было бы хорошо, но жена начала болеть. Врачи определили, что у неё цирроз печени. Сказывалось тяжёлое прошлое. Последние два года она почти не вставала с постели, и я, за ней ухаживая, насмотрелся на её страдания и сам настрадался. Татьяна умерла 6 января под Рождество.

Семейное счастье

Наше счастье – дождь да ненастье.

В 1973 году мне исполнилось 60 лет, и снова был я одинок душой и бесприютен. Славик к тому времени женился, у него была своя семья, двое детей. Виделись редко. Сын пишет: «Папа, твои годы идут к старости. Одному тебе будет плохо. Найди себе старушку». Добрые соседи тоже мне такой совет давали и пытались найти подходящую партию.

И вот судьба свела меня с Екатериной Фёдоровной. Это был не человек, а ангел. Она тоже была моей ровесницей, и тоже к тому времени прожила нелёгкую жизнь. Отец её был дьяконом, и в двадцатые годы их семью репрессировали – выгнали с малыми детьми из собственного дома. Родители были людьми мужественными и трудолюбивыми. Объединились они ещё с двумя такими же бесприютными семьями и в пустынном месте, подальше от людей, выстроили дома и стали жить потихоньку. Там они и работали, там и молились. Удалось им с собой взять несколько икон и церковных книг. Был с ними и довольно большой портрет отца Иоанна Кронштадтского, которого родители Екатерины очень почитали, хотя он тогда ещё не был канонизирован.

Екатерина Фёдоровна с детства впитала православную веру и очень любила церковное пение. Долгие годы пела в церковном хоре. Однако семейная жизнь сложилась у неё неудачно. Вышла замуж за моряка, который после войны спился и умер. Остался сын, унаследовавший отцовскую страсть к спиртному. Жил он в Ленинграде, а Екатерина Фёдоровна жила одинокой пенсионеркой в Зеленогорске в Парковом переулке.

Меня с ней познакомила наша соседка Римма Сергеевна – человек решительный и деятельный. Однажды летом она пришла ко мне и говорит: «Гриша, одевайся понаряднее, поведу тебя сватать к одной доброй женщине. Я её хорошо знаю и о тебе уже всё рассказала». Я немного поупрямился, но покорился её нажиму, хотя мне и не по себе стало. Пришли к Екатерине Фёдоровне, втроём побеседовали, вместе поужинали. И так на душе хорошо и спокойно стало, что в этот же вечер решил, что это моя судьба. Екатерина Фёдоровна тоже прониклась ко мне доверием и обратилась ко мне с просьбой. На следующий день ей нужно было поехать в Ленинград, а её собаку; сторожившую дом, некому было покормить. Я, конечно, согласился. Она предупредила: «Мухтар очень злой, чужих не любит. Будьте с ним осторожны. Пойдёмте, я покажу, где лучше подойти и поставить ему еду. А через калитку к нему подходить нельзя – тяпнет». Мы вышли во двор, и я, будучи в хорошем настроении, подошёл к калитке и протянул через щель руку, чтобы погладить Мухтара. Екатерина Фёдоровна как закричит: «Осторожно! Пальцы откусит!» А пёс внимательно посмотрел мне в глаза, а затем лизнул мне руку и завил хвостом. Тогда я открыл калитку, зашёл, и мы с Мухтаром стали друг друга ласкать, как давно не видевшиеся друзья. Я его гладил, а он лизал мне руку. Я повернулся к Екатерине Фёдоровне и говорю: «Какой же он злой! Он добрый пёс». Она стояла в изумлении: «Четыре года никого к себе не подпускал, кроме меня, а тут какое-то чудо!» Я подумал про себя: «Никакое не чудо. Мухтар – умная собака и понял, что я скоро буду его хозяином».

На следующий день я остался хозяйничать в доме Екатерины Фёдоровны. Из Ленинграда она должна была вернуться на следующее утро и сразу идти на работу. Еду для Мухтара она оставила на кухне, я его покормил, но не стал спешить уходить домой. Осмотрел двор и заметил у сарая большую кучу угля. Дом имел свой котёл для отопления. Я нашёл в сарае возок, лопату, отвязал Мухтара и стал возить уголь в сарай. Пёс всё время был со мной, и, когда во втором часу ночи я закончил работу и хотел уходить, мне стало жалко оставлять его одного, и мы на пару пошли ко мне домой.

Дома я ещё раз его покормил и постелил в прихожей. Утром мы, как два друга, отправились в парк, где собака сама меня привела к месту работы Екатерины Фёдоровны. Так началось наше знакомство, но поженились мы только через год.

Наша жизнь с Катей была радостной, светлой. Словно мы освободились от груза прошлых несчастий и бед и с новыми силами стали продолжать нашу жизнь в труде и приятных заботах. У Кати в Сланцевском районе в деревне Ложголово был довольно хороший, но запущенный дом. В войну немцы в нём жили, а совсем рядом был сборный пункт аварийных машин. Кругом дома валялись груды ржавого металла, камней, разного хлама. Мы вдвоём расчистили этот участок, причём не-

которые камни были такими неподъёмными, что я выкапывал рядом с ними ямы, сталкивал их туда и закапывал. За первое лето и осень привели участок в полный порядок, огородили его. Почистили старый колодец, установили в нём два бетонных кольца. Дом тоже обновили: подвели снизу два венца, пристроили к дому веранду. Работали мы с Катей с раннего утра до позднего вечера. А, как известно, с мая до июля под Ленинградом ночи почти нет, вернее, есть белые ночи.

На следующий год купили мы пчёл, два домика. Разбили огород, сад. Словом – живи да радуйся. Вечером сядем возле дома и тихонько запоём, – Катя хорошо пела и любила петь.

Когда мы обустроили нашу дачу, стали на ней жить с марта до ноября. Мы уже в то время не работали. Свою квартиру в Зеленогорске я сдавал на лето отдыхающим. Появился у нас и материальный достаток. Встал я в военкомате в льготную очередь на «жигули». Начинался наш «дачный» сезон с того, что в марте ехали мы на электричках в Эстонию в город Раквере, покупали там поросёнка и везли его на дачу в Ложголово. Там мы его держали на кухне за печью до мая, в мае переводили в сарай и выкармливали до ноября. А в ноябре, с запасами овощей, фруктов и мяса ехали на зимовку в Зеленогорск.

Но вот наступило лето 1980 года. 11 июля, как обычно, нам нужно было ехать в Зеленогорск за пенсией. Но в тот раз пришлось ехать Кате одной, так как начали роиться пчёлы, за ними нужен внимательный присмотр, иначе рой может улететь. Я остался на даче. Договорились, что 12 июля она получит обе пенсии, купит необходимое и вечером вернётся сюда. И вот я встречаю её на автобусной остановке в Загорье, идём до Ложголово километр по лесной дороге и спокойно разговариваем, обмениваемся новостями нашей спокойной и радостной жизни. Кругом рай земной. Ничто не предвещает беды.

Когда пришли домой, Катю словно подменили. Со слезами на глазах она мне говорит: «Гриша, я тебе по дороге не всё рассказала». И протягивает мне какую-то бумажку. Я смотрю: телеграмма «молния» и короткий текст «Ваш сын Лаврега Вячеслав Григорьевич трагически погиб 10. 07. 80. Похороны 12 июля в 14.00». Я это прочёл, а что дальше было – не помню.

Проснулся я под капельницей в отделении реанимации больницы города Сланцы, который находился от Ложголово в 25 километрах. Рядом кислородная подушка. Ко мне наклонился врач и сказал: «У вас инфаркт миокарда. Лежите спокойно». Я снова уснул. И так я пролежал в больнице три недели. Когда стало лучше, я попросился на выписку. Катя меня ругала, просила ещё полечиться, но я всё-таки выписался и уехал к ней на дачу. Не хотел, чтобы она жила там в одиночестве.

У Славика осталась жена с тремя детьми. Я им помогал долгое время. Но внуки выросли и забыли о деде.

Потихоньку я успокаивался внешне, но внутри остался вулкан неугасимой боли. А тут через три года новая беда.

1983 год оказался роковым. 17 марта утром решили ехать от Зеленогорска до Веймарна дизелем, а там автобусом до Загорья. А оттуда уже рукой подать до нашей дачи. Встали рано утром, и Катя говорит мне: «Гриша, что-то сердце колет и ноет». Я сказал: «Катя, давай отложим поездку, поедём завтра, а сейчас иди в поликлинику к врачу». А она мне: «Да ерунда. Пройдёт». Я всё-таки настоял, и не зря: наш участковый врач послушала её сердце и тут же дала направление в больницу. Две недели я ходил к Кате и был всё время рядом с ней. Больница была недалеко от нашего дома. 31 марта вечером она мне говорит: «Гриша, завтра утром рано ко мне не ходи. Придётся часов в 11–12». Мы простились, и я ушёл домой.

Всю ночь не спалось. Утром поднялся какой-то усталый, а где мог устать?! Обождал до 11 часов и решил идти к Кате. Только зашёл в больницу, подходит ко мне медсестра и говорит: «Григорий Кононович, зайдите в ординаторскую к врачу Марии Николаевне!» Я в ответ: «А что случилось?» Медсестра промолчала, и я в тревоге направился к врачу. Мария Николаевна меня встретила словами: «Григорий Кононович, крепитесь. Двадцать минут назад Екатерина Фёдоровна скончалась». Больше я ничего не помню.

Очнулся на кушетке в ординаторской часа через два. Поднялся в каком-то безразличном отупении. Врач провела меня к Кате, которую уже обмыли и накрыли простынёй. Она лежала и улыбалась. Я в таком же безразличном состоянии вышел из больницы и пошёл неизвестно куда. Долго блуждал по городу, неизвестно что искал. Вернулся домой только к ночи, и то с большим трудом заставил себя это сделать.

Без меня добрые соседи сообщили по телефону о смерти Кати родственникам в Ленинграде – сестре и сыну. Сын явился пьяный, и его соседи выгнали с квартиры, где уже лежала на столе прибранная Катя. На другой день 2 апреля отвезли гроб в Никольскую церковь в Ленинграде, 3 апреля отпели её там, а после панихиды вернулись в Зеленогорск и похоронили на местном кладбище – рядом с могилой Тани.

Когда гроб опускали в могилу, я свалился без сознания на землю. На «скорой» меня доставили в больницу. Очнулся я в отделении реанимации под капельницей. Снова у меня инфаркт. И снова я, несмотря ни на что, жив! В больнице я пролежал с 3 апреля до 12 июня. Видимо, жалея меня – старика, врачи постарались подольше меня продержать под наблюдением. Когда почувствовал себя получше, стал проситься домой. Меня выписали, и ещё полтора месяца ко мне приходила медсестра и делала уколы.

Меня охватило чувство пустоты и безысходности. Признаюсь, мне впервые в жизни стало по-настоящему страшно. К боли утраты самого дорогого человека прибавлялись ещё и последствия инфаркта – какой-то испуг постоянный. Медики говорят, что психические расстройства часто бывают во время и после этой болезни, так что со мной могло быть и хуже. Этот испуг усилился после одного случая. Решил я помыться в ванной, и когда я лежал в воде – неожиданно меня словно парализовало. Какой-то силой стянуло мне руки и ноги. Как в кошмарном сне, я не мог пошевелиться и стал сползать в воду. Вода подошла ко рту, к носу. Тело, как мёртвое, а сознание не теряю. Стал кричать, звать на помощь?! Но кто меня услышит за запертыми дверями! Всё – конец, сейчас захлебнусь... И вдруг левая нога начала как-то выпрямляться от судороги, я упёрся ею в стенку ванны, и туловище поднялось намного выше воды. В таком положении я и заснул, или потерял сознание, сам не знаю. Проснулся уже вечером в девять часов, а мыться пошёл часа в четыре. Итак, я провёл в воде около пяти часов, очень замёрз, но не утонул. Бог опять оставил меня жить на этом свете. Но с какой целью? Это было мне неизвестно...

Жертва

Век протянется, всем достанется.

После тягот войны довелось мне не менее тяжёлый путь пройти, испытать всякие беззакония, обман, потери близких и родных. До самой старости путь был долог и жесток. Мне уже 70 лет, а кругом ни родных, ни близких... Как такое со мной случилось?

После того, как я чуть не утонул в ванной, старался быть поближе к соседям. Всё-таки уже давно живём в одном доме. В случае чего, мне помогут. Ближе всего я сошёлся с соседом, Алексеем, который жил в квартире подо мной. Мы с ним и раньше вместе ходили в лес, как и подобает добрым соседям. В наших лесах мы знали много грибных и ягодных мест. Семья у него была хорошая: жена, две дочери – одна замужем за военным – внук. Мог ли я подумать, что этот человек способен на бесчестный поступок?!

Как-то я рассказал ему, что случилось со мной в ванной. А он мне и говорит: «Дядя Гриша, Вам нельзя жить одному после такой болезни. Ты найди себе старушку, она тебя и доглядит до самой смерти». Я ему в ответ: «Мне никто уже не нужен, и я никому такой старый и больной не нужен». А он опять за своё: «Знаю я одну хорошую старушку, она работает в нашем пионерском лагере на кухне. Тихая. Я вас познакомлю». Я его поблагодарил за заботу. Мне тогда и в голову не приходили никакие подозрения относительно его порядочности.

И вот дня через два он привёл её ко мне. Поздоровались, и я сразу вижу, что Евгения, так её звали, мне не пара – намного моложе. Стали разговаривать, выяснилось, что действительно ей нет ещё и шестидесяти. Я ей рассказал немного о своей горемычной судьбе. Она мне тоже говорила о своём одиночестве: с мужем разошлась, дети взрослые живут своими семьями. Стала она ко мне приезжать и ухаживать за мной: полы помоеет, постирает, приготовит еду. Мне стало как-то легче переносить своё горе и болезнь.

Прошло так месяца два, и она меня просит: «Кононович, я в сентябре буду оформлять пенсию. С пионерского лагеря мне ездить далеко и неудобно в Ленинград, а из Зеленогорска на электричке – 20 минут». Я подумал про себя: «Что я теряю? Мне даже лучше. Случись что со мной, она и «скорую»

вызовет, и поможет». Оформила Евгения пенсию, уволилась с работы и стала жить у меня. А я уже и привык к тому, что со мной рядом живой человек. Одному-то страшно оставаться.

В конце концов она сама мне предложила: «Давай зарегистрируемся. Перед соседями неудобно. Живу у тебя, как квартирантка». Я согласился, так как никакого другого выхода для себя не видел. После регистрации сделали вечеринку, после которой Евгению как подменили. Стала ко мне небрежно относиться, и заметил я постепенно, что у неё какие-то особые отношения с Цветковым. К сожалению, я понял, что эта женщина – авантюристка, и ей нужна моя квартира. Видимо, сосед её обнадёжил, что я на этом свете не жилец и скоро её освобожу

Как горько мне, одинокому старику, было осознавать, что меня решили принести в жертву. Зачем я так доверился Цветкову? Ведь я рассчитывал на то, что он мне друг и хочет мне помочь, поэтому я не думал, что он недобрую женщину приведёт ко мне в дом.

Но что было делать? Не разводиться же на старости лет! И вот постепенно созрела у меня мысль – уехать из Зеленограда, подальше от позора, куда глаза глядят. Думалось, что на новом месте всё переменится к лучшему. Евгении эта мысль тоже понравилась. На это у неё были свои причины. Предложила она мне поменять квартиру в Зеленогорске на Гомель в Белоруссии. Она была родом из тех мест. И вот я нашёл обмен, и 7 апреля 1986 года мы приехали в Гомель. А 26 апреля произошла черныбыльская авария, и город оказался в зоне высокой радиации...

Что я наделал? Бросил ставший родным Зеленогорск, в котором я прожил 30 лет! Бросил могилки Тани и Кати! Бросил добрых соседей, которые действительно ко мне хорошо относились! Сидя в незнакомой, чужой квартире в Гомеле, слушая тревожные сводки о состоянии дел на аварийной атомной станции, чувствуя скрытую враждебность моей так называемой «жены», я с горьким сожалением вспоминал, как потерянный рай, Зеленогорск, Ложголово, где сидя вечером у дома, мы тихо пели с Катей наши песни...

В Гомеле Евгения совсем перестала со мной церемониться. Требовала, чтобы я, как молодой, работал на даче у её сестры, носил тяжёлые корзины с овощами, ягодами и прочее... Но сердце болело больше не от физической нагрузки – я к ней привык – а от нравственных страданий и одиночества. Ведь тяжело и страшно думать, что кто-то ждёт твоей смерти!

Наконец, в 1988 году Евгении надоело жить со мной под одной крышей. Она в моё отсутствие с помощью сестры погрузила на машину что было получше из моего барахла и увезла к сестре на квартиру, а сама отправилась к сыну в Ленинград. Мне не оставили даже постельного белья, и сначала пришлось спать на диване одетым.

Из Ленинграда она подала заявление на развод и раздел квартиры. Я, конечно, дал согласие. После развода она снова поселилась рядом со мной в моей квартире на правах соседки. После всего этого я слёг с сердечными приступами и не знал, встану ли я уже.

Встреча

– Сестра, ты помнишь, как из боя
 Меня ты вынесла в санбат?
 – Остались живы мы с тобою
 В тот раз, товарищ мой и брат.
 На всю оставшуюся жизнь
 Нам хватит подвигов и славы,
 Победы над врагом кровавым, –
 На всю оставшуюся жизнь.

*Из песни «На всю оставшуюся жизнь...»
 (Музыка – В. Баснер, слова – П. Фоменко, Б. Вахтин)*

За два года жизни в Гомеле я так и не приобрёл друзей, так как всё время находился в подавленном состоянии. Не был знаком ни с кем из Совета ветеранов, который был очень сильным и дружным, как потом оказалось. И вот осенью 1988 года приходит ко мне сам председатель Совета ветеранов, а с ним старая женщина – врач. Посмотрел на меня, что я еле жив, и говорит врачу: «Мария Андре-

евна, завтра же постарайтесь найти в госпитале место положить Григория Кононовича на лечение». Действительно, на следующий же день меня отвезли на «скорой» в госпиталь.

Мария Андреевна, сама ветеран войны, как работающий врач, имела постоянное поручение опекать болеющих ветеранов, оказывать им содействие в лечении, в лекарствах, что она добросовестно исполняла. Помню, в 1989 году она меня опять дважды устроивала на лечение в госпиталь.

В 1990 году в мае, перед Днём Победы, пригласили нас, ветеранов нашего микрорайона, на праздник в школу. Была торжественная часть, потом концерт, а после него повели нас в школьный музей боевой славы, который создали сами ученики старших классов. На столах лежали экспонаты – свидетельства военного времени: саперные лопатки, каски с пулевыми пробоинами и другое. А над экспонатами на стене висела большая доска, на которой вверху большими буквами было написано: «Воины – освободители города Гомеля и Гомельской области». Под надписью располагались фотографии в три ряда. Я думаю: «Дай посмотрю фотографии, а вдруг кто-то знакомый здесь есть. Вот было бы хорошо. Ведь на фронте у меня много друзей было»

И я не ошибся! На одной из фотографий я увидел знакомое лицо девушки, на плечах у неё майорские погоны. Прочитал под фотографией подпись. Фамилия тоже знакомая: Довбыш Мария. Я был поражён страшно! Я подвёл нашего экскурсовода к фотографии, показал на неё и спрашиваю: «Как попала сюда эта девушка и где она сейчас?». Экскурсовод заулыбался и отвечает: «Так это же наш врач – Мария Андреевна Яцкевич. А девичья фамилия Довбыш. Она с нами здесь».

Я несмело подошел к Марии Андреевне и стал её расспрашивать, где она воевала и не приходилось ли ей быть в 1943 года под Старой Руссой. Она ответила утвердительно. Да, их 397-я стрелковая дивизия защищала Демянский плацдарм. Я тогда добавил к её словам: «А мы вам помогали танками». Завязался разговор, я признался ей, что помню её: «8 марта вы вместе с другой девушкой вынесли меня с поля боя, а потом лечили в лесной палатке 6 дней. Я узнал вас на фотографии. Только тогда вы были капитаном, а на фотографии уже майор. А вы меня помните?»

Вопрос был, конечно, наивным. «Как я могла запомнить всех, кого перевязывала. Ведь во время боёв сутками не отдыхали, не спали», – с доброй улыбкой сказала она.

Кто прошёл эту страшную войну от начала до конца, тот знает, что значит встретить на склоне дней своего фронтового товарища и спасителя.

Послесловие

Григорий Кононович Лаврега так и остался для меня человеком таинственным и до конца не понятным, с невероятной роковой судьбой.

Последние десять лет своей жизни он регулярно писал нам длинные подробные письма, просто-душно видя в нас внимательных слушателей и читателей. Он никогда не говорил о своих воинских наградах, и лишь после его смерти я нашла на сайте «Память народа» документы о награждении танкиста, лейтенанта Лавреги Григория Кононовича орденом Красной звезды и орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени.

На основе писем Григория Кононовича и была подготовлена эта повесть. Удивительно, что он сохранил до самой смерти на редкость хорошую память. В его письмах везде приводятся подлинные имена и фамилии его родственников, знакомых и сослуживцев, указаны точные даты событий и названия городов и сёл, где ему приходилось жить или воевать.

Умер он спокойно, собирая малину в лесочке неподалёку от своего дома. Там его и нашли, сидящего, прислонившись к берёзе, возле корзины с ягодами.

Это произошло через год после смерти его последней жены Марии Андреевны Яцкевич в 2000 году. Четыре года её тяжелой болезни он мужественно и с любовью ухаживал за ней. И боялся он только одного – чтобы их не разлучили.

Теперь они навечно упокоились рядом на кладбище в небольшом белорусском поселке Ореховске под Оршей, куда они переехали в 1996 году, соединив свои угасающие жизни, в поисках покоя и независимости от эгоизма родных и чужих людей.

Пусть его сиротливая тень коснётся вашей души, читатель, и немного согреться от вашей доброты и сочувствия.

Проза

Николай Иванов

Председатель союза писателей России, член редакционного совета журнала «Берега».

Окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. В 1981 году направлен в Афганистан. Награждён орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». В 1985 году назначен корреспондентом журнала «Советский воин», через семь лет стал его главным редактором. В октябре 1993 года, отказавшись публиковать материалы в поддержку обстрела Белого дома, снят с должности «за низкие моральные качества» и уволен из Вооружённых сил. Продолжил службу в органах налоговой полиции России. Во время командировки в Чечню в июне 1996 года был захвачен в плен боевиками; освобождён через четыре месяца в результате спецоперации. Полковник налоговой полиции. Автор более 20 книг прозы и драматургии. В их числе: «Чёрные береты», «Гроза над Гиндукушем», «Наружка», «Женский пляж», «Спецназ, который не вернётся», «Расстрелять в ноябре, или вход в плен бесплатный», «Новеллы цвета хаки» и др. В Уссурийске и Брянске шли театральные спектакли по произведениям писателя. Лауреат литературных премий имени Н. Островского, М. Булгакова, «Сталинград», ФСБ России, «Прохоровское поле» и др.

Саур-Могила

Песнь

1

Как же вольготно на войне зверью: охота в районе боевых действий категорически запрещена, людям разрешено убивать только людей.

И вот уже мелкими диверсионными группами проникают в города белки. По обочинам дорог, не обращая внимания на машины, вальжными гаишниками расхаживают фазаны и куропатки. Лисы – о, эти огненно-хвостатые плутовки, по-щучьи лавируя среди мокрых от росы кустов-водорослей, уже не оглядываются испуганными новобранцами по сторонам. Ночи, отобранные у влюблённых ради комендантского часа, это звёздное, ракетно-осветительное, трассерное, в сполохах пожаров, оставшееся без присмотра время поделили меж собой как орла и решку на подброшенной монете кабаны и волки.

Красота.

Слава Украине!

Войне слава!

Ранения, болезни, гибель людей на Донбассе – не в счёт. Пока нет охотников, всё лучшее, – птицам и зверям!

А уж потом, что останется – пехоте!

2

Её и расстреляли первую.

На войне у солдата доля известная – идти в атаку или стоять насмерть на занятых рубежах. И ни одна высота по любому уставу любой армии мира не считается взятой, если на неё не ступила нога пехотинца. Громкие наименования гвардейских, всевозможных кантемировских, орденов и знамён

таких-то – да, весомо и значимо, кровью и потом добыто. Но шепчется, словно из былин и бабушкиных сказок, ласкает слух главное их имя – «матушка-пехота». Ангельская мягкость и умиротворение в слове, но погодите, погодите, ведь именуют матушкой ещё и саму Россию! Россия Матушка – это матушка пехота? Господи, с какого же плеча досталась ей солдатская шинель? Чью военную судьбу ненароком примерила? Кого вновь и снова, себя не жалея, защитит и спасёт?

Не кончаются на Руси былины...

3

Но и Донбасс порожняк не гонит! Если работать – то нет никого впереди Стаханова. Песни петь – неподражаемы Соловьяненко, Богатиков, Кобзон. Снимать кино – на форсаже Леонид Быков со своей поющей эскадрилей. Встать жертвенно против врага, никого не выдать и быть сброшенными в шурф шахты – всей Молодой гвардией.

А уж если иметь в своих степях высоту – то Саур-Могилу под триста метров над уровнем ближайшего Азовского моря. Захочешь, а не придумаешь более выгодного места для корректировщиков огня. Поищешь, а не найдёшь более погибельного места для пехоты, хотя в данном случае «могила» переводится всего лишь как «курган».

«Матушка» во множественном числе и полегла здесь в 1943-м, сбивая фашистов с нашпигованной пулемётами господствующей высоты. Не могла не сбить, потому что вёл штурмовые отряды в атаку в том числе будущий командующий Воздушно-десантными войсками генерал армии Василий Маргелов! Он со временем сделает пехоту крылатой, оденет её в тельняшки и береты небесного цвета. Но тогда, в Великую Отечественную, ей – пыльной, потной, не имеющей сил не то что посмотреть в небо, а приподнять под пулями голову, отдали приказ: взять курган и стоять насмерть.

Она взяла и стала.

Через двадцать лет после победы бойцов отлили в металле, чугуне и бетоне, установив на постаменты-пилоны у самого подножия высоты. Масштабно, зримо, и первые цветы экскурсантов – им.

Только вот скульпторы и архитекторы наверняка не воевали и даже не служили в армии: оставили солдатиков на голом склоне. Одних. Без поддержки.

А как снова война?

Если снова начнут стрелять?

4

И ведь начали. Как и фашисты – летом.

2014 года.

Первая же выпущенная через 70 лет от рождества Победы в сторону Саур-Могилы пуля настигла сразу двоих бойцов, убитых ещё в 1943 году – старшего техника лейтенанта Карпеева и гвардии рядового Карелова. Их имена, расположенные рядом на мемориальной доске, развернула не трассирующая и даже не разрывная пуля. Прилетела гостьей из будущего придуманная уже после Великой Отечественной смерть со смещённым центром тяжести. Эдакая вишенка на торте для врага: входя в человека элегантно, почти без кровинушки, малым укусом, она не застревает в плоти, а с убойной силой продолжает кувыркаться внутри тела и мясорубкой молотить попадающие внутренности. А уж как эффектно выходит наружу – зияющим, словно от осколка мины, отверстием. И это несмотря на то, что весу в этой вращающейся пульке – всего три с половиной грамма. Вишенка с торта тяжелее.

Но убийцам памятников мало оказалось мемориальных плит и просто имён. Им нужна была сама Саур-Могила. Как символ сломленного Донбасса. Так фельдмаршалу Паулюсу требовался Мамаев курган под Сталинградом в знак поверженности Красной Армии.

И тут вдруг оказалось, что скульпторы и архитекторы – эти гражданские шпаки, глупцы в военной стратегии, тем не менее интуитивно, надёжнее Генерального штаба опоясали высоту четырьмя пилонами как четырьмя рубежами обороны.

Первых под удар, никуда не деться, выставили пехотинцев. Основной шквал огня пришёлся на командира, на лице которого потом насчитают более пятидесяти пробоин. Его подчинённые, не имея

возможности ответить нападавшим из своих бетонных автоматов, боясь растоптать бетонными сапогами тюльпаны, высаженные у подножия, не тронулись из разрушенного бетонного окопа. А вот ровные парадные ряды наступающих подпортил худенький солдатик с постоянно съезжающей на глаза каской. Ни дать ни взять ученик электросварщика с украденным у мастера шлемом. Вояка...

Пехоту изрешетили и без него, но едва убийцы перешагнули взятый редут, из знойного июльского марева перед ними словно из земли вырос пилон с танкистами. Богатыри, красавцы в шлемах и комбинезонах! Несокрушимая силища, не выведи их скульптор из боевых машин, не выстрой в шеренгу прямо под пулемётную очередь. Воистину: ну что стоило спрятать гвардию за бронёй, глядишь, остались бы живы. А так... так маленькие, словно лилипуты в сравнении с горой и памятниками камуфляжные человечки с полуфашистскими эмблемами на украинских шевронах посчитали за честь и ухарство вновь вскинуть автоматы. И очередями, очередями по своим дедам – грузинам, русским, белорусам, по таким же, как они сами, украинцам: танковые экипажи всегда считались интернациональными.

Слава Украине!

Предателям слава!

Синхронность атаки уже привычно испортил заморыш со смешной украденной каской: и к земле гнулся, и за спины друзей прятался, стараясь не идти в первой шеренге. Расстрелять бы как труса, да останавливаться некогда: вслед за танкистами вышли под украинские вишенки на торте «боги войны» – артиллеристы. Эти ребята не промах, они могут ответить прямой наводкой из «сорокопятки». И ответили бы, да вовремя дали залп расположившиеся на смотровых площадках, скрежещущие в гневе траками, как психопаты зубами, танки. Они и пробили брешь в третьем пилоне обороны, а в назидание другим снесли храброму усатому командиру расчёта полголовы. Тот сам, конечно, оказался виноват – форсил в пилоточке. Думал, слишком далеко его окоп от начала боя, обойдётся.

Не обошлось.

Но ещё более дурными хлопцами оказались летаки. Их вообще никто на землю не звал, летали бы себе в небесах, поближе к защите ангелов. Но не найти счастья в небе, если на родной земле враг. Вошли в пике, приземлились в эпицентре боя. Толку от этого отчаянного шага было мало, вообще пользы никакой не имелось, если учесть, что у лётчиков нет автоматов, а с пистолетиком себя не защитить, не то что Родину.

Значит, рукопашная!

Успели добежать до кромки аэродрома. И там, на краю пилона, получили по полной. Больше всех получили. Выместили на них, последних, украинские полуфашисты всю свою злость за предыдущие задержки. Разнесли в клочья летунов – аж чугунные и бетонные брызги летели. Успей к атаке отставший боец-сварщик и подключись к стрельбе, вообще бы от пилона ничего не осталось.

Но и без этого вот она, вожденная цель – стоящий на вершине кургана девятиметровый воин-освободитель. Как бельмо на глазу. Слава Богу, последний из защитников. Герои кончились. Где ты, заморыш-сварщик-трус? Не желаешь доказать свою готовность защитить Революцию Достоинства от поганого советского и москальского прошлого? Освободить от этого прошлого себя? Стреляй, раз не хочет сдаваться, поднимать руки вверх эта девятиметровая бетонная чушка! Скомандовать «Пли!»?

Но пожалел солдатика-заморыша памятник, не дал взять грех на душу. Искромсанный осколками, прошитый насквозь пулями, оставшийся в одиночестве и окружении, он вдруг со всей своей огромной высоты, вместе с тридцатиметровой стелой за спиной, повторяя Александра Матросова, рухнул на пулемёты врага сам.

О, с каким ужасом разбегались от падающей с небес страшной кары лилипуты!

И как долго дрожала и стонала от удара земля!

Но – всё!

...Днепр не повернул свои воды вспять.

Соловьи не лишились голоса.

Солнце продолжило греть и светить.

Потому что не кончились, звучали выстрелы! Невероятно, но по наступающим Каинам и

Иудам! Из-под обломков рухнувшей стелы. Эти непонятные защитники за последний клочок кургана, за его вершину, на которой водружают флаги победители, бились как за Брестскую крепость. Аджимушкайские каменоломни. Невский пятачок. Ржевский плацдарм. До поры до времени их прикрывали своими телами фронтовики, но всё равно, судя по плотности обрушившегося на Саур-Могилу огня, живых не должно было остаться здесь десять раз подряд. Небеса устали ждать их души в свою синь, кто бы они не были – русский спецназ или местные шахтёры-ополченцы.

И вроде одинаковые книжки читали те, кто наступал, и те, кто оборонялся. Однако важнее оказалось то, каких героев каждый себе выбирал. В цветущей, песенной, почитаемой, ныне несчастной Украине этот выбор случился в день, когда на столе у президента сошлись представления на звание Героя Украины командиру «Молодой гвардии» Ивану Туркеничу и Степану Бандере.

Кто не скачет, тот москаль!

Москаляку – на гиляку!

...Первым погибшим мирным жителем на Донбассе стала смотрительница музея «Молодой гвардии» из Краснодона.

А на Саур-Могиле огонь с каждым мгновением угасал: автоматы бесполезно пытались глотнуть патронов полной грудью. Но как пустыня неумолимо и безвозвратно впитывает воду, так бой пожирает боеприпасы.

И когда стал неминуем последний рывок бандеровцев, их близкое торжество, пляска на вершине с портретом лысоватого, но так отчётливо похожего на чубатого Гитлера Героя Украины Степана Бандеры, командир ополченцев с позывным «Медведь», имевший за бои в Афганистане ордена Красного Знамени и Красной Звезды, истекающий красной кровью на войне, пока не имеющей точного названия, вызвал на себя огонь «градов».

...Мы под Колтином скопом стоим,

Артиллерия бьёт по своим.

Это наша разведка, наверно,

Ориентир указала неверно.

Недолёт. Перелёт. Недолёт, –

По своим артиллерия бьёт...

Строки и судьбы из Великой Отечественной. Здесь ориентир был указан верно. И после паузы, заминки, взятой артиллеристами на осознание приказа стрелять по своим, в обозначенный квадрат с диким воем безостановочно помчались на огненных хвостах метровые снаряды.

И полетели ошмётки от тех, кто наступал и уже уверовал в победу.

Кубарем покатались под уклон – туда, откуда пришли.

Неслись прочь безоглядно, не вспоминая ни святых, ни «Молитовники», которые им выдали вместе с боеприпасами перед боем. Да и какие молитвы, если их, как и церковь, поделили. Если своих святых сами поменяли на заморских, а тем ли до чужой беды? Оставалось просто бежать и бежать прочь от возмездия, спасти свои шкуры. Самым надёжным вариантом было укрыться где-нибудь от огня, но опять же, сами только что снесли, изувечили пилоны. Идиоты!

Потому неслись, бросая раненых и оружие. Обгоняя друг друга, а в первую очередь недотёпу, потерявшего, наконец, каску, но при этом оказавшегося с самым тяжёлым подсумком для боеприпасов. Не стрелял? Ни одной пули не выпустил при атаке? Ни одной гранаты не бросил во врага? Неужели ещё остались на Украине такие? Может, ещё не всё потеряно?

Не стрелявшим – слава!

Останься в живых, пацан.

...Кто сказал, что вольготно на войне зверю и птице? Первые снаряды, выпущенные по Донецку, разрушили в краеведческом музее именно зал «Животный и растительный мир Донбасса».

Погиб и «Медведь».

На могиле гвардии старшины наконец напишут его имя: «Гришин Олег Григорьевич. «Медведь». 03.02.1966 – 28.07.2014». Отстоявших Саур-Могилу и оставшихся на ней под крестами и могильными холмиками окажется семеро. Семеро смелых. «Грек» – Хиргий Руслан Геннадиевич.

«Урал» – Блажко Иван Васильевич. «Таксист» – Картуз Сергей Николаевич... А вот «Реве», «Бумеру» и «Сёме» повезло, выжили. Нельзя, чтобы погибли все. Никак нельзя: Донбассу ещё сражаться и сражаться.

7

Сегодня над Саур-Могилой синее небо. Высоченное! Нигде не увидишь такого мирного неба, как на войне.

Музейные работники чистят на смотровой площадке фронтную технику. Вре́мён Великой Отечественной. На одном из танков при украинской власти почему-то замазали краской бортовой номер «014». Но краска выгорает, и номер боевой машины, её имя собственное, проступает всё отчётливее.

Саур-Могила в руинах, но у остатков пилонов вновь высаживаются тюльпаны. Рваные ржавые раны на лицах солдат пугают, не вяжутся с нежностью цветов, но почему-то хочется оставить здесь всё, как есть. Без лакировки. Чтобы было грубо и страшно. Правда нынешней не объявленной войны на Донбассе – это в том числе и простреленный сапог с обрубком ноги чуть ниже колена – единственное, что осталось от центрального монумента. Хотя нет, из-под рухнувшей стелы виден сжатый бронзовый кулак солдата.

На Кузбассе написано, а словно про Донбасс:

По шпалам,

Как по нотах,

Идёт шахтёрская пехота.

...Звук от удара в колокол из построенной на кургане часовенки стоит в небе долго-долго. Больше минуты. Верный признак того, что отлит умелым мастером. Такие колокола и для набата, и для благовеста.

8

А в рваной ране под правой скулой лейтенанта-пехотинца воробьишки третий год вьют гнездо для потомства...

Проза

Алексей Новгородов

Алексей Викторович Новгородов родился 12 апреля 1961 года в Подмоскowie. Служил в воздушно-десантных войсках, затем – двадцать лет солдатом правопорядка, от слушателя Московской высшей школы милиции МВД СССР до руководителя подразделения центрального аппарата МВД России. Участник первой и второй боевых чеченских кампаний. Был ранен. Полковник милиции. Награждён четырьмя Орденами Мужества (1998, 1999, 2000, 2008), медалями, в том числе, медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии «Фемида» (2010). Лауреат премии Фонда Всехвального Андрея Первозванного и Центра Национальной Славы России «За Веру и Верность» (2014).

Выбор

(между личным и вечным)

- Лёха, что случилось? Тебя к начальнику Управления вызывают.
- У него и спроси. Чего ты ко мне-то привязался? Министром меня хотят назначить, вот и приглашают – согласиася спросить.
- Да пошёл ты..., шутник нашёлся. Петросян недоделанный.

* * *

– Присаживайся!

Начальник криминальной милиции Анатолий Васильевич Сафонов отодвинул стул за приставным столиком в своём огромном кабинете.

– Ты это серьёзно?!? – непонятно, то ли с чувством облегчения, то ли, наоборот, с глубокой озабоченностью в голосе, заглядывая мне в глаза, спросил он и положил на стол передо мной мой же собственноручный рапорт, изрисованный вдоль и поперёк визами руководителей различного уровня.

Начальнику Управления внутренних дел
Восточного административного округа
города Москвы, полковнику милиции
В.Ф. Чемисову

РАПОРТ.

Прошу Вас направить меня в командировку в республику Чечня, для оказания практической помощи в наведении Конституционного порядка.

Дата. Подпись.

Всё чётко, коротко и понятно, и никаких рассусоливаний – «соплей в сахаре», что нужно было бы уточнять и конкретизировать.

– И всё-таки я не понимаю. Двое «оперов» отказались от этой командировки, вплоть до увольнения, невзирая на перспективу повышения по службе после возвращения, а тут мне твой рапорт приносят, причём без всяких условий. Ты точно осознаёшь серьёзность своего решения?

– Товарищ полковник..., Анатолий Васильевич! Я бывший десантник; причём, той – старой школы, где учили выполнять боевую задачу, и оставаться в живых. Да и здесь в уголовном розыске я научился ориентироваться «где право, где лево», головой работать. Спасибо Вам за это, – добавил я без всякой лести. – А ребят без подготовки жалко. Они едут туда повинность отбывать, а не работать. И ни здесь, и ни там толку от этой командировки не будет – только разнарядку закроете. А насчёт серьёзности, так, как бы пафосно это не звучало, но мне страну жалко: Советский Союз разва-

лили, теперь вот за Россию взялись. Поэтому прошу принять решение по существу моего рапорта.

В кабинете повисла гнетущая тишина. Насчёт разнарядки я, наверное, зря ляпнул. Может, обидел его, хотя даже если и так, то пусть обижается, всё равно дальше Чечни не пошлют и ниже «опера» не разжалуют.

– Ну, как знаешь, это твой выбор, – прервал Анатолий Васильевич затянувшееся молчание, – хотя не хочется тебя отпускать...

И уже после тяжёлого вздоха:

– Затянет тебя Кавказ!.. Может, живым и оставит, но душу и любовь заберёт навсегда. Стремление вернуться туда засядет, как ржавый гвоздь – не вытащить никакими щипцами. Как для меня не ослабляет своей мёртвой хватки Дальний восток.

И ведь, как в воду смотрел, пророк в полковничьих погонах, накаркал ясновидящий криминальной милиции. Закрутила меня круговерть Кавказских командировок, и уже непонятно, где по времени я больше находился: здесь или там. И опять же – что считать «здесь», а что – «там»: Москва? Владикавказ? Назрань? Нальчик? Грозный??? Первая Чеченская, вторая Чеченская кампании, выборы в Карачаево-Черкесии, ликвидация последствий Осетино-ингушского конфликта. «Опер» в мобильном отряде, руководитель спецгруппы, начальник отдела по борьбе с организованной преступностью, «важняк» ГУБОП, начальник спецподразделения.

Но даже в этой непредсказуемой жизненной круговерти Господь всегда даёт выбор: либо стоять насмерть, невзирая ни на что, оставаться самим собой, быть преданным Родине, Вере, Флагу, Другим, либо прогнуться и потом подбирать, один лучше другого, оправдания своему малодушию.

Кавказ для меня стал второй родиной, где смерть действительно нередко с издёвкой заглядывала в глаза, но обошла стороной лишь для того, чтобы, щекоча и играя на нервах, накрепко связать мою перевернутую жизнь с этой землей честью, долгом, памятью и скорбью. Скорбью от невосполнимых потерь и гордостью за героев, отдавших жизнь, но не дрогнувших перед выбором между честью и жизнью.

– ...у него был выбор, чтобы остаться в живых, – надменно улыбаясь, считая себя вершителем судеб, с издёвкой в голосе признался в убийстве Евгения Родионова бригадный генерал Ичкерии Руслан Хайхороев, нисколько не стесняясь иностранного представителя ОБСЕ. – Он мог бы жить, мог бы веру сменить и жить, но он не захотел с себя креста снимать.

ДА!!! После ста дней плена и жестоких пыток бандиты предложили Евгению Родионову изменить вере, снять нательный крест и принять ислам. Казалось бы, от голодного, избитого, замученного пацана требовали немногого; всего лишь собственноручно снять крестик, как символ веры, но он отказался, за что был жестоко казнён в свой девятнадцатый день рождения. С ужасом в глазах и разорвавшимся сердцем Женю опознала его мать по нательному кресту с запёкшейся на нём кровью, который был найден в могиле на обезглавленном обезображенном теле.

Не этот ли крест, став границей между личным и вечным, наполнил особым духом и мой маленький крестик на чёрной капроновой верёвочке, надетый через склонённую перед иконами голову протоиереем Владимиром Тимаковым, благословившим на этот нелёгкий путь в захваченную бандитами, израненную Чеченскую республику.

– Чай, не на разборки собрался, – впервые услышал я в лексиконе отца Владимира слова, более употребляемые в криминальном общении, нежели в напутственном благословении интеллигентнейшего священника, сопровождаемые укоряющим взглядом, нацеленным на мой распахнутый ворот. – С твоим золотым крестиком, да на этой цепи толщиной в палец не на войну ехать, а прямо в кресло «пахана» садиться. Так что, мой дорогой, засунь ты эту никчёмную кучу золота в кубышку в дальний ящик, как резерв на чёрный день, а на груди надо носить «спаси и сохрани».

Слегка припадая на левую ногу, он подошел к своему рабочему столу, достал маленький нательный крестик со Спасителем на серебристо-перламутровом фоне и, закрепив его на простой капроновой верёвочке, перекрестив, благословил меня.

– А, теперь, мой дорогой, с Богом вступай в воинство таких же милиционеров, оставивших свою привычную устоявшуюся жизнь со своими радостями и сложностями, прелестями и разочарованиями. И уж если сподобил тебя Господь на защиту Отечества, то там – на войне – живи по совести. Без страха и оглядок отдавайся своей работе, спасай и вытаскивай людей из плена, не давая им, не дай Бог, без колебаний повторить подвиг Евгения Родионова.

* * *

Припекающее полуденное солнце и стойкая нелюбовь к пустому времяпровождению в кабинетах, тем более в чужих кабинетах, манили и просто гнали меня на улицу. Культурно извинившись перед начальником оперативно-розыскного бюро Ахмедом Хасамбековым, гостеприимно предложившим мне подождать начала совещания в его кабинете, я предпочёл остаться наедине со своими мыслями, вдыхая насыщенный неповторимыми запахами, ни с чем несравнимый Грозненский воздух. Тем более, после назначения начальником отдела по борьбе с организованной преступностью оперативной группировки МВД России на Северном Кавказе, у меня не часто выпадает такая возможность беззаботного уединения и душевно-морального расслабления.

Неожиданно образовавшийся зазор свободного времени и желание обыкновенной прогулки под тёплым солнцем, не задумываясь, вытащили меня на улицу, предоставив самому себе и этим философско-патриотическим мыслям, которые вместе с какими-то беспричинно тревожными чувствами волнами накатывали, не давая насладиться красотой насыщенного синевой, безоблачного Чеченского неба. «Размышлизмы» в философствующей голове и трепетный душевный настрой помогли мне впустую убивать время, бесцельно слоняясь по территории ОРБ № 2 Северо-Кавказского РУБОП, дожидаясь начальника мобильного отряда МВД, опаздывающего сюда на совещание для организации совместных мероприятий по реализации оперативной информации об оборудованном в лесном массиве недалеко от Старого Ачхой лагере боевиков и схроне со взрывчаткой, подготовленной для проведения террористического акта.

Задумываясь о месте проведения операции, одна мысль не давала покоя: ведь Старый Ачхой совсем рядом с Бамутом, где погиб Родионов Женя. А может даже и этот установленный нами бандитский лагерь обогрёт его кровью, наполнен его мужеством. Но обволакивающие сознание безделье и умиротворённое блаженство греющегося на солнце кота, размазывало по голове тонким слоем и затуманивало даже эти, казалось бы, без сомнения концентрирующие и вбрасывающие в кровь адреналин невесёлые мысли.

Наслаждение беззаботным одиночеством и неторопливое шатание «куда глаза глядят» лишь бы быть на солнышке, завели меня за здание ОРБ, где мой взгляд привлекла размашистая крона чёрной шелковицы. Увидев её, я уже заранее почувствовал во рту кисло-сладкий вкус спелых ягод и для реализации своих ненасытно-пожирательных желаний, ускорив шаг, целенаправленно двинулся к дереву. Но, к сожалению, я оказался не единственным страждущим вкусить лакомых плодов. Увы, к моему прискорбию, ростом я сильно уступаю могучим «СОБРовцам», уже успевшим ободрать всю спелую ягоду на уровне, куда можно дотянуться без стремянки и лестницы.

Но с потаённой надеждой, как в детстве весной выскивали мы в пирамидках соцветий сирени пятилепестковый цветок, чтобы, спрятав его во рту, загадать самое сокровенное желание, так и сейчас в многообразии несозревших пока бледно-розовых ягод выскиваю я ту единственную почерневшую спелую шелковицу, чтобы положить её в рот для ощущения полного счастья – гармонии духа, света, тепла и вкуса. Иисус Христос говорил: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит. И, в подтверждение Святому Благовествованию, я увидел зацепившуюся за ветку, укрывающуюся от голодных взоров зелёным листком пурпурно-чёрную, налитую соком аппетитную ягоду, ожидающую меня на шутиливо-издевательской, совсем чуть-чуть недостижимой высоте, надсмехающейся над моим ростом.

Приподнявшись на носках, весь вытянувшись в струнку, в надежде вдохнуть с очередным глотком воздуха недостающий сантиметрик роста и дотянуться до заветного плода, я застыл, впившийся взглядом в глянцево-блестящую на солнце ягоду, с каждым мгновением становившуюся всё желаннее и желаннее. Весь мир вокруг застыл в ожидании развязки.

Вдребезги ломая всё жизненное представление о мироздании, физике и объективной реальности, ягода стала медленно-медленно приближаться, проплывая мимо протянутой к ней руки, к моему обалдевшему лицу. Это движение длилось целую вечность, растянув короткое мгновение на всю оставшуюся жизнь, не давая осознать, что это не она, а я, как в замедленной съёмке, лечу навстречу границе между жизнью и смертью, где последней чертой будет нереально притягательная, но чёрная, как потусторонний мир, ягода шелковицы. Взрыв КАМАЗа, начинённого взрывчаткой, под управлением террориста-смертника влетевшего на территорию ОРБ, накрыл меня с головой, подбросив взрывной волной, рубанул по всему телу, невероятной силой саданул по ушам, просто рас-

плюшив, разmozжив мою голову оглушительной жуткой болью. Раздавил меня как яичную скорлупу. Я даже не услышал грохота взрыва. Удар. Боль. Темнота. Пустота. И ВСЁ...

Никакого света в конце тоннеля, никаких видений, встреч с предками, бесед с ангелами, ни даже отходящей грешной души, – просто ни-че-го. Первой начала возвращаться боль. Страшная боль в гудящей, просто ревущей голове, которую я сжал что есть силы руками, не давая ей разорваться изнутри. Потом включилась лампочка с невероятно ярким, режущим, разрывающим глаза светом, от которого невозможно избавиться, даже свернувшись клубком, поджав колени, зарываясь лицом в землю. Боль, звон, резь и вдруг какой-то внутренний неосознанный ужас, невероятное желание стремглав убежать, во что бы то ни стало исчезнуть из этого страшного места, ужас, стократ перекрывающий яркий убийственный свет ничего не видящих глаз. Вскочив и пробежав на заплетающихся ногах несколько шагов, я упал, захлабываясь собственными рвотными массами, выворачивающими всего меня изнутри тошнотными спазмами. И снова резко выключили свет, всё оборвалось....

Очнулся я на кровати в импровизированном персональном домике начальника штаба Чеченского ОМОН Дахиева Бувади. С этим переделанным из сарая домиком знакома вся Чечня не понаслышке; его, за глаза, бойцы называют дачей, да и на этой кровати не раз приходилось мне отдыхать после ночных оперативно-боевых мероприятий. Но сейчас вместо приветливого лица Бувади я увидел огромную бородатую голову с ручищами, в ладонях которых солдатская алюминиевая кружка кажется небольшим напёрстком.

– Бецан Чорпа, – прорычала голова, поднося к моему лицу утопающую в кулаке кружку. Затем пальцами свободной руки громила сжал мою нижнюю челюсть с такой силой, что она без сопротивления раскрылась, и он, не проронив ни капли, стал вливать содержимое кружки в мой рот. Ничего отвратительнее я никогда даже не пробовал в своей жизни, но эта гадость, к удивлению, не вызывала рвотного позыва. Может, всё только из-за того, что меня уже всего без остатка вывернуло там, под деревом, в прошлой жизни. Но для порядка я всё-таки попытался отказаться, трепыхаясь и дёргаясь, создавая видимость сопротивления.

– Бецан Чорпа – это отвар трав, – услышал я из-за изголовья знакомый голос Бувади. – Выпей и расслабься. Это наш человек. Он не одного бойца с того света вытащил, и ты уже к послезавтраму будешь, как новенький. А то эти эскулапы тебя залечат до госпиталя, а там, глядишь, и комиссуют – это у них на раз.

И протяжно так, со вздохом добавил:

– Кровь у тебя из левого уха шла – а это плохо. Но ничего; отремонтирует он тебя, даже не сомневайся.

А громила, ни на секунду не прекращая своих колдовских действий, смочил полотенце в тазике с не менее вонючей жидкостью, укутал им мне всю голову вместе с лицом. Затем обхватил своими огромными лапами, спрятав в ладонях замотанную полотенцем гудящую колокольным звоном башку, сдавил её, делая пальцами упор на какие-то только ему одному известные точки, бормоча свои неразборчивые заклинания на чеченском языке. Мне стало тепло и уютно, ко мне вернулись обыкновенные человеческие чувства, я почувствовал, что очень сильно устал. Я закрыл и без того закрытые полотенцем глаза и заснул. Не вырубился, а именно заснул.

Проснувшись, я увидел всё то же колдующее надо мной бородатое лицо, которое уже не казалось таким пугающе страшным.

– Могушала муха ю хьан, – прорычал он, увидев моё пробуждение, и, довольный результатами своего труда, обнажил в улыбке давно не встречающиеся со щёткой жёлто-коричневые зубы.

– Могушала муха ю хьан, – более жёстко произнёс он и уставился на меня немигающим взглядом, впервые перестав ворожить над моим бранным телом.

Я был похож на аэронавта-землянина, который, ударившись башкой со всего космического разбега о марсианскую поверхность, впервые увидел пытающихся войти с ним в контакт местных жителей, изъясняющихся исключительно на своём марсианском языке, да ещё и с каким-нибудь Элизийским заэкваториальным диалектом.

– Как ты себя чувствуешь? Как Ваше здоровье? – увидев моё неподдельное напряжение, а вернее полное непонимание в общении с громилой, перевёл мне боец, заменивший Бувади в моём изголовье.

– А как может себя чувствовать человек, вернувшийся с того света? – слегка заплетающимся языком вопросом на вопрос ответил я. – Готов в ноги поклониться своему спасителю.

– Да вы ВСЕ должны в ноги упасть вашему спасителю! – с каким-то надрывом, пресекая всякую иронию в разговоре, произнёс переводчик. – Должны молиться всем своим Богам за бойца СОБР, который нёс дежурство на посту у въездных ворот в РУБОП.

Это он, увидев резко свернувший с дороги на огромной скорости КАМАЗ, который, протаранив ворота, несётся к зданию ОРБ, не стал дозваниваться до дежурной части, как того требовала инструкция. Он просто встал в полный рост на пути летящего напролом автомобиля и, расправив плечи, долбил грузовик пулемётной очередью пока не остановил его смертельный полёт.

Он осознал, он понимал – НЕТ!!! Он уже точно знал!!! – что несёт эта мчащаяся машина смерти. У него был выбор: сделать всё по инструкции, дозвониться, доложить и, ожидая приказа, наблюдать как несколько тонн взрывчатки, словно карточный домик, развалит пятиэтажное здание оперативно-розыскного бюро, похоронив в руинах, работающих в кабинетах и отдыхающих в общепитии коллег, сослуживцев, друзей. Либо, до конца оставаясь верным единоклюбу данной Присяге, ценой собственной жизни прервать прорыв террориста-смертника. Он без колебаний выбрал верность долгу и Присяге!

Машина, вывернув руль, споткнулась об нить пулемётной очереди, припала на подкосившееся разорванное в клочья колесо, уткнулась расстрелянным двигателем в грудь не отступившему ни на шаг бойцу и заглохла. И через секунду неимоверной силы взрыв разметал по округе останки автомобиля на сотни метров, мгновенно зачислив героя-«СОБРовца» в бессмертный ангельский полк. Выбив все окна вместе с рамами, откалывая от здания осколки кирпичей, ломая кровлю и выворачивая мощные стропила крыши, взрывная волна накрыла меня, осыпав листвой и плодами чёрной, как смерть, шелковицы. Всё потухло... Но не дрогнуло здание, как не дрогнул боец, положивший за это жизнь.

На следующий же день, без лишних разговоров и совещаний, не откладывая в долгий ящик, реализацию нашей информации осуществили военнослужащие Министерства обороны, идеально отработав артиллерией по лагерю боевиков, не оставив там камня на камне, разметав и уничтожив вместе с лагерем все улики и зацепки для дальнейшей оперативной работы. Как военные, они, конечно, молодцы!!! – ликвидацию базы противника провели на «пять с плюсом», отработав полученные координаты квадрата, словно по учебнику. Но для нас-то они, как слон в посудной лавке, оборвали так необходимые нам нити, разрабатывая которые можно дальше устанавливать и выявлять бандитов, обнаруживать места содержания пленных и заложников, спасая такие хрупкие и бесценные человеческие жизни.

* * *

– Товарищ генерал! Олег Валентинович! Я эти пять дней в Чеченском ОМОНе был, – ни словом не отступив от истины, оправдывался я перед начальником группировки.

– А, что ты там делал, позволь тебя спросить?... Бандитов ловил? Или бабу себе завёл? Так ведь, насколько мне известно, ни тех, ни других там не водится!!!

На такую постановку вопроса я явно не рассчитывал. Все давно уже привыкли, что некоторые наши БОПовские мероприятия могут затянуться во времени и переместиться в пространстве так, что спрогнозировать конечную точку практически невозможно. Поэтому докладывать уже по факту у меня вошло в привычную практику. А когда нет результата и нечего докладывать, я затягиваю песню о перспективах, размусоливая прекрасные мечты об идеальном будущем, вплетая в свои «рассказки» полученную информацию и предыдущие наработки.

А тут вопрос в лоб, с заранее известным ответом, требующим лишь правдивого подтверждения. Выкручиваться и изворачиваться в такой ситуации – только наклепать гнев на свою голову. Поэтому опуская то, что я уже наверняка знаю, что он знает всё, и об этом знаю я, мне захотелось сократить до минимума часть своего повествования, перейдя сразу к сути.

– Я вполне здоров и готов работать как прежде, – вытянулся я перед генералом, насколько это было возможно с гудящей головой демонстрировать бравый вид. – А пять дней я не отсутствовал, я честно в Чеченском ОМОНе был и даже кое-какую информацию нарыл.

Попытался я и ответить, и сразу же перевести разговор в другое русло. Но Хотин одним только

взглядом прервал моё лепетание. И не отводя своего проникновенного изучающего взгляда, понимая, что разносить-то меня в принципе и не за что, сменил гнев на милость. Но гаденькая мыслишка всё-таки родилась в его голове.

– Морской воздух полезен для твоей пробитой головы. Кстати, как ухо? Слышит? Бувади за это сильно переживал.

– Так это он меня сдал?

– А ты хотел, чтобы тебя в списки пропавших либо погибших при теракте занесли? Ты ему спасибо скажи, что уговорил он меня на время забыть о тебе, хотя, думаю, зря я повёлся на его уговоры. Похоже, сильно тебе башку тряхнуло.

– Извините товарищ генерал, всё нормально. «Вспыллил, был неправ», – попытался я за избитой шуткой скрыть своё невежество и недалёковидность.

– Ну, то-то же. Значит так: завтра из министерства какие-то большие «туристы» прилетают – совещание проводить. Только раньше они в Моздок за удостоверением участника боевых действий приезжали, а эти – оригиналы оказались, в Махачкалу всех собирают. Похоже, по хорошей погоде в море искупаться решили за государственный счёт, заодно и нас научить как правильно воевать да бандитов ловить, им там, из штабных кабинетов в Москве, виднее как это делать. Не хочется мне им не то, что улыбаться, рожи их видеть не хочу. Вот ты и поедешь представителем группировки отчёт по бумажке читать. Кому как не начальнику по борьбе с организованной преступностью о бандитах и незаконных вооружённых формированиях вещать. А если взорвёшься и сгоряча правды наговоришь, так я сошлюсь, что тебя на днях контузило при взрыве, и тогда точно на комиссию и на вольные хлеба без пенсионера. Так что – дерзай!

– Спасибо, товарищ генерал. Море большое, пляжей там полным полно, надеюсь, со штабными умниками не встретимся, им-то благоустроенный да комфортабельный подавай, ну а мне что попроще сгодится. А насчёт выступлений, это Вы, Олег Валентинович, по адресу: для меня трибуна страшнее тюремной камеры, хотя бумажку Вашу, обещаю, прочитаю с выражением и без комментариев – всё равно на совещаниях говорящие головы никто не слушает, так что лишнего от меня не услышат. И на море я буду нем, как рыба, всё будет в лучшем виде, даже не сомневайтесь.

И, почувствовав, что генерал за внешней строгостью проявляет ко мне какую-то особую отеческую заботу, чтобы развеять его переживания, на душевном подъеме, совершенно невпопад добавил, вызвав его добрую улыбку:

– А у Бувади лекарь просто волшебник!!! Я к нему на следующей неделе показаться обещал.

– Всё. Свободен. Выдвигайся сегодня. Завтра в десять ноль-ноль начало совещания. Проживание в Махачкале в гостинице «Президентская».

После УБОПовского кубрика, где украшением над продавленной армейской кроватью на вбитых в стену гвоздях висит разгрузочный жилет, полностью затаренный гранатами «Ф-1» и магазинами к отдыхающему на соседнем гвозде автомату АКС-74, номер в гостинице показался просто олицетворением рая на земле с картинами и крахмальными простынями на невероятных размерах кровати.

Налив полную ванну горячей воды и запенив её первым попавшимся на глаза тубиком с непонятной надписью на иностранном языке и красочной картинкой вздыбившейся морской волны, я в предвкушении забытого блаженства медленно погрузил свое брэнное тело в ароматную жидкость. И растворяясь в счастливой неге, отдаваясь только своим чувствам, не обладая ни слухом, ни голосом, запел, просто заорал на разрыв аорты:

... разомлею я до неприличности
Раскалю я себя, распалю,
И на полке, у самого краюшка,
Я сомненья в себе истреблю...

Путая слова и куплеты, я с удовольствием надрывал голосовые связки, пытаюсь хрипеть неподражаемым голосом Владимира Высоцкого, вкладывая в каждое слово всю свою душу и чувства, утопая в ощущении блаженства.

...Эх, за веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я в раю!
Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость мою...

Эти завывания, больше похожие на откровения пьяного человека, наслаждающегося моментом неожиданно свалившегося счастья, наверное, превысили нормы звукового приличия в местах общественного проживания. И, набирая воздух перед очередным громогласным выплеском своих эмоций, я услышал негромкий, но настойчивый стук в дверь и осторожные манипуляции с дверной ручкой со стороны коридора незваным ночным посетителем, явно желающим быстрее проникнуть в мой номер незамеченным для посторонних глаз.

Блаженное состояние лопнуло, как мыльный пузырь, оставив огромные ошметки белой пены, налипшей бесформенными волдырями, сползающими по мокрому телу. Пулей выскакивая из ванны, я бросился к кровати за табельным оружием, автоматически схватив полотенце по пути, обматывая его, как набедренную повязку, не теряя ни секунды драгоценного времени на вытирания. Превратившись в одно сплошное большое ухо, я опустил на колено, прикрываясь стеной у замочной скважины, готовый к прыжку с нижнего старта в любую сторону, контролируя дверной проём и в то же время оставаясь ниже линии прицеливания непрошенных гостей. За дверью тоже замерли, однако присутствие притаившегося человека я ощущал всем своим телом.

Резко повернув ключ и мгновенно распахнув дверь, оставаясь в нижней точке контроля ситуации, я стволом пистолета чуть не упёрся в ажурное нижнее бельё, венчающее голые женские ноги, еле прикрытые укороченной до неприличности мини-юбкой.

– Извините, – поднимаясь и пряча пистолет за спину, пролепетал я.

– Халя, – ошарашенная таким приёмом, напрочь забыв заранее заготовленную речь, представилась барышня, произнося первую букву своего имени звуком между «Г» и «Х», выдавая южное, но явно не кавказское происхождение.

Оценив внешний вид и одинокое положение гостя в пустом, отчётливо просматриваемом во все стороны коридоре, я понял, что дамочка совершенно из другой жизни и находится здесь с абсолютно иными целями и задачами. Ещё раз убедившись в том, что это не «засланный казачок», я, извиняясь и рассыпаясь в любезностях, пригласил этот подарок судьбы в номер, чуть не поскользнувшись в луже воды, натекшей с меня во время моих приседаний, лишь в последний момент успев подхватить сваливающееся полотенце. Наш внешний вид стоил друг друга: в дверях гостя, еле прикрытая облегающим топилом и неприлично короткой мини-юбкой, напротив – хозяин, из одежды имеющий свалившееся до причинного места полотенце и пистолет «Макарова», скрываемый за мокрой спиной.

– Я услышала Ваше пение и подумала, что Вы отдыхаете один, и может Вам потребуется компания такой же одинокой девушки, – приходя в себя, начала вспоминать цель своего посещения Галина.

– Всё-таки это хоть и фешенебельный отель, но шумоизоляция здесь хреновая, – промелькнула совершенно бесполезная и совсем не уместная в данной ситуации мысль, оценивающая безопасность и комфорт гостиницы.

Это была последняя здравая мысль у меня в голове. И только после физического опустошения стало возвращаться благоразумие и отрезвление ума, вместе с которым наступило опустошение душевное, в которое мерзкой жижей медленно стало заползать осознание произошедшего и отвращение прежде всего к самому себе. Вспомнилась та гнилая, вонючая жижа, перемешанная с дерьмом, которая две недели назад на окраине Аллероя, где лёжал под проливным дождём в засаде, заползала мне под одежду, полужидкая вонючая масса, пропитывая камуфляж и обволакивая тело мерзкой, холодной тягучей слизью, когда мы брали самопровозглашенного эмира этих мест.

Информацию о том, что в Аллерой зашёл «эмир» – доверенное лицо Аслана Масхадова, специалист по минно-взрывному делу – для подкупа обнищавшего населения и раздачи денег завербованным жителям на проведение подрывной деятельности в отношении федеральных сил и местных сторонников законной власти, я получил, проверяя подозрительный факт: откуда могли появиться в горах новенькие, прямо из-под станка, пахнувшие ещё типографской краской настоящие доллары США. Шустрый, но не единожды обжогшийся на фальшивках паренёк, решил проверить на подлинность полученные денежные знаки, обращая то к одному, то к другому более взрослому односельчанину за консультацией и демонстрируя хрустящие, ещё не потрёпанные зелёные бумажки с портретом американского президента.

Уже к вечеру я точно знал где, в каком доме, остановился и когда собирается покинуть село столь щедрый на раздачу денежных знаков, проблем для местного населения и смертей для неповинных

людей шайтан, называющий себя эмиром. А главное я знал, что гостеприимный хозяин, умеющий крепко сидеть в седле и виртуозно управлять скакуном, но совершенно далёкий от технического автопрогресса, загнал какой-то загруженный до предела автомобиль в дальний уголок своего двора, зачем-то замаскировал его лоскутным брезентовым одеялом, укрыв от посторонних глаз, предварительно заправив под завязку, наверняка подготавливая к дальней дороге.

Но знать – это только полдела. Надо взять живым вооружённого до зубов бандита на его же территории при поддержке стаи волков в овечьей шкуре, прикидывающихся мирными жителями, в любой момент готовых ударить в спину и спровоцировать возмущения и митинги местного населения, уставшего от зачисток, проверок, боестолкновений и других всевозможных силовых операций. Впрочем, за исход операции я несколько не сомневался; с такой информацией не то, что три «СО-БРовца», даже курсанты-первокурсники, смогут взять его без шума и пыли, ожидая клиента в засаде под брезентом, вызывая зависть бойцов группы прикрытия, мокнувших под проливным дождём, маскирующихся под складки местности.

Командир Пермского СОБР, на данном этапе признавая за мной только формальное руководство операцией, чётко и безапелляционно расставлял бойцов в засаде, обозначая каждому сектор обстрела и наблюдения, отодвигая меня всё дальше и дальше от предстоящих действий, верхним чутьём улавливая возможность развития событий не по складывающемуся уж очень упрощённо-красивому сценарию захлопывания мышеловки с приманкой в виде их же собственного автомобиля. Отдавая дань моей работе, должности и оперативно-розыскным результатам, но всё же реально оценивая отсутствие специально-боевых навыков, он как-то незаметно отодвинул меня на самые задворки группы прикрытия. В итоге я оказался самым крайним на правом фланге, на почтительном расстоянии от предстоящих боевых действий за сараем, почти на опушке леса, в какой-то вытянутой вдоль всего двора яме, ожидая рассвета, с наступлением которого по информации источника эмир должен покинуть гостеприимный дом.

Вместе с рассветом холодная туманная взвесь медленно превращалась в морозящий дождик, и через какое-то время небо уже заволочло свинцовыми тучами, обрушившимися на нас сильнейшим ливнем.

Твердое, как кирпич, высохшее за долгие дни палящего солнца дно моего убежища под проливным дождем стало размокать, превращаясь в обыкновенную сточную канаву, принимающую в себя стекающую с окрестностей, включая скотный двор, мерзкую вонючую жижу, перемешанную с грязью и всевозможными отходами жизнедеятельности этой самой скотины. Среди этих нечистот, вызывая грустную улыбку, промелькнула глупая, но демонстрирующая всю милицейскую действительность философская мысль, как в зеркале отражающаяся в данной ситуации: для окружающих внешне целиком и полностью, я, как представитель власти, большой начальник, нахожусь на вершине почёта и уважения, а в действительности же, бултыхаюсь в дерьме на самом дне сточной канавы.

И всё-таки нутром и всем организмом ощущая мерзость своего положения, я решил улучшить своё жизненное пространство, пренебрегая настоящей рекомендацией командира СОБР – не высовываться из моего укрытия до финальной стадии задержания бандита. Переползая на приличное расстояние вперёд по канаве на каменный, относительно сухой уступчик, мне открылась картина, перевернувшая всё с ног на голову.

Со стороны леса, отделённые и скрытые от бойцов засады домом, сараем, всевозможным хламом и другими непонятными надворными постройками, почти не таясь, согнувшись, лишь укрываясь от колючих на ветру струй холодного дождя, шли в мою сторону два ублюдка с автоматами наперевес. Лихорадочно соображая что делать, я, как кролик на удава, смотрел на приближающихся бандитов. В довершение драматичности ситуации, усугубляя моё катастрофическое положение, словно ниоткуда, как-то ужасающе мистически материализовались, бесшумно отделившись от стены дома, ещё две огромные сгорбленные фигуры и двинулись им навстречу, на моё счастье, склонив головы и смотрящие только себе под ноги, пряча свои лица от хлещущего по глазам дождя. Я замер. Парализующее, вводящее в оцепенение страшное чувство присутствия смерти с головой накрыло меня, заставив даже перестать дышать. Но она, костлявая, вместе с громилами прошла в нескольких шагах, не обратив на меня никакого внимания, попросту не заметив застывшего, замершего в шоке с лопающимися от напряжения нервами подполковника милиции.

Бандиты встретились метрах в восьмидесяти от моего укрытия, перекинулись парой фраз на чеченском языке, и, приветствуя друг друга, обозначили подобие объятий, соприкасаясь плечами и головами, скрытыми под брезентовыми капюшонами армейских плащ-накидок. После короткой тирады одного из громил с жестикуляцией стволом автомата в сторону засады, ожидающей их с противоположной стороны дома, они все четверо заржали каким-то лающим смехом. И без какой-либо паузы на той же ноте, не то с наркоманским, не то с фанатичным оттенком безумия возопили «Алла-а-а Акбар», с протяжным звуком «а-а-а» проглатывая конечную букву «Х». Этим они явно накликали беду на свою голову, потому что, наплевав на кавказское гостеприимство, взорвав, расстреляв, уничтожив кавказское долголетие, призывая Аллаха, они прежде всего оскорбляют Всевышнего, упоминая его всуе, развязав братоубийственную войну на благодатной Чеченской земле.

Оцепенение прошло вместе с осознанием того, что нас обвели вокруг пальца. Понимая, что шило в мешке не утаить, они тонко и ненавязчиво напичкав необходимой информацией, подтолкнули нас к организации засады в определённом месте, освободив беспрепятственный и безопасный проход эмиру в лес, в его дьявольское логово. Всё стало ясно, как Божий день, но я слишком поздно понял всю хитрость и извращённое коварство их замысла.

Обида уколола прямо в сердце. Затмевающая разум ненависть, профессиональная гордость, и единственный, случайно представившийся, шанс предотвратить торжество победы бандитов отодвинуло инстинкт самосохранения в дальний угол переполненного адреналином организма.

– Оружие на землю!!! Всем оставаться на местах!!! – заорал я, срываясь на фальцет, выдавливая слова из пересохшего горла, подкрепив серьёзность намерений длинной автоматной очередью, отсекающей бандитов от леса.

Реакция последовала незамедлительно в виде шквального огня из четырех стволов одновременно, как будто они только и ждали команды на ответный удар, причём, как мне показалось, на чётко выверенную, плотную прицельную стрельбу.

Пули врезаюсь в противоположный берег канавы, чавкали жижей, как чавкает беззубый рот старухи с косой по имени смерть. Реальность нелепой кончины вновь сковала ужасом дрожащий от перевозбуждения организм, но просвистевшая в миллиметрах над головой автоматная очередь заставила мгновенно воткнуться мордой прямо в грязь, после чего кубарем свалиться на самое дно ямы.

– Сопротивление бесполезно!!! – как можно громче заорал я больше даже не для бандитов, а для засадной группы СОБР, чтобы они сориентировались, кто есть кто и где находится, а самое главное, чтобы быстрее перестроились на совершенно иной боевой расклад.

Шквал огня прекратился так же внезапно, как и начался. Мгновенно наступившая тишина накрыла какой-то пугающей непредсказуемостью, не сулящей мне ничего хорошего. Не понимая что происходит за пределами моей спасительной ямы, но боясь даже выглянуть, чтобы осмотреться, я поднял автомат на вытянутых над головой руках над откосом канавы, и пустил длинную очередь в сторону бандитов, чтобы, не дай Бог, они не одумались, и в то же время сосредоточить их внимание на себе, давая возможность скорее перегруппироваться СОБРа́м. Однозначный ответ я незамедлительно получил свинцовым посланием сразу из четырёх стволов. Каждый из бандитов не жалел патронов, вымещая свою ненависть за провалившийся план на прячущемся в канаве, непонятно откуда взявшемся «федерале».

Мой очередной вопль «Прекратить сопротивление!» они восприняли по-своему. На какое-то мгновение прекратив бесполезную канонаду, они стали короткими прицельными очередями обрабатывать канаву, не давая мне ни оглядеться, ни переместиться, заставляя всё больше и больше вжиматься в мерзкую жижу на дне ямы в единственно непростреливаемом месте. Высовываться и ввязываться в перестрелку в такой ситуации стало равносильно самоубийству.

И вдруг из распахнувшихся ворот преисподней пахнуло ледяным холодом, осознанием того, что под прикрытием этих прицельных, плотных ежесекундных автоматных посланий ко мне крадётся смерть, которой я даже не смогу заглянуть в глаза. Подкравшийся бандит даже не покажется из-за откоса, а просто, выставив ствол автомата, зальёт мою спасительную ямку свинцовым дождём.

Дрожащими руками я перевернул полупустой магазин, заменив на притороченный изолентой, по афганскому принципу, новый. Зачем-то передёрнул затвор, выщелкнув из ствола хороший патрон, который вращаясь и описав в воздухе небольшую дугу, упал, скрывшись в вонючей жиже, освободив место в патроннике своему брату-близнецу. И приготовившись к последней дуэли, я

немигающим взглядом упёрся в границу между жизнью и смертью обозначенную откосом канавы, где непременно должен появиться кончик ствола, обрывающий мою жизнь. Сквозь автоматную трескотню я усиленно пытался уловить хоть малейший шорох, указывающий на место появления подкрадывающегося бандита.

Взывающую о спасении молитву прервали два прогремевших почти одновременно оглушительных взрыва шумовых гранат со своеобразным неметаллическим акцентом и грохот сразу десятка автоматных очередей, старающихся перекричать друг друга, сдобренных отборным русским матом. После грохота короткого боя и звуков борьбы за границами моей спасительной канавы прозвучавший до боли знакомый, грубый с хрипотцой голос командира Пермских СОБРов послышался ангельским гласом с небес, выдаваемый короткими, чёткими, отрывистыми командами с длинными, но не театральными паузами, а лишь для осознания и беспрекословного их выполнения:

– Алё-ё-ё... там, в канаве!!!..., отвоевался!!! Ствол в землю..., автомат на предохранитель...

И, дождавшись характерного металлического щелчка рычага переводчика стрельбы в верхнее положение:

– Выползай!

Ага..., легко сказать «выползай», когда тело, как не своё, ни руки, ни ноги не слушаются после пережитого. Они не размякли, не заостенели, а просто стали жить какой-то своей жизнью, делая всё заторможено, медленно, как будто обдумывают, стоит ли им вообще это делать, выполняя команды этого сумасшедшего. Протянутая сильная, мускулистая рука командира СОБР помогла выбраться на грешную землю. И, отпустив крепкий хват, высвободив мою грязно-скользкую ладонь, спаситель сделал шаг назад, чтобы рассмотреть меня с ног до головы, заглянуть в душу и понять, что же творится именно там внутри.

– На идиота ты не похож. Да и на человека, бездумно принимающего решения, тоже как-то не сильно смахиваешь, – по-новому оценивая задержал он взгляд на моем лице, как будто впервые меня увидел. – Не понимаю; вызывая огонь на себя, ты же подписал себе смертный приговор. Шансов выжить у тебя просто не было.

– Но они бы ушли!.. Поимели бы нас – и ушли. А мы бы опять остались по уши в дерьме.

– Да ты на себя-то посмотри, чистюля ты наш! – в голос засмеялся он, мгновенно поменяв настроение. – В «Бэтээр» я тебя точно не пущу – потом неделю выветривать надо будет. На броню поедешь, заодно и помоешься под дождичком, – договаривал он уже сквозь откровенный, но безобидный смех, снимающий напряжение только что отгремевшего боя.

И в подтверждение его слов, во двор влетели два БТРа, ожидавших команды в секрете на окраине села.

– Грузи клиентов... Снимаемся... Моя машина замыкающая! – снова став беспрекословно серьёзным, начал отдавать он свои резкие с нетеатральными паузами команды, оставив до лучших времен подколки по поводу моего внешнего вида.

Как металлические шарики на огромный притягательный магнит, бойцы мгновенно скатились и облепили бронетранспортёры. Не церемонясь, затолкали задержанных в бронированное чрево машины.

– Готово.

Командир пересчитал бойцов, решая в голове одновременно сотни параллельных задач, и, удовлетворившись увиденным, примостился рядом со мной на броню. В последний раз оценивающим взглядом окинул поле только что отгремевшего боя, дал команду «вперёд».

БТРы взревели, окутав сизым специфическим дымом дворовые постройки, унося всех участников утренних потрясений на УБОПовскую базу в Ханкалу, оставив в покое тихо выполнять свою зловонную, но исключительно мирную миссию спасительную сточную канаву, незаслуженно полюбившую вместо меня огромную порцию смертоносного свинца.

А промокшим и озверевшим бойцам после жёсткого боестолкновения и затянувшегося маршброска под проливным дождём самой лучшей наградой стала ожидающая нас в Ханкале раскалённая градусов до ста двадцати настоящая баня, слепленная из подручных материалов с солдатской смекалкой и «Кулибинской» технологией, родив что-то среднее между русской парилкой и финской сауной. И в этом произведении солдатской изобретательности самым нуждающимся несомненно было моё многострадальное тело, облепленное затекшей под одежду ещё там, в сточной канаве,

вонючей жижей, которая, согретая моим же теплом, стала подсыхать, преобразуясь в не менее зловонную корку, вьезшуюся и лопающуюся вместе с кожей.

Оставшись в чём мать родила и настрогав ножом стружек хозяйственного мыла в тазик с замоченной одеждой, я размазал оставшийся кусок мыла по мочалке и с неопишуемым наслаждением стал тереть, драить скрести себя, абсолютно потерявшись в блаженстве и во времени, прочувствовав всеми фибрами души ни с чем несравнимое ощущение чистоты. После чего натянув элегантно-трико и нелепые, абсурдно-грубо смотрящиеся со спортивным костюмом громоздкие, кирзовые берцы, так как кроссовки купались в соседнем с камуфляжем тазике, я переступил порог ОБОПовского кубрика, где «опера» работали с задержанными.

Дисциплинированные сотрудники встали при входе своего начальника. Доселе ни проронивший ни слова «эмир», сначала мельком бросив на вошедшего пренебрежительный взгляд, на глазах бледнея, тоже стал медленно приподниматься со стула, просто упёршись в меня испуганным взором.

Увидев кричащий диссонанс в одежде остановившегося в дверном проёме человека, при виде которого все сотрудники ОБОП встали, на полуслове прекратив свою работу, он понял, что допрос с убеждениями, увещеваниями, призывами к совести и уговорами, на котором он, издеваясь и бравируя, сидел с гордо поднятой головой, закончился. Его извращённый мозг сразу нарисовал неутешительную для него картину, не зная истинную причину моего внешнего вида, должность и полномочия, он сделал умозаключение, что это как минимум палач по его душе, спортивный костюм на нём надет для лёгкости движений, а грубые, пудовые берцы – для тяжести ударов. Вспомнив, как сам частенько издевался, жестоко избивая связанных по рукам и ногам попавших в плен русских солдат, он представил и даже заранее ощутил, что этот солдатский ботинок, пытаясь отомстить за всех замученных им лично молодых и безусых владельцев таких же некомфортных грубых берцев, влетает в район его печени, проламывая нижние рёбра, перехватывая дыхание причиняет неимоверную боль, которую не все, им избиваемые, выдерживали, погибая в непереносимых муках под его надменно-садистский смех.

Даже не дав мне закрыть за собой дверь, предотвращая самим же для себя придуманный кошмарный план развития дальнейших событий, явно не сулящих ему прибавления здоровья, эмир, пытаясь заслужить снисхождение и найти защиту у заместителя начальника второго оперативно-розыскного бюро Елбазова Салмана, тараторя и сбиваясь, переходя с русского на чеченский, стал рассказывать про своих заокеанских хозяев, не стесняясь, выдавая посредников, телефоны, явки и пароли. И, оправдываясь, во всех подробностях стал пояснять, как шантажируя и запугивая простых жителей, вручал им по двести долларов США, заставляя писать расписки на пятьсот, а то и тысячу долларов для того, что бы они, отработывая их, организовывали террористические акты в отношении федеральных сил и законных местных властей. В подтверждение своих слов, побаиваясь и краем глаза всё-таки контролируя мои действия и перемещения по кабинету, сказал, что во время задержания засунул пластиковый пакет с расписками под валяющийся во дворе кусок шифера.

Уже через три часа передо мной лежал пакет с расписками местных жителей, нацарапанных не всегда грамотно, разнообразно корявыми почерками и для верности с обязательным оттиском большого пальца. А эмир, рассказавший всё, что знал о заложниках, бандформированиях и их пособниках и больше не представляющий для УБОПовцев оперативного интереса, был передан коллегам из ФСБ, как ценный носитель информации по линии работы воюющих с нами бок о бок настоящих чекистов.

А я, уже, наверное, в сотый раз, перелистывая и просматривая лежащие на столе расписки, никак не мог отделаться от непонятного чувства, что что-то здесь не так, чего-то я пока недопонимаю. Это чувство ещё больше напрягало, не давая сосредоточиться на чём-то важном, что витает где-то в воздухе и никак не может сформироваться в главную мысль. И вдруг в кабинетной тишине, которую нарушало только шуршание перелистываемых мной и Елбазовым бумаг да тяжёлые вздохи от гнетущих ещё несформировавшихся мыслей, при прочтении очередной расписки Салман абсолютно безапелляционным голосом заявил:

– Алексей Викторович, – хотя он всегда обращался ко мне только по имени, с мягким несвойственным для чеченского языка произношением «Алексей», – я не поеду изымать деньги. Я знаю многих из этих людей. Никакие они не террористы, а до предела обнищавшие из-за войны обманутые работяги, у которых и хлеб на столе не всегда бывает. Я уверен, что они от безысходности взяли эти доллары. Я не буду изымать у них деньги, обрекая их семьи на голод.

От этих слов у меня в голове что-то щёлкнуло, всё сразу встало по своим местам, включилась и заработала нестандартная «оперская» мысль, стало легко и понятно что делать и как дальше действовать.

Выдержав паузу, я не менее безапелляционным голосом произнёс, как отрезал:

– Нет, Салман! Именно ты поедешь изымать эти деньги. Доллары им оставлять нельзя! Ты же сам говоришь, что они честные и обязательные люди, а это своего рода их обязательство перед бандитами. Сам я чеченского языка не знаю, а кому-то другому доверить это мероприятие просто не могу. И поедешь ты не один, а с выездной торговой бригадой продовольствия, строительных материалов, сельхозоборудования, инструментов, детских товаров. Коммерсантам я шепну, что в селе у народа появились деньги, а ты уж проконтролируй, чтобы эти, – прихлопнув ладонью стопку расписок, – отоварились по полной. А на сдачу выдавай им их же собственные расписки для уничтожения, что перед бандитами у них больше никаких обязательств нет, а эта вручаемая им бумага теперь путёвка в нормальную мирную жизнь. Только ты, Салман, сможешь найти для каждого нужные слова и сделать так, чтобы никто из наших, – указательным пальцем я чуть не упёрся в потолок, – никогда не узнали об этом пакете.

Он посмотрел на меня ошарашенным, недоумённым взглядом всегда ясных проницательных глаз, которые неожиданно подёрнула пелена слёз. Слёз благодарности от всего чеченского народа. Я обнял его и как-то витиевато, но от всей души произнёс, что это очередной кирпичик, вложенный УБОПом в строительство вашего гостеприимного чеченского дома, сгрёб со стола все расписки, засунул их в пакет и просто впихнул его в руки обалдевшему Салману.

– Действуй!!!

А сам, почувствовав наваливающуюся усталость, побрёл к себе в кубрик, и, не раздеваясь, рухнул на кровать, захрапел, едва коснувшись головой подушки, в то время как мои заместители Долгов и Шаравин обрабатывали полученную от эмира с поделниками информацию, которой хватит для работы всему РУБОПу на год вперёд.

Сон мой был крепким, но не долгим. Уже через полчаса растолкал меня Долгов со словами, что меня срочно вызывает генерал Хотин. Всучил впопыхах написанный рапорт о проведённом мероприятии и, поняв, что я окончательно проснулся, полушёпотом предупреждая только сам не зная о чём, сказал, что сейчас на нашу площадку прилетела «вертушка». Из неё вышел какой-то важный хрен с чудиками, изрядно насмешившими всех встречающих, которые, выпрыгнув из «вертушки», вращая головой, изображая из себя суперохранников, демонстративно выставили вперёд двумя руками на уровне своих морд пистолеты. И это в Ханкале-то, где у каждого встречного заряженный автомат с полным боекомплектом и в придачу в разгрузочном жилете полно гранат как минимум на час хорошего боя. Так вот; эти клоуны, пыжась от своей охранной важности, проводили гостя сначала в ФСБ, а теперь, под всеобщий хохот, к генералу Хотину, и сейчас он у него в кабинете. А за тобой прислали посыльного, чтобы ты срочно предстал пред генеральскими очами.

Только очи оказались совсем не генеральские, хотя сначала были и генеральские тоже. Хотин Олег Валентинович явно чувствуя себя неуютно в собственном кабинете, где как раз по-хозяйски расположился гость, манипулировал ручной радиостанцией и как бы случайно нажал на тумблер прослушивания радиоэфира, услышав, что сквозь треск и хрип пробиваются еле различимые голоса, сославшись на плохой приём сигнала, вышел из кабинета.

– Алексей Викторович, тебе не наливаю, – плеснув себе в стакан серьёзную порцию коньяка «ХО», судя по названию, явно из запасов Хотина Олега, без предисловий начал гость, ошарашив меня своей информированностью по поводу моей скромной персоны. – Знаю – не употребляешь.

Он медленно прошёлся по мне изучающим взглядом и продолжил:

– Помимо других наград, Вы награждены тремя орденами «Мужества». А, как Вам известно, при совершении очередного подвига либо выдающегося поступка награждённый тремя орденами Мужества может быть представлен к званию Героя Российской Федерации. То, что Вы привезли в Ханкалу эмира – это не подвиг. А вот если под моим руководством мы проведём крупную спецоперацию и арестуем всех взрывников, а по моей информации у Вас есть доказательства их террористической деятельности в виде расписок о получении денег за их подрывную деятельность, да во главе с этим эмиром, тогда я похлопочу о Вашем представлении. Этот наш с Вами подвиг по разгрому крупнейшей террористической группировки на Северном Кавказе будет доложен самому

Президенту. Поверь, я лично вхож к нему и имею возможность влиять на формирование мнения в его ближайшем окружении.

Замаячившая Звезда Героя Российской Федерации поставила меня перед непростым выбором: на одной чаше весов этот напыщенный гость со всем президентским окружением, на другой – Салман Елбазов с благодарными жителями Чеченской республики, для которых, наконец-то, замаячил путь к долгожданной мирной жизни.

– Извините, это не террористы, а обыкновенные работяги, перебивающиеся с хлеба на воду. А реальных террористов, эмира с подельниками, которые оказали нам серьёзное вооружённое сопротивление, мы взяли, и с ними сейчас уже работают в ФСБ.

– Да наплевать мне на твоего эмира и на работяг твоих навалить мне большую кучу!!! – мгновенно взорвался он, перейдя на крик. – Мне нужна крупная спецоперация по разгрому террористического подполья. Так что быстренько принеси мне расписки и можешь быть свободен, – с раздражением бросил он мне, как шелудивому котёнку.

Но я себя тоже не на помойке нашёл, хотя и сподобился барахтаться на самом дне сточной канавы, но то, что я потерял совесть, офицерскую гордость и человеческое достоинство, меня никто не может упрекнуть. Поэтому, закипая неподдельной злостью, но всё-таки стараясь подбирать приличные слова, осознавая важность положения моего собеседника, я ехидно спросил, стараясь закосить под дурачка, что не раз выручало в общении с влиятельными персонами:

– А откуда у Вас информация, что у меня есть какие-то расписки?

– Не твоё собачье дело – где и чего я узнаю! У меня есть свои информаторы. А ты принеси бумаги и ступай восвояси! Когда понадобится – позову.

У меня рухнуло забрало. Планка приличия упала, порушив последние остатки уважения к зарвавшемуся хаму.

– Так вот; у своих информаторов и забирайте нужные Вам бумаги, а от меня кроме рапорта о проведённом мероприятии Вы ничего не получите.

У гостя взлетели вверх брови, поджатые губы, превратившись в тонкие сине-розовые полоски, заметно задрожали, учатившееся дыхание показало, что с ним вообще впервые разговаривают в таком тоне. И вдруг он после минутной паузы, совершенно не контролируя себя, размахивая до неприличия ухоженными ручонками, просто завизжал, распаяясь с каждым словом.

– Ты, мразь!!! Как ты со мной разговариваешь?!? Я тебя сгною!!! Ты никогда не получишь свою Звезду Героя, как бы ты не пыжился – это я тебе гарантирую!!! Ты сам выбрал свою судьбу, я тебя просто размажу!!!

– Уважаемый товарищ из Москвы! – как можно спокойнее произнёс я, ещё больше выводя его из себя своей внешней невозмутимостью. – Не знаю, как к Вам обращаться – Вы даже не представились. И, кстати, для информации; Вы приехали в Чечню. Это не самое подходящее и безопасное место, где можно шантажировать и угрожать вооружённому человеку, только что вышедшему из-под бандитских пуль с ещё не остывшими от боя головой и автоматом.

Поняв весь смысл последних слов, он подавился воздухом, хватая его открытым ртом, не произнося не звука. И только не вовремя вошедший генерал Хотин разрядил ситуацию, приняв на себя весь его гнев, задав совершенно невинный вопрос.

– Я не помешаю?

И тут чинушу прорвало:

– Товарищ генерал, Вы что здесь себе позволяете?!? Устроили здесь колхоз!!! Превратили здесь всё в анархию! Вы у меня этот колхоз надолго запомните!!! Работяги у них, колхозники...

И возмущаясь, посылая проклятия и угрозы во все стороны – мне, Хотину, оперативной группировке и всей Чечне, вместе взятой – опрокинув стул, он направился к выходу. Но, столкнувшись со мной взглядом, резко остановился и визгливым голосом крикнул на своих охранников, при этом стараясь расположиться так, чтобы между нами оказалась огромная фигура генерала. После чего, считая ниже своего достоинства общение со мной, он приказным тоном сказал Хотину, чтобы тот удалил меня из кабинета.

Придя к себе в кубрик, я бросился на кровать. Но мне уже было не до сна; в душе всё клокотало, было и обидно, и противно одновременно. Я вновь переживал каждое мгновение этого разговора, каждая клетка уязвлённой души негодовала, просто криком кричала от цинизма, оскор-

блений и незаслуженного унижения. Я крутился на кровати, не в силах успокоиться, всё больше и больше убеждаясь, что сделал правильный выбор, что с этой высокопоставленной тварью мне не по пути.

Не находя себе места, метался по кубрику, как тигр в клетке, погружённый в свои мысли, я, неожиданно даже для самого себя, ничего не замечая на своём пути, вышел в коридор, где упёрся лицом в приспособленный СОБРовцами для своих тренировок боксёрский мешок, который и стал громоотводом моих эмоций. Только, в отличие от голливудских звёзд, которые одним ударом пробивают, разрывая в клочья боксёрские груши, я, дубася его руками и ногами, изрядно разбил в кровь только свои кулаки, не причинив спортивному снаряду никаких повреждений. Зато основательно облегчил душу. За этим занятием и застал меня посыльный, сообщив, что Олег Валентинович Хотин снова немедленно приглашает к себе в кабинет.

Генерала я застал одного, сильно озабоченного, но, судя по тому, что он был погружён в себя, взвешивая какие-то только ему подвластные «за» и «против», я понял, что не посещение этого упыря ввело его в тяжёлые думы. О том, что упырь почти сбежал, прикрываясь своими клоунами, мне по пути к Хотину стукнул вездесущий Хаджибеков.

– Да, уж, Алексей!.. Умеешь ты найти приключения на свою задницу, – начал генерал, как только мы остались в кабинете вдвоём. – Этот Прилипенко соответствует своей фамилии, прилипает к чужим деньгам и славе, как банный лист, сам знаешь, к чему. А уж если кто ему не понравится или, не дай Бог, поперёк дороги встанет, прилипнет так, что всю душу вынет, устроит геморрой по полной программе. И ко всем твоим неприятностям, «ментов» он просто ненавидит, считая себя белой костью, так что готовься. Он мастер интриг. Его метод прост, но до одури эффективен. Он пройдётся по твоему руководству, вбивая клин между тобой и каждым из них в отдельности, ненавязчиво подталкивая их, заходя к шефу, высказать о тебе всякую гадость, которую он сам же лихо и вольёт им в уши. После чего, имея доступ к телу, объединит эти как бы разрозненные высказывания, разных руководителей и подытожит со своими выводами, в которых ты, Алексей, сам себя не узнаешь. Но главное – мнение о тебе уже будет сформировано, и никогда ты от него не отмоешься, как быстро отмылся от Аллеройского дерьма.

– Ахренеть!!! Здесь, что, блин, секретов вообще не бывает!?! Всего полдня прошло, а я так понял, что вонь из Аллероя уже и до Вашего кабинета докатилась. Весело!... А на этого Прилипенко клал я с большим прибором! Я не для него здесь жилы рву, хотя умеет он, сволочь, за живое задеть, Звезду Героя сулил, если я совесть продам.

– А ты уверен, что ты прав?...

Мы оба поняли, о чем идёт речь.

– Время покажет..., но напутственные слова протоиерея отца Владимира Тимакова – жить по совести, без страха и оглядок – я не запачкал даже на дне Аллеройской канавы.

– Иди, и дай Бог, чтобы всё получилось по-твоему.

В сложившейся ситуации только на Бога и осталось уповать. Поэтому, придя к себе в кубрик, я рухнул на кровать, достал из внутреннего кармана маленькую, 5 на 6 см иконку Святителя Спиридона Тримифунтского, подаренную мне моим близким человеком, Александром Васильевичем Зверевым, которого я не могу называть другом, он для меня нечто большее, чем друг, он Зверев Сашка, или просто Василич. Лёжа на кровати, я не молился, ничего не просил, а просто разговаривал со Святителем Спиридоном, не произнося вслух ни слова, чувствуя, как по телу разливается умиротворённость, успокоенность и понимание правильности своего выбора. Спасибо Василичу с его красавицей женой Леночкой, которые на заре нашей дружбы, вернувшись с Корфу и вручая этот дар, одухотворённо рассказывали житие святого, навеки связали меня искренней любовью со Святителем Спиридоном, которую незримо стократ сильнее я получаю в ответ. Я ему просто по-сыновьи рассказываю свою жизнь, а он с иконы смотрит на меня всегда разным: то грустным, то весёлым, то озабоченным взглядом, держа в руке камень, из которого вверх вырывается пламя, и одновременно вытекает вода. Это он на Никейском соборе таким чудом доказал триединство Господа – Отца и Сына и Святого духа. А мне отдельно, строго по-отечески показывает, что помогает он только людям с чистыми, как ключевая вода, помыслами, твёрдыми, как камень, убеждениями и пламенной душой.

Проза

Геннадий Сазонов

Поэт, прозаик, публицист. Родился в 1950 году. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Отработал в печати более 40 лет, в том числе собкором газет «Правда», «Труд», журнала «Сельская новь». Первую книгу прозы «Я здесь живу...» выпустил в 1982 году в издательстве «Московский рабочий». Стихи, рассказы, повести, очерки печатал в журналах: «Берега» (Калининград), «Воин России» (Москва), «Север» (Петрозаводск), «Аврора» (С-Петербург), «Москва» (Москва), «ДОН новый» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск), «Российская Федерация» (Москва), «ЛАД вологодский» (Вологда), «Благовестник» (Вологда), «Домовой (Тверь), «Пятницкий бульвар» (Вологда), «Алтай» (Барнаул), «Вра-

та Сибири» (Тюмень), «Журналист» (Москва) и других. Автор 30 книг поэзии, прозы, публицистики. Победитель ряда литературных конкурсов, в том числе – лауреат Всероссийской литературно-художественной Премии «Золотой венец Победы» (Москва, 2011). Член редакционного совета журнала «Берега»

Миронежье

Современная провинциальная хроника

Идя домой, он соображал, что от смерти будет одна польза: не надо ни есть, ни пить, ни платить податей, ни обижать людей, а так как человек лежит в могилке не один год, а сотни, тысячи лет, то, если сосчитать, польза окажется громадная. От жизни человеку – убыток, от смерти – польза. Это соображение, конечно, справедливо, но всё-таки обидно и горько: зачем на свете такой странный порядок, что жизнь, которая даётся человеку только один раз, проходит без пользы?

Антон Чехов. Скрипка Ротшильда

1

Ещё не расцвело, было пять часов утра, городок спал. По дороге, укутанной туманом, бежал трусцой высокий мужик. В синем спортивном костюме, красной шапочке, смешно подпрыгивал, иногда разводил руками.

В самую рань бегуна никто не видел на безмолвной окраине. Ему хотелось подскочить, уцепиться за толстую ветку сосны, подтянуться, считая: «Раз, два, три...». Он выбирал взглядом дерево, когда уловил шум мотора, и принял ближе к обочине.

В тумане чёрный «Форд» осторожно переваливал с пригорка на пригорок, будто пантера, заведшая добычу. Свет фар выхватил край дороги, красную шапочку, мужика до пояса. Мужик исчез, снова возник.

– Что за приведение? – повернулся господин Краснощёков к водителю. – Уж черти в красных шапочках мелькают, а я всё никак не могу уснуть!

Краснощёков имел привычку не спать в машине, вагоне, самолете. Так была устроена его чувственная натура.

Шофер, мужик местный, повидавший на своём веку разных гостей, именитых и не очень, усмехнулся:

– Сдаётся мне, товарищ начальник, то мелькнул хозяин, к кому мы и едем. Пробежки у него – хобби.

– Я ещё вчера сказал, не называйте меня начальником, – раздражённо бросил Краснощёков, – просто Валентин Васильевич.

– Извиняйте, Валентин Васильевич, – исправился шофёр. – Думаю, это был он.

Ехали молча.

– Где же твой хозяин? – обратился Краснощёков к шофёру, а сам всё всматривался в извивающийся клоками туман, но не видел никакой красной шапочки.

– Свернул куда-нибудь, – отозвался водитель.

«Форд», миновав несколько улиц небольшого городка Сосновогорск, въехал в переулочек и остановился у кирпичного особняка. Это была гостиница с названием «Урочище», она принадлежала богатой, известной в городке даме Зое Завидовой.

Краснощёков в отведенном номере приятно удивился изысканной обстановке. Когда он заглянул в ванную и открыл кран – хлынула горячая вода.

– Глухомань! – вырвалось у него. – Вот тебе и глухомань!

Позавтракав с рюмкой коньяка, Валентин Васильевич строго наказал шофёру: «Меня не беспокоить! Отосплюсь за ночное бдение».

... Скупое солнышко предвзвездья осветило горизонт. Слабые лучи упали на землю. Набежавшие тёмные облака скрыли их. Лёгкий ветерок просыпал то снежную крупу, то настоящий снег. Белые пушинки попадали Василькову за воротник, приятно холодили шею. Утренняя пробежка придала ему необыкновенную бодрость.

Он приходил первым из всех служащих администрации. Это осталось с той поры, когда был директором лесокомбината. «Деревяшку», так звала комбинат жена Елизавета Алексеевна, он не оставил бы ни за что. Если бы не народные ходоки. «Пойди на главу!» – пришли они к директору и стали просить. «Зачем? – возразил Васильков. – У меня настоящее дело! Чего я зыбыл на посту главы?»

Ходоки, однако, не отставали. Они использовали всякие средства, наконец, наступили директору на «больной мозоль».

«Если Белявский станет главой, а он может вполне стать, – доложил один из ходоков, – то сразу продаст «Центр детского творчества». Он это пообещал бизнесменам...».

«Как продаст? – не понял Иван Иванович. – Обождите! А где ребятам танцевать, петь?».

«Пусть в школах и поют, и танцуют, и рисуют, – сказал Белявский, – продолжали ходоки. – Он продаст не только центр! Найдёт ещё чего продать...»

«Поют в школах! – протянул изумлённый Иван Иванович. – Ничего себе! Что ещё за новости?»

И он уступил ходокам.

Васильков был личностью известной и уважаемой, поэтому народ отдал за него много голосов.

Третий год Иван Иванович начальствовал в городе и районе.

С утра Васильков просматривал сводки по надоям молока и по спорту. Кое-кто смеялся над ним, особенно в области. Иван Иванович серьёзно возражал: «Кому нужны больные да инвалиды? Здоровый человек – он и государству даёт крепость».

В кабинет вошёл помощник главы Виктор Булочкин.

– Какие у нас события? – спросил глава.

– Только что передали штормовое предупреждение, – ответил помощник. – Обещали сильный ветер, снег, возможно, ураган.

– Серьёзное дело, – забеспокоился глава. – Доведите информацию всем службам, чтобы были готовы в случае чего принять срочные меры.

– Ещё что? – поднял глаза Васильков.

– Прибыл инспектор по федеральной линии, господин Краснощёков, – доложил Булочкин. – Пока он отсыпается в гостинице у Зои Завидовой. Когда ему назначить время?

– Давай завтра с утра, часов в одиннадцать, – предложил глава. – Покажите ему город, район. Да, кстати, по какому поводу он приехал?

– Кто его знает, – уклончиво протянул Булочкин. – Говорят, по кладбищенской истории.

– Выеденного яйца не стоит эта история, – вздохнул Васильков, – а всё её крутят да крутят. А, может, и к лучшему? Может, инспектор разберётся, поставит точку в этой канители...

Возникла «канитель» не вчера.

Хозяин кабинета припомнил, как два года назад на приём пришли жители Сосновогорска. Он усадил их за стол, угостил чаем.

– Пора кладбище расширять, Иваныч, – начал один из них, – а то помру, хоть во дворе зарывай.

– Живите на здоровье, – попросил Васильков. – Кто вам мешает? На тот свет всегда успеете.

– Так-то оно, жить любо, да не знаешь, когда смертный час ударит. Пошла мода, – продолжал бородатый дед, сдерживая волнение, – захватывать по пять-шесть мест на кладбище, чтобы, значит, впрок, для родственников.

– Впрок? – удивился Васильков. – Что-то я не слышал.

– Нет уж земли, куда положить, – всё толковал дед.

Остальные поддерживали его.

– Что ж, дело житейское, неотложное, будем решать, – заверил глава стариков.

И они ушли довольные, что удалось договориться с властью.

На следующее утро Васильков поехал посмотреть кладбище. И пригласил с собой коммунального начальника Фёдора Леонидовича Лиса, дородного, круглолицего мужика средних лет.

Окраину городка называли Миронежье. Древнее предание гласило, что дружина князя Александра из Великого Новгорода, двигаясь к берегам Невы, встретило здесь один из передовых отрядов шведов. Завязался бой. Русские ратники окружили врагов и уничтожили. Маленькая победа стала предвестием удачи всего похода против шведов в устье Невы.

Храбрый князь, собрав рать, держал слово: «Благодарные мои воины, – обратился он к ратникам, – запомните сие место! Запомните, суть русской жизни – Бог, Мир, Нежность, Любовь... Сим никто никогда нас не одолеет!».

Чуть позже, по велению князя, на месте этого славного боя основали село. Его и называли Миронежье, что, по древнему преданию означало – мир, нежность, любовь...

Васильков и Лис не знали про старинную легенду. Село кануло давным-давно в небытие. Лишь сохранилось название, которым именовали округу и кладбище.

Ряды захоронений подступали впритык к соснам. Дальше, насколько хватало взгляда, – литые стволы, могучие кроны.

– Неохота красоту рушить! – воскликнул Васильков. – А куда денешься? Справа дорога не даёт, слева микрорайон запланирован, проект уже есть. Придётся...

– Да, придётся вырубать, – подхватил Лис начатую фразу главы.

Иван Иванович ещё сокрушённо повздыхал.

– Не откладывайте в долгий ящик, – попросил он коммунального начальника. – Оформляйте всё по закону, чтобы комар носу не подточил.

– Само собой, оформим, – заверил коммунальщик. – По закону. А как же!?

Через некоторое время за подписью главы района Фёдор Леонидович получил соответствующую просьбу по расширению кладбища.

Васильков, по множеству иных забот, не вникал в подробности того, как и что делалось в Миронежье. Иногда он спрашивал Лиса, тот заверял: «Всё идет нормально». Когда расчистили участок и стали на нём рыть могилы и хоронить, неожиданно возникло уголовное дело.

Оказалось, что Фёдор Лис и директор лесхоза Борис Михайлов не выправили лесорубочный билет, не заплатили пошлину за землю. Чтобы отвести вину от себя, Михайлов написал заявление в прокуратуру – «о незаконной порубке неизвестными лицами 500 деревьев и причинении лесному хозяйству ущерба в особо крупном размере».

Вот оно как всё обернулось!

Следователи первым делом почему-то предъявили обвинение главе Сосновогорского района в «умышленных действиях», «использовании служебного положения» и «самовольном принятии решения о расширении кладбища». В документах прокуратура утверждала, будто Васильков «действовал с группой лиц по предварительному сговору».

Эти события явились большой неожиданностью для главы.

– Вот мои руки – чисты! – повертел ладонями Васильков перед следователем из области Евгением Зайцевым. – Ни одной копейки не прилипло. Я всегда жил честно.

– Это всё эмоции, Иван Иванович, – возразил тот. – Расследование покажет, что и как. Подождём!

Когда следователь ушёл, Иван Иванович пригласил к себе Лиса.

– Фёдор Леонидович, как понимать всё это? – спросил он коммунальщика. – Мы же, ещё в Миронежье, договаривались, что Вы всё сделаете по закону. А что вышло? Почему?

– Не знаю, я не виноват. Я говорил Вашему «заму», говорил директору лесхоза. Не знаю, чего они тянули, – хотел снять с себя вину коммунальщик.

– Не обижайся, Фёдор Леонидович, но мне ничего не остаётся, как предложить: пиши заявление об увольнении и сдавай дела, – он взглянул на него.

– Если останешься, меня ни в районе, ни в городе не поймут, – заключил Васильков. – Как я буду людям смотреть в глаза?

Не бывает ошибки, которую нельзя было бы исправить. Миронежье не стало в этом смысле исключением.

В срочном порядке Сосновогорский район выполнил необходимые формальности с учётом податей и сборов. Все документы быстро отправили в Москву. Председатель правительства России издал распоряжение о выделении участка в десять гектаров под кладбище, а район заплатил из своего бюджета в федеральный бюджет один миллион рублей за перевод земель лесного фонда в земли иных категорий. Такой вопрос тогда могло решать только правительство в Москве.

Оказывается, за всё надо платить, даже за место упокоения.

Уголовное дело по Миронежью прекратили.

Но потухший костёр, похоже, кто-то сильно желал опять раздуть.

...Слух о приезде высокого чина из Питера быстро облетел городок. «Вот бы к нему пробиться, – размышлял Лис, – поговорить по душам». Обида Фёдора Леонидовича на Василькова вспыхнула снова. С Зоей Завидовой он был знаком, и через хозяйку гостиницы попросил аудиенцию у Краснощёкова.

По дороге в гостиницу «Урочище» Лис встретил знакомую женщину из управления культуры, увидел, что она была очень расстроена чем-то.

– Откуда глаза заплаканные? – любопытно спросил Фёдор Леонидович. – Что случилось?

– Иван Иванович с мероприятия развернулся и ушёл, когда узнал, что мы с детей за вход деньги брали, – всхлипывала она. – Да копейки и брали-то. После вызвал меня на ковёр объясняться, вот иду от него.

– Самодур настоящий! – посочувствовал ей Лис. – Ничего, скоро отольются ему твои слёзы.

И не забыл упомянуть о культуристке, будто сам присутствовал при разборке Василькова с ней, когда говорил с чиновником. Фёдор Леонидович выкладывал Краснощёкову всё наболевшее. Здесь были «его подробности» истории с кладбищем. Здесь был конфликт главы с редактором районной газеты Сергеем Портновым. Тот написал разгромную статью про Сталина, а Васильков спросил: «Если Сталин был бы жив, напечатал бы ты такой бред? Думаешь, мёртвые сраму не имут?».

И ещё многое чего вспомнил бывший коммунальщик. Со слов Фёдора Леонидовича возникал образ жуткого монстра в лице Василькова.

Инспектор аккуратно заносил в свой блокнот рассказ Лиса.

– В каком времени он живёт? – произнес Краснощёков. – Он забыл, что у нас давно рынок?

– Забыл! Точно, забыл! – возбуждался Лис. – Приказал возить школьников из деревень в плавательный бассейн, чтобы бесплатно плавали. Бесплатного ничего нет! Платим-то мы! Бесплатно заставлял давать молоко ученикам в школах и ребятишкам в детских садах. Куда такое годится?

– Ну и ну! – поддакивал Краснощёков отставному коммунальщику.

Лис ушел от гостя с предчувствием больших перемен в Сосновогорске.

2

Сосновый бор очаровывал, завораживал, манил к себе.

Тропинка, побеленная первым снежком, вела к извилистой речке. Рядом, будто древние стражи, росли величественные сосны. Запрокинув голову, Краснощёков любовался их вершинами, вдыхал свежесть утра, необыкновенную свежесть, какой не бывает в городе – бодрящую, пьянящую.

Он гулял перед завтраком, место было недалеко от гостиницы «Урочище».

Небо над головою сияло чистотой. Только вдали за бором, на той стороне небольшой речки, два тёмных пятна портили небесное умиротворение. Пятна быстро, прямо на глазах, расширялись и приближались.

Краснощёков вдруг уловил какой-то гул: «У-у-у...». Он оглянулся по сторонам, повернулся, но кругом никого не обнаружил. Валентин Васильевич взглянул вперёд, от страха у него ноги подкосились.

Из лилово-синей тучи видимая, крутящаяся, как волчок, воронка касалась самой земли. Достигнув речки, воронка быстро всосала в себя столб воды с мелкими крошками льда и понесла дальше.

В бору чёрная воронка вырвала с корнями могучую сосну и закрутила, как пушинку. Стихия ломала сосны, будто спички, но треска стволов не было слышно. Щепки, сучья, ветки роились в воздухе.

– Ураган! – истошно закричал Краснощёков и бросился побежать к гостинице.

Издали крыша её показалась инспектору единственным спасением от грозной беды.

Тут же могучий порыв ветра свалил Краснощёкова на землю. Он больно ударился плечом о большой камень, лежащий рядом с тропинкой. Сгоряча не обратил внимания на боль, поднялся и снова побежал. Не помня себя от страха, Валентин Васильевич взбежал на горку, откуда до гостиницы было близко.

Вдруг он почувствовал сильный удар по голове, вскрикнул, упал ничком и потерял сознание.

Толстый сук, оторванный от сосны, кружась в вихре, задел Краснощёкова по затылку.

Инспектор лежал на земле, а стихия набирала обороты.

Зимний ураган, по невидимой линии обходя «Урочище», обрушил немыслимую силу на пригородные дачи, кварталы Сосновогорска и окрестности. Звенели выбитые в домах стёкла, кружилось бельё, сорванное с балконов и лоджий. В воздухе мелькали какие-то тряпки, чья-то одежда.

С крыш сельских ферм взлетали, будто игрушечные, листы шифера, и, падая на что-нибудь твёрдое, рассыпались на мелкие кусочки. На некоторых строениях не выдерживали стропила и доски.

Порывы ветра рвали провода электропередач, искры снопами вспыхивали от замыканий, в нескольких местах упали металлические опоры. Город и район остались без электричества и газа, словно наступил конец света.

Ближе к вечеру, когда стемнело, стихия уgomонилась. Над горизонтом всплыла багрово-жёлтая большая Луна, скупо осветила содеянный стихией разор. Будто невидимый кто-то взирал на попечения человеческие, произнося: «За грехи ваши!». Будто кто-то невидимый напоминал о тщете людских усилий изменить, предать забвению то, что начертано Богом.

Стало уже совсем темно, но из здания администрации никто не уходил.

В кабинете у Василькова горели толстые хозяйственные свечи, поставленные на деревянный ящик, от них было светло и необычно. Связь работала. Иван Иванович, забыв про еду и сон, звонил в областной центр, в Москву, в соседние районы, просил о помощи. Несколько раз он выезжал на места, пострадавшие от урагана. Действовал штаб по ликвидации последствий стихии. В Сосновогорск из области прибыли бригады по восстановлению электролиний, из крупного города в соседней области поступили несколько энергоустановок.

Налёт урагана обошёлся без человеческих жертв, без потерь скота на фермах, и это радовало Василькова.

– Только бы не заморозить отопление в школах, в районной больнице, в садах, в жилых домах, – беспокоился он, беседуя с заместителем Вениамином Скирдовым. – Мобилизуйте всё, что можно, попросите военных, чтобы оказали содействие. Да, обожди! Я вспомнил: у нас на комбинате был этот, как его... энергопоезд. В мою бытность директором приобретали. Электричества от него хватит почти на весь город. Уточни, в каком он состоянии? Если в рабочем, надо срочно заводить и подключать к сетям.

Заместитель ушёл. Васильков неожиданно вспомнил, что вчера Виктор Булочкин говорил про федерального инспектора. Он позвонил и попросил помощника выяснить, где гость, чтобы завтра с ним встретиться.

– Краснощёков попал в ураган, – доложил помощник.

– Мы все попали в ураган! – сказал Иван Иванович. – Что тут особенного!

– Пошёл на прогулку, – пояснял Булочкин, – в сторону бора. Когда поднялся ветер, его чем-то ударило...

– И что? – допытывался глава.

– Потерял сознание, водитель обнаружил его. Увезли в Петербург.

– Пришёл в сознание? – уточнил руководитель.

– Не знаю. Наверное, пришёл.

– У нас в районной больнице могли бы оказать ему помощь не хуже. Зачем было увозить? – недовольно пробурчал Иван Иванович.

Он подсознательно почувствовал вину перед гостем, хотя и не видел его. Чутьё подсказывало, что вынужденный отъезд федерального инспектора доброго не сулил.

Вошёл Вениамин Скирдов с красными пятнами на щеках.

– На комбинате нет энергопоезда, – доложил заместитель, – говорят, продали.

– Как продали? Кому? Обожди! Почему я не знаю? – Васильков начинал заводиться, хотя старался в любой ситуации оставаться спокойным. – Это же вам не какая-то игрушка. Вы, Вениамин Сергеевич, курировали комбинат. Кто разрешил?

– Продали в Великие Луки одному предпринимателю по его просьбе. Руководство комбината ко мне обратилось, я дал добро, – не стал скрывать Скирдов, вытирая носовым платком вспотевший лоб.

– Обожди, а интересы города? – не мог сдержаться глава. Вы об этом-то хоть подумали? Вот случись кутерьма, как сегодня, энергопоезд нам пригодился бы. А теперь его нет! Надо в дом тащить, а Вы тащите из дома. Ну, и дела!

– Ладно, иди, – махнул рукой глава. – Придётся разбираться в этой истории с энергопоездом.

«Неплохой мужик, – думал глава о Скирдове, когда тот ушёл, – да больно жадный до денег. Откуда у него? Раньше вроде бы не имел такого пристрастия. Неужели власть подпортила Вениамина? И сам я, глава, не доглядел, не одёрнул зама, хотя поводы были. Поторопился назначить правой рукой. Разве войдёшь в чужую душу? Себя-то толком не поймёшь!».

«Как не крути, – продолжал размышлять Васильков, – но, видимо, придётся и с ним расстаться».

По своей доброте Иван Иванович не стал просить правоохранительные органы завести дело на Скирдова по поводу продажи энергопоезда. Отпустил его с миром. Не думал о том, что доброта может обернуться неприятностями для него самого.

Зимнему урагану синоптики дали название «Лирик». Быт городка постепенно входил в привычное русло. Хотя кое-кто из горожан остался недоволен тем, как власти устраняли последствия стихии.

Один из них, который назвал себя «просто житель Сосновогорска», пожаловался в Москву, а оттуда жалобу по инстанции переслали в Санкт–Петербург.

«По нашему району прогудел снегопад и натворил много бед. Если быть точнее, с вечера 19 декабря до вечера 24 декабря отсутствовало электричество, не было воды и отопления. В школах, магазинах, интернате полопались батареи, потрескались трубы. Отсюда вытекает вопрос: «Почему такая подготовка к стихийным бедствиям? Где гражданская оборона?»

Насколько мне известно, все котельные должны иметь генераторы (по условиям МЧС), а у нас в городе их нет вообще (или были, но разворованы и проданы), – писал он. – Привезли генераторы через пять суток, когда стояли морозы, и жители не знали, куда себя деть, скупали фонарики и свечки в магазинах и палатках на рынке. А наш глава преспокойно устраивал соревнования по лыжным гонкам, даже, по слухам из администрации, купил «пушку для выработки снега», так как его было мало на данный момент.

И самое интересное, что все об этом знают, но боятся сказать, потому что слетят с работы. Даже наш прокурор с главой администрации на одной ноге, не говоря уже о других организациях. Вот и я пишу анонимно, потому что выгонят с работы, а работы у нас практически нет (если только бери больше, кидай дальше).

Кстати, чиновники докладывают, что всё нормально, ничего страшного нет, я имею в виду снегопад и ураган. Но это далеко не так, в городе просто бардак. Кстати, глава за взятки раздаёт совхозы своим друзьям, такая у нас демократия...

Пожалуйста, разберитесь!»

Похожие анонимки писали на Василькова и раньше. По одной из них и приезжал разбираться федеральный инспектор Краснощёков.

3

«Следующая остановка – Невский проспект», – объявили в электропоезде.

Краснощёков протиснулся к дверям вагона, чтобы успеть выйти на объявленной станции метро.

В тот момент на самом проспекте к «карману» тротуара припарковалась роскошная японская иномарка. Из неё вышел мужчина средних лет в расшитой дымчатой «дублёнке», бросил водителю: «Я пройду».

И он зашагал по Невскому проспекту.

Это был шеф Краснощёкова со странной фамилией Баннов. Он пребывал в отличном настроении, мысленно воспарил на небывалую высоту. Ему мнилось, что людской поток на Невском проспекте, сам Петербург и вся Россия, а за ней и остальной мир окажутся скоро у его ног, то и дело вождёленно вопрошая: «Господин, что желаете? Исполним сиюминутно!»

Собственными ушами Баннов улавливал эти приятные зовы неисчислимых людских толп, отчего сбавил шаг, смутился, остановился, произнёс вслух: «Подождите! Я ещё не готов, ещё не пробил мой час!».

Какой-то прохожий, что шёл рядом, услышал тираду Баннова, спросил: «Что-то случилось?».

«Извините, – опомнился мечтатель. – Всё в порядке, так, знаете, пустяки».

Баннов улыбнулся, его чёрные усы сложились в стрелочки.

Сладкие мечты имели под собой серьёзные основания. Недавно Баннова назначили управителем территорий, которые простирались от янтарного берега Балтийского моря до глухих архангельских лесов и побережья Баренцева моря. Огромное пространство, способное вместить десяток Европ с её Парижами, Берлинами, Лондонами и массой «общечеловеческих ценностей», было под его властью.

В Римской империи чиновника такого ранга называли «иегемон»; у татар – «баскак», а у древних русичей – «губной», «кормчий». Теперь – «представитель» верховной власти. В сферу интересов Баннова попадал и Сосновогорск.

Мелкий снежок осыпал Невский проспект из хмурого неба, располагая Баннова к воспоминаниям.

Когда-то он страстно хотел стать миллионером. После окончания технологического института Баннов попал на большой завод, его назначили начальником отдела снабжения. Это совпало с началом «дикого рынка». Но для Баннова он не был диким, скорее – долгожданным. На всякий материал, который заказывал завод, он набавлял, никому не говоря, «свой процент», а после умело отстёгивал «процент» в личный карман. Так он быстро сколотил капитал, стал миллионером.

Нашлись завистники, «настучали» в органы, где на Баннова завели уголовное дело. Однако раскрутить дело не успели.

Почувяв опасность, Баннов, от греха подальше, уехал в заморскую страну, успел вывезти кое-что из своего капитала.

Там он изучал философию «праотцов», якобы они заслужили для себя и потомков особую субстанцию – некую «божественную душу». Этим «праотцы» выделялись среди всех народов, считали себя сверхчеловеками, а прочих – низшими существами, с ними можно поступать по-всякому: унижать, эксплуатировать, уничтожать, отбирать у них имущество.

За границей Баннов сильно увлекся философией «праотцов», даже написал научную работу на эту тему и получил учёную степень. С тех пор он ощущал себя носителем «высшего смысла», а всех остальных людей – достойными оказаться у его ног.

Прошло какое-то время, дело Баннова замяли. А при поддержке друзей он вернулся в Петербург.

Краснощёков чуть не столкнулся с шефом.

– Моё почтение, Велор Антонович, – протянул он руку. – С хорошей погодой!

– А, Валентин Васильевич, – отозвался Баннов. – Живой? Слухи дошли, что тебя унесло ураганом в Израиль.

– Я согласен. Но такой ураган разве унесёт туда? – поддержал игривый тон Краснощёков. – Только по башке мне чем-то стукнуло.

– Серьёзно? – озабоченно взглянул шеф на Краснощёкова.

– Побаливает затылок, но терпимо, жить можно, – отозвался подчинённый.

Они вошли в роскошное здание федерального представительства.

– Так, – взглянул Баннов на часы, – зайдёшь после двенадцати.

– Слушаюсь, – ответил Краснощёков.

В приемной «иегемона» ожидал пожилой мужчина с длинными волосами, завязанными в косичку на затылке. Баннов узнал в нём известного в Петербурге поэта и раскланялся.

– Как это там у вас? – вспоминал Велор Антонович. – «За границей не был и не тянет, и не потому, что шами сыт». Прекрасно! Талант!

Поэт не ожидал реверанса от чиновника высокого ранга.

– Благодарю, что помните мои строки, – оживился он. – Сейчас так редко встретишь человека, который знал бы наизусть стихи. Вы меня прямо удивили!

– Да, время смутное, – согласился Баннов. – Читают литературу мало, всё больше на экран смотрят.

Он взялся за ручку двери и обернулся.

– Чем могу Вам служить? – спросил Баннов гостя.

И рукой показал, чтобы тот проходил в кабинет.

Поэт благодарно поклонился, вошёл в кабинет и сел на стул у стены.

– Извините за беспокойство, но нынче у тех, кто пишет, есть одна просьба к власти – помочь издать рукопись, то есть, нужны средства, – начал поэт с некоторым волнением. – Вот и я пришёл к Вам с такой просьбой.

– Время трудное, тяжёлое, – посочувствовал Велор Антонович. – Это я понимаю! Но в беде мы Вас не оставим. Вы знаете, время такое, что всё нужно просчитывать, всё нужно учитывать. Рынок, одним словом. Если товар не нужен, то он и не нужен, а если нужен, то он и нужен.

Поэт с трудом вникал в смысл речи заместителя, не совсем понимая, куда он клонит.

– Вы мне отказываете? – поднял он взгляд на чиновника.

– Ну, зачем Вы так! – обиделся Баннов. – Я Вам очень сочувствую. Мы изучим вопрос. Если у населения подведомственных мне территорий есть потребность в Вашей новой рукописи, то мы обязательно её издадим. А если нет – уж, извините нас.

Поэт уловил лукавство в ответе Баннова.

– Кто будет определять? – поинтересовался поэт. – Эту самую потребность населения?

– Наши эксперты. Натуры тонкие! – ответил Баннов. – Вы не беспокойтесь, они подойдут к Вам без всякой предвзятости.

– Хорошо, – согласился поэт и попрощался.

Одним из экспертов служил у Баннова бывший начальник пожарного управления. Велор Антонович поручил ему «разобраться с поэтом». Разобравшись, бывший пожарный отказал стихотворцу.

Сидя у себя в кабинете, Виктор Васильевич пребывал в сомнении по поводу своей проверки анонимки из Сосновогорска. Сказать, что он её толком не проверил, что у него не было встречи с Васильковым, то шеф, пожалуй, осерчает, не сказать – ещё хуже. Краснощёков достал из портфеля блокнот, стал листать страницы, и припомнил всё, что ему поведал Лис. Это вернуло ему уверенность.

– Заходи, заходи, – пригласил шеф.

Краснощёков представил шефу доклад о поездке в Сосновогорск.

Баннов слушал его молча, иногда только делал какие-то пометки карандашом на чистом листе бумаги, который лежал перед ним.

– Погрязли все в коррупции, настоящая беда для провинции, – сказал Баннов, когда Краснощёков закончил доклад.

– Если не очистим города, районы, области от коррупции, тогда зачем мы здесь и сидим? – продолжал шеф. – Не так ли? Вы, Валентин Васильевич, бывший следователь, должны понимать это лучше меня. Какое-то кладбище с нарушением закона, бесплатные бассейны, как в коммунизме – что такое? Губернатору дай шифровку, а то он там спит на ходу. Как место у них называется?

– Какое место? – не понял Краснощёков.

– Где они лес под видом кладбища вырубали и воровали, – уточнил шеф.

– Миронезье, – ответил Краснощёков.

– Вот, вот, название хорошее, а дела тёмные, – изрёк Баннов.

– Как насчёт того, чтобы там поработать по лесу серьезно? Привлечь заграничных инвесторов? – он посмотрел на Краснощёкова. – Сосновые боры, говоришь.

– Думаю, возможно. Вполне. Но глава должен быть другой, – сказал инспектор.

– Тебе и карты в руки, – напутствовал Баннов, – действуй!

От шефа Краснощёков спустился в лабораторию представительства. Там сотрудники разрабатывали для чиновников основы движения «Россияне вперёд!». Краснощёкову вручили «Тактика-лист» с символами, рекомендованными к использованию на практике:

- деньги выше жизни;
- историю необходимо переписывать;
- победа капитализма неизбежна;
- заграничное лучше отечественного;
- еврей – прибыльная профессия;
- лучший язык – язык уголовников;
- русский – не прибыльная профессия;
- меньше населения – легче управлять;
- продаваться должно всё, что существует;
- русская деревня – тормоз прогрессу;
- умеете делать деньги из воздуха;
- человек значит столько, сколько у него денег;
- лучшие в мире люди – наркоманы из США;
- долой мистику, да здравствует рынок!
- Это я уже читал, – вспомнил Краснощёков. – Что-то новенькое есть?
- Через месяц будет, – ответили ему.

4

Отец Серафим переставлял ноги, обутые в валенки. Он шёл мелкими шажками, как ребенок. Старец опирался на крепкую черёмуховую палку, жмурился от весеннего солнышка. Сухое лицо его выражало решимость, серебристо-седые волосы выбивались из-под красной камилавки, глаза светились, губы шептали молитву.

Старец собрался, наконец-то, навестить могилы родственников в Миронежье. Со стороны могло показаться, будто он и не переставлял валенок к валенку, а медленно плыл по воздуху, готовый, если потребуется, взлететь.

Побродил отец Серафим по великой Руси. Служил священником в дальних городах и сёлах, а когда вывели за церковный штат, вернулся в родной Сосновогорск. Люди прониклись почтением к нему – не отказывал в совете, утешал добрым словом, молился за страждущих. Иногда, если позволяли силы, старец добирался до единственного в городе храма в честь Святой Троицы, участвовал в службе.

Навстречу старцу шагал Алексей Борисович Ирисов, личность примечательная в здешнем народе. Он прогремел в пору, когда вожди в столице пообещали дать землю всем желающим. Ирисов, одолев препоны чиновников, первым взял несколько гектаров пашни и сенокосов, стал хозяином. Он выращивал овощи, картошку и продавал – тем и жил. Особых капиталов Ирисов не скопил, но существовал сносно.

– Отец Серафим, сам Бог послал мне Вас! Я к Вам иду. Доброго здравия! – остановил старца Ирисов.

– Спасибо, мил-человек! С Божьей помощью живу! – растрогался старец. – Что мои года! Мне вот 81-й стукнул. Если цифры переставить, то будет 18! Я ещё молодой!

Отец Серафим рассмеялся.

Ирисов в ответ широко улыбнулся.

– Отец Серафим, а если мои цифры переставить, то многовато выходит – 95! – применил к себе Ирисов методику старца.

Отец Серафим опять засмеялся.

– Не будем считать, кто старше, а кто моложе, – рассудил старец. – Это я так, уныние прогоняю, бесов пугаю.

– Не знаю, с чего мне и начать, – продолжал Алексей Борисович. – Может, отдельно к Вам придти?

– Да уж изволь! – предложил старец. – Зачем откладывать?

– Прошу у Вас благословения, – посерьёзней Ирисов. – Я хочу часовню в Миронежье поставить. А то люди приходят к могилкам, помолиться негде, помянуть по-христиански негде.

Отец Серафим взял черёмуховую палку в левую руку.

– Бог тебя благословит! – осенил старец Ирисова крестным знаменем.

– Я не один, у меня есть единомышленники, – продолжал Ирисов. – Думаю, и власть поддержит.
 – Мил человек, как тебя зовут? Что-то я запамятовал? – повернулся к нему отец Серафим.
 – Алексеем меня зовут, – ответил Ирисов.
 – Хорошее имя! – одобрил старец. – Помни, Алексей, Божий человек, что на Руси есть драгоценность, коей ни у кого нет – Вера православная, русское сокровище, оно дороже всякого золота и серебра.

– Так, отец Серафим, так! – кивал головой Ирисов, поддерживая мысли старца.

– Гряди с Богом, – старец осенил Ирисова крестным знаменем.

– Мне теперь куда? Давайте Вас провожу.

Они вместе пошли в сторону Миронежья.

... Два раза в неделю по собственному почину Васильков принимал в кабинете горожан и жителей села; горожан после обеда, селян – до обеда, чтобы они могли приехать на автобусе, а затем вернуться домой.

Ирисов оказался последним в очереди.

– Давненько не заходил, Алексей Борисович, – встретил Васильков. – Как урожай овощей? Пора бы и ферму заводить как настоящему крестьянину, а?

– Может, Иван Иванович, и заведу. Пока же я пришёл по другому делу.

– Выкладывай, – предложил глава.

– Вот на бумаге обсказал.

– Моя роль в чём? – уточнил Васильков.

– Мне нужна помощь, хотя бы лесом, – попросил Алексей Борисович.

– Давай подумаем, – согласился глава.

– После урагана в районе вырубают просеку под новую линию электропередач. Там, пожалуй, можно что-то выбрать, найти какой-то лес для сруба часовни, – рассуждал глава. – Я поговорю с начальником колонны. А ты, Алексей Борисович, подготовь расчёты, сколько надо брёвен. Оформить следует через благочинного отца Александра.

– Не беспокойтесь, представлю, – заверил Ирисов.

– Считай, по рукам! – заключил Васильков.

Вскоре черновой сруб часовни уже красовался при входе в Миронежье. Чуть позже там всё оборудовали для проведения службы.

5

– Мы теперь укоренились так, что нас никто не одолеет! – Степан Бужайло поправил очки на носу, посмотрел в упор на Барахонского. – Понял?

– Понял, – вздохнул тот.

– Ни Баннов, ни Бананов, ни Апельсинов, никто другой не одолеет. Но, сам понимаешь, отмашку дать надо. Задание у тебя ответственнейшее! От исполнения зависит, оставят ли они в покое Сосновогорск, меня, тебя и ещё кое-кого. Понял? – инструктировал Бужайло.

– Понял, – тяжело вздохнул Барахонский.

– Поедешь инкогнито, не на лимузине своём, а обычным гражданином – в вагоне. И поменьше болтай в дороге, короче. Понял?

– Не понял, – словно очнулся Барахонский. – В вагоне? С таким грузом? А если меня ... того?

Бужайло сурово посмотрел на него.

– Ты не школьник! Да, кстати, какое прозвище было у тебя в школе?

– Жирный Кот, – ответил Леонид.

– Подходит! – не удержался Бужайло.

– Будет Вам издеваться, – обиделся Барахонский.

– Вот портфель с суммой зелёных, отвечаешь головой. Вот билет до Питера. Через четыре дня быть у меня, – приказал шеф.

– Хорошо, – согласился Леонид.

Разговор происходил рано утром в кабинете Степана Харитоновича Бужайло, члена регионального правительства. Леонид Сидорович Барахонский служил помощником у Бужайло. Начальник отправлял его в командировку к Баннову.

...Скорый поезд стучал колёсами на стыках, быстро мчал в северную столицу. Устроившись в купе, Барахонский сладко заснул, положив под подушку потёртый жёлтый портфель, на который, если бы оставил без присмотра, едва ли кто позарился, не зная о содержимом.

Около одиннадцати утра состав подтянулся к платформе Московского вокзала. Леонид Сидорович вышел на перрон. Весеннее солнышко сияло над городом, и оттого настроение у приезжего поднялось. Он отправился в ближайшее кафе позавтракать. День предстоял трудный, может, не успеешь в суете перекусить.

– К Вам за столик можно? – спросила дама.

Барахонский поднял глаза от тарелки, и кусок застрял у него в горле.

– Мож... – протянул он, с удивлением прозревая в незнакомке бывшую однокурсницу Светлану Очкову.

Она, похоже, не узнала его, или сделала вид, что не узнала.

– Простите, – сказал Барахонский, – Вы очень похожи на ту, которую я когда-то...

Дама внимательно посмотрела на соседа, глаза её заискрились.

– Лёнчик? – спросила она. – Это Вы?

И громко рассмеялась.

– Светик, дорогая, вот так встреча! – воскликнул Барахонский. – Честно скажу, не ожидал. Сколько лет, сколько зим...

– Много, много, – улыбалась Светлана.

– Подожди, – сказал Леонид Сидорович, – я мигом.

Он поднялся из-за столика и вернулся с двумя бокалами коньяка.

– Это надо отметить! – важно произнёс Барахонский, – Такое в жизни бывает очень-очень редко.

– Я не возражаю, – поддержала Очкова.

Полилась беседа, передать которую невозможно. Тут было всё: и воспоминания студенческой молодости, и сердечные откровения, и всякие смешные истории, и суждения о текущей жизни, и самые прямые вопросы и самые искренние ответы. Леонид Сидорович забыл, зачем он приехал в Питер. Когда вспомнил, поручение Бужайло показалось каким-то несерьёзным в сравнении с тем, что произошло в кафе.

– Надо же! – удивлённо произнесла Светлана. – У меня сегодня отгул, я могла бы понежиться в постели, а вот поехала, будто что-то меня вело сюда.

– Провиденье! – поднял вверх палец Барахонский.

– Может, и так, – Светлана улыбнулась. – Ты очень занят?

– Есть у меня одно дело, но не срочное, потерпит. А что ты предлагаешь?

– Давай махнём ко мне в Петергоф, отметим встречу по-настоящему, – ласково посмотрела Светлана на Барахонского.

– Идея! – согласился тот. – Отличная идея! Но что скажут твои домашние?

– Я живу одна. Сын взрослый, он работает геологом в Тюмени, – ответила Очкова.

«Может, это судьба» – подумал Барахонский, взял портфель, и они вышли из кафе.

В молодости Леонид любил однокурсницу, она отвечала ему взаимностью. Из-за какой-то нелепицы их отношения расстроились, скорее всего – из-за вспыльчивого характера Жирного Кота. Он уехал, и с тех пор не знал ничего о Светлане. Семьи у него не было. Теперь чувства затрепетали в Леониде, он ощутил себя молодым и озорным.

Час езды со Светланой в электричке до Петергофа промелькнул, как одна минута.

Пока Барахонский принимал душ, Светлана накрыла на стол. Из женского любопытства она попыталась заглянуть в жёлтый портфель Лёнчика. Замок был цифровой, кода она не знала, поставила портфель на полку в прихожую. Сели за стол.

После очередной рюмки Леонид Сидорович спросил:

– Светик, где мой портфель?

– Там, в прихожей, – ответила она.

– Можно убрать его в потаённое место? – попросил Жирный Кот.

– У тебя в нём тайна? – улыбнулась Светлана.

– Тайны нет, но важный груз, – загадочно ответил Леонид Сидорович.

– Хорошо, я найду укромный уголок, – согласилась Светлана.

И отнесла портфель в спальню, поместила в шкаф.

Вечером они гуляли по парку. Петергоф весною был красив, будто ожившая сказка.

– Помнишь, вон там мы купались в заливе? – Леонид показал вдаль.

– И ты обрызгал меня всю!

Они засмеялись.

Пришли поздно. Уже лёжа в постели, Жирный Кот тихо спросил:

– Светик, а ты хотела бы стать миллионершей?

– Не думала, не знаю, – призналась она. – Всё это сложно, мне не потянуть. Я когда-то мечтала о миллионе, а потом перестала мечтать.

– Ничего сложного в том нет, – заверил Леонид. – Завтра утром ты будешь миллионершей!

Женщина улыбнулась и тихо засмеялась.

...Прошло четыре дня. Прошло пять, шесть дней, а Барахонский так и не предстал пред очами Бужайло. Он звонил Леониду на сотовый, но телефон был заблокирован. Бужайло набирал Краснощёкова, тот зло, раздражённо отвечал, что Барахонский не появлялся.

Легкий мандраж одолевал Бужайло. У него дёргалось левое веко; он терялся в догадках о том, что произошло с Жирным Котом. Сам Леонид не представлял для Бужайло ценности, содержимое портфеля – да. При мысли, что доллары попали в чужие руки, у Степана Харитоновича потели ладони, звенело в ушах. Чтобы успокоиться, он доставал из сейфа американскую купюру в 100 долларов, нюхал с одной стороны, будто ароматный бальзам, нюхал с другой стороны, нюхал ещё раз, и постепенно приходил в себя.

Неизвестность не могла продолжаться бесконечно. Прождав две недели, Бужайло заявил в органы о «пропаже помощника Л.С. Барахонского». Там возбудили дело, объявили помощника во все-российский розыск. Два лучших следователя занимались поисками Леонида Сидоровича.

Через четыре месяца (а не через четыре дня!) Барахонский вошёл в кабинет шефа.

– Меня обокрали, избили, отлёживался у знакомых, – объяснил он своё отсутствие.

Бужайло не мог привлечь помощника за растрату – деньги были «левые». В тот же день он уволил Жирного Кота.

Прокуратура закрыла дело – человек нашёлся.

6

Вымирание русской деревни большой занозой сидело в сердце Василькова. Распад крестьянства был страшнее последствий урагана «Лирик». Иван Иванович дал себе клятву: в меру сил обратить распад вспять, вдохнуть надежду в людей села. В крестьянском быте лежало животворное начало всего.

На примере деревни он должен был показать, на что способен как глава. Он помнил, когда за молоком и сметаной земляки ездили к соседям в райцентр за пятьдесят километров, а за колбасой и мясом – в Ленинград. Ибо всё, что производили колхозы и совхозы в районе, «под метёлку» забирали и увозили в тот же Ленинград или Москву.

Как-то в таком рейсе мужики подпили, один из них потерял колбасу и пришёл домой ни с чем.

Уж скандал-то ему закатали!

И сам Васильков, когда директорствовал на комбинате, взял слабенький колхоз, поставил на ноги, наладил переработку молока и мяса. Рабочие по символической цене покупали продукты, а на столах в цеховых столовых бесплатно стояли сметана и творог – кушай, сколько хочешь.

Теперь, в «диком рынке», от крестьян не требовали поставок зерна, мяса, молока. Но и не помогали. Выживай, как хочешь! Кто-то успел выжить, а кто-то и нет. Начался второй, после коллективизации 30-х годов XX века, массовый исход крестьян с русской земли.

Иван Иванович понимал: если в районе умрут деревни – наступит крах. Он видел: ещё остались люди, их не надо учить, что и как делать – сами умеют. Только требуется поддержать экономически, создать условия, вернуть интерес к труду. И он, не жалея времени, мотался по деревням, колхозам и совхозам, которые уцелели; уговаривал, просил, обещал.

Народ откликнулся на хлопоты главы района. Кто-то взял две коровы, кто-то десять коров; зарегистрировали сто фермерских хозяйств, около трех тысяч личных подворий. Удержали от ликвидации полтора десятка колхозов и совхозов. Они именовались теперь товариществами или обществами.

Глава настоял перед депутатами района, чтобы тем, кто имел корову, а хозяйствам – за поголовье, платили из бюджета по две тысячи рублей в год, а тем, кто сдавал более трех тысяч литров молока от бурёнки – ещё тысячу рублей дополнительно.

Поголовье скота в районе быстро росло.

Кое-кто из коллег посмеивался над Васильковым. «Чудак! Чего он хлопочет? Зачем создавать лишние проблемы? – рассуждал руководитель соседнего района. – Привезут из-за границы и молоко, и мясо... и бананы»

Да, везли, возят и будут возить!

Правда состояла и в том, что в двух соседних районах, когда-то славившихся урожаями льна, картофеля, надоями, скотные дворы, телятники разорили, растаскали по брёвнышку, а поля не пахали и не сеяли, короче, село ликвидировали, как «классового врага».

Мужики перебивались огородами, подворовывали и продавали лес – тем и жили. Беда пришла и туда, куда, казалось, не должна была никогда придти – на мощные сельхозпредприятия, выстроенные «с иголочки» в советское время.

Как-то Иван Иванович собрался к Руковишникову, знакомому однокурснику по лесной Академии, тот давно звал в гости, жил он в Череповце.

– Выбрался, наконец, – обнял Василькова Александр Петрович. – Я рад. Ты, Ваня, всё молодеешь! Верно, бегаешь по двадцать километров?

– Куда хватил! Пять-шесть одолею, и то, бывает, пропущу, – ответил гость.

– Молодец! У меня на такие бега прыти не хватает.

– Слушай, – продолжал хозяин, – чего мы в городе будем колготиться? Поехали на дачу, дом на берегу реки, рыбалка – прямо из окна лови.

Перед рыбалкой Васильков устоять не мог.

От автотрассы дорога свернула в лес, поднялась в гору, и справа открылась мрачная картина – брошенные производственные здания. Было впечатление, что по ним вели мощный артиллерийский обстрел.

– Что такое? – спросил Васильков у друга.

– Бывший животноводческий комплекс, – пояснил Руковишников. – Хочешь взглянуть?

Васильков кивнул головой.

Руковишников сбавил скорость, остановил машину на обочине. Они вышли на дорогу. Васильков рассматривал разорённый комплекс в обрамлении пейзажа начала лета. Чистая изумрудная зелень окрестного леса, пение птиц, переливы соловья не вязались с серыми разбитыми корпусами, наполненными жуткой тишиной.

– Когда-то откармливали четырнадцать тысяч бычков. Всё работало, как часы: своя котельная, свой автоцех, с километр отсюда – жилой посёлок, – рассказывал Александр Петрович. – Теперь, видишь, всё мёртвое. Вокруг какие поля! Сколько в них вложили средств, какие получали урожаи! Вон, видишь, поле кустами заросло!

– Кто разорил? – невольно вырвалось у Василькова.

– Кто? Рынок! – продолжал Руковишников. – Говорят, вырастить своего бычка не выгодно, выгоднее купить говядину за границей, в Бразилии или в Австралии. За ней на пароходе туда-сюда два месяца надо плыть, а тут под боком – своё, но не хотят своего.

– Слушай, Иван, – горячился Александр Петрович, – ты там ближе к власти, объясни, что происходит? Я своим умом понять не могу. Да, мы тогда, помнишь, орали: «Давай перестройку!». Но никто не хотел, чтобы вот так, как варвары, разрушали всё, что хорошо работало, что было нужно народу. Это же вредительство настоящее! Ты сам вот видишь!

– Обожди, дорогой Саша, про это не у меня спроси. Я отвечаю за то, что сам у себя делаю, а вот за это не могу ответить, – заговорил Иван Иванович. – Знаешь, мне ваш разор, да и разоры у нас напоминают «борьбу с опиумом для народа». Тогда, сразу после революции, церкви рушили, превращали в склады, в мастерские по ремонту тракторов и автомашин, в клубы и общежития. А теперь восстанавливают разрушенные храмы, строят новые. Так и с комплексами. Будут и их заново восстанавливать, и будут строить новые. Но когда? Никто этого не знает! Время уходит, вот что обидно...

Они сели в машину, поехали на дачу. На речке порыбачили, вечером попарились в баньке, от души отдохнули.

Васильков вернулся в Сосновогорск.

Впечатление от разорённого комплекса в Ульме и рыбалка не смогла затмить. Перед глазами так и продолжали стоять зияющие пустотой корпуса.

Когда Василькова пригласили на совещание к министру сельского хозяйства, который похвастался, что Россия закупает за границей миллионы тонн сухого молока, Иван Иванович не выдержал, громко выкрикнул: «Это же позор на всю страну! Мы должны вывозить молоко, а не ввозить!»

– Кто такой? – грубо бросил министр. – Почему перебивает?

Областной вождь объяснил министру, что автор реплики – «слишком эмоциональный» глава Сосновогорского района. Но поголовье скота в районе не сократили, а увеличили. Министр, услышав про поголовье, умерил гнев.

...Сидя за рулём вездесущей «Нивы», Васильков вспомнил мёртвый комплекс в Ульме. Иван Иванович боялся, чтобы такое не случилось в Заозёрье. Ради того он и катил в дальнее село района, объезжая канавы на разбитой дороге, обдумывал предстоящий трудный разговор с Рябининым, к которому он питал истинную симпатию.

Бывает, человек оправдывает свою фамилию. С Сергеем Рябининым был как раз такой случай. Он пригнулся, гнул, но поднимался. Снова гнул до самой земли, но не ломался и не сломался. Так густую рябину где-нибудь на лесной опушке мнёт, крутит, рвёт ураган, а утихла стихия, и рябина распрямилась, стоит ещё краше.

Внутренняя сила в Сергее была устойчивее, мощнее внешнего напора, стремившегося расколоть, разъять, превратить в пыль крестьянский мир.

Ещё до того, как Васильков стал главой района, в Заозёрье отчасти случилось то, что и в Ульме: ферму, правда, небольшую, по откорму телят разорили. Работы не стало, народ томился по селам, как неприкаянный, разбрехался, кто в Сосновогорск, кто в областной центр, кто в Мурманск.

Жена Галина то и дело пилила Рябинина:

-Уедем, давай уедем...

Он всё отмалчивался, а однажды не выдержал.

– Нас земля спасёт! – бросил он жене, будто вбил кол на лугу. – Мне от земли ехать некуда!

Сергей взял пять гектаров пашни в аренду, это было поле, сразу за его домом. На кредит он купил трактор, распахал землю, посадил картошку. Осенью отвез урожай на крайний Север и продал, сам стоял на рынке. На выручку купил лес, поставил ферму у дома, полностью всё механизировал.

Галина была дояркой, бухгалтером, экономистом, зоотехником, короче – опорой Рябинина, и уже не помышляла об отъезде.

Пять лет минуло, бывший механизатор стал заправским хозяином. К нему шли мужики из ближних сёл, и он, когда была необходимость, особенно в сенокос или на уборке, давал им работу, и, что вызывало уважение, – вовремя и достойно платил. По соседству с хозяйством Рябинина хирели остатки совхоза, грозили обратиться в прах, когда по бревну растащат коровники, по кирпичику мастерские и гаражи, пашню займёт бурьян.

Васильков остановил «Ниву» у рябининского дома. Через палисадник прошёл к крыльцу, позвонил, но никто не ответил. Хозяева, похоже, отсутствовали. Иван Иванович вышел на главную улицу и зашагал к центру. Не доходя до здания сельской администрации, встретил Рябинина.

– Извини, Иваныч, небольшое ЧП в кузнице, пришлось срочно подойти, разобрались, всё нормально, – объяснил Сергей Михайлович. – Пойдём в избу.

Галина приготовила мужчинам свежий кофе.

Выслушав главу, Рябинин задумался:

– Не знаю, не знаю, Иван Иванович, – признался он искренне. – Пока я сам себе хозяин и сам ответчик во всём. Если беру под моё крыло бывший совхоз, то беру и ответственность за всё на себя. Так?

– Так, – подтвердил Васильков. – Пойми, если не возьмёшь, хозяйства не будет. Восстановить утраченное невозможно, примеры в районе есть. Давай вместе как-то противостоять разрушению. Никто за нас это не сделает.

– Никто, – согласился Рябинин.

Отхлебнул кофе, помолчал.

– Иван Иванович, а как быть с передачей? По закону надо совхоз выкупать. Таких денег у меня нет.

– Знаю, что нет, – сказал глава. – Предлагаю оформить льготную аренду, скажем, на пять лет, а там видно будет. Главное, чтобы Заозёрье не умерло, продолжало существовать.

7

Сладкая жизнь Жирного Кота под видом временного миллионера в Петергофе не прошла бесследно. Не получив содержимое портфеля, господин Баннов осерчал, помахал пальцем Краснощёкову: «Ещё один прокол, и тью-тью...»

Валентин Васильевич сообразил, что ему грозит, и быстро дал соответствующие указания, кому надо.

Следователь Евгений Зайцев, высокий, рыжеволосый мужик лет тридцати, семенящей походкой торопился к начальству.

– Возьмите в архиве уголовное дело по кладбищу в Миронежье, надо его возбудить заново, – приказал Зайцеву начальник отдела Фёдор Гордеев.

Следователь не ожидал такой новости.

– Помилуйте, Фёдор Степанович, – изумился Зайцев, – как заново? Я хорошо помню это дело. Я три года назад прекратил его, ущерб государству был возмещён, а Васильков, по большому счёту, и не был виноват. Мы и тогда-то в этом деле по Вашей просьбе сделали натяжку.

– Какую натяжку? – нахмурился Гордеев.

– Разве Вы не помните? – продолжал Зайцев. – Ведь что было? Решения администрации Сосновогорского района, где бы стояла подпись Василькова, то есть официального документа о расширении кладбища, не было, его Васильков не принимал. А мы, чтобы у нас был повод расследовать, утверждали, что он принимал такое решение. Не помните разве? С его стороны было дано лишь поручение ЖКХ и лесхозу, чтобы те решили вопрос в соответствии с законом.

– Евгений Иванович, – не скрывал раздражения Гордеев, – ты не чувствуешь духа политики. Идёт борьба с коррупцией. Понимаешь, борьба! Твои рассуждения в данном случае совсем не уместны. Васильков как раз и попадает под статью о коррупции, потому что он покрывал тех, кто нарушал закон.

– Ну, знаете, Фёдор Степанович, так под статью не трудно подвести и меня, и Вас и кого угодно, – гнул своё следователь Зайцев.

– Ясно, – сухо отрезал Гордеев. – Мне Ваша позиция понятна. Можете идти.

Зайцев вышел из кабинета начальника.

Через неделю после этого разговора заместитель прокурора области Константин Рыбкин принял постановление; документ гласил о том, что следователь Зайцев три года назад вынес по кладбищу «решение незаконное». Рыбкин приводил собственные доводы: глава Сосновогорского района Васильков «ущерб не возместил», «с явкой повинной не явился», «имел преступный умысел и корыстный интерес», «вред, причинённый преступлением, не загладил».

Решение следователя Зайцева отменили. Дело изъяли из архива, передали на новое расследование следователю по особо важным делам Анатолию Бриллиантову. Он создал оперативную группу из сотрудников правоохранительных органов в областном центре и в Сосновогорске.

И началась новая работа по старому «новому» делу!

В повестке, поступившей Ивану Ивановичу на работу в администрацию района, его приглашала на допрос старший советник юстиции, работница районной прокуратуры Мартышкина. Ниже было напечатано: «по делу о незаконном расширении кладбища в Миронежье».

Глава вызвал помощника Булочкина.

– Что за ерунда, Виктор? – Иван Иванович протянул повестку. – Дело давно закрыто. А тут опять какое-то дело. Уточни, откуда что? Я, конечно, схожу к Мартышкиной, прокуратуру надо уважать. Но ты всё же выясни, в чём причины?

В назначенный час Иван Иванович открыл дверь кабинета советника юстиции. Из-за стола навстречу главе вышла молодая женщина в белой юбке выше колен и голубой блузке с вырезом на груди.

– Здравствуйте, Иван Иванович, – протянула она руку. – Марина Сергеевна. Мне поручено составить протокол допроса. Подождите минутку, присядьте, я сейчас закончу.

Возле стола стояла девушка, Мартышкина спрашивала, где её изнасиловали: в гараже или в другом месте? Показывала девушке какие-то фотографии.

Когда девушка ушла, Васильков пересел на стул поближе. И пока Мартышкина что-то писала, взглянул на экран компьютера. Он увидел на экране свою фамилию и с удивлением стал читать протокол допроса, которого ещё не было.

«Ничего себе! Работает с опережением!» – подумал Иван Иванович про Мартышкину.

Удивление сменилось возмущением, потому что в тексте на экране Васильков признавался в том, в чём он не был виноват и чего не делал.

– Итак, начнём, – сказала Марина Сергеевна.

Она подвинула ближе к себе и открыла папку, где большими буквами было выведено: «Миронежье. Незаконное кладбище».

– Простите, Марина Сергеевна, можно спросить? – обратился Васильков.

– Да, – разрешила Мартышкина.

– Что у Вас там написано? – Иван Иванович показал на экран.

– Заготовка, – просто объяснила она. – Сейчас я распечатаю её и допрошу Вас. И если всё верно, то Вы подпишете, если не верно, тогда внесём поправки.

Она распечатала и подала ему листки.

Иван Иванович внимательно прочитал текст.

– Нет, я это подписывать не буду, – раздражённо бросил он. – Чепуха какая-то! Откуда Вы всё это взяли?

– Иван Иванович, я попросила бы Вас всё-таки выбирать выражения, – обиделась Марина Сергеевна. – Я не собираюсь дискутировать с Вами, я веду допрос.

– Понятно, – сказал Васильков. – Но я подписывать вот эту бумагу не буду, зря старались.

– Я же попросила Вас воздержаться от оценок, – вспыхнула Марина Сергеевна.

– Хорошо, хорошо, спрашивайте, – сдерживая раздражение, сказал глава.

– Итак, имели ли Вы корыстный интерес в деле расширения кладбища? – уточнила Мартышкина.

– Не имел, – ответил глава.

– Почему Вы не пришли с повинной в совершении преступления и не покаетесь? – продолжила она.

– Никакого преступления я не совершил, каяться мне не в чём, – сказал глава.

Допрос продолжался больше часа.

Из прокуратуры Васильков вышел на улицу, чувствуя опустошённость, как будто кто-то выскочил из-за угла, сильно ударил сзади и скрылся.

Слабости в себе, даже минутной, Иван Иванович не любил, быстро заглушил её мыслями о делах текущих. Вернулся в кабинет и работал до восьми вечера.

Слухи о том, что на главу «покатили бочку», мигом полетели по Сосновогорску. Всякий на свой лад толковал допрос руководителя.

Бывший коммунальщик Фёдор Лис, бывший заместитель главы Вениамин Скирдов и ещё некоторые, мнящие себя обиженными, обрадовались, встречаясь со знакомыми загадочно произносили: «Не всё коту масленица...».

Те же, кто шёл с Иваном Ивановичем в одной упряжке, в меру сил хотели изменить существование в городе к лучшему, пожимали плечами. Пересуды имеют определённые последствия. Чтобы упредить их, редактор районной газеты Полина Иванова, встретив на улице главу, предложила:

– Иван Иванович, давайте напечатаем беседу с вами. Люди должны знать, что же произошло в Миронежье?

– Ничего особенного там не произошло, Полина Андреевна, – ответил Васильков. – Вы присутствовали на планёрках, и всё помните. Присутствовали прокурор, начальник милиции – ни у кого не было сомнений, возражений. Теперь говорят – преступление! Я вообще не против беседы. Но, честно скажу, опасаясь, как бы меня не обвинили в использовании служебного положения, этом ныне модном грехе.

– Вы зря опасаетесь, Иван Иванович, – заверила редактор. – Мы не собираемся петь панегирик Вам, а просто приведём факты и доводы.

Васильков согласился.

В газете вышла беседа, обычная, какие печатали не один раз. «У меня нет никаких сомнений в своей правоте, – отвечал глава на вопрос журналистки. – Мне незачем оправдываться и не в чём

каяться. В своей работе я никогда не ставил на первый план личных интересов, думаю, это хорошо знают жители города и района. Ну, а как гражданин, я имею право на защиту чести и достоинства...».

Когда газета попала в руки Анатолию Бриллиантову, он поспешил к прокурору области.

– Что творится! – возмутился руководитель следственной группы. – Нам мешают вести следствие. Это провокация! Чувствуете, идёт настрой общественного мнения, возможно, обрабатывают свидетелей. Надо что-то делать.

Прокурор согласился с Бриллиантовым.

Прокуратура вынесла постановление и обратилась в суд Сосновогорска с просьбой: вынести решение о временном отстранении Василькова от должности «в связи с тем, что он может оказать давление на свидетелей и иным образом воспрепятствовать производству дела».

Всё-таки «может оказать давление» – это одно. Если уже «оказал давление» – совсем другое.

Прокуратура умалчивала о том, где и как Васильков помешал следствию, потому что «вмешательства» не было.

8

– Ха-ха-ха, – рассмеялась Елизавета Алексеевна. – Корыстный умысел! Ой, мне дурно!

– Иван, чего-нибудь более оригинального они не придумали в прокуратуре? – спросила жена.

– Не придумали, – буркнул он.

– Да выкинь из головы, – горячилась Елизавета Алексеевна. – Пусть придут и найдут у нас счета в швейцарских банках, особняки на Канарах, в Лондоне, самолёты, пароходы, акции Газпрома, на худой конец – подержанную какую-нибудь иномарку, а? Я была бы рада! Чего молчишь?

– Слушаю тебя, дорогая, – улыбнулся Васильков.

– Корысть должна проявляться конкретно, а не фигурально, – продолжала она. – Пусть мадам, что тебя допрашивала, сходит и посмотрит на ту самую развалюху, где я с тобой и детьми прожила двенадцать лет – без газа, без ванной, а просто с печкой, и запечатлеет развалюху для уголовного дела. А!? И пусть мемориальную доску попросит изготовить и прибить: «Здесь жил директор самого крупного в Сосновогорске предприятия – лесокомбината. Учитесь жить для общества, а не для себя!»

– Лиза, успокойся ты, – попросил Иван Иванович. – Чего разошлась?

– Мне обидно, Ваня, обидно! – призналась Елизавета Алексеевна. – Из мухи раздувают слона, из пустоты лепят преступление. Всё, что касается тебя, касается и меня, и наших детей. Не так ли?

– Обожди, – вздохнул Васильков. – Так-то оно, конечно, так. Но дело ещё вилами по воде писано, а ты уже всю шумишь.

Он уже пожалел, что сказал жене о допросе в прокуратуре. Можно было поделиться с нею, когда всё прояснилось бы с кладбищенским разбирательством. Вообще-то, Иван Иванович старался не загружать Елизавету Алексеевну служебными новостями. Ей, директору городской музыкальной школы, матери двух сыновей, бабушки двух внуков и внучки, хлопот хватало и без новостей от мужа.

По поводу её семейной суеты Иван Иванович иногда шутил: «Вы живёте, а мы мучаемся...».

– Иван, ты очень доверчивый! На твоей должности это не всегда хорошо. Я тебе не раз об этом говорила, – продолжала супруга.

– Я привык верить людям. Как я буду работать, не доверяя людям? – возразил он.

– Ещё чего-нибудь и пришьют, не дай Бог. Например, то, что ты спас от разора, вместе с Рябининым, совхоз в Заозерье. Или про детский дом в Высокове наплетут. Не зря сплетни пускают, мол, ты продал здание с выгодой для себя, – не унималась жена.

– На всякий роток не накинешь платок, – нашёлся Васильков. – Ты же знаешь про детский дом, ребятишки переехали в город, занимаются спортом, ходят и к тебе в музыкальную школу, а там мы организовали прекрасный дом для престарелых людей.

– Я-то знаю, – не сдавалась Елизавета Алексеевна. – А вот другие, может быть, не захотят знать. Ох, не было бы беды. Ладно, я к внукам схожу.

Она оделась и вышла, во дворе пёс Жулька ласково замотал хвостом, провожая хозяйку.

Иван Иванович прилёг, хотел включить телевизор и посмотреть, но тут же задремал.

...Ему снился большой деревянный дом в лесном посёлке, где он жил с бабушкой Варварой Степановной. У бабушки была любимая поговорка: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж...». И её Ваня

усвоил эту поговорку за правило жизни. Он уже повзрослел, отслужил в солдатах, добывал кусок хлеба, работая в леспромхозе.

Однажды Иван шёл с работы, встретил соседку тётю Нюру:

– Иван, сделай одолжение, – попросила она, – отнеси аккордеон для Ленки вон в тот дом, занятия будут, теперь у нас музыкальная школа.

– Давайте, отнесу, – согласился Иван.

Взял инструмент, за руку повёл маленькую Ленку.

Раскрыв дверь, он увидел стройную, невысокого роста девушку, окружённую детьми. Взгляд её карих глаз встретился с взглядом Ивана.

– Это, вот..., – пробормотал он, язык будто прилип к нёбу.

Девушка улыбнулась.

– Что же Вы приросли к полу? – спросила она. – Ставьте инструмент сюда. Меня зовут Лиза. А вас?

– Иван.

Месяца через два, встретив Лизу на улице, Иван сказал:

– Елизавета Алексеевна, гулять некогда, занимаюсь спортом. Выходи за меня замуж!

Лиза растерялась. Вдруг рассмеялась. Когда смех прошёл, серьёзно заявила:

– А что? И пойду. Я согласна!

...Васильков проснулся. Первые мгновения не мог понять, где он. Впечатления молодости, явленные во сне, настолько были свежи и ярки, что он с трудом узнавал комнату, словно чужой мир.

9

Всякий, посещавший кладбище в Миронежье, дивился искусным фотографиям, надписям, табличкам на памятниках и оградках. Сергей Марьин – а это он с любовью исполнял заказы горожан – имел мастерскую на первом этаже старого деревянного дома, где можно было выбрать услугу от семейного фото до металлической пластинки: «Осторожно, злая собака!».

К нему на чашку кофе заходил приятель Саша Бобров – балагур, весельчак, лучший в городе гонщик по лыжам.

– Привет олигархам! – шумно вступил он в салон. – Когда будем делить прибыль?

– Её давно поделили, – засмеялся Марьин, – про нас с тобой забыли.

– Так всегда! Ждёшь, ждёшь, а поезд уже ушёл, – изобразил Александр обиженного.

– Твой поезд не уйдёт без тебя, – вставил Сергей. – Кофе будешь?

– Наливай по сто, – улыбнулся Александр.

Они сели за небольшой столик. Сергей принёс бутерброды, вскипятил чайник, заварил кофе, довёл до кипения на маленькой электроплитке.

– У тебя особый секрет, – поднес Бобров чашку к губам, – вкуснее кофе я не пил нигде.

– Спасибо на добром слове, – отозвался хозяин. – Давай откроем свою кофейню?

– А как Миронежье? Кто на кладбище всё будет делать?

– Совместим, – нашелся Сергей. – Скоро Миронежье надо снова расширять. На днях я был там, земли под могилы мало осталось.

– Нам не хватит? – вставил Бобров.

– Однозначно не хватит, – ответил Марьин.

– Да, люди мрут, будто мухи поздней осенью, – посерьезнел Бобров. – Я прошлым летом был под Москвой, у меня старшая сестра там похоронена. Когда её хоронили три года назад, пустошь была, то есть вырубленный лес. Можешь себе представить, огромная пустошь. Ныне приехал, смотрю – море крестов. Войны нет, живи да живи, а сколько умирают! Слышал, Василькова прессуют за кладбище?

– Слышал, – кивнул Марьин. – Мы с тобой Иваныча знаем, про себя вспоминает в последнюю очередь. Знакомый мне объяснял: мол, сыр-бор из-за срубленного леса. Его следовало оприходовать, а Лис с директором лесхоза налево толкнули, ну, а стрелки перевили на Василькова.

– Если мужика съедят, спорт в районе захиреет, чувствую я, – сказал Бобров. – Я вот, Сереёга, не понимаю одного: он столько доброго сделал для района. И за всё – такой на него накат! Ему вон за мемориальный комплекс памятник можно ставить...

– Точно! – согласился Марьин.

На Великую Отечественную войну из района ушло двенадцать тысяч человек, большая часть из них погибла. Васильков предложил создать музей под открытым небом, на мраморных плитах высечь имена отдавших жизнь за Родину. Кое-кто сомневался: за такое дело не брались и в областном центре. Но не зря говорят: глаза боятся, а руки делают.

Народ встрепенулся: кто нёс десятку, кто сто рублей, кто шёл на площадку, брал лопату и работал; кто помогал отыскивать в архивах неизвестных солдат. Память о войне соединила старых и молодых, фронтовиков и их внуков и правнуков.

На пустыре у школы быстро поднялся мемориальный комплекс, вступая в который всякий житель ощущал сердечный трепет.

– Серёга, как бы помочь Иванычу, – продолжал Бобров.

– Кто нас спросит? – оживился Марьин. – Раньше можно было пойти в профком или партком. Теперь, сам знаешь – идти некуда. Но идею твою я не отвергаю. Может, к фронтовикам заглянем, они мужики тёртые.

– Меня вызывал следователь, – понизил голос Александр, – принуждал написать клевету на Иваныча. Если откажусь, сказал, пришлёт мне дело о мошенничестве. Чуешь? Я от такой подлости отказался.

– Я бы сделал то же, – одобрил Марьин.

– Творишь? – спросил Бобров.

– Кое-что есть, покажу, – сказал Марьин и вышел.

Александр был посвящён в то, что Сергей собирал книгу «Неофициальных изречений», куда и Бобров иногда предлагал свои размышления. Марьин вернулся и протянул ему несколько листов, Бобров стал читать:

- *крест Христа сильнее сил зла, вместе взятых;*
- *миром правят «дегенераты», жаждущие истребления людей;*
- *жизнь дороже денег;*
- *Русь была превращена в «совдепию», а после в «резфию»;*
- *русского фашизма нет, есть русофобский фашизм;*
- *первейшая задача правителей – попираание тысячелетних народных святынь Святой Руси;*
- *западные «друзья» хотят сделать русского человека «недочеловеком», безголовой рабочей скотиной;*
- *чувство взаимовыручки – фундамент народа;*
- *каждый мечтает создать Конституцию лично для себя;*
- *перед природой мы нищие, но держим себя с ней как завоеватели;*
- *сломать русского человека мешает его личный огород;*
- *олигархический капитализм – прибежище псевдодемократов;*
- *от смерти не откупится даже богатый;*
- *искажение Истории в личных интересах – удел духовно ущербных;*
- *издевательство над русским языком – наслаждение для работающих на телевидении и радио;*
- *изобретение новых способов отъёма денег у людей – ключевая задача управителей современной России;*
- *право сильного, богатого и бюрократа – превыше всего;*
- *независимость судов – красивая сказка для простаков;*
- *любимые люди правительства – богатенькие Буратино;*
- *скажем «нет» психологической войне против Руси;*

– И я принес тебе кое-что, – сказал Бобров.

Он передал Сергею исписанные от руки листки.

Повестку в суд Василькову бросили в почтовый ящик поздно вечером. Если бы не залаяла собака, он не узнал бы о ней, поскольку рано утром намечал поехать в командировку. Завтра судья К. Папулаз назначала заседание городского суда по заявлению прокурора об отстранении Василькова от должности.

– Будто я уголовник! – воскликнул вслух Иван Иванович.

Поспешил засунуть повестку в карман, чтобы не тревожить лишний раз Елизавету Алексеевну.

В зале заседаний суда Васильков увидел знакомых и незнакомых людей. Ксения Папулаз, федеральный судья, в чёрной мантии, открыла заседание. Иван Иванович не придал особого значения происходящему в суде и поэтому пришёл без адвоката.

Назвав Василькова обвиняемым, судья спрашивала, как он мешал ходу следствия, на что Иван Иванович давал отрицательные ответы.

– Я пока в своём уме, и не дошёл до того, чтобы кому-то мешать, а паче следователям, – объяснял он. – У них своя работа, у меня своя.

Судья пригласила на заседание свидетеля Фёдора Лиса. Бывший коммунальный начальник убеждал суд, что окружение главы района «давит на меня», «заставляет говорить то, чего не было» – и всё в таком духе.

– Обожди! – не вытерпел Васильков и встал с места. – Совесть-то есть у тебя, Фёдор Леонидович?

– Подсудимый, я Вам не давала слово! – закричала судья.

Васильков сел, замолчал.

В лице у него пропала краска, липкая испарина выступила на лбу. Открытым ртом он глотнул воздух, повалился на бок, упал со стула и потерял сознание.

– Вот тебе и спортсмен! – сказал кто-то в зале суда.

Люди засуетились, забегали.

На «Скорой помощи» Василькова отвезли в центральную районную больницу. Ведущий кардиолог Антонина Попова, обследовав Ивана Ивановича, покачала головой: «Пульс падает, падает до двадцати ударов в минуту».

Она срочно принялась названивать главному кардиологу области, потом хирургу Виктору Гроту.

Наконец, услышала в трубке спокойный приятный баритон: «Что случилось, Антонина Павловна?»

Попова объяснила. «Нет, оставлять его в Сосновогорске нельзя. Везите немедленно к нам», – приказал Грот.

Утром следующего дня Васильков уже лежал в кардиологической палате областной клиники. Быстро провели необходимые исследования. После обеда главный кардиолог зашёл в палату.

– Добрый день, Иван Иванович, – он протянул ладонь. – Меня зовут Виктор Яковлевич. Как самочувствие?

– Лучше всех! – улыбнулся Васильков.

– Наслышан о Вас, наслышан! – сказал хирург. – Ну, да дело теперь иное. С мотором шутить нельзя. В Вашем положении выход один – операция, вживление стимулятора. Согласны? – спросил врач.

– Если другого выхода нет, тогда согласен, – ответил Иван Иванович.

Голубые глаза его повлажнели.

– Чудесно! Не откладывая, завтра же и сделаем. Не волнуйтесь, постараемся, чтобы всё вышло отлично, – заверил врач.

– Кто будет делать операцию? – спросил Васильков.

– Я, – ответил Грот.

11

Зимний день сумерничал, был похож на ночь, за окошком подвывала выюга, клонило в сон. Я прилёг на диван и задремал.

... На опушке леса была только что закончена стройка нового дома из сосновых бревен с высоким крыльцом. По ступенькам можно было заходить слева и справа. Солнце светило в окна, наполняло весь дом радостью, передать её невозможно. Я праздновал новоселье. Ждал гостей, обходил комнаты, гладил ладонями свежие доски, улыбался. Гости всё не было.

Наконец, чей-то голос, не помню, чей и откуда, прозвучал, возвестил:

– Встречай гостя!

Я поспешил к двери. На крыльце стоял Иван Иванович. Широкоплечий, высокий, а лицо сияло ярче солнечного света.

– О! – удивился я. – Проходите, очень рад.

– Я рад ещё больше, – улыбнулся он.

Я протянул ладонь для рукопожатия, но увидел, что руки у Ивана Ивановича заняты; он держал два огромных батона, они источали приятный аромат.

– Вам подарок, – показал он глазами на батоны. – На всё новоселье хватит!

– Чудный подарок! – поблагодарил я.

Иван Иванович быстро прошёл в комнату. Положил батоны на стол. И так же быстро прошёл сквозь новую стену, будто её и не существовало. Я стоял в изумлении.

И тут нагрянули гости, множество гостей. В доме стало шумно, весело, заиграла музыка.

– Куда же Вы? – закричал я, пытаюсь догнать удаляющегося Ивана Ивановича.

Но больно стукнулся лбом о новую стену.

И проснулся.

Мысли путались, чувства пребывали в смятении.

Я попробовал обдумать то, что увидел во сне. Причём здесь Иван Иванович, сосновый дом? Поймай, поймай! Это же – гроб! Это же не моё новоселье, а его, но в иную жизнь, новоселье в землю Миронежья.

Мне стало не по себе. Я посмотрел на часы. До начала операции на сердце оставалось одиннадцать часов.

Я накинул шубу, вышел в метельный вечер – он уже не отличался от ночи. До ближайшего храма дошёл пешком.

В храме было тепло, пахло ладонном, свечами. На службе было несколько старушек. Рядом с ними сгорбленный старичок со светлыми глазами беспрерывно шептал молитвы, в ладони он держал поминальную книжечку.

Перед иконой Спасителя я встал на колени.

– Господи! – обратился. – Я весь состою из греха. Стыдно мне просить Тебя по моей грешности. Но не ради меня, а ради Высшего смысла, услышь, не забирай добрую душу Ивана Ивановича. Пощади, оставь, не забирай. Господи, помоги ему выжить.

Уже не помню, как вернулся из храма, как дожил до утра.

В полдень на моём столе раздался междугородный звонок. Я взял трубку.

– Вы просили, – сказал голос издалека, – поэтому звоню. Операция у Василькова прошла отлично, всё в порядке.

– Спасибо, – обрадовался я. – А Вы кто?

– Я – Грот, – ответил голос на том конце.

Трубку положили.

Хирурга я ни о чём не просил!

12

– Молодцом держитесь! Садитесь поближе, – говорил врач. – Так, проверим пульс.

Он взял руку Василькова.

– Около нормы, отлично! Ложитесь, я проведу настройку стимулятора, после объясню, Вы научитесь сами управлять Вашим сердцем, – хирург держал в ладони прибор с разными кнопками.

В это время, когда Грот регулировал стимулятор, вживлённый в аорту Василькову, за сотни километров от клиники, в суде Сосновогорска кипели страсти. Судья Ксения Папулаз вторично рассматривала дело об отстранении главы от должности. Она знала, что накануне он перенёс операцию на сердце и не мог присутствовать. Знала, что он поехал в областной центр на приём к врачу.

Всё это не смущало федерального судью. По её разумению, отсутствие Василькова возмещали понаехавшие прокуроры и следователи во главе с Анатолием Бриллиантовым.

Один из них заявил в суде, что с болезнью, как у Василькова, «можно в космос летать», и вызвал радостное оживление в зале. Суд удовлетворил обращение прокуратуры – Василькова отстранили временно от должности главы района.

О решении, как о большой победе в борьбе с коррупцией, тут же сообщили в новостях по областному радио и телевидению, а на следующий день напечатали на первых страницах областных газет. По сотовому телефону о решении суда сообщили областному прокурору Гажутову, который отдыхал на Канарских островах. От радости прокурор купил на пляже соломенную шляпу за 500 долларов.

Новость об успехе следователей и прокуроров долетела до управления территорий в Петербурге. Краснощёков не замедлил явиться к Баннову.

– Зачистка в Сосновогорске прошла отлично, – доложил он. – Остались детали. Если только один плавательный бассейн передать в частные руки, то можно Вам, Велор Антонович, помочь приобрести ещё одну квартиру. С прежним патриотом это было бы невозможно.

– Смотрите, чтобы не как с Жирным Котом! – шеф напомнил о проколе.

– Исключено! – изобразил подобострастие Валентин Васильевич.

– Вырубим коррупцию под самый корень, – заключил Баннов.

Он говорил так не потому, что любил закон, а потому, что имел двойное гражданство: российское и израильское, и второе было ему ближе. «Рубка под корень», по разумению иегемона, означала возбуждение новых уголовных дел против Василькова.

Указания управителя подлежали исполнению.

И пока Васильков возвращался с приема врача в областном центре, следователи долго допрашивали врача-кардиолога Антонину Попову, добиваясь у неё признания в том, что Иван Иванович «симулировал болезнь», что никакой болезни вовсе не было.

Антонина Павловна была шокирована наглостью дознавателей, терпение её лопнуло, она не стала отвечать на их вопросы.

На другой день во Дворце культуры Сосновогорска собралась внеочередная районная Дума. Депутаты обсуждали предложение Совета ветеранов о присвоении Василькову звания «Почетный гражданин Сосновогорского района».

– До какого позора мы дошли! – возмущался с трибуны фронтовик Григорий Васильевич Воробьёв. – Двадцать лет он у нас живёт, а мы его будто не знаем. Что за слепота? Если бы не он, в районе детские сады, клубы, дома культуры, спортивные площадки, да и половину школ позакрывали бы. Да, у нас нет права вступать в дела следствия, будь оно неладно, но свою позицию надо обозначить.

Под аплодисменты депутаты присвоили Василькову звание «за большой личный вклад в укрепление производственного и сельскохозяйственного потенциала района, развитие социальной сферы в городе и на селе».

Узнав о том, Иван Иванович поблагодарил их за поддержку. Она, какой бы не была значимой, уже не могла вернуть ему былую силу и энергию.

Операция на сердце давала о себе знать. Третий месяц Васильков пребывал на больничном режиме, ему присвоили вторую группу инвалидности. Он не сдавался болезни, по-прежнему по утрам выходил на улицу в спортивном костюме, только уже не бежал, а не спеша гулял по сосновому бору вдоль реки, в том месте, где Краснощёкова настиг ураган.

Следовательский маховик, будто мельничное колесо под напором воды, продолжал набирать обороты. Как грибы после дождя, возникали новые дела, росли в прокуратуре папки документов и допросов, изобличающие Василькова на посту главы района.

Описать то, что собрали подопечными господина Бриллиантова, нет возможности, хотя центром их деятельности оставалось Миронежье. Наконец, на стол судьбы Ксении Папулаз легли увесистые тома «кладбищенского преступления».

Суд был долгий, затяжной, с протестами, отводами и прочими атрибутами, знакомыми любому, кто оказывался перед завязанными очами российской Фемиды.

О, если бы всё-таки повязку с её глаз сняли!

Василькова признали виновным, обязали заплатить штраф в размере ста пятидесяти тысяч рублей.

Я увиделся с ним, когда приехал на встречу с читателями в Сосновогорск.

– Вот, дорогой мой, какие пироги: уплачиваю штраф с пенсии, – с иронией бросил он. – Точка в деле не поставлена. Я не признал себя виноватым, и я, действительно, не виноват. Мой адвокат продолжает воевать, конца нет. Подали документы в Москву. Может, там разберутся? Я питаю надежду!

– Дай-то, Бог, – вставил я. – Сколько же терпеть унижение?!

Мы шли по тропинке в сосновом бору.

– Я тут, в шутку, думаю, позвоню в Миронежье, зарезервирую место. Мало ли чего? – продолжал Иван Иванович. – Звоню, значит, а мне отвечают: «Земли нет! Хоронить некуда!»

Васильков рассмеялся.

– Остается жить, другого выхода нет! – добавил он.

Проза

Александр Чумиков

Чумиков Александр Николаевич – генеральный директор коммуникационного агентства «Международный пресс-клуб» (www.pr-club.com), главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, профессор Российского университета дружбы народов.

Кандидат философских наук, доктор политических наук, профессор.

Автор 35 учебников, учебных пособий, монографий по проблематике связей с общественностью (PR), медиа, антикризисных коммуникаций; нескольких сотен публицистических материалов в общероссийских, московских, региональных газетах и журналах.

В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки PR-профессионала» (Издательство «Питер»).

В журнале «Берега» ранее опубликовал повести «Москва – 400» и «Кам-са-мол!».

90-е. Александр и другие

Повесть

... И помню, какой славный бой был!

Тепло было, солнышко, тепло, но не жарко...

Михаил Булгаков, «Бег»

ЧАСТЬ II

ЕБН. Пятая «победа»

Вообще-то он всегда врал. Политику положено врать, но умеренно; ЕБН использовал ложь и лицемерие сверх предела умеренности.

У Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города» – а писатель хорошо понимал, о чём рассказывает; сам как-никак много времени провёл на чиновничьем поприще, в том числе служил рязанским и тверским вице-губернатором – есть персонаж, градоначальник Брудастый с головой-органчиком, источавшей фразы: «Не потерплю!» и «Разорю». У ЕБН тоже были фирменные фразы: «Снять» и «В отставку». Получив должность первого секретаря Московского горкома партии, он в кратчайшие сроки снял больше половины первых секретарей райкомов партии и целый ряд работников горкома.

За что? За плохую уборку территории, за недоделки в строительстве и даже за недочёты в организации плодоовощной торговли. А что, это дело партии? ЕБН считал, что «да», и конкретизировал вопрос: это первейшая обязанность и ответственность конкретного партийного руководителя. ЕБН страшно возмутился бы, если бы его назвали последователем И.В. Сталина. Но на деле так и вышло. Вот что писал в своё время Иосиф Виссарионович в «Политотчёте ЦК XVII съезду ВКП (б)» в 1934-м году:

«... роль так называемых объективных условий свелась к минимуму, тогда как роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной. А что это значит? Это значит, что ответственность за наши прорывы и недостатки в работе ложится отныне на девять десятых не на «объективные» условия, а на нас самих и только на нас».

ЕБН такую позицию, видимо, разделял. Начатая им в советский период череда «снятий» продолжилась в новой России: что там первые секретари райкомов – премьер-министры правительства слетали один за другим.

Вопреки «объективным условиям», используя своё влияние первого секретаря МГК и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, он «нагибал» республики и области СССР, чтобы те привозили в Москву свою продукцию и устраивал «потёмкинские деревни» в виде воскресных продовольственных ярмарок. Продукция из регионов приезжала, а организаторы торговли и продавцы говорили в кулуарах: у нас на местах жрать нечего, а мы товар в Москву везём...

ЕБН поддерживал искусственно создаваемые тогда общества борьбы за трезвость. Грозился «сагитировать» тех столичных партбоссов, которые в сие бутафорское общество пока не вступили. А сам-то выпивал, и немало, при этом в очередях за низкокачественной бормотухой не давился. Когда один из снятых с должностей первых секретарей выбросился из окна и разбился насмерть, он послал соглядатаев на поминки: посмотреть, как там поминающие внедряют трезвый образ жизни.

ЕБН любил долго выступать перед народом. Вспомним его знаменитое, образца 1986-го года выступление в Доме политпросвета на Трубной площади. Он говорил тогда:

– Надо носить отечественное! Посмотрите на мои ботинки – они советские. Посмотрите на мой костюм – он советский.

При этом обувь и одежду он носил либо импортные, либо произведённые в специальной пошивочной ЦК КПСС на Кутузовском проспекте – заведении без вывески, куда вход не только средним гражданам, но и средним руководителям был закрыт.

На той же встрече в Доме политпроса на вопрос, почему резко подорожала копчёная колбаса, ЕБН ответил:

– Во-первых, это касается отдельных сортов сырокопчёной колбасы, причём, лишь той, что продаётся в кооперативных магазинах. Но и эта, и вся остальная колбаса, которая есть в *обычных* магазинах, не по-до-ро-жала!

Это тоже было ложью.

ЕБН истово боролся с привилегиями партийных и государственных чиновников. Он заявил, что открепляется от спецполиклиники и отказывается от спецтранспорта. И поехал на *обычном* троллейбусе вставать на учёт в *обычную* поликлинику. Это правда, но с одной поправкой: на *обычном* троллейбусе он ездил один раз и в *обычную* поликлинику ходил столько же.

Потом он потерпел поражение в партийной игре, каляся за политические ошибки, но лишился высоких постов в КПСС и стал всего-то-навсего *простым министром* – заместителем председателя Госстроя СССР. Шутите, что ли: не царское это дело – работать *простым министром*!

Проигрыша ЕБН никому из победивших участников игры не простил, а Михаила Горбачёва так просто возненавидел. И совсем скоро стал ковать победы над бывшими друзьями и коллегами.

Первыми крупными победами стали трудное попадание в состав Верховного совета СССР, а затем избрание председателем ВС РСФСР. Вторая победа – избрание президентом Российской Федеративной Социалистической Республики. Слава Богу, бескровные победы.

Третья победа – в августе 1991-го – могла стать и кровавой, если бы по защитникам Дома Советов России (Белого дома) с их доморощенными заграждениями, арматурой, булыжниками и парой десятков автоматов военные открыли огонь. Но такого приказа никто не отдавал, и родилась легенда о том, что армию и милицию победил народ под мудрым руководством ЕБН.

Четвёртая победа – это когда спустя три с небольшим года *других, а частично тех же* защитников *того же Дома*, тоже вооружённых несколькими десятками автоматов, а также участников марша в телецентр «Останкино», расстреляли: одних – из автоматического оружия, других – из танков, по приказу ЕБН.

Вкусив четыре «триумфальных» победы, ЕБН не сомневался в успехе пятой. Субъектом победы предстояло стать непокорной Чечне (в 1992-м Чечено-Ингушетия разделилась на Чеченскую и Ингушскую республики; затем оппозиционеры добавили к Чеченской республике слово Ичкерия), которая требовала признания независимости и особых полномочий. Справедливости ради нужно сказать, что центр во главе с ЕБН поначалу хотел уладить конфликт мирным путём и даже подготовил в этих целях проект специального договора с Чечней-Ичкерией.

Меж тем разгорался «парад суверенитетов», независимости, и особых полномочий хотели многие субъекты новой России, вкладывая в понятие «независимость» порой разные смыслы. Дальше всех здесь продвинулся Татарстан.

Ещё в августе 1990-го Верховный Совет Татарской АССР принял Декларацию о государственном

суверенитете автономной Республики. В Декларации не указывалось напрямую нахождение Татарстана ни в составе РСФСР, ни в СССР, и было объявлено, что Конституция и законы Татарской ССР обладают верховенством на всей территории Татарстана.

В феврале 1992-го года Татарская ССР переименована в Республику Татарстан, в марте этого же года прошёл референдум о статусе Республики. На вопрос: «Согласны ли Вы, что Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?», – ответили положительно 61.4% голосовавших.

В ноябре 1992-го года вводится в действие новая Конституция Республики Татарстан, объявляющая его суверенным государством. Да, через десять лет была принята новая редакция республиканской Конституции, из которой положение о суверенитете изъяли, но в начале 90-х всё прописывалось именно так.

В результате переговоров между Москвой и Казанью в 1994-м году подписан «Договор о разграничении полномочий между Татарстаном и Россией», который до сих пор является базовым документом во взаимоотношениях двух сторон. В соответствии с ним Республика получала огромные, самые широкие среди других национальных образований в России полномочия, при этом выторговала для себя наиболее благоприятные условия в рамках системы бюджетного федерализма.

В Татарстане по существу реализовался сценарий, подготовленный для Чечни, провозгласившей себя «суверенной Ичкерией». И центр подумал: хватит «слюней», надо переходить к более жёстким действиям! Татарстан – большая Республика, а Чечня маленькая, с гулькин нос. Органчик внутри ЕБНовского мозга вскричал: «Не потерплю второго Татарстана!» Тем более, что прозвучал многократно растиражированный впоследствии голос славного генерала армии и Героя Советского Союза по прозвищу «Паша-мерседес»: «Одним парашютно-десантным полком можно в течение двух часов решить все вопросы» (имелся в виду захват Грозного – авт.)

Стали постепенно готовить блицкриг. Однако находились и в то время люди, понимающие, что военным путём чеченскую проблему решать не следует, что есть показательный исторический и негативный опыт военных решений на Кавказе. Дело не в словах «независимость» и «суверенитет», а в Договоре, который их подкрепляет. Как ни банально звучит, но любой договор предполагает необходимость договариваться. Договариваться хотели и сами чеченцы.

* * *

Так получилось, что в процесс достижения невоенных решений по Чечне оказался втянутым и я. Процесс предполагал выполнение такой задачи, как устранение угрозы ввода федеральных войск в Республику. Мы занимались этой задачей и в Москве, и в Грозном. Чеченские лидеры, чьи имена хорошо известны, легально и беспрепятственно посещали Москву, вели себя вполне внятно, общались с журналистами и экспертами, прислушивались к нашим рекомендациям.

Кто? Да ради Бога! Упомяну лишь тех, кого знаю. Зелимхан Яндарбиев, писатель и поэт, вице-президент Ичкерии, убитый в Катаре в 2004-м; «чеченский Геббельс» – информационный министр Мовлади Удугов, в одиночку игравший против армии российских журналистов, и не они одни.

Удалось оттянуть трагедию на два с лишним года: войска вошли в Чечню в декабре 1994-го – январе 1995-го, а намерения сделать это проявлялись ещё в 1992-93-м годах...

В октябре 92-го мы загрузили самолёт федеральными журналистами и вылетели во Владикавказ. Там сели в автобусы, автомобили и направились в Грозный. По дороге остановились в тогдашней столице Ингушетии Назрани и зашли на рынок купить продуктов. Назрань тогда представляла собой нечто вроде большой деревни с деревенскими же рынками. На рынках продавалось и оружие: пистолеты лежали прямо на прилавках, чуть прикрытые тряпьем. Кто-то из журналистов весело спросил:

– А пулемёт продадите?

– Пожалуйста, дорогой. – И продавец достал зачехлённый РПК (ручной пулемёт Калашникова – авт.).

– Он исправен?

– Зачем обижаетесь? Пошли!

Продавец повёл журналиста между сараями, остановился возле кирпичной стенки, отошёл от неё

метров на двадцать и дал очередь...

В Грозном нас разместили в бывшем пансионате. Столы с едой и выпивкой накрывали регулярно и обильно, а хозяева приговаривали:

– Ешьте-пейте, сколько хотите, но про работу не забывайте.

– Какая работа требуется?

– Надо правду писать! Идите, езжайте, куда хотите, провожатых дадим, транспорт дадим – только правду пишите и снимайте.

– Какую правду?

– А вот что своими глазами увидите – то и правда.

Хозяева не обманули. Любая «заявка» на встречи с интересующими нас людьми, посещение тех или иных объектов или территорий выполнялась незамедлительно, без всяких условий со стороны чеченцев.

Например, когда мы захотели увидеть депутатов чеченского парламента, весь парламент во главе с председателем Хусейном Ахмадовым был немедленно собран.

Грозный представлял собой не слишком красивое зрелище. Давно не видевшие ремонта некрашенные «хрущёвки», раздолбанные дороги с лужами. Среди этого «великолепия» порой возникал новый трёх-четырёх-пятиэтажный частный особняк со столь же новыми и шикарным забором, фасадом и внутренней начинкой.

Водители, с которыми мы ездили, увидев нищего (он не протягивал руку, а просто сидел возле дороги), обязательно останавливались и подавали.

Ни до, ни после военных действий в Чечне не существовало детских домов – всех бесприютных детей разбирали в семье...

Материалов мы собрали много. Они без проблем выдавались в эфир федеральных телеканалов и ложились на страницы центральных газет.

Так было в 92-м, 93-м, 94-м. Что случилось в 95-м и потом – описано подробно в огромном количестве источников, поэтому касаться этого здесь не буду совсем.

Пятая «победа» ЕБН состоялась и далеко превзошла по числу трупов, русских и чеченских, все его предыдущие «победы». Цифры озвучиваются разные, я приведу только данные Госсовета Чечни, опубликованные в наши дни. Из них следует, что в период с 1991-го по 2005-й годы в Чечне погибло почти сто шестьдесят тысяч человек – в эту цифру включены и боевики, и мирное население, и российские солдаты. Вот как откликнулся на чеченские войны Александр Городницкий:

Дым от разрывов расходится в небе морозном.
Сраму не имут лишь те, кого нету в живых.
Вечная память солдатам, убитым под Грозным,
Вечный позор генералам, подставившим их...

Джохар. Чеченская правда

Октябрьской ночью к зданию санаторской столовой подкатил стального цвета легковой автомобиль. Из машины вышел подтянутый человек в модном двубортном костюме и белой в полоску рубашке с галстуком. Снял с головы и положил на сиденье шляпу, вынул из кармана чёрные четки. В период после Великой Отечественной войны он стал первым чеченцем, получившим генеральское звание. В Ичкерии стал обладателем звания «генералиссимус». У него ордена Красного Знамени и Красной Звезды, русская жена Алла, трое детей, девять братьев и сестёр.

– Вы хотите поговорить? Что ж, я готов, до четырёх утра у меня свободное время.

– Джохар Мусаевич, с некоторых пор Вы перестали заявлять о газавате – священной войне. Означает ли это, что сегодня приоритеты Вашей политики смещаются с военных на экономические?

– Да, это так, хотя нас постоянно толкают на другой путь. Каждый день провокации, терроризм, вооруженные вторжения. Сплошной кошмар.

Нас провоцировали через Ингушетию, Грузию, Осетию, Дагестан, Абхазию. А всё вышло наоборот: везде пожары, а нам удалось не только приостановить братскую кровь внутри республики, но и для других стать гарантом правового перехода к нормальным человеческим отношениям.

– Ваше государство пока официально не признано...

– А что такое формальное признание? Ну, признали Грузию, Армению, Азербайджан, прибалтийские республики, а люди там продолжают гибнуть. Раз признали – защитите от войн! Какое там... Перешли уже к химическому оружию, недалеко и до ядерного... Мы шадим государства бывшего СССР, которые готовы нас признать. Ведь для них сразу возникает угроза: ах, вы признали Чечню?! Тогда мы признаем Нагорный Карабах. И пошло-поехало. Фактическое признание в мире у нас уже есть: подписаны договоры с десятками государств об экономическом и других видах сотрудничества.

– Давайте перейдём к экономическим вопросам. Вот в России ввели ваучеры, а у вас?

– Что такое ваучеры? Это разорение рядового гражданина. Десять тысяч в период гиперинфляции... куда вкладывать этот ваучер человеку, который сейчас хочет кушать хлебушек? Вложить в промышленность? Но она на 80 процентов нерентабельна. А где выгодно, там уже нет места. В итоге финансовые магнаты эти ваучеры закупают, даже переплатив, и положат спокойно в свои сейфы. Чтобы продолжить обладание тем, чем фактически уже обладают. Извиняюсь, но я своих граждан на обман вести не желаю. И не поведу. Мы по-другому решаем экономические вопросы. Например, ставим задачу нового экономического союза.

– С кем и на какой основе?

– Речь идет о создании собственного ОПЕКа, в котором нефтеносные районы, государства объединились бы не по религиозному, а по экономическому признаку. Если это произойдёт, нормализуется и политическая ситуация в мире. Чем добывать оружие, разводить бандитизм, убивать мирных людей – лучше перекрыть нефтяной кран и сказать «стоп», заставить пушки замолчать. И тут мы не делимся на мусульман и немусульман. Все, у кого есть нефть, могут вступить с нами в контакт.

– И всё же вы строите исламское государство?

– Ислам – это Конституция плюс Коран, а закон – Шариат. В них заложены гуманные, человеколюбивые нравственные принципы. Мы к этому сегодня не готовы. Я бы и рад объявить исламское государство духовным и моральным. Но чтобы это государство имело реальную основу, нужно пройти многовековой путь. А мы имеем 75 лет бездуховной жизни. По Конституции у нас советское государство...

Сделаю лирическое отступление. Трагическое, как подметили задолго до меня, часто соседствует с комическим. Очевидцы рассказывали, что, когда генерала Джохара привезли из Прибалтики, чтобы возглавить желаемый процесс приобретения Республикой независимости, он смотрелся совсем позабывшим про исламские ценности; предстояло наверстать упущенное. Генерал пришёл в мечеть, увидел и услышал, как люди говорят «Аллах акбар» и спросил:

– Когда нужно так говорить?

– Когда мулла произнесёт определённую фразу, и все затихнут, надо подождать десять секунд и затем присоединиться: «Аллах акбар!» – посоветовали знающие люди.

Джохар услышал фразу, застыл в раздумье, а потом громко сказал: «Дес-сять!»

– В своё время Вы выступали за общее финансово-экономическое пространство с Россией. Какова Ваша сегодняшняя позиция?

– Она остаётся прежней. Не из трусости, а по необходимости. О полном отторжении говорят тогда, когда хотят вбить клин между Чечнёй и Россией. Нет! Более того: я сам выступал с предложением сохранить войска на территории Чечни, осуществить дополнительный призыв, укрепить оборонную систему. А экономические связи, сложившиеся за 75 лет, и подавно нуждаются в дальнейшем укреплении, а не в разрушении. Мы никогда не исключали из этих связей ни Ставрополье, ни Краснодарский край, ни Астраханскую, Ростовскую, Волгоградскую области. В течение месяца после прихода к власти мы заключили с ними соответствующие соглашения. Они и сейчас действуют, но Россия, к сожалению, не даёт им развиваться.

– Как чувствует себя русское население внутри Чеченской республики?

– Хуже чеченского. У чеченцев традиционные связи с деревней, другими городами и странами. У русских же, как правило, только городская квартира и фиксированный заработок. Сейчас наши банковские счета Россией закрыты. Не поступает ни рубля денег, нужных для выплаты пенсий старикам, ветеранам войны. И, тем не менее, русское население защищено здесь как нигде. За жизнь русских будут отвечать наши сыны, что они и делали до сегодняшнего дня.

– Одна из газет опубликовала недавно пророчество астролога Глобы о том, что прискачет всадник с севера и свергнет Джохара. Как Вы к этому относитесь?

– Это пророчество – пропаганда будущего провокационного акта и прямой призыв к нему. Прискочет с севера... Кто? Естественно, брат-славянин со своим оружием. И долой Джохара! Это подготовка общественного мнения против нас. Но таких пророчеств у Глобы было много. Достаточно для того, чтобы поднять пророка на смех.

– Существуют ли шансы на установление благоприятных отношений между Чечнёй и Россией?

– В России идёт борьба за власть. Какие силы в ней победят: ВПК, который цепляется за имя президента Ельцина; группа Руцкого или бывшие коммунисты в Верховном Совете? Куда потащит эта волна? Я уверен: если бы реформаторская программа Горбачёва состоялась, никто бы ни из России, ни из СССР не вышел. В той программе была заложена основа, позволяющая отказаться от тоталитаризма, партийного фундаментализма и перейти к новым свободным отношениям. Я и сейчас поддерживаю восстановление такого союза. Это, прежде всего, в интересах самой России. Союз нужен, если мы хотим сохранить себя вообще. Но союз, который навязывается экономическими санкциями и танками на проспектах? Такой союз – гибель. Надо выбирать между угрозами с одной стороны, равноправием и доверием – с другой. Мы своё слово сказали, теперь выбор за Россией. А первым шагом к нормальной жизни должно стать снятие блокады.

* * *

Так где же правда, в чем она заключается? В 1992–1995-х годах я написал десятки экспертных записок, адресованных и чеченской стороне, и, разумеется, российским властям; статей в газетах и журналах. Всё это позже было синтезировано в отдельном параграфе моей докторской диссертации, который назывался «Применение политико-конфликтологических экспертных методик в ходе деятельности по урегулированию российско-чеченского конфликта».

Стоит ли пересказывать? Здесь – вряд ли. Резюмирую очень кратко: условия для урегулирования были. Ввод войск в 1995-м году, вызвавший многолетнюю войну, – непростительная ошибка, после которой экспертизы и статьи потеряли смысл. Теперь оставалось долго и тупо вкладывать деньги в Чечню, чтобы восстанавливать разрушенное жильё, предприятия и учебные заведения, создавать рабочие места. И придумывать схемы, чтобы выделенные федеральные средства не разворовывались еще в «полёте». Деньги-то из нашего с вами кармана, откуда ж ещё? Вот и вся правда.

Звиад. Кто породил тебя, чекист?!

Но вернёмся в осень 1992-го. Какой сгусток конфликтов закручивался в Грозном, Чечне и Ингушетии в целом! Но что интересно: было немало способов и фигур, способных его отрегулировать в позитивную сторону. Остановлюсь лишь на двух персонах. Первая – Руслан Аушев. Много раз встречаясь с ним в 90-е, я всегда удивлялся способности Руслана упорно, порой в невыносимо сложных условиях искать мирный путь решения проблемы.

Ну, смотрите: Чечня находится в конфронтации с Россией. После событий декабря 1994-го – января 95-го Чечня – враг России. Ингушетия – субъект Российской Федерации и по определению друг России. А кто такие Чечня с Ингушетией по отношению друг к другу в таком случае? Враги? В представлении Аушева – такие же братья-вайнахи, как и раньше. Аушеву удаётся предотвратить военные действия на территории Ингушетии, он не ссорится и не воюет ни с «нашими», ни с «ненашими» чеченцами. Руслан повторяет на всех площадках:

– Гибель людей только усиливает ярость у обеих сторон конфликта.

– Военные не могут решить свою задачу только силой, без учёта мнения чеченского народа.

– Я пытаюсь оказать помощь в диалоге сторон и не оставляю этих усилий.

Когда в период президентства в Чечне Аслана Масхадова мы затеяли пресс-тур федеральных журналистов в Ингушетию, Аушеву задали вопрос: «А можно ли организовать встречу журналистов с Масхадовым?». Аушев связался с опальным и оппозиционным Масхадовым, и такая встреча состоялась.

Руслан понимал: поставив на человеке однозначное клеймо «враг», ты только усилишь его агрессивность по отношению к себе самому.

Отсюда понятны и хорошо известны переговоры Аушева с боевиками в Беслане, которые увенчались *результатом* – освобождением части заложников. Вспомню ещё один эпизод, теперь из осени 1993-го. Белый дом расстрелян, вице-президент России Александр Руцкой в тюрьме.

Спрашиваю Руслана: «А как Вы относитесь к Руцкому?»

Ответ: «Ручкой... Мы братья по Афгану. Лихой лётчик, был командиром полка, воевал зло и грамотно. Если он на своём штурмовике прикрывал – всё в порядке. Говоришь ему: как же так, ты тут бомбишь, а сзади тебя огонь ведут. А он: погоди, сейчас мы им покажем! Теперь он вице-президент, переживаю за него, особенно когда горячится. Нельзя, он политик. Для нас большая гордость, что наш «афганец», военный лётчик стал вице-президентом...»

Вот такой человек был. Вот такой человек есть. К которому не страшно спиной повернуться...

Теперь о второй персоне, давно и прочно позабытой. Тем любопытнее эпизод, о котором расскажу дальше. Вдруг (именно вдруг и никак иначе) узналось, что холодной осенью 1992-го в Грозном жил человек по имени Звиад. В помпезном когда-то доме из красного кирпича за высоким забором. Позвонили. Открылась калитка, появился лужгающий семечки джигит в тапочках и с автоматом: джигит тянул автомат за ремень по земле, как собачку.

– Нельзя ли сфотографировать резиденцию?

– Нет, нельзя.

– А встретиться с господином Звиадом?

– Давай документ, пойду спрошу.

Вскоре мы пересекаем большой двор, где гуляют какие-то зоопарковые парнокопытные (антилопы, косули?) и стоит старорежимная «Чайка» с выбитыми фарами. В вестибюле второй охранник обыскивает нас и просит подождать. Через несколько минут поднимаемся по лестнице в кабинет Звиада. Средних размеров комната с обычной рабочей мебелью. Видеодвойка, ксерокс. На столе – газеты, рукописи и толстая биография Джорджа Буша-старшего на английском языке.

– Я согласен на интервью, но сначала напишите мне заявление, что не будете искажать сказанное.

Звиад кладет передо мной ручку и лист бумаги. Дивясь необычному ультиматуму, принимаю условие.

– И еще одно: обязуетесь ли Вы называть меня в печати «господин президент»?

– Я обязуюсь называть Вас Звиадом Константиновичем, вряд ли это будет неправильно. К тому же в вашей стране прошли выборы...

– Никаких выборов не было! Это очередная дезинформация, которую распространяет ваша пресса. Во-первых, выборы незаконны и неконституционны. Когда баллотируется один человек и получает 95 % голосов – какие же это выборы?! В столице моей Страны на несколько показательных участков согнали людей угрозами. А в большинстве районов, если кто-то не приходил, то приводили людей насильно и устраивали фактически открытое голосование: под автоматами заставляли обвести карандашом фамилию Эдуарда. У меня есть сотни и тысячи доказательств того, что никаких выборов в Стране не было. Таким образом, легитимным президентом Страны до сего дня остаюсь я. В изгнании действуют и другие законные органы – правительство, парламент.

– Каков Ваш прогноз развития событий в Республике?

– Очень отрицательный. Власть захватила криминальная мафия, экономическая катастрофа всё больше углубляется. Уже по телевидению передают, что в столице Страны каждый день три-пять человек погибают от голода. Это неправда, погибает гораздо больше, по несколько десятков человек погибает. А в других городах ещё хуже, особенно в Абхазии, где происходит настоящий геноцид населения. Права абхазцев надо больше уважать...

– Больше, чем Вы когда-то уважали права южных осетин?

– Права южных осетин мы тоже уважали, но они захотели гораздо больше того, что им полагалось. Они захотели независимой республики на нашей территории. Но это не вариант Чечни и Кабарды, которые никогда не были Россией, а вошли в её состав только после XVI века. Да, в Абхазии всегда жил абхазский народ. Но он является национальным меньшинством, и его права надо уважать, как права национального меньшинства, которое не имеет права отколоть эту территорию от Страны и объявить её независимым государством.

– Звиад Константинович, как Вы относитесь к процессам в Чечне?

– Каждая нация имеет право на самоопределение. Невозможно заставить народ силой присоединиться к какому-либо государству. Поэтому ничего страшного нет в том, что Чечня объявила о независимости. В лице свободной Чечни Россия приобретает союзника, друга и самое надёжное государство. Время колониализма прошло, повернуть его вспять – безнадёжное дело. А в принципе я не очень осведомлён о ситуации в Чечне, живу в затворничестве, в изоляции.

– Возвращаюсь к событиям в Вашей Стране. Зачем, по-Вашему, Эдуард полез в это пекло, в президенты?

– В России началась кампания против Эдуарда, у многих открылись глаза на его чёрные дела. Можно сказать, что он сбежал из России. Другого выхода у него не было, как у вас говорят, либо пан – либо пропал.

– А что скажете про Дудаева?

– Мы советуемся иногда с Дудаевым, но все решения он принимает сам, в соответствии с его положением. А положение тяжёлое. Россия, к сожалению, осуществляет блокаду Чеченской республики. Это бесчеловечно и неправильно, здесь русского населения 30 процентов. Местные русские направляют письма Ельцину и говорят: оставьте нас в покое, нас никто не прогоняет. Это не то, что в Прибалтике, в Чечне русские во всём имеют равные права с чеченцами. Так что бессмысленно и бесчеловечно вести блокаду против Чечни.

– Звиад Константинович, я вот почитал издающуюся в Вашей Стране на русском языке газету «Под небом Страны» и увидел стихотворение «Тиран кровавый», посвященное Вашему оппоненту Эдуарду:

– Кто породил тебя? Чекист!
О, змей ползучий, зудный глист!
Звиад – законный Президент,
А ты с рожденья – хитрый мент!..

– Вы считаете такие методы политической борьбы приемлемыми?

– Стихотворение похабное и глупое, я за это порицал редакцию. Но не могу же я контролировать каждый материал!

– Здесь, в Грозном, Вы живете в одиночестве?

– Нет, со мной супруга, двое детей.

– А кто финансирует президента в изгнании?

– Наш народ нас не отверг. Наш народ нам помогает и нас содержит...

И такой человек был. Такого человека больше нет. И памяти о нём не осталось. И спиной бы к нему я не повернулся.

Александр. Великолепная шестёрка

Оказавшись в «Сити» – будущем высотном квартале Москвы – я вспомнил про свою «конфликтологическую» диссертацию. Как не вспомнить, если обозначенные в ней технологии успешно работали на практике: социально-экономические конфликты вокруг Делового центра мы разруливали только так! И вообще выяснилось, что это направление деятельности – сверхмодное в мировом пространстве и называется crisis management и conflict resolution.

Начал потихоньку кропать «докторскую». Рассказал об этом сотрудникам Института молодёжи (сегодня Московский гуманитарный университет – авт.); вместе с ними мы проводили исследования настроений жителей кварталов, прилегающих к «Сити». В Институте недавно образовалась одна из первых в России кафедр конфликтологии, поэтому логично, что коллеги моей работой заинтересовались. Предложили прочесть для студентов и преподавателей курс кризис-менеджмента и даже написать учебник. Сказано – сделано: к концу лета был готов и отпечатан искомый труд. 200 страниц в мягкой обложке и скромном исполнении. Но я доволен: книжка-то, чёрт возьми, первая! И, воодушевлённый, продолжал корпеть над «диссером». Работал большей частью в офисе, оставался в нём вечерами и приезжал в выходные.

В воскресенье 3-го октября 1993-го года я доехал на метро до станции «Краснопресненская», но выход на улицу оказался закрыт. Я вернулся на «Киевскую», проехал до «Филей», а там вышел, сел в пригородную электричку и всего через одну остановку достиг станции «Тестовская». От неё до нашей гостиницы «Союз-2» минут семь ходьбы. В конторе находились только охранники, сотрудников нет. Я включил компьютер и полез в учёные тексты. На улице, не очень далеко, отчётливо слышалась автоматная стрельба. Вернувшись домой вечером, я, конечно, включил телевизор и слушал информацию о происходящем. Ну да, очередная заварушка, но их было много за прошедшие два года. Обойдётся.

4-го октября рано утром таким же образом снова попал в офис «Сити». Несмотря на понедельник, здесь опять никого не было, руководство объявило этот понедельник нерабочим днём: всё равно обычным порядком – на метро, автобусе, личном автомобиле до гостиницы не добраться по причине объявленного властями чрезвычайного положения, а мой «хитрый проход» никто не знал.

Автоматные очереди время от времени по-прежнему продолжались, а потом что-то гулко забухало. Через некоторое время пришёл охранник и спросил, не смотрю ли я телевизор. Я включил... да что телевизор, и простым глазом с Красногвардейского проезда было видно, как горит Белый дом, как выстрелы достигают его стен, как вылетают окна, как стелется дым от выстрелов и пожара, как здание постепенно чернеет.

На Калининском (позднее Новоарбатском) мосту стояли шесть танков и били прямой наводкой по Белому дому...

Обращусь к читателям вот с чем. Я тут пишу художественную повесть, а не документальную историческую хронику. Но даже в художественном видении стараюсь уйти от идеологических интерпретаций и опираться на сохранившиеся личные впечатления и безусловные факты, которые вряд ли кто возьмётся оспорить.

Итак, происходящее на политологическом языке называлось кульминацией острейшего конституционного кризиса, развивавшегося с декабря 1992-го года. Кризис явился следствием противостояния двух политических сил: с одной стороны – Президента Российской Федерации Бориса Ельцина, правительства Виктора Черномырдина, части народных депутатов – сторонников Президента; а с другой стороны – противников социально-экономической политики Президента и правительства: вице-президента РФ Александра Руцкого и основной части народных депутатов во главе с Русланом Хасбулатовы.

В конце концов, 21-го сентября Борис Ельцин издал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», которым предписывал Съезду народных депутатов и Верховному Совету Российской Федерации прекратить свою деятельность. Тем же Указом на 11–12-е декабря назначалось проведение выборов в Государственную Думу.

Немедленно, в тот же день Президиум Верховного Совета РФ принял постановление «О немедленном прекращении полномочий Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина», в котором постановил, что Указ № 1400 не подлежит исполнению и что на основании статьи 121-й Конституции следует считать полномочия Президента прекращёнными с момента подписания этого Указа, а вице-президент А.В. Руцкой должен приступить к исполнению полномочий Президента. Этим же постановлением 22 сентября созывалась внеочередная сессия Верховного Совета с повесткой дня «О государственном перевороте в Российской Федерации».

Нелишне вспомнить, что говорилось в 121-й статье: «Полномочия Президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно».

Состоялось экстренное заседание Конституционного суда РФ, который признал Указ и действия Президента Ельцина неконституционными и недостаточными для отстранения его от должности. При этом, по словам председателя Суда Валерия Зорькина, решение об отстранении Президента должен принимать Съезд народных депутатов на основании решения Конституционного суда.

22-го сентября Зорькин провёл пресс-конференцию, где отметил, что он в основном разделяет оценку положения в стране, данную в преамбуле указа № 1400, и цели, которые ставит перед собой Президент Ельцин, однако считает неприемлемыми методы их достижения. Председатель Конституционного суда предложил следующий выход из создавшегося положения: Съезд народных депутатов принимает решение об одновременных досрочных выборах парламента и Президента, принимает закон о выборах и закон об органах власти на переходный период до принятия новой Конституции, после чего прекращает свою деятельность.

Как отнёсся к этому Борис Николаевич? Да просто: он позвонил Президенту США и имел с ним 17-минутный ночной разговор. Бил Клинтон был, вероятно, к разговору готов и заявил о полной поддержке Президента России, назвав его меры вынужденными в условиях конституционного кризиса...

От себя: так называемая «честная политика», «политика в интересах народа» – преимущественно

миф. Политика осуществляется в интересах политиков, в нашем случае одна сторона реализовывала её в интересах Президента России, другая – в интересах Верховного Совета. Но были, как говорится, нюансы.

Депутаты заперлись в Доме Советов и приняли меры к его защите. Депутаты двинулись к телецентру «Останкино» в надежде добиться выхода в эфир. Однако, подчеркну, ни в кого не стреляли.

Поддерживающие Президента и исполняющие его приказы военные вели себя иначе: 3–4-го октября, по данным Генпрокуратуры, в районе телецентра убито или впоследствии скончалось от ран не менее 46 человек. Телесные повреждения различной степени тяжести получило не менее 124 человек.

В ночь с 3-го на 4-е октября Ельцин принял решение о штурме Дома Советов.

В 4 часа 15 минут по распоряжению министра обороны РФ генерала армии Павла Грачёва командир Кантемировской дивизии генерал-майор Борис Поляков выдвинул в Москву роту танков в количестве десяти единиц.

В 9.30 расположенные на Калининском (Новоарбатском) мосту танки начали обстрел здания Верховного Совета. Всего в обстреле участвовало шесть танков Т-80, выпустивших двенадцать снарядов. Танки комплектовались экипажами офицеров-добровольцев, а командовал ими лично министр обороны десантник Павел Грачёв, получивший звание Героя Советского Союза за операции в Афганистане. Ситуацией в Доме Советов командовал другой генерал, Герой Советского Союза лётчик Александр Руцкой, удостоенный Золотой звезды также за Афган.

3–4-го октября 1993-го года по официальным данным погибло около 150 человек, получили ранения и увечья – около 400. Неофициально цифры озвучивались значительно большие.

В XX веке Россия стала единственной европейской страной, где власти расстреляли собственный парламент.

Виноватых не выявлено: нападавшие на Белый Дом к ответственности не привлечены, командовавшие его защитой взяты под стражу, но вскоре амнистированы и отпущены.

Наука конфликтология поскользнулась и упала.

Андрей. Анархист с фашистом пить не может

Где кучковались анархисты в «чёрном» октябре 93-го? Как писал тогда в «Общей газете» некий 17-летний корреспондент «Anarchy news» Цветков, «анархисты в виде панков, рокеров, фиолетовых и просто арбатских тусовщиков» строили баррикады вместе с другими защитниками Белого дома (БД). Но парень прав лишь в том смысле, что названные им категории действительно относят по традиции к анархистам. И ошибается в другом: «идейных» анархистов у БД не было. Ещё в первые дни заварухи они приняли решение не участвовать в событиях ни на чьей стороне.

А в конце сентября случилось следующее. Когда панки, мирно выпивавшие с боевиками Баркашова (русский националист, руководитель движения «Русское национальное единство» – авт.), подняли чёрное знамя, к ним для разъяснительной работы прибыли члены ИРЕАН – движения «Инициатива революционных анархистов».

– Уберите знамя, анархист с фашистом пить не может.

– А кто вы такие, чтобы команды анархам давать?

– Так завтра это по ящику покажут: свастику рядом с чёрным знаменем...

Знамя не убрали, ИРЕАНовцы ушли, но один, Платоненко, остался и совсем доконал боевиков антифашистской пропагандой. Те набросились на Владимира с кулаками. В явно неравной борьбе он пырнул фашиста ножом и был сдан баркашовцами в 111-е отделение милиции, где против Платоненко возбудили уголовное дело. А пострадавший боевик, выйдя на следующий день из больницы, вернулся к Белому дому...

Чисто для понимания. Ага, анархическое устройство недееспособно, так? А как же ООН, реально построенная по анархическому принципу – одно право «вето», и решение не состоялось? Недееспособна, но прекрасно существует? А как же Гуляйпольская республика батки Махно, тоже неплохо жившая? Или эти прецеденты недостойны внимания?

Тогда о том, что достойно внимания, о совести, принципах и справедливости. Год назад судили анархиста Александра Щуся. Его речь на суде была настолько яркой и нестандартной, что я приведу её, с некоторыми сокращениями, от первого лица, а не в пересказе:

– ...Неуважаемый суд, господа присяжные заседатели! Свою защиту я беру на себя. Вначале расскажу о происшедшем. Во время проведения нашей акции протеста какая-то сволочь распорядилась пресечь её самыми радикальными средствами, и на нас напустили спецкоманду ОМОНа. Один из этих горилл, шести футов ростом и весом под центнер, прихватил меня. Не оскорбляя себя раздумьем, он огрел меня резиновой палкой по уху и по спине. У юноши было гипертрофированное чувство всесилы и извращённое понятие о порядке и справедливости. Драться мне кулаками с таким бронированным истуканом, как видите по моей комплекции, всё равно как с Дзержинским на Шпалерной. Я на голову ниже, на 20-30 кг легче, курю и пью водку, люблю не махать дубинкой, а читать Кортасара и Пруста. Так что наш поединок был неравен с самого начала. Но я человек живой и никому не позволю меня безнаказанно пинать, будь то отдельный debil или целое государство. Вот тут я и достал из кармана маленькую железную штучку, которую припас именно для таких случаев – угрозы моей жизни и здоровью; а иначе, зачем она мне нужна? У вас в бумагах она проходит под именем пистолета Макарова. Когда фараон увидел направленный на него ствол, он, бедняга, подумал, что это газовый шпалер, и быстренько прикрыл голубенькие глазки, затаив дыхание. Я же нажал на спуск, и из ствола вылетела пуля – концентрация моей ярости, боли и стыда. Пуля знала своё дело туго: пробила кожицу на глазу, прошла легко и грациозно через роговицы и прочие глазные причиндалы, оставив позади кровавую глазницу; размолотила в фарш половину мозга и на последнем дыхании вышибла затылочную кость и часть шлема. Вот таким образом обстояло дело. Когда я пытался объяснить всё это старикашке-следователю – геммороидальной обезьяне – тот давай мне плести что-то про превышение пределов необходимой обороны. Но когда вас, господа, кусает комар, вы же не стараетесь его укусить в ответ, а мочите падлу со всей пролетарской ненавистью, так что нечего пудрить людям мозги, когда можно бить хулигана кирпичом, а когда нет. Я знаю, вы вынесете обвинительный приговор, а это расстрел. Вы меня убьёте, но знайте: я вернусь снова к вам. Не думайте, что люди – скоты и быдло, которых можно безнаказанно гнать на бойню. Я только первая ласточка, создающая прецедент, как любят выражаться юристы. И когда будут мочить обнаглевших ментов и прочую властную шушеру, помните, что это я вас достаю с того света...

Александр. Намастэ

«При власти, при деньгах ли, при короне ли судьба людей швыряет, как котят», – так, помнится, пел Владимир Высоцкий. Так. Швыряет. От ЕБН, Джохара, Митьков совсем в другое царство-государство-королевство.

Просто еду на слоне и думаю. Намастэ! Хай! В Королевстве Непал. Где есть король Бирендра, но реальную власть имеют коммунисты, которые что хотят, то и делают. Хотят – забастовку объявят, значит, все должны бастовать, и попробуй не побастуй. Если таксист не забастует, проколют шины, если владелец кафе не станет бастовать – побьют стёкла. По-простому, по-коммунистически. Хотят – дорогу для автомобилей перекроют, значит, топай пешком. А король что, он добрый, он терпит и ждёт, пока его вместе с супругой-королевой застрелит из автомата собственный сынок принц Дипендра. Намастэ! Хай!

Здесь вообще-то идёт гражданская война: многочисленные компартии борются с предполагаемыми в нищей стране жирующими империалистами. На коммунистическом красном флаге вместо трёх привычных профилей значится четыре, последний из четвёрки – Мао Цзе Дун. Намастэ! Хай!

Но никому не придёт в голову хоть как-то тронуть белого человека, который везёт в страну деньги. Белый человек – русский, американец (может быть и чёрным), европеец, да и жёлтый кореец – пароль и гарантия безопасности. Бьют только своих.

Ах, да, про слона. Чтобы встретится со слонем, нужно из Москвы прилететь в какой-нибудь аэропорт Объединённых арабских эмиратов, или Катара, или Китая, а затем пересесть на самолёт до Катманду. И там...

– Буйвола с прижатыми рогами,
Будто бы от страха или ветра,
На прощанье тонкими ты трогала руками,
И печали не было заметно.
Ты – обыкновенная царица,
Мне пора, как прежде, возвращаться,

Ну а что в душе у нас у каждого творится –
И проводникам не догадаться...

Это что, уже не 90-е? Почему же, вполне 90-е. Просто в непальских 90-х не знают о российских 90-х. В Королевстве слышали слова «Горбачёв» и «перестройка». В Королевстве знают, что Россия – большая и холодная страна. Пожалуй, всё. Ни о каких событиях и фамилиях, перечисленных выше, здесь не в курсе. Поэтому берите слона и езжайте в джунгли. Намастэ! Хай!

– И будет вспоминаться дорога,
Где тебе говорит любой:
«Я приветствую в тебе Бога,
повстречавшегося со мной!»

Намастэ – это и есть «Я приветствую в тебе Бога». А также «здравствуй», «до свидания», «привет», «пока», «доброе утро», «добрый вечер» и так далее.

Хай (hi) – это модифицированное от английского hello.

Все говорят друг другу при встрече «Намастэ» или «Хай».

Вот как получилось-то в декабре 1994-го, теперь не по Высоцкому, а по Митяеву:

– Ты увезешь мою ангину с собой,
Я это всё уже заранее знал,
Через туманы над тайгой голубой
В Непал, в Непал, в Непал.
И полутёмный незнакомый подъезд,
И полусонный опустевший вокзал –
Ты всё запомнишь в этот зимний отъезд
В Непал, в Непал, в Непал.

Намастэ! Хай!

– В небе простится все, что отплатится,
И лайнера белый крест
Дали приблизит, и обозначится
Контуром Эверест,
В легкое платье сизого облака,
В теплого неба марь
Ты обернёшься, и позабудется,
Что здесь в Москве январь.
И к самолёту подадутся слоны,
И опахалами замашет Тибет,
И, как царица этой древней страны,
Ты не позволишь больше плакать себе.
И распрямив безукоризненный стан,
Ты поплывёшь с невозмутимым лицом
И всё, что было, позабуду я сам,
Как сон, как сон, как сон...

Ну, не совсем к самолёту слонов подадут. Надо ещё километров сто проехать по дороге типа «совсем не хайвэй», что займёт часов восемь, и вот тогда уж точно увидишь слона, обитающего в национальном парке Читван. В парке нет гражданской войны, но есть нирвана. Домики а-ля хижина со всеми удобствами, пеньки а-ля пеньки вдоль дорожек с электрическими лампочками внутри, барбекю и национальные пляски по вечерам. Но вокруг – реальные джунгли (без а-ля), с птицами, обезьянами, парнокопытными и даже...

Намастэ! Хай! Слон, а точнее слониха, ещё ничего – 45 лет (а слоны живут до 100). Зовут Сантал Кали. Легко преодолевает склоны, русла ручьев, ломает ветки деревьев, продираясь сквозь джунгли. Найти и увидеть со слона обезьяну или оленя (deer) – это не круто. Круто – когда тигра или носорога. Вот мы их и ищем. И думаем о возвращении в Россию. Я, конечно, отчасти знаю, что будет, когда вернусь на Родину в конце января. Сначала ничего не будет – в январе у нас никто не работает. В феврале начинают расписывать бюджеты и думать о проектах. В апреле люди начнут пахать. Может, революция какая? Вряд ли: вроде недавно была. Намастэ! Хай!

Надо успеть сделать побольше, потому что в мае опять наползут праздники на полмесяца. А там отпуска. И, наконец, ударная трудовая осень. Страна что надо!

Погонщик насторожился. Мы видим, как в кустах что-то шевелится. Из ямы поднимается огромная бронзовая туша. Она с неудовольствием смотрит на Сантал Кали и неторопливо идёт в сторону. А мы за ней. Не отрывая взгляда от торчащего рога, который прячется за травой, деревьями, а потом появляется вновь. Нашли!

Ночью в хижине горит керосиновая лампа. Электричество тоже есть, но его отключают, чтобы создать атмосферу экзотики. Уже клонит в сон, но лампу задуть не хочется – иначе уйдёт часть колорита. Я засыпаю и думаю, что надо приступить к поискам тигра. И обязательно проходить каждый день свои 90 с чем-то шагов, поскольку на дворе 90-е годы. Или сколько придется. 90 шагов не по ровному, а вверх.

Вообще-то слон – это финал. Раньше было совсем другое. Во второй половине ноября 94-го мы вылетели в Катманду, чтобы совершить первое в мире зимнее восхождение на семитысячную вершину Южная Аннапурна. Мы – это ветераны, мастера спорта СССР: Николай Чёрный (он даже больше мастера – заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР по альпинизму), Владимир Шатаев – бывший главный тренер сборной СССР по альпинизму, Володя Башкиров (мастер спорта международного класса) с женой Наташей и сорокалетняя «молодежь», перворазрядники-уфимцы: Валера Лобанков, Алик Минибаев, ну и я с ними.

Жили и собирались в дорогу в экзотическом Катманду, шли под маршрут с длинным караваном носильщиков, искали (уже без носильщиков) проходы в джунглях, потом джунгли сменились камнями и льдом, а лето – зимой.

Ставили базовые лагеря. Экзотической, но совсем неприятной неожиданностью стало то, что во время тренировочного выхода пришли волки и разграбили застёгнутую палатку с продовольствием, оставив нам только ... чай: он волкам не понравился.

Пережидали непогоду, сутками лежа в палатках (было скучно, но хорошо думалось о вечном и высоком) и опять пробивались вперёд. Намастэ! Хай!

В третьем базовом лагере на высоте около пяти тысяч метров я попросил Валеру Лобанкова, он хорошо пел:

– Ну, спой что-нибудь визборовское.

– Ладно. И запел песню Юрия Визбора, альпинисты его любят:

– Не путай конец и кончину,
Рассветы, как прежде, трубят,
Кручина твоя не причина,
А только ступень для тебя...

Рубились вверх ещё больше двух недель. Последнюю перед горой ночь мы назвали «варфоломеевской»: спать просто негде, можно как-то что-то переждать, потому что ледяной склон, минус тридцать. Утро выдалось ясное, видимость хорошая, завоевали вершину.

Что такое альпинизм? Это не выборы устраивать и не акции продавать. Это нечто, не имеющее практического смысла. Это просто благородный и мужественный спорт, он же образ жизни. Раньше все понимали: когда в альплагере человек доходит хотя бы до второго разряда, с ним действительно в разведку не страшно идти – не подведёт. А международные и заслуженные мастера всегда считались богами, которыми любовались, брали пример, подражали...

В Катманду мы возвращались на крыше автобуса: в Непале так ездить считается нормальным; грязные, заросшие, обветренные, пропившие на спуске половину снаряжения. Лобанков, прихлёбывая кукри-ром, спросил непальцев – соседей по крыше:

– А вы слышали русские песни?

– Нет.

Валера запел громовым охрипшим голосом, большой, худой, небритый:

– Славное море, священный Байкал,
Славный корабль – омулёвая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал, –
Молодцу плыть недалёчко...

Песня разносилась по ночному ущелью, и гималайская ночь уважительно внимала торжественно-протяжной, русской, берущей за душу мелодии.

Новый год встречали в самолёте:

– Твоё здоровье, Володя. Ты подарил нам гору...

Володя. Сколько стоит Эверест

Весной 1993-го я прилетел в Непал, чтобы попробовать взойти на Эверест – самую высокую вершину мира (8848 м). Стоимость пермита на группу составляла 10 тысяч долларов. Пермит – это только *право на восхождение*, за всё остальное (носильщики, еда, снаряжение) нужно платить дополнительно (через год стоимость пермита увеличилась до 50 тысяч долларов – авт.). Вскоре я понял, что дело наше почти безнадежное.

Смотрите: мы заявили на маршрут по Западному гребню с перевала Лхо Ла – этот маршрут считается одним из лидеров по числу неудачных восхождений. Раньше маршрут проходил группой, где работало не менее 20 альпинистов и несколько десятков высотных носильщиков (портеров, шерпов). Там только верёвок нужно провесить 10 километров! А наших денег хватало лишь на то, чтобы довести караван до базового лагеря Эвереста (5300 м). К этому моменту с нами оставались офицер связи, проводник (сирдар) и два повара из местных. К тому же Володю Яночкина ударил камень по спине, и он временно выключился. Другие ребята испытывали разочарование. Но мы всё-таки вышли к перевалу и поняли, что таким составом Западный гребень не потянуть. А чтобы заявиться на другой маршрут, требовалось ещё 10 тысяч «зелёных».

И тут вмешался случай. Незадолго до нашего приезда организовывалось восхождение на Эверест первой непальской женщины – Пазанг Ламу. Интересная, видно, женщина: 33 года, мать троих детей, жена руководителя туристического агентства. Сопровождали Пазанг Ламу шесть шерпов. И она поднялась на вершину! Но... спуститься вниз уже не смогла и умерла вместе с одним из шерпов на Южной вершине (8700 м).

Само собой, Пазанг Ламу стала национальной героиней, шум раскатился по всему Непалу. А ещё она была буддисткой, и тело по традиции требовалось сжечь. Но для этого его нужно всего-навсего спустить с горы. Желающих поучаствовать в таком мероприятии не находилось. И тут, как обычно, вспомнили про русских мужиков, которые с помощью кувалды и какой-то матери... И предложили нам сделку: вы с помощью шерпов спускаете тело до Южного седла (8000 м), а мы даём вам возможность «на халяву» зайти на Эверест по классическому маршруту. Ударили по рукам и начали обрабатывать маршрут, ставить базовые лагеря.

Разумеется, если бы она не была национальной героиней, то осталась бы там навечно. На Южном седле, недалеко от нашей палатки, лежал труп 4-летней давности. Простой шерп – кому он нужен! Пройдёшь от стоянки, примерно, час по гребню, а там слева труп и справа труп. Их сколько угодно, и с каждым годом прибавляется.

Мы потихоньку продвигались вверх. 11-го мая в палатке на Южном седле сидели я, Петя Князев из Петербурга и Николай Чёрный. Разыгрался сильный ветер, его скорость достигала ста километров в час, о выходе наверх не могло быть и речи, а силы иссякали. Я говорю Чёрному:

– Коля, надо вниз, мы тут слабеем.

А он:

– Ты знаешь, с учётом возраста (54 года – авт.), для меня это последняя возможность. Если я уйду вниз, сил на вторую попытку у меня не хватит.

Он был по-своему прав, но я вспомнил своих пятилетних мальчишек-двойняшек и решил всё-таки двигать вниз. Когда мы прощались, Николай попросил, чтобы мы в случае чего не тратили силы на его поиски. Кто знает, тот понимает. И я сказал:

– Да, Коля, мы не будем тебя искать.

Но ещё через день ветер стих. И в наиболее выигрышном положении оказался Володя Яночкин, который отсиживался в предпоследнем лагере на высоте 7200 м. Он зашёл на седло, взял кислородный баллон и 15-го мая один поднялся на вершину.

На следующий день готовился к восхождению и я. Встаю 16-го мая в два ночи, надеваю кислородный аппарат, а он не работает. Пытаюсь «продуть» прибор, но резиновая груша с сильнейшим

треском лопаются. Ну и плевать! Думаю: буду идти до 12 дня. Сколько смогу, столько и пройду, хоть 100 метров.

Какие опасности таит в себе бескислородное восхождение? Стать *mental vegetable* – умственным овощем из-за необратимых изменений в мозгу. Я брёл один и никого не видел. Чувствовал себя совершенно истощённым, хотелось лечь. Но вспоминал о детях и продолжал двигаться: десять шагов за Серёжу, десять – за Андрюшу... К 11 дня поднялся на вершину. Когда к пяти вечера спустился к первой палатке, минут пятнадцать сидел неподвижно, потом снял кошки, бухнулся и отключился.

Да, а задачу со спуском Пазанг Ламу, мы, конечно, выполнили. Иначе «халявы» бы не получилось.

Сравнивая 90-е и прошлое время, когда государство финансировало подобные экспедиции и даже давало ордена за хорошие горы, я не испытываю ностальгии. Сейчас гораздо больше возможностей для самореализации. Знаешь, почему многим людям тяжело сегодня? Они привыкли, что их всегда вели и направляли. Я же долгие годы занимался первопрохождениями и предпочитаю самостоятельность. Я сам могу сделать свою жизнь: при любом строе, и даже без орденов...

Александр. Красные фонари

Надо сказать, что в 90-е многие люди кардинально сменили профиль предыдущей деятельности. Например, работал человек инженером, а теперь начал продавать (чаще перепродавать) кроссовки, или белковую икру, или какие-нибудь «уникальные» чайники. Большинство этих людей быстренько прогорели, поскольку спекуляция сильно проигрывает конкуренции, а чтобы стать конкурентным, надо иметь и базис, и связи, и развитие.

Другие люди стремились совершенствовать то, чем занимались ранее, адаптируя предыдущие успехи и специализации под современные требования.

Но в принципе все занимались всем подряд. К числу таковых относился и я. В частности, пробуя себя и в пиаре, и в журналистике, я не забросил науку конфликтологию и пытался найти в ней аспекты, способные приносить заработок.

В то время слово «конфликтология» было малоизвестным и потому модным. Даже в Российской академии наук создали на общественных началах Центр конфликтологических исследований, который курировал вице-президент РАН, академик Владимир Николаевич Кудрявцев. «Штатный» центр конфликтологии работал в Институте социологии РАН, куда я и влился в качестве старшего научного сотрудника.

Мы проводили круглые столы, семинары, формировали и расширяли пул конфликтологов, писали книги. Я придумал проект «Российский социум: конфликтологическая экспертиза». Собирал экспертные оценки, синтезировал и шлифовал их, а далее рождал связный текст, который с удовольствием, на 1–2 больших полосах публиковали газеты: «Деловой мир», «Вечерняя Москва» и другие. Обычно в проводившейся каждые полгода экспертизе фигурировали три раздела: «Конфликты в социально-политической сфере», «Политико-экономические конфликты, связанные со становлением рыночных отношений», «Этнополитические конфликты».

Естественно, хотелось, чтобы всё это из области общественно-экспертной и образовательной деятельности (я тогда читал курс «Конфликтология» на социологическом факультете Московского государственного педагогического университета) перешло на коммерческие рельсы. И кое-какие заказы на локальные экспертизы стали поступать. Но в целом конфликтология, как аналитическая деятельность, приживалась трудно; я ломал голову, что с ней делать дальше, и вот тут-то произошла очередная встреча с далеко идущими последствиями.

Меня пригласили на один из семинаров-тренингов, который организовал Международный фонд политико-правовых исследований «Интерлигал». Подобные фонды, перерабатывающие гранты зарубежных организаций (которые, понятное дело, часть грантовых сумм «пилили» под себя) тогда существовали в избытке.

Тренинг посвящался методам разрешения конфликтов, причем не теоретико-аналитическим, а процедурным, до которых я сам пока не добрался. На тренинге познакомился с президентом «Интерлигала» Ниной Беляевой, она предложила сотрудничество, и таковое состоялось.

Сначала в форме собственной подготовки по американским программам «Ведение переговоров», «Фасилитация» и «Медиация», а потом в качестве профессионального тренера. В рамках действо-

вавшего тогда гранта организации «Partners for democratic change» («Партнёры за демократические перемены») мы с Ниной и Наташей Миримановой обучали данным методикам преподавателей, представителей общественных объединений в Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске и Краснодаре, совершенствовались и накопили серьёзный авторский опыт.

Что это за методики? Фасилитация представляет собой процесс, где специалист, устраивающий всех членов некоторой группы (он и есть фасилитатор), настроенный нейтрально и не имеющий права принимать решения, помогает группе усовершенствовать способы идентификации проблем и принятия решений за счёт организации конструктивной совместной деятельности. В принципе фасилитация не что иное, как эффективная технология решения проблем, связанных с групповой работой; структурированный способ сбора различных мнений и сведения их в единый и приемлемый для всех интеллектуальный продукт. Фасилитация постепенно вытесняет такие широко практикуемые, но недостаточно продуктивные способы решения проблем, как спор, дискуссия, простой обмен мнениями, административное решение, волевой приказ.

Медиация – нечто похожее, но с существенным добавлением: фасилитация проводится в «обычных» условиях, а медиация – в условиях конфликта. Это процедура прогрессивного вмешательства в конфликт, в ходе которой участники с помощью нейтрального посредника (медиатора) планомерно выявляют проблемы и пути их решения, ищут альтернативы и пытаются достичь приемлемого соглашения, которое соответствовало бы их интересам.

Я считал и считаю, что при обеспечении любого крупного социально-экономического проекта необходима целевая (фасилитаторская и медиаторская) работа с группами, от которых в той или иной степени этот проект зависит и которые могут между собой конфликтовать. Такого рода проектный подход я начал продвигать уже в 95-м, и он оказался более востребованным коммерчески, чем «простая» конфликтология.

Например, тогда велась активная работа вокруг проекта создания высокоскоростной магистрали (ВСМ) между Москвой и Санкт-Петербургом. Одной из приоритетных целевых групп, формирующей общественное мнение, являлись журналисты. Было не всегда понятно, из чего они исходят в своей работе, в какой информации нуждаются и что нужно сделать, чтобы она работала не «против» проекта, а «за» него. Ответ на эти вопросы была призвана дать групповая фасилитация, проводившаяся с редакторами городских и районных газет Тверской области по заказу компании РАО «ВСМ».

Вполне «живой» продукт мы создали, выполняя заказ когда-то самого известного (наряду с «Работницей») женского журнала «Крестьянка» на создание мужского журнала-приложения «Обыватель». Собрали коллектив «Крестьянки», «отжали» в ходе фасилитаторских сессий идеи и предложения, воплотили их в структурированную концепцию. Обсудили с людьми ещё раз, отшлифовали и получили понятный для всех проект нового издания.

А бывает по-другому? Да в большинстве случаев! «Умный» теоретик производит что-то запрительно продвинутое. А «глупый» исполнитель этого не понимает, не принимает, не любит, но в любом случае не хочет исполнять. Процедурные конфликтологические технологии такие проблемы в принципе снимают.

«Обывателем» же мы с моим коллегой по «Сити» Александром Тамировым увлеклись настолько, что перешли туда работать: он – ответственным секретарем, я – редактором отдела политики. Однако продлился этот эксперимент (как обычно, параллельно с кучей остальных) менее года: в журналистике стало уже тесно. Мы сказали «спасибо и до свидания» журналу и двинулись дальше.

Да, чуть не забыл! В сентябре 95-го в Академии труда и социальных отношений я защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора политических наук. Тема, конечно же, конфликтологическая: «Конфликт в системе социально-политических процессов переходного периода». Отзывы на диссертацию написали и академик Кудрявцев, и член-корреспондент РАН Шахназаров, с которым мы активно сотрудничали и о котором я ещё вспомню. Завершил Георгий Хосроевич отзыв своеобразно: диссертация, мол, отличная, автор молодец, а вот степень доктора *политических наук* учреждена совсем напрасно, и её нужно отменить.

К «Интерлигалу» прикипел всей душой и даже оформился туда на должность директора исследовательских программ. Мы продолжали сотрудничать с «Партнёрами» и мотаться с тренингами по России. Но аналогичные программы в рамках своего гранта «Партнёры» продвигали и в другие

страны бывшего социалистического лагеря. И в планах организации значилась встреча специалистов этих стран для обмена опытом и знакомства с опытом стран «капиталистических». Так я, один от России, поехал осенью 95-го в составе группы бывших «социалистических» сначала в Словакию, а затем в Голландию и Данию.

Если в Братиславе словаки действительно демонстрировали нам навыки (привязанные, что меня насторожило, не столько к потребностям своей страны и её субъектов, сколько к формальным методикам грантодателя), то в Амстердаме, Копенгагене, Гааге мои коллеги интересовались и проводили мозговые штурмы исключительно для того, чтобы написать заявку ещё на какой-нибудь грант, который можно успешно «распилить». К тому же пили и ели они ровно в то время и ровно столько, сколько было положено в рамках оплаченной программы...

НКО (некоммерческие организации), третий сектор... Вид бизнеса «под красным фонарём»: «Мы же делаем благие дела – так дайте нам на это денег». И с нежеланием признавать данную деятельность бизнесом, пожалуй, именно там, в Амстердаме, особенно остро понял, что меня такие «фонари» не привлекают. Если ты производишь востребованную услугу, то пусть её купят. Не покупают – подумай, как продать. А потом, когда захочешь кому-то помочь, достань из кармана (своего!) деньги и помощи. А когда приспичит пойти в хороший ресторан, не жди, пока тебя туда пригласят в рамках какой-нибудь халявной программы! Лучше заработай на этот ресторан! Впрочем, извините меня, уважаемые «общественники». Не обобщаю. И не про вас. Про себя.

Так о чем я говорил? А! О фонарях! В Амстердаме я покинул дружный коллектив коллег, слившихся в сладостной истоме написания грантовых заявок, и отправился в музей Ван Гога, Рикс-музей, музей Рембрандта. Вы думаете, меня тянуло к высокому? Поначалу да. Но когда я увидел Музей эротики и даже вошёл в него – всё как рукой... Тогда смеялись над фразой «в СССР секса нет». Смеялись потому, что считали, что он был. В амстердамском музее эротики я понял: и вправду нету в СССР, да и в новой России секса. А вот в Амстердаме есть, да ещё какой! На музее впечатления о местном реальном сексе не закончились.

Я позвонил Ольге де Хаан – впервые мы встретились с ней в России, опять же по общественной линии. У неё была экзотическая биография: мама – россиянка, во время войны попала в немецкий концлагерь, где познакомилась с голландцем, за которого и вышла замуж. Ольга родилась уже здесь, по-русски говорила с горем пополам, и мы болтали по-английски.

Пересеклись мы у Ольги дома, чтобы (в который раз!) обсудить какой-нибудь общественный проект, я вручил сувениры из России. Сильно проголодался, надо сказать, и рассчитывал на ужин в гостях, а она выставила бутылку красного без никакой закуски. Выпили – достала вторую. Пришёл муж, познакомился и выпили третью... Попрощавшись, добежал до ближайшего «Макдоналдса» и с остервенением вцепился в гамбургер.

В гостиницу решил идти пешком. В Амстердаме заблудиться трудно, поскольку весь город покрыт геометрически правильными каналами: они представляют собой либо кольца-диаметры, либо радиусы этих колец. Я зашёл за угол очередного дома и увидел... эти самые Красные фонари. В 95-м квартал Красных фонарей был для нас ещё диковинкой.

Нет смысла живописать многократно рассказанное другими. Завершу тем, что захотел поснимать в Красных фонарях, благо видеокамера находилась со мной, под плащом. Навёл на одно окошко, на другое... Среди сидевших в витринах женщин (одна работала, скажем, под школьную учительницу, другая под медичку и так далее – очень зажигательно) наблюдалось заметное оживление: дамы махали руками и показывали мне средний палец. Одна из них выбежала на улицу, схватила камень и бросила в меня – еле увернулся, но снимать не перестал. Когда же ко мне направились два дюжих молодца-негра, пришлось смыться. Но кадры на память остались!

Всё о Красных фонарях? Не-е-ет. Но раскрываться не буду, дабы не возбуждать почтенную публику, а лучше расскажу анекдот. Приходят в заведение Красных фонарей два представителя одной братской нам страны.

- Вот эту негритяночку хотим, – говорят.
- Будьте любезны, 100 евро за 30 минут.
- У нас столько нема... Давайте вон ту жёлтенькую.
- Будьте любезны, 80 евро за 30 минут.
- И столько нема.

- А сколько у вас есть?
 - Тильки один евро.
 - Будьте любезны, зайдите за угол, и там друг дружку, ага...
- Через пятнадцать минут звонок в дверь:
- А кому гроши отдавать?..

Анжела. А поезд пошёл своей...

Я встретила 90-е в поезде. После развода, полна жизненной энергии и веры в себя. Самой приятной неожиданностью лихих лет стало то, что иностранные посольства выдавали визы без особых на то проблем – были бы деньги да заграничный паспорт.

Из Пекина в Москву и наоборот потянулась, размеренно покачиваясь на транссибирской магистрали, новая нация под названием «челноки», рождённая в конце 80-х. Вагоны забиты товаром. В короткие сроки, при пересечении международных границ, все внутренние панели купе размонтировались, на свет вываливались тюки, пакеты и коробки, заполненные надеждой на скорое богатство. За окном сменялись красочные пейзажи России, но их никто не видел, головы людей наполнены лишь одной мыслью: где взять деньги, да побольше и побыстрее.

«Челноки» отличались от простого хомо сапиенса новыми частями тела: приросшей к животу кожаной сумкой и удлиняющим руку электронным калькулятором; а также быстрой, нервной походкой и разорванной манерой речи. Новый вид человека, родившегося на обломках умирающего СССР, мог спать стоя; не есть сутками; объясняться со всеми остальными национальностями одной фразой «Хау мач?»; не мыться неделями и при этом умудряться не вонять. Никто не знал места его постоянного обитания: он мог находиться сразу и везде.

«Челнок» прочищал себе путь на вокзалах, в аэропортах, гостиницах, на стоянках такси локтями и дико вращающимися в кровавых, невыспавшихся глазницах зрачками. «Челнок» принёс новую моду: в спортивном костюме теперь можно было валяться не только в гамаке на даче, но и ходить по людным улицам зарубежных столиц.

Я всегда выбирала себе верхнюю полку – здесь не доставали ни коллеги-«челноки», за секунду знакомства с точностью определявшие твой размер одежды, обуви и диаметр мизинца; ни меланхоличные, потерявшие себя в старом и ещё не нашедшие в новом мироустройстве военные; ни оживлённые командированные – этим было всё равно, какая власть придёт или уйдёт; они знали из своего богатого опыта, что при любой власти с маринованными огурчиками, водочкой и чёрным хлебушком ехать в поезде можно.

Я наблюдала за разбросанными по вагонам ломтиками судеб; собирала разношерстные пазлы характеров в осмысленную картину и объединяла их в человеческую категорию, которая стремительно покидала бывшие социалистические страны.

Какая сила заставляла меня покупать билет в неизвестное будущее? Мама переживала, но отпускала в надежде, что я «выбешусь» в дороге, остепенюсь, выйду замуж, нарожаю детей и буду копать огород возле своего дома. Я успокаивала её и говорила, что на этот раз еду к мужчине, которого люблю, который оплатил мне дорогу и с которым меня обязательно ждёт замечательное будущее; именно такое, как маме виделось.

В действительности же я сбегала: от лжи общества, стесняющегося говорить о факте развала; от лицемерия бюрократов; от отчаяния простых людей, несших на своих плечах остатки социализма и научившихся глотать эмоции, не даваясь ими.

В свои наивные 20 лет я верила, что всё самой собой разрулится, что возрастающая депрессия молодого поколения не перерастет в массовый алкоголизм; что молодые девчонки не станут продавать своё тело за синтетический ширпотреб и что мальчишки не станут убивать друг друга за напечатанные на западе кусочки бумажек...

Я вышла в тамбур. Сюда же зашли бывшие партийные работники (что следовало из их общения), достали сигареты и закурили. Голоса в откормленных телах говорили что-то о бизнесе, купле и продаже; материли какого-то Петровича, не желающего подарить им завод.

Мимо нас проталкивались две дамы в одежде неоновой расцветки с огромными лейблами западных фирм, за ними следовал «челнок» с пакетами, приговаривая: «Девушки, девушки! Ну, вы не померили даже! Я уверен, что вам подойдёт!».

Снесённые границы выбросили на берег международного рынка роскошные тела советских баб. На Западе стало модно иметь русскую, украинку, литовку. Пока мужчины занимались делением собственности, их заброшенные половинки рожали на западе иностранных детей. Женщины делали это добровольно: занимали очереди в многочисленных и продолжающих расти брачных агентствах, изучали психику американского или итальянского мужа – да любого, лишь бы только не своей национальности; знакомились с традициями выбранной страны.

Выезжали потоками. Поезда и самолеты были переполнены с одной стороны «челноками», продававшими чужое; с другой – красотками, желавшими сбыть своё тело по выгодной цене.

Что ожидали эти женщины от Запада? За каким счастьем ехали? Почему какой-то Стив, возможно, маньяк, оказывался милее одноклассника Васи?

Почему мужики, слепив из желтоватого качества источников образ западного бизнесмена, стали ориентироваться на псевдо западный покрой костюмов и такой же псевдо стиль жизни? Зачем давили друг друга в борьбе за самую длинноногую модель, самый модный автомобиль, самый крутой особняк?

А Запад только радовался новой струе денег, поддерживающей его привлекательность...

Я выкурила сигарету и вернулась в своё купе. Дверь соседнего купе была открыта, и внутри в дыму сигарет сидели офицеры без пиджаков. Стол заставлен полупустыми бутылками из-под водки. Один – хрупкого телосложения, с костлявыми руками, изрядно выпивший – дышал папироской в лицо сидящему напротив и изливал душу:

– Не поеду! Вернусь н...й в Монголию, там баб-шлюх море. И Китай рядом. Ты вот сколько получаешь? А-а-а... Не хочешь отвечать. А я знаю, что мало! Станешь «челночить», за месяц годовую зарплату поднимешь! А наше армейское продать – так уже всё продано! Михалыч, слышал про него? Всё продал, даже танки продал! Он бы им и так всё оставить мог, а продал. Во-о-от. Так что прощай, армия!

– Ты, сукин сын, не трогай армию! – вдруг проснулся сидевший рядом блёклый блондин с курносом носом и схватил хрупкого за рубашку.

Хрупкий хотел вскочить, но увидел меня и расплылся в улыбке:

– Девушка! Заходите к нам в гости!..

«Крысы покидают тонущий корабль», – так вроде бы говорится, но кто знал из нас тогда, тонул корабль или, наоборот, всплывал? В хаосе 90-х трудно различался мираж будущего. Я благодарна этим годам так, как можно быть благодарной горькой микстуре, излечившей от болезни. Но возвращаться туда не хочу...

Что с *тем* поездом? С ним, как в песне Андрея Макаревича:

И оба сошли где-то под Таганрогом, среди бескрайних полей.

И каждый пошёл своею дорогой, а поезд пошёл своей...

Александр. Твист в Ростове

Выше я уже объяснял в нелюбви к первому российскому президенту. А в 1996-м нате вот – пришлось полюбить и даже помочь! Не корысти ради, а демократии для. Но обо всём последовательно. И вообще, на Москве, Питере, Грозном свет что ли клином сошёлся? Россия – она большая. И так, дело было в Ростове-на-Дону.

В 1996-м году Борис Николаевич Ельцин готовился к избранию на второй срок. Эта президентская кампания, на мой взгляд, может считаться одной из самых демократичных и оригинальных – впрочем, как и многие выборы 90-х.

Надо сказать, что основной пул российских политтехнологов более-менее сформировался как раз к этому периоду. Интересно, например, что на выборах в Государственную Думу России в декабре 95-го в одном и том же штабе возглавляемого Виктором Степановичем Черномырдиным движения «Наш дом – Россия» одновременно сидели такие культовые и широко известные в PR-сообществе профессионалы, как Игорь Минтусов с Екатериной Егоровой (руководители Центра политического консультирования «Никколо М»), и Андрей Гнатюк (позднее – президент компании «ИМА:консалтинг»), и уже упомянутый мною Алексей Ситников, и автор этих строк, и многие

другие известные ныне консультанты. К их словам прислушивались, а параллельно искали и подтягивали новые «мозги».

Завершив кампанию по выборам в Думу, мы перебрались из «штабного» здания Высшей школы экономики в другое «штабное» здание – «Президент-отель» и начали «штурмовать» выборы президентские.

Какой кандидат в президенты имелся в виду? Да ЕБН, конечно, несмотря на нашу всеобщую нелюбовь к нему. Потому что серьёзной альтернативой выступал лишь лидер коммунистов Геннадий Андреевич Зюганов, а возвращаться в развитой социализм никому из нас не хотелось, даже на личном уровне. Так что из нежелательного и совсем нежелательного кандидата остановились на первом варианте и приступили к работе. А работать было над чем: в начале 1996-го Президент имел чрезвычайно низкий рейтинг.

На наших «посиделках» в «Президент-отеле» происходило много интересного.

Так, здесь выступил однажды Михаил Леонтьев, впоследствии известный телеведущий, а также вице-президент «Роснефти».

– Кто это? – спросил присутствовавший на встрече представитель Администрации Президента.

– Это Михаил Леонтьев, заместитель главного редактора газеты «Сегодня».

– Журналист? Очень хорошо! Давайте на следующую встречу пригласим побольше журналистов.

– Журналистов приглашать не надо, – вмешался в разговор уже сам Леонтьев, – это такое г...

Именно в «Президент-отеле» родилась, например, мысль о том, что в кампанию неплохо бы привлечь... женщин. Ведь до сего времени Борис Николаевич не выходил на публику ни с женой, ни с дочерьми – «воевал» один. А теперь консультанты предложили «мобилизовать» Наину Иосифовну и Татьяну Борисовну. И вот я уже пишу документ под названием «Модель подготовки и размещения в СМИ материалов, связанных с Н.И. Ельциной и Т.Б. Дьяченко».

Впрочем, свою роль в «Президент-отельских» заседаниях 96-го преувеличивать не буду, тем более что «творцов» той президентской победы и так более чем достаточно – сопоставимо с числом людей, несших на субботнике бревно с Лениным. А мне пришлось проявиться в другом месте – в Ростовской области, куда был делегирован в качестве «автономного» консультанта.

Как сие понимать? Как любопытную и далеко не спонтанную интригу: работать предлагалось не вместе, не в структуре, а параллельно, автономно от основного штаба президентской кампании. И в ситуации, когда ещё не прошло голосование, решать любопытную задачку – готовить «Концепцию информационно-пропагандистского обеспечения второго этапа кампании по выборам Президента РФ в Ростовской области». Второй этап – это второй тур. То есть мы, в отличие от чиновников, которые не могли говорить о возможности невыигрыша Ельцина в первом туре, прямо заявляли: именно так и случится.

И гром грянул: по итогам голосования 16 июня 1996-го года Борис Николаевич набрал 35,8 % голосов, а Геннадий Андреевич – 32,5. Это, заметьте, по России, а на Дону президент и вовсе проиграл Зюганову 5 %. Вот тогда и вспомнили про концепцию (она уже была и у губернатора, и у представителя Президента), которая немедленно заработала.

Помню, как мне позвонил один из ведущих ростовских политтехнологов и попросил о встрече. Мы встретились, выпили, потом ещё, потом пили полночи, потом всю ночь, а я всё никак не мог понять, – чего он хочет. Под утро понял: он хочет поставить под концепцией и свою подпись.

О чём документ? О стратегии, которая предлагала основной лозунг и лейтмотив второго этапа кампании – «Теперь мы едины!». Это в желаемом пропагандистском ракурсе следовало понимать так:

– После подведения итогов первого тура для всех стало совершенно очевидным: во втором туре Президентом России вновь будет избран Б. Н. Ельцин.

– Если в первом туре он опередил Г.А. Зюганова (по России), то во втором сделает это и подавно.

– Если в первом туре он немного проиграл Г.А. Зюганову (по области), то во втором обязательно выиграет, поскольку голоса других претендентов в своей массе достанутся именно Б.Н. Ельцину.

– Политические партии, движения, блоки, лидеры, рядовые граждане, ранее отдававшие голоса за конкурентов действующего Президента РФ, теперь понимают: вариант выбора только один – Б.Н. Ель-

цин. Именно такое понимание составляет основу нынешнего единства, а также будущей консолидации большинства граждан и организаций России в целом и Ростовской области, в частности. Если брать шире, то это единство обеспечивает не только победу Б.Н. Ельцина на президентских выборах, но и стабильность политического и социально-экономического развития страны и региона, рост благосостояния ростовчан, как и других российских граждан, их уверенность в завтрашнем дне...

Общая тактика проведения кампании «Теперь мы едины!» строилась посредством демонстрации через средства массовой информации и в непосредственных контактах с избирателями двух основных позиций:

- а) мы (я) поддерживали и продолжаем поддерживать Б.Н. Ельцина;
- б) мы (я) ранее не поддерживали, а теперь будем поддерживать Б.Н. Ельцина...

И, конечно, о тактике. Среди тактико-технологических мероприятий фигурировали, например, такие.

Акция «Гражданский наказ Президенту».

Самым многочисленным отрядом организованных структур, аккумулирующих интересы граждан, являются общественные объединения. Их количество в Ростовской области составляло много десятков, а число людей, так или иначе причастных к общественным объединениям, достигало нескольких сотен тысяч.

Одна или несколько общественных структур, поддерживающих Б.Н. Ельцина, обращаются с просьбой к общественным объединениям сформулировать (на одной странице) для Президента предложения по улучшению ситуации в том направлении деятельности, которым они занимаются...

Действительная поддержка Б.Н. Ельцина заключалась в данном случае не в формальных заверениях о поддержке кандидатуры со стороны общественных объединений, а в самом факте их участия в акции. Сделать это участие пропагандистским «козырем», придать ему соответствующее информационно-пропагандистское звучание – дело разработчиков акции и СМИ...

Акция «Личный интерес».

Большинство крупных промышленных и сельских предприятий Ростовской области представляли собой акционерные общества. Не секрет, что их рядовые акционеры получали незначительные дивиденды от своих акций. Также не являлось открытием, что именно на крупных предприятиях сосредоточена значительная часть коммунистического электората. Например, только в июне 1996-го ряд акционерных обществ – угледобывающих предприятий Ростовской области выступили с угрозой политических забастовок.

Тем не менее надежда на доходы от акций и вообще на улучшение ситуации на предприятиях оставалась. Соответственно, сохранялась зависимость акционера от своего предприятия, его руководителей и надежда на получение материальных и иных выгод или хотя бы компенсаций за счёт причастности к собственности.

Суть акции «Личный интерес» состояла в направлении руководителями акционерных обществ персональных писем (в АО имеются реестры акционеров) каждому акционеру с примерными пунктами такого характера:

- сейчас ситуация на предприятии, может быть, не самая благополучная, однако есть основания ожидать её улучшения;
- данное улучшение наступит с избранием на второй срок Президентом РФ Б.Н. Ельцина, так как именно он во время визита в Ростовскую область дал конкретные гарантии и обещал помощь...

Ну и, конечно, специальная *акция-пугалка «Предупреждение».*

В последние 1–2 дня перед голосованием второго тура президентских выборов Глава администрации Ростовской области и другие наиболее надёжные и компетентные руководители-отраслевые выступали с обращением к жителям региона. Обращение транслировалось по всем возможным каналам телевидения и радио и параллельно запускалось в прессу. «Ядро» данного обращения составляли следующие тезисы:

- есть все основания предполагать победу на выборах Б.Н. Ельцина;
- в то же время случиться может всякое;
- это «всякое» уже началось. Далее перечислялись возникшие накануне выборов симптомы кризисной ситуации, которые получают развитие в случае прихода коммунистов к власти;

– «пенсии» в Ростовской области сегодня держатся исключительно на Б.Н. Ельцине, в случае его проигрыша их в следующем месяце может не быть;

– ряд поставщиков продовольствия и товаров первой необходимости письменно или устно уведомили областную администрацию о прекращении поставок в случае победы на выборах Г.А. Зюганова; имеющихся в области запасов осталось на несколько недель...

В общем «Не дай Бог!»! (так называлась выпускаемая по всей России миллионными тиражами газета), что означало: если выберут Б.Н. Ельцина, то лучше, может, и не будет, но если выберут Г.А. Зюганова, то станет гарантированно хуже.

Концепция трансформировалась в рекомендации, рекомендации рассылались главам городских и районных администраций области, те старались их выполнять, и это выполнение-невыполнение пристрасно контролировалось.

Считаете, обман? Обман – это когда вбрасываются липовые бюллетени, а в нашем случае происходила творческая политическая игра...

Вскоре и сам всенародно ещё не избранный по второму разу президент внезапно появился в середине предвыборного концерта на стадионе завода «Ростсельмаш», заполненном народом со всей области. Я знал о предстоящем приезде Ельцина и ходил по траве перед сценой, ожидая увидеть какой-нибудь помпезный кортеж. А пока по полю бегал и пел Аркадий Укупник: «Я на тебе никогда не женюсь...».

Укупника сменил Женя Осин. Во время его выступления Борис Николаевич внезапно вышел из-за сцены. Осин, естественно, дал «стоп», а кандидат в Президенты обратился к людям с речью. Потом говорит Осину:

– Ну, давай, играй что-нибудь!

Тот запел-заиграл-затанцевал.

И кандидат в Президенты стал танцевать твист! Такой вроде живой, подвижный, в белой рубашке. Стал именно резко танцевать, а не пританцовывать-имитировать.

Стадион ревет, все телеканалы крутят этот сюжет, и... ставится задача – как-то удлинить во времени эффект позитивного воздействия удавшегося трюка. Через три дня в Ростове планировалась грандиозная молодежная дискотека. Этому времени хватило для создания из президентской речи музыкально-речевой композиции.

Текст с помощью музыкального фона «облегчили», чтобы молодёжная аудитория лучше его «проглатывала», необходимые акценты выделили повторами, и новодельное произведение искусства блестяще сыграло роль хита дискотеки. А прежде больной и старый президент стал на некоторое время молодым и здоровым.

– ЗдрОво! Дорогие ростовчане!

Надо сделать так! (3 раза – здесь и далее указывается количество повторов выделенного курсивом фрагмента текста).

Чтобы 16 июня победила *свобода!* (10 раз)

Будущее России!

Я верю в вашу вольность!

Я верю в вашу мудрость!

Я верю в ваш характер!

Я верю в вас! (3 раза)

Конечно, за эти 5 лет *досталось вам, досталось и мне* (4 раза).

Но шагу ни одного назад мы с вами не сделали!

И не должны ни одного шага сделать

Ни при каких обстоятельствах! (4 раза)

Вы – это надежда России!

Вы – это вера России!

Вы – это любовь России!

Вы – это будущее России!..

3 июля 1996-го года за Ельцина в России проголосовало 53,8 % избирателей, за Зюганова – 40,3. В Ростовской области Борис Николаевич выиграл у Геннадия Андреевича 7 %. Мы были рады? Профессионально – да, по-человечески – чего-то морщились.

Эдуард. Отдохнул я у тебя душой

У одного из самых влиятельных людей в России вдруг возник «пробел»: два свободных часа до выезда в аэропорт. Никто не звонил, не беспокоил, мы сидели в Москве, в кабинете уютного ресторана и пили уральскую водку «Каменный пояс». Эдуард утверждал, что она даёт «мужскую силу». Ну и вообще разговорились про традиции выпивки; о том, кто, сколько, когда выпивал и что из этого получалось. Логически перешли к опыту в питейном плане Всенародно Избранного. Тот был земляком Эдуарда, они регулярно встречались, а последняя встреча состоялась в период недавнего приезда Всенародно Избранного в регион Эдуарда в целях ознакомления с подготовкой к международной выставке вооружений и военной техники. Эдуард неторопливо рассказывал:

– Ну, когда его показывают по телевизору пьяным, я не знаю, сколько он перед этим выпил. А в реальности бывает вот как. Прилетает Всенародно Избранный в город Е., где его уже ждёт автомобильный кортеж. Ехать нам в город Н.Т., до него по прямой 124 километра. Ну, с учётом того минуса, что едем не совсем по прямой, да и дороги не везде идеальные, а также плюс, что везде нам зелёный свет, получается где-то полтора часа. Ну, Всенародно Избранный в лимузин садится, я – в свой автомобиль, и трогаемся.

Вдруг кортеж останавливается, и к моей машине подбегает К. «Эдуард, говорит, Всенародно Избранный просит пересесть в его автомобиль». Ну, просит, значит пересядем. Пересел.

– Как идёт подготовка к выставке, мы на неё очень надеемся? – спрашивает.

– Хорошо, говорю, не подведём, не сомневайтесь, – отвечаю.

– Да я в тебе, Эдуард, никогда и не сомневался. (Обращаясь к сидящему в той же машине К.): «К., ну-ка, налей нам чего-нибудь с Эдуардом».

– Так нету, господин Всенародно Избранный.

– Как нету, я же просил!

– Есть, господин Всенародно Избранный, но в багажнике.

– Достань из багажника.

– Так мы едем, придётся кортеж останавливать.

– Останавливай...

– Может быть, потом, на месте, господин Всенародно Избранный?

– Слушай, К.! Давай разберёмся: кто у нас Всенародно Избранный, ты или я?

– Вы, конечно!

– Тогда останавливай!

К. останавливает кортеж, бежит к багажнику и возвращается с чемоданчиком, который называют «кейсом» или «дипломатом». Внутри буквально впечатаны в пластиковый шаблон две бутылки коньяка, два лимона и два стакана. Наливает. Выпиваем. Наливает. Выпиваем. За разговором бутылки нет. Всенародно Избранный просит налить ещё. Наливает. Выпиваем. Наливает. Выпиваем. За разговором второй бутылки нет. Всенародно Избранный просит К. снова остановить кортеж и принести следующий кейс. Приносит, приступаем к третьей. И тут уж я вмешиваюсь, как можно мягче и добродушней:

– Господин Всенародно Избранный, а давайте как раньше: дело сделаем, а потом где-нибудь в лесочке накроём поляну и посидим.

Сам звоню помощнику и тихо, сквозь зубы, приказываю к такому-то часу готовить поляну.

Приезжаем в Н.Т. Народу собралось: тысяча человек или даже больше. Всенародно Избранный выступает. Как всегда зажигательно, доходчиво, со знанием дела. Народ рукоплещет.

После выступления руководство завода приглашает, так сказать, почтить вниманием. А я шепчу Всенародно Избранному: у нас в роще всё накрыто, Ваши бывшие коллеги ждут, очень хотят повидаться – надо ехать. «Ну, говорит Всенародно Избранный руководству, по рюмочке на дорожку, и всё, работа ждёт».

Приезжаем в рощу, там всё в ажуре: тенты, палатки большие, столы. Тосты со слезой: за команду, за успех выставки и, естественно, за самого Всенародно Избранного, потому что другого такого, чтобы Всенародно избрали, просто не найти.

И тут Всенародно Избранный говорит:

– Слушай, Эдуард, надоела вся эта слащавая бюрократия, давай просто возьмём бутылочку да присядем по-простому в лесу на пенёке.

К. принёс бутылочку (а ему Всенародно Избранный тоже наливал), сам уже пошатывается, но сумку с бутылкой и стаканами несёт и зонт держит над Всенародно Избранным, поскольку дождь уже пошёл.

Идём по грунтовке, ботинки отсырели и облепились грязью.

– К., возьми наши ботинки, а то неудобно в грязных, а мы с Эдуардом пойдём босиком.

Через некоторое время К. возвращается с чистыми ботинками и со всей серьёзностью сообщает, что самолёт уже стоит под парами, а Н.И. очень переживает и Всенародно Избранного ждёт.

– Да, работа ждёт, от неё никуда. Что ж, Эдуард, спасибо, отдохнул я у тебя душой...

Александр. Жить на вулкане

Недавно я утверждал, что Россия, мол, большая, что есть в ней не только Москва и Питер, но ещё и Грозный, и Ростов-на-Дону. А получилось, что в 90-е Москва постепенно становилась не совсем Россией, Грозный – совсем не Россией, Ростов-на-Дону – какие-то такие российские дали? Так, ближний южный круг.

А вот Камчатка, Петропавловск – это большая дальняя Россия. И попадёшь туда разве что в мечтах. Поскольку девять часов лёту – да недёшево, девять часов сдвиг во времени – да не сразу привыкнешь, быт – да не было там в 90-е никакого быта. Но то, что там Россия – однозначно.

Это красиво – сопки в тумане,
 Это нормально – жить на вулкане.
 Это прекрасно – гейзеров чудо,
 Утро в России родом отсюда...

Такую вот песню написали Николай Зиновьев и Игорь Демарин. «Жить на вулкане» – это буквально. И летишь-то на Камчатку по северам, и видишь постоянно белые горы и равнины, а прилетаешь – три вулкана сразу, наблюдаются прямо из аэропорта: Авачинский, Козельский и Корякский.

Землетрясение в городе – обычная вещь. Сильные несчастия, но дома на всякий случай стянуты железными сваями: чтобы не разваливались сильно в стороны, если чего. А не если чего, а так, по мелочам – это когда вдруг стаканы тихонько запляшут на столе, двигаясь постепенно к его краю.

«Гейзеров чудо» (Долина гейзеров) доступно даже не всякому жителю Камчатки. Населённых пунктов в Долине нет, а расстояние от Петропавловска составляет около 200 километров. Вроде не так много, но путь сложный, по горному рельефу, не каждому под силу. Лучше вертолётном, но, опять же, дорого.

Тянутся к морю женские руки,
 Трудно привыкнуть к долгой разлуке.
 В бухте порою скалы вздыхают,
 Это Три Брата ночь охраняют...

«Женские руки» – это руки жён и подруг моряков: военных, с надводных кораблей и подводок; и гражданских, с рыболовных судов. Те и другие надолго уходят в море, вот и «тянутся женские руки» в провожании, ожидании, к встрече.

Три Брата – три каменных скалы, которые торчат из воды близко друг от друга в Авачинской бухте, одной из самых больших в мире.

Русский характер здесь у норд-веста,
 Здесь для свободы лучшее место.
 Тот, кто родился рядом с Авачей,
 Тот понимает, что это значит...

Русский характер здесь такой, что далеко не везде в ближней России и найдёшь. И даже говор: отъехал от Москвы на несколько сотен километров, а там говор уже другой, диалектный. Прилетел за десять тысяч километров в Петропавловск-Камчатский, а говор не отличишь от московского. Феномен вполне понятный: сюда ехали лучшие, даже из Москвы, на заработки, конечно. На Камчатку направляли офицеров из самых разных училищ. Здесь пристанище геологов и вулканологов. Многие приехавшие ненадолго так и осели на полуострове.

Живут в Камчатском крае и, скажем, коряки. Но их общая доля в составе населения составляет два процента. А ительменов, эвенов, чукчей, корейцев – и того меньше.

«Рядом с Авачей». Авачинский вулкан – вот он, рукой подать, на проходимой машине всего часа полтора ехать из Петропавловска. Вулкан действующий, но на него регулярно устраиваются народные «забеги». Начинаешь с 700 метров над уровнем моря, поднимаешься на заснеженный купол, а дальше – на высоте 2700 располагается большой кратер. Он забит лавой, сквозь которую просачиваются фумарольные дымки. Тепло: можно гулять по картеру, раздевшись, и даже загорать.

Мой дом – Петропавловск-Камчатский,
В какой бы я ни был дали.
Меня через годы встречают
Горячие слезы твои...

И во сне не могло присниться, что Камчатка на многие годы и вправду станет для меня почти родным домом...

Позвонил уже известный читателю Алексей Ситников:

– Слушай, давно не виделись, есть что обсудить.

– Конечно, обсудим!

Мы встречаемся, и Лёша излагает очередной «проект века». Его суть такова: есть полуостров Камчатка. Не бывал? Зря, отличное место. Есть мэр города Петропавловск-Камчатский. Правда, там он называется не «мэр», а «градоначальник». Зовут его Александр Кузьмич Дудников. Не слышал? Зря, отличный мужик.

Он там борется с коммунистами. За Устав города. Те хотят Устав на заседании городской думы принимать, а Дудников хочет, чтобы всенародно. В общем, вопрос выносится на референдум, который надо выиграть. Людей у меня катастрофически не хватает. Возглавь кампанию, а?

Лечу положенные девять часов. Успел два раза поесть, выпить, поспать, почитать и даже что-то написать. Встречает Виктор Сергеев, заместитель градоначальника и руководитель аппарата городской администрации.

Идём с Виктором в корейский ресторан «Ареран», говорим о референдуме. Потом укладываюсь спать. Просыпаюсь часа в три ночи и не понимаю, где нахожусь: формула «9 часов полёта + 9 часов перепад по времени» начала работать. Во все последующие приезды в Петропавловск я уже чётко знал, что три-четыре дня приходишь в себя...

Город образца 1995-го года не лучшим образом поражал: хрущевские пятиэтажки, обитые жёстко с торцов, чтобы не продувало; разбитые дороги. Немало и деревянных домов с печным отоплением, на некоторых прочитывались надписи: «Власть – советам, жильё – народу!». Допотопный рынок, убогость строений которого компенсировало обилие океанской рыбы. А про икру и говорить нечего:

– Взвесьте мне, пожалуйста, икры.

– Вам какой?

– Красной!

– Она тут вся красная. Какой рыбы?

– Лососёвой, конечно.

– Она тут вся лососёвая: нерка, кижуч, кета, горбуша – это всё лососёвые!

– Давайте, что ли, кетовую.

– Вам какого посола: чтобы сразу съесть, в холодильник на месяц поставить или долго хранить?..

От такого выбора голова шла кругом.

Зашли в скромненький домик с вывеской «Кафе Сова», где тусовалась простая рыночная публика. Заказали котлеты из оленины, а тут хозяин кафе, он же повар и официант, Саша советует:

– Не наедайтесь сильно: мне только что гребешки с океана принесли, сейчас приготовлю.

Что такое гребешок? Это мышца раковины, которую аккуратно вырезают, кладут в холодильник, замораживают и... везут в Москву.

В «Сове» всё происходило не так. Саша опустил аккуратные гребешковые кружочки из выловленных утром раковин в уксусный раствор на пять минут и подал нам.

– С чем их лучше есть?

– Дык без затей, с майонезом...

Наша приезжая команда москвичей состоит из трёх человек. Студент московского журфака Тигран, столичный журналист Василий и я. Таким малым числом мы взялись за кампанию, которая была уникальной и, к сожалению, никогда больше не повторится. Почему? Потому что когда вы получаете вынесенный на торги государственный заказ, то делаете ровно то, что написано в техническом задании. Если заключаете контракт с бизнес-структурой, со временем появляются кое-какие подводные камни; и расхождение между тем, что написано в договоре и что требуется сделать в реальности, может стать существенным. В политике же, если из написанного выполняется процентов десять, считается нормальным. Но в Петропавловске 95-го принимались и срабатывали почти все предложения!

Мы просто верили в свою правоту. Мы убеждали в этой правоте других; те, в свою очередь, третьих. Плюс, конечно, высокая технологичность, которой не было у конкурентов.

В чём, собственно говоря, состоял вопрос? В том, что в немногочисленной (девять человек) городской думе преобладали коммунисты. Любое решение они могли принять простым большинством голосов или даже двумя третями. И вот замахнулись на городской Устав.

Коммунисты пользовались очень весомой поддержкой в городе. Их лидер Михаил Борисович Машковцев возглавлял, ни много, ни мало, Совет народных депутатов Камчатской области – именно так назывался региональный орган законодательной власти на полуострове.

Машковцев был талантливым оратором и журналистом. Не гнушался выйти на улицу с рупорным громкоговорителем и лично провести опрос граждан по нужной проблеме. Мог подвезти в центр города ждущих на остановке автобуса людей на своей машине. То есть «народный полководец» – да и всё тут.

Мы посмеивались над этой «народностью» и охотно приглашали Михаила Борисовича на встречи с прессой. Что с него взять: смешной, погоду не испортит. Забегая вперёд, скажу, что в 2000-м году «смешной» Машковцев стал губернатором Камчатской области и находился на этом посту до 2007-го года...

Но вернёмся в 95-й. Коренной житель Камчатки – градоначальник Петропавловска-Камчатского Александр Дудников тоже не лыком шит: глава города с 1991-го, да и за словом в карман не лезет, и в люди выйти не боится. А чего ж боялся за Устав? Да очень просто: Устав дума примет, внесёт туда пункт о выборах градоначальника тоже думским большинством, и всё – смена власти в Петропавловске с обыкновенной на коммунистическую.

При таком раскладе в качестве основного тезиса кампании был выбран следующий: перехватываем народный имидж у коммунистов.

Вы, коммунисты, за народ? А зачем же Устав города хотите кулуарно принимать? Пусть люди его почитают, свое мнение выскажут, а потом посмотрят: учтено оно или нет? Если учтено, то можно и принять, но только всенародно!

Этот тезис мы и раскручивали, параллельно призывая граждан вносить предложения к Уставу. Коллекционировали мнения лидеров общественных и религиозных организаций и просто жителей: от ассоциации многодетных матерей до православной церкви, от рабочего до морского офицера. Выпускали газету «Референдум», где эти мнения публиковались.

К делу подходили глубоко по-человечески.

– Кто ещё должен высказаться? – спрашивал Виктор Сергеев, главный ответственный за референдум от городской администрации.

– Да кто-нибудь из творческой интеллигенции...

И мы шли в гости к председателю союза художников Камчатки Сурену Казаряну. Заглядывали в кафе «Карина», где хозяйствовала жена Сурена, ели хаш под водочку, потом ехали на берег Тихого океана. Там выпивали и беседовали за жизнь; потом продолжали путь к горячим источникам в районе речки Паратунки поблизости от Петропавловска.

Проводили пресс-конференции, где я выступал ньюсмейкером вместе с Дудниковым. Открыто представлялся: Александр Москвичёв, директор исследовательских программ фонда «Интерлигал», доктор политических наук, провожу здесь исследования. По просьбе администрации, совпадающей с интересами фонда; докладывал результаты исследований. Как эксперт-политолог появлялся на телевидении, радио.

– Да вы же это, как его, имиджмейстер (именно так, ошибки нет – авт.), – воскликнул на одной из встреч кто-то из оппонентов.

– Да это уж как вам будет угодно...

Вскоре в «коммунистической» «Камчатской правде» появилась статья под названием «Найдите и для коммунистов имиджмейстера». Мол, нашёл Дудников «доктора с умными серыми глазами» – давайте и мы найдём.

Помимо «убежденческой» задачи ставилась и более прозаическая – сделать явку. Ведь на референдум 1994-го года, когда на суд горожан выносился вопрос о переименовании улиц Петропавловска, пришло лишь 26 процентов избирателей при требуемых 50. И остались под нетронутыми, прежними названиями улицы, проспекты, площади Ленина и Маркса, Дзержинского и Павлика Морозова, Советская и Комсомольская.

Но и с явкой справились. Запустили конкурсы, лотереи с призами в день референдума, о чём объявлялось заранее. Народные гулянья, одним словом.

Победили на референдуме. А город и его жители надолго стали родными.

В предпоследний день на Камчатке пошли в единственный в городе Камчатский театр драмы и комедии, где давали премьеру – спектакль «Я люблю тебя, эскадрилья!» по мотивам старой кинокомедии «Небесный тихоход».

Жители Петропавловска шли в театр, словно на настоящий праздник. Джентльмены благородно заказывали в буфете шампанское, леди снимали сапоги и надевали туфли. Посетили премьеру и губернатор, и градоначальник, и шефы местных представительств МВД и ФСБ.

Артисты... Господа были озорны и улыбкивы, дамы – искренни. Не по роли, а «по душе» переживали, понравится ли залу то, что они делают, и радовались, как дети, когда публика награждала их столь же искренними аплодисментами.

Аплодисменты звучали сквозь наползающий на город мягкий снег, прорезали туман, спустившийся на вулканы, шелестели вместе с волнами по чёрному песку Великого океана и постепенно затихали над огромной белой пустыней, сливаясь с шумом турбин уже не сценической эскадрильи, а настоящего самолёта, ведомого на материк расплывающимися лучами сонного зимнего солнца...

* * *

Камчатку, не только политическую, но и спортивную, экономическую, экологическую, я осваивал ещё много лет. Так уж вышло: самый далёкий российский регион стал одним из самых близких. Но об этом мы ещё вспомним.

Александр. Международный пресс-клуб

Летом 1996-го я встретился с давним знакомым Владимиром Губернаторовым, руководителем Центра общественных связей Торгово-промышленной палаты (ТПП) России. Он периодически приглашал меня на работу, но я отказывался и всегда говорил: вот если бы мне какой-нибудь самостоятельный проект...

В этот раз Володя сказал: есть для тебя проект. И «переправил» меня к Владимиру Кисмерешкину, председателю Комитета по рекламе ТПП и лицу, приближённому к президенту Палаты. Владимир Геннадьевич славился умением находить людей, которые могли качественно выполнить любую задачу, поручаемую ему самому. Под такого рода проект пригласили и меня – проявить свои способности.

С 1980-го года в Москве существовал хорошо известный Центр международной торговли «Совинцентр» (ЦМТ) на Краснопресненской набережной – первый советский бизнес-комплекс. Неформально его называли «Хаммер-центром» по имени американского бизнесмена, одного из инициаторов строительства. Старичок был славен ещё и тем, что в молодом возрасте встречался аж с Владимиром Ильичом Лениным.

– ЦМТ снизил свою активность, – посвящал меня в детали замысла Кисмерешкин. – Надо бы его подраскрутить. Чтобы журналисты ходили, а за ними и другие клиенты: бизнес, государственные чиновники. Примерно так. А назовём мы новую конструкцию-организацию «Пресс-клуб «Совинцентр».

Я сразу же возразил:

– Название «Совинцентр» явно подразумевает ведомственные интересы, смущает и приставка «сов» – советский. Нам стоит замахнуться шире – на общероссийский и международный масштаб. Вот, скажем, ближайший и единственный в Москве конкурент – пресс-центр и клуб, работающий в гостинице «Рэдиссон-Славянская», называется «Москва». Давайте назовёмся «Россия».

– Так ведь будут юридические проблемы с регистрацией...

Сошлись на названии «Международный пресс-клуб» (МПК), и я сел за концепцию и план развития Клуба. Вопрос был мне хорошо знаком. Во-первых, с начала 90-х я организовал и провёл десятки пресс-мероприятий. Во-вторых, плотно работал с упомянутой «Москвой», действовавшей активно и профессионально в 1993–1995-м годах. Но в 1996-м году этот Пресс-клуб начал «сдуваться». Почему? Потому что организаторы ориентировались главным органом на спонсорские деньги. Но поток их сокращался, и структура ложилась на бок. Деятельность Клуба окончательно прекратилась после убийства совладельца «Рэдиссон-Славянской» американца Пола Тейтума. Его цинично, на глазах у большого количества людей расстреляли в ноябре 1996-го из автомата в подземном переходе возле Киевского вокзала.

В случае с МПК мы сразу же ориентировались на создание коммерческой структуры в виде закрытого акционерного общества. Готовая концепция Международного пресс-клуба пошла «гулять» по кабинетам учредителей, среди которых значились Торгово-промышленная палата РФ, Союз журналистов России и сам ЦМТ. Амбиция заявлялась серьёзная: сделать МПК одним из самых известных и влиятельных в стране пресс-клубов.

– Штука хорошая, но можно ли это всё реализовать?! Вы готовы воплотить замысел, так сказать, в жизнь? – спросил меня Кисмерешкин.

– Готов.

– В качестве кого?

– В качестве генерального директора.

– Ну, ладно...

Далее стали обсуждать экономическую схему.

– Ясное дело, надо «сбрасываться», чтобы Клуб работал. Но потом он сам должен приносить прибыль, – сказал Кисмерешкин.

– Какую прибыль? – засомневался генеральный директор ЦМТ. – Хоть бы на зарплату себе заработали...

В итоге вот какую схему запустили. Центр международной торговли, на территории которого работал МПК, заинтересован в привлечении клиентов и их средств, но понимает при этом: чтобы достичь коммерческого эффекта, требуется проводить немалое количество вспомогательных некоммерческих акций, направленных на формирование репутации Центра, демонстрировать возможности ЦМТ перед VIP и другими актуальными аудиториями. И в это надо вкладывать деньги. Однако как узнать, работают ли эти деньги на прибыль или являются неким PR-мифом?

Нашли любопытную формулу: ЦМТ перечисляет МПК определённую сумму средств, а МПК – с кем бы и какие бы мероприятия в ЦМТ ни проводил – рассчитывается за них по ставкам Центра. МПК платит Центру международной торговли даже за занимаемый офис! Интерес ЦМТ при таком раскладе заключался в получении любых платежей. А интерес МПК – в получении прибыли за счёт собственных (интеллектуальных) PR-услуг. Когда через год подводились итоги, оказалось, что Пресс-клуб перевёл службам ЦМТ сумму в пять раз большую, чем получил от заказчика. И себе заработал: и на зарплату, и на аренду, и даже на корпоративные сувениры.

В сентябре 96-го МПК получил юридическую регистрацию. А 27-го ноября мы провели презентацию Клуба. В ней вместе с учредителями и мной, генеральным директором, принял участие вице-премьер правительства России Виталий Никитович Игнатенко, что свою позитивную роль сыграло. И понеслось...

В то время и лидеры партий, и министры, и депутаты, и губернаторы, и руководители компаний дорожили вниманием прессы. Поэтому на наши приглашения провести пресс-конференцию, круглый стол, деловой обед в большинстве случаев откликнулись. «Государственники» денег, разумеется, не платили, но, увидев информационный резонанс, другие субъекты рынка обращались к нам с просьбой сделать и для них нечто подобное. И вот в этом-то случае счета выставлялись.

Мы не просто проводили пресс-мероприятия – мы заявляли новые проекты. Например, анонсу пресс-конференции лидера КПРФ Геннадия Зюганова на тему «Россия в 1997-м году: выбор судьбы» сопутствовал подзаголовок «Презентация проекта «Политические лидеры». Соответственно, пресс-конференция Владимира Жириновского подавалась так: «В рамках проекта «Политические лидеры» перед журналистами выступит...»

Или, скажем, приглашаем провести пресс-конференцию помощника Президента России Георгия Сатарова на тему: «Политический финал 1996-го года». В какой проект это вписать? «Окружение президента»!

А заместитель Председателя Правительства РФ по сельскому хозяйству Александр Заверюха выступал под шапкой «Презентация проекта «Клуб министров». Вместе с остро обозначенной темой (а «тупо» у нас никакие темы не обозначались) «Угроза продовольственной безопасности России: где выход?» пресс-конференция выглядела очень привлекательно.

Вскоре мы вышли за границы «простых» и перешли к сопровождению масштабных государственных и коммерческих проектов.

Борис. Меня могут убить

13-го ноября 1997-го я хотел проснуться чуть позже обычного, но не получилось: прибежала с кухни супруга и толкает меня: «Иди скорей и смотри телевизор – у вас там какие-то кошмары происходят». Я бегом к телевизору и слышу: убит Борис – генеральный директор ЦМТ. Ехал домой в машине с водителем и офицером милиции – охранником, возле дома из кустов вышли два человека с автоматами и расстреляли всех троих.

Борис и ЦМТ, как я уже писал, были в числе учредителей МПК. Я очень уважал Бориса и находил с ним полное понимание, мы часто встречались и обсуждали перспективы развития Центра международной торговли с участием Клуба. Иногда он просил пригласить в ЦМТ на клубный вечер симпатичных ему людей. Так, однажды к нам заглянули на огонёк народные артисты СССР, мхатовцы: Олег Ефремов и Олег Табаков. Посидели, поели-попили, порассказывали байки. Получилось, что называется, душевно.

Борис даже премировал меня акцией Центра, чтобы имелась личная заинтересованность в его развитии.

Однажды гендиректор поделился со мной: вскоре мы передаём часть наших объектов в управление сторонней организации; думаю, вы будете эффективно взаимодействовать с ней в области PR.

А пока немалую часть площадей ЦМТ отдали в аренду Руслану: мол, он лучше милиции разберётся с криминалом, который из Центра с трудом удавалось выдавливать.

И вот... Выстрелы, казалось бы, отзвучавшие в начале 90-х, вновь прогремели совсем рядом.

Немного предыстории. В 1986-м Борис работал первым секретарём райкома партии одного из ключевых, центральных районов Москвы – Фрунзенского. И вместе со многими коллегами из других районов попал под ЕБНовскую раздачу: «Не потерплю! Снять!». Ну и сняли.

Борис не пропал, пошёл работать в Госкино. А в 1995-м про него вспомнил Станислав, который при первом партийном секретаре Борисе был первым во Фрунзенском райкоме комсомола. Потом секретарём московского горкома, а далее и ЦК ВЛКСМ. После перестройки, в 1991-м, занял пост президента Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. Видно, хорошие впечатления сохранились у Станислава о совместной работе с Борисом, поэтому он и предложил ему в 1995-м должность генерального директора ЦМТ, учредителем которого Палата являлась.

После известия о смерти Бориса стали искать Станислава, чтобы провести пресс-конференцию и выдвинуть свою версию случившегося – в противном случае пришлось бы тратить силы на опровержение спонтанно родившихся версий, скорее всего, вредоносных. А Станислав в командировке! Пока вернулся, туда-сюда, составили общего плана заявление:

– ... 12-го ноября с.г. убит генеральный директор ОАО «Совинцентр». Это страшное известие до глубины души потрясло всех сотрудников Центра международной торговли, его многочисленных друзей и знакомых...

Бориса отличали организаторский талант, острый аналитический ум, глубокое понимание ситуации. С его именем связаны реальные перемены и прогрессивные преобразования в ЦМТ...

В эту нелегкую минуту, скорбя о погибших, мы требуем от правоохранительных органов найти и сурово покарать преступников...

14-го ноября прилетел Станислав, пресс-конференция состоялась. И Станислав, и исполняющий обязанности гендиректора ЦМТ выглядели очень подавленными, но сформированную версию до прессы довести сумели. У версии была первая часть:

– ...Мы убеждены, что за этим жестоким убийством стоят интересы организованной преступности, всегда проявлявшей интерес к «Совинцентру» и пытающейся любыми способами помешать происходящим позитивным переменам в Центре, его переходу к новой экономической модели развития.

В этот трудный час Торгово-промышленная палата РФ заявляет, что стратегическая линия на развитие в России цивилизованного предпринимательства, которую проводит ТПП и осуществлял в своей деятельности Борис, остается неизменной...

И часть вторая, главная. Она состояла в том, что в существующей собственной системе управления гостиничным комплексом ЦМТ «Международная-1» и «Международная-2» содержались элементы криминала. Чтобы от них избавиться, руководство признало целесообразным войти в одну из международных гостиничных сетей, то есть привлечь стороннее управление. Этим и занимался Борис. Но нашлись противники...

Провёл свою пресс-конференцию и Руслан. Проинформировал прессу о том, что вместе с Борисом боролся с криминалом в ЦМТ. Что бандиты бросили в его подмосковный дом гранату, которая разнесла полздания. Что скорбит...

Борис словно предчувствовал. Незадолго до гибели он говорил жене: «Ты знаешь, меня могут убить».

А что же следствие? Результатов нет до сих пор. А что же с «передачей в управление»? В 2007-м году гостиничный комплекс вошёл в международную гостиничную сеть Crowne Plaza...

ПОХОЖИЕ ПЕРСОНАЖИ

ЕБН. Ельцин Борис Николаевич – Президент Российской Федерации в 1991–1999 годах.

ДЖОХАР. Дудаев Джохар Мусаевич – чеченский политический деятель, лидер движения 1990-х годов за отделение Чечни от России, первый президент самопровозглашённой Чеченской Республики Ичкерия (1991–1996 гг.). Убит в апреле 1996-го года авиационной ракетой в результате операции российских спецслужб.

ЗВИАД. Гамсахурдиа Звиад Константинович – первый президент Грузии (1991–1992 гг.). Свергнут в результате военного переворота. Погиб при невыясненных обстоятельствах в декабре 1993-го года.

ЭДУАРД. Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич – последний министр иностранных дел СССР и министр внешних сношений СССР. Президент Грузии (1995–2003 гг.).

АНДРЕЙ. Котенко Андрей – выпускник Литературного института им. А.М. Горького, анархист, участник ИРЕАН – Инициативы революционных анархистов.

ВОЛОДЯ. Башкиров Владимир Леонидович – мастер спорта СССР международного класса по альпинизму. Покорил восемь из 14 гималайских восьмитысячников, в том числе дважды покорил Эверест. Умер от остановки сердца при спуске с восьмитысячника Лхоцзе в мае 1997-го года.

АНЖЕЛА. Веретнова Анжела – писатель, мать, жена, домохозяйка. Жила в Монголии, Китае, Югославии, Великобритании, сейчас – в Германии.

ЭДУАРД. Глава региона. Е. и Н. Т. – города региона.

ВСЕНАРОДНО ИЗБРАННЫЙ. Это тот, кого избирают всенародно. К. – обеспечивающий безопасность Всенародно Избранного. Н.И. – супруга Всенародно Избранного.

БОРИС. Грязнов Борис Александрович – в 1995–1997-х годах генеральный директор Центра международной торговли на Краснопресненской набережной в Москве.

СТАНИСЛАВ. Смирнов Станислав Алексеевич – в 1991–2001-х годах президент Торгово-промышленной палаты России.

РУСЛАН. Байсаров Руслан Сулимович – бизнесмен чеченского происхождения.

Берега юбилеев

К 100-летию журнала «Воин России»¹

Михаил Фёдоров

*От имени редакционного совета, авторов и читателей журнала «Берега»
поздравляем коллектив журнала «Воин России» со 100-летним юбилеем!
Наши поздравления также Николаю Фёдоровичу Иванову,
Председателю Союза писателей России, который работал главным редактором
журнала в сложнейшие 90-годы прошлого века*

Фёдоров Михаил Иванович родился 15 декабря 1953 года в городе Вологде в семье офицера. Вместе с отцом жил в военных гарнизонах на Вологодчине в Череповце, в Грузии в Ахалцихе, на Псковщине в Себеже, на Урале под Нижним Тагилом, в Оренбуржье в Домбаровке, в Казахстане на Байконуре. Сейчас живёт в Воронеже. Окончил ВГИК, сценарный факультет. Член Союза писателей России. По профессии адвокат. Автор книг, вышедших в Москве: «Ментовка», «Сестра милосердия», «Пузыри на воде», в Воронеже: «Рыканский поворот», «Пусти ме да гинем», «Легионеры трясины», «Ноль-один, ноль-два, ноль-три», «Пестрые вёрсты», «Ольга Алмазова», «"Громкие" дела писателей», «Человек Чернозема», «Ролан Алан» и др. Автор серии «Замечательные люди Воронежского края», в которой вышли книги: «Гавриил Троепольский», «Егор Исаев», «Василий Панин», «Александр Сухарев», «Стефан Домусчи». Печатается в журналах «Наши современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Воин России», «Роман-журнал XXI век», «Новая книга», «Россияне», «Искатель», «Сельская молодежь», «Братина», «Адвокат», «Полиция России», «Урал», «Дон», «Подъем», «Сура», «Дальний Восток», «Южная звезда» и др. Автор публикаций в «Литературной газете» и газете «Литературная Россия». Живёт в Воронеже.

Мой друг – хранитель моих малых Родин.

Очерк

Немного в моей жизни дорогих мне изданий, но одним из самых близких и родных по праву является журнал «Воин России». Я с ним возвращаюсь в свои малые Родины, которых по просторам бывшего Советского Союза, где служил мой отец, раскинуто немерено. Он магнитогорский учитель, в декабре 1940 года призвался в Красную Армию. Солдатом начал службу в Ленинградском военном округе. А как грянула война, выпала и оборона Ленинграда, и прорыв блокады – бои под Тихвином, Синявино, Любанью... Волховский, Карельский, 1-ый Дальневосточный фронт, и после войны – служба в Уссурийске, Симферополе, Вологде (здесь в семье подполковника родился я), Череповце, Ахалцихе, Себеже, Кузнецке, Верхней Салде, Домбаровке, в Ленинске на Байконуре... Нескончаемые военные гарнизоны...

¹ «Воин России» – литературно-художественный журнал Министерства обороны РФ. Журнал впервые был издан в апреле 1919 года. Он выходил под названием «Красноармеец». В годы Великой Отечественной войны корреспонденты журнала побывали на всех фронтах и флотах. Редакция ежемесячно выпускала иллюстрированное приложение к «Красноармейцу». В 1944 году журнал наградили орденом «Красной Звезды». Спустя три года у издания появился новый логотип – «Советский воин». С 1992 года журнал снова несколько раз переименовывался. Своё нынешнее имя – «Воин России» – он обрёл в 1997 году. С 1985 по 1993 годы в журнале работал Н.Ф. Иванов, Председатель СПР, в том числе главным редактором.

На столе у нас дома всегда лежала «Красная звезда», которую любовно называли «Звездочка», и журнал «Советский воин», каждый номер которых зачитывался до дыр. Поэтому когда в 2005 году мне тогдашний сотрудник «Воина России» (чем стал «Советский воин») Владимир Михайлович Гавриленко прислал письмо с предложением: опубликовать в журнале «Воин России» мой роман «Ментовка» о нашей, чем-то схожей тогда с ментовкой, жизни, я не то, что согласился, я был несказанно рад. Роман вышел (№ 4, 5, 6 за 2005 год). Теперь я, гарнизонный мальчишка, возвращался в свои малые родины... В гарнизоны... Свои и не свои...

Стоящие на защите Отечества и утраченные, как в Себеже. Там воинская часть прекратила существование. Как в Ахалцихе, оказавшемся в другой стране – в Грузии. Теперь шли события моего возвращения. Я посылал в журнал своё самое сокровенное. Вышли рассказы «Причуды Фортуны» (в том же 2005 году). Я знал, что в воинских гарнизонах живут лучшие люди страны, многим более обделённые, чем жители городов, не говоря уже о москвичах.

Как в «Капитанской дочке» у Пушкина, служивые жили вдали от столиц, оберегали Отечество в Оренбургской степи, так и ныне – кто служит на Чукотке, кто на Кунашире, кто в Кодорском ущелье или на Новой Земле.

Я испытывал истинное удовлетворение, что прихожу именно к ним, в мир своего детства, юности, становления. И перед глазами не переставали сменяться картинки гарнизонной жизни: метровые снега под Верхней Салдой, пески в Домбаровке, море маков на Байконуре.

Я снова дышал там... А «Воин России» публиковал повесть «Дело поверенных» (№ 6, 7 за 2006 год). В ней я делился своими мыслями о тяжёлых временах моей страны, связанных с годами репрессий, а люди ведь жили и выживали в то время.

Вот опубликовали роман «Ольга Алмазова» (№ 8, 9, 10 за 2007 года). Это целая эпопея из эпохи Гражданской войны, когда однажды давший присягу Отечеству полковник (впоследствии генерал) ей не изменил, и бился с красными в армии белых, и в это пекло втянулась с ним его любимая... Я не мог не поделиться бурей чувств, сонмом страхов и опасений, которые выпали в те годы служивым людям и их близким.

Вот вышли «Абхазские встречи» (№ 3 за 2009 год). Я и до сих пор не могу спокойно вспоминать ужасы нападения на Цхинвал в августе 2008 года, и, зная, как абхазы поднялись освободить Кодор от грузин, не смог удержаться, чтобы не написать об этом. Это была история абхазов, но и моя. А если вспомнить детство, то я зачитывался абхазскими сказками.

Меня волновала история мой страны, и я не сомневался, что она волнует также и каждого, кто служит в далёкой воинской части, поэтому отдал журналу хроники о времени Марии Спиридоновой, и они под названием «Русский эшафот» (№ 10 за 2009 год) вышли в журнале.

Я восхищался русскими мальчишками, которые из самой глубинки выходили в люди и становились знаменитыми. Как сейчас помню, в далекие 60-е в гарнизоне под Себежем давал мне уроки рисования студент художественного училища – сын командира части, но я, к сожалению, с рисованием не преуспел, но написал повесть о художнике Иване Крамском «Юность Крамского», и она вышла (№ 8 за 2010 год). И я был уверен, что читая её, не один мальчишка из семьи мичмана, прапорщика, капитана, подумает о том, а не стать ли художником. Тем же Верещагиным-баталистом или Айвазовским-маринистом...

А тема Абхазии кровоточила. И, побывав в ней и всю изъездив, я не смог не написать об абхазской художнице Наташе, которая медсестрой в жуткую войну 1992–1993 годов в Абхазии выносила из-под обстрела раненых бойцов. Когда я писал о ней, я невольно думал о тех многих-премногих наших подругах, которые при испытаниях становятся сильнее мужчин. И этому я к своему уже немолодому возрасту имею очень много примеров. Жаль, что мои силы не позволяют оставить в памяти многочисленных наших «Наташ». И повесть «Сестра милосердия из Гудауты» (№ 1 за 2011 год) ушла с журналом в гарнизоны.

Я знал лично поэта Егора Исаева, чья боевая душа, чей боевой слог, боевой шаг обязан был сохранить для тех, кто его встретить не смог, но о ком, безусловно, слышал. Я верю, что нашему русскому офицеру по сердцу его огненный порыв. Теперь о нём смогли прочитать в «Воине России» «Жизнь – главный учитель» (№ 5 за 2011 год), Егор Исаев: «Я всем обязан армии» (№ 6 за 2016 год).

Я не мог не ездить в Абхазию. И с каждым приездом обрастал новыми историями, все глубже

окунаясь в жизнь гордого народа, и всё понятное дарил «Воину России», а тот – людям. Выходили «Абхазский дневник» (№ 2, 3 за 2013 год), «Отец и сын» (№ 3 за 2016 год).

Я помню, с каким трудом шла к публикации история белогвардейского генерала Новикова. Как волновался я, волновалась редактор Алла Георгиевна Казакова... Но генерал не был виноват, что присягнул одной власти и верил в неё, а кто-то верил другой, и соотечественников схлестнуло на полях Гражданской. И вышло «Дело генерала Новикова» (№ 6 за 2017 год).

И личное... Я должен поклониться перед журналом за то, что вспомнили и о моём отце. Вышла «Мой отец – политрук» (№ 5 за 2015 год). Не забыли великого миротворца Гавриила Троепольского, опубликовав главы из моего романа «Человек Чернозема» (№ 12 за 2015 год). Журнал сразу откликнулся, когда я предложил «Небо Романа Филипова» (№ 3 за 2018 год) о лётчике, майоре Романе Филипове, чей предсмертный крик: «Это вам за пацанов!» всколыхнул всю Россию...

Я счастлив, что заступая на дежурство, офицер ракетной дивизии под Верхней Салдой, где я бегал по военному городку, школьник, который учится в школе имени Шубникова¹ в Ленинске на Байконуре, где я учился, нет-нет и подумают, что это же написал наш земляк, наш гарнизонный парень. Мне дорог коллектив редакции журнала. На капитанском мостике бесменно главный редактор Игорь Николаевич Христофоров. Он прозорливо видит, куда корабль нужно вести, и крепко держит штурвал. Его заместитель Василий Алексеевич Дандыкин, который изъездил все военные городки, побывал на всех кораблях и во всех эскадрильях. В отделе прозы Алла Георгиевна Казакова, внимательнейший, глубоко чувствующий пульс жизни и переживающий за каждую публикацию редактор... Коллектив трудится... Радует зрелый, высокий профессионализм журнала. Он идёт в ногу с нашей Армией, самой передовой Армией мира.

Куранты отбивают стране годы, а мне время отбивает выход каждого нового номера журнала. «Воин России» – мне истинный друг. И я хочу, чтобы каждый солдат, который заступает на пост, каждый лётчик, который поднимается в небо, каждый матрос, который выходит в море, знал, что и у него есть свой друг, который всегда рядом, чтобы этот журнал знал и любил каждый защитник Отечества.

¹ 24 августа 1956 года в Ленинске Кызыл-Ординской области Казахстана открылась первая общеобразовательная школа, получившая имя первого строителя космодрома генерал-майора Георгия Максимовича Шубникова. Здание школы находилось на улице Школьная. В связи с особым положением и назначением города Байконур, которого не существовало на карте, она получила название средняя школа Тюра – Там. В 1988 году по решению исполкома городского Совета народных депутатов города Ленинска «Об изменении порядка нумерации школ в связи с переходом города Ленинск в республиканское подчинение» школа получила номер один.

Берега юбилеев

Валентин Баюканский

*Поздравляем Валентина Анатольевича с 60-летием!
Желаем неиссякаемого творческого горения,
светлого вдохновения, новых книг и прочитанности,
крепкого здоровья, радости и любви! Мы высоко ценим
Ваше творчество, гордимся литературной, общественно-
значимой акцией «Общая гордость, общая память.
Липецк-Калининград»*

Прозаик, публицист. Родился 2 июня 1959 года в Липецке. Член Союза российских писателей. Член МАПП. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Лауреат областной премии им. Е. И. Замятина. Награждён медалью «Во славу Липецкой области»

Букет из будущего

Рассказ

Известный художник Эдуард Елизаров был сильно обескуражен. Несколько минут назад он получил официальное уведомление из Главного управления нотариальных актов о том, что стал обладателем Исключительного Сокровенного Желания (ИСЖ). Этого он никак не ожидал: дарителем столь бесценного сокровища оказалась его мать Лидия Евгеньевна, умершая месяц назад. Об Исключительном Сокровенном Желании мечтали все. Однако получить его было делом крайне трудным и для большинства граждан совершенно недостижимым. Оно давалось людям после положительного вердикта Беспристрастного Верховного Суперкомпьютера, который непрерывно записывал на личные кодовые карточки поступки и мысли каждого. По специальным алгоритмам рассчитывался уровень положительных и отрицательных действий человека. Данные суммировались в виде баллов коэффициента полезного действия (КПД), обозначающих характеристику эффективности жизнедеятельности отдельного индивидуума, и выносился вердикт. Если существование человека оценивалось в 95 баллов, то он становился обладателем ИСЖ. Те, кто получал уведомление о положительном решении Суперкомпьютера, понимали: их земной путь подходит к концу и завершится в течение полугода. Исключительное Сокровенное Желание воплощало в реальность любую человеческую фантазию, кроме воскрешения мёртвых. Это ограничение было специально наложено Суперкомпьютером, чтобы избежать хаоса в истории человечества. К тому же полученной привилегией можно было воспользоваться однажды и в отношении лишь одного человека. Исполнив Желание, одни доживали остаток своих дней в богатстве и славе, другие избавлялись от тяжёлых и неизлечимых болезней. Кто-то возвращал свою прежнюю любовь, а кто-то помогал близкому родственнику расплатиться с непомерными долгами или получить образование в элитном ВУЗе. Однако обладатели Исключительного Сокровенного Желания должны были сохранять свой положительный КПД и не пускаться во все тяжкие, потому что отрицательные действия уменьшали оставшийся срок их существования.

О том, что мать заслужила Исключительное Сокровенное Желание, Эдуард даже не догадывался. Лидия Евгеньевна всегда жила тихо и скромно. В последнее время часто болела. Когда её в очередной раз увезли в больницу, он подумал, что всё, как и всегда, обойдётся. Елизаров приехал навестить мать и заметил, как резко она сдала. Через неделю её перевели в крыло первого этажа, где лежали тяжелобольные, почти безнадежные пациенты. И только тогда Эдуард почувствовал, что всё намного серьезней, чем он предполагал. Через пару дней врачи официально уведомили Елизарова, что

его матери стало хуже, и её подключили к аппарату искусственного дыхания. Узнав об этом, Эдуард поехал в больницу. Зайдя в палату и взглянув на мать, понял: это конец. Окутанная проводами и трубками, Лидия Евгеньевна тяжело дышала, находясь в забытии, и не реагировала на его голос.

...Через несколько часов она скончалась, так и не придя в сознание. Когда матери не стало, Эдуард зарыдал, осознав, что больше никогда её не увидит.

* * *

Узнав о подаренном ИСЖ, Елизаров стал вспоминать, что не всегда был ласков и справедлив с матерью. Её советы и предостережения Эдуарда часто раздражали.

– Хватит советовать! Я уже взрослый человек! – грубо осаживал он Лидию Евгеньевну.

Однажды, когда Эдуард в очередной раз бестактно оборвал мать, её глаза наполнились слезами:

– Вот когда меня не станет, ты пожалеешь, что так себя вёл, но будет уже поздно, – укоризненно произнесла она.

Эдуарду стало стыдно, когда он вспомнил об этом.

– Мамочка, любимая, прости! Как бы я сейчас хотел всё исправить! – с сожалением прошептал он.

Мысль о том, что она не воспользовалась всемогущим ИСЖ, терзала художника. Эдуард наконец-то осознал, каким близким и дорогим для него человеком была его мать. Как жаль, что он вовремя не смог оценить её душевных качеств, хотя она всегда ему помогала, как, впрочем, и другим людям. Зато Лидию Евгеньевну Елизарову по достоинству оценил беспристрастный Суперкомпьютер.

Лидия Евгеньевна с раннего возраста прививала Эдику любовь к искусству. Заметив тягу сына к рисованию, отвела его на занятия в художественную школу. Из своего скудного бюджета она ежемесячно умудрялась выделять необходимую сумму на приобретение бумаги, холстов, красок и кистей. Уже через пару лет у Эдика состоялась первая персональная выставка. Местная газета посвятила этому событию небольшую заметку, назвав десятилетнего Елизарова юным дарованием, подающим большие надежды.

В двенадцать лет Эдик увидел яркий и эмоциональный сон, оказавший сильное влияние на его дальнейшую судьбу.

Юному художнику приснилось, что у него был необычный Друг – фантастически красивая жар-птица. Как-то она попросила его нарисовать красивый букет, но Эдик её просьбу проигнорировал. Когда жар-птица ещё раз напомнила об этом, он грубо ответил: «Не приставай! У меня нет на это времени!». Она покачала головой: «Ты сильно обидел меня своим невниманием и грубостью, поэтому я от тебя улетаю. Прощай!»

Грациозно взмахнув крыльями, которые непрестанно искрились, переливаясь всеми цветами радуги, она медленно полетела прочь. Эдик понял, что теряет своего лучшего друга. Он бежал за ней, умоляя вернуться, обещал исправиться и сделать всё, что она пожелает, но жар-птица улетела. Горю мальчика не было предела. Эдик проснулся весь в слезах. В этот момент мать подошла к нему и спросила: «Что случилось? Ты звал кого-то во сне и сильно плакал».

Сотрудница Лидии Евгеньевны, услышав эту историю, высказала догадку: «Эта жар-птица – талант вашего сына. И то, что он проявил к ней невнимание, указывает на то, что ваш Эдик может отвлечься на что-то другое и этот талант потерять. Пусть он непрестанно трудится, – и, может быть, птица к нему ещё вернётся».

Прошли годы. Эдуард Елизаров стал известным художником. Его работы охотно покупали не только любители живописи, но и картинные галереи.

Эдуард всегда помнил о том необычном сне и старался развивать свой талант, ассоциируя его с другом-птицей. И только сейчас он догадался, что той удивительной жар-птицей была, оказывается, его мать. Она вела его по жизни и даже пожертвовала своим Исключительным Желанием ради него и поэтому он должен её отблагодарить! К такому выводу пришёл Эдуард и стал думать, как это лучше сделать.

Елизарову захотелось написать портрет матери, но он тут же отверг эту идею. Нет, разве его работа может сравниться с Исключительным Сокровенным Желанием, расстроился художник. Это будет выглядеть какой-то насмешкой. Он должен сделать что-то необычайное!

Вдруг Елизарова осенило. Нужно воспользоваться Исключительным Сокровенным Желанием!

Тогда ему удастся узнать свой самый плохой поступок, какой он совершил в отношении матери и исправить его! Это будет достойным ответом на её подарок.

Елизаров загадал Исключительное Сокровенное Желание, и перед его мысленным взором в ускоренном темпе стали сменяться события из его жизни, и он перенёсся во времена своей юности...

...Ему семнадцать лет. Эдуард приехал с матерью в Москву, чтобы в день открытых дверей посетить художественную академию. Лидия Евгеньевна показала работы сына одному из членов приёмной комиссии и попросила их оценить.

– Вы говорите, что Ваш сын школьник и окончил лишь художественную школу? – недоверчиво переспросил пожилой преподаватель. – Если это так, то хочу вас поздравить. Не всё здесь, конечно, профессионально, и при желании можно придраться, но... У нас некоторые студенты даже второго курса не обладают таким цветовым чутьем и такой фантазией. Пусть ваш мальчик, не теряя времени, подаёт документы.

Эдик сдал вступительные экзамены и стал самым молодым студентом в своей группе. Эдуард Елизаров очень гордился тем, что оказался в столице, да ещё в компании высокопрофессиональных художников. Мать помогала ему материально, чтобы он все свои усилия направил исключительно на учёбу. Эдуард так привык к её помощи, что даже не задумывался, насколько ей было трудно его содержать: получала она немного, а отец, бросивший Эдика, когда ему исполнился год, оказывал лишь символическую помощь, да и то изредка.

После окончания академии Эдуард остался в Москве. У него появилась девушка, с которой он жил гражданским браком, а через полгода пошли заказы, позволяющие неплохо зарабатывать.

Со временем у Елизарова в столице появились свои поклонники и постоянные покупатели. Они помогли Эдуарду организовать персональную выставку, на которую он пригласил свою мать.

Лидия Евгеньевна светилась от счастья – картины её любимого сына экспонировались в столичной галерее! Работы Эдуарда Елизарова хвалили не только друзья, но и пришедшие на выставку незнакомые посетители. Многие записали слова благодарности в книгу отзывов.

К Лидии Евгеньевне подошёл тощий молодой человек с диктофоном. Его глаза закрывали тёмные очки, волосы были коротко острижены и покрашены в зелёный цвет, тонкие пальцы были унижены крупными перстнями.

– Я журналист известного издания «Откровения наших звёзд», – гордо представился незнакомец. – Вы, как я понимаю, мама Елизарова. Скажите, Вы догадывались, что Ваш сын будет известным художником?

– Да! – откровенно призналась Лидия Евгеньевна. – Потому что Эдуард с детства боялся потерять свою Жар-птицу.

– Что, Эдуард Елизаров верил в сказки? – язвительно произнёс журналист. – На него это не похоже. Расскажите об этом подробнее!

В этот момент к ним подошёл Эдуард и, услышав, что мать начала вспоминать увиденный им сон, резко её оборвал:

– Зачем ты это выдумываешь? Причём тут какая-то жар-птица! Я всего достиг сам!

Лидия Евгеньевна увидела, что журналист радостно ощерил редкие зубы, предвкушая семейный скандал, который можно смачно описать в статье.

– Да, Эдуард Елизаров – безусловно талантливый художник и добился всего сам, а про сон я сказала специально для затравки, – вымученно улыбнулась Лидия Евгеньевна. – Он сам всё расскажет, а я пока посмотрю его новые картины.

Лидия Евгеньевна отошла в сторону и сделала вид, что внимательно рассматривает картины сына, который, как ни в чём не бывало, беседовал с корреспондентом. Её глаза застилала слёзы. Давно она не испытывала такого унижения. И главное – за что? Ведь она сказала правду. Неужели её сын Эдуард, в котором она души не чаяла и которому непрестанно помогала, стал таким жестокосердным и неблагодарным?

Лидия Евгеньевна взяла себя в руки и немного успокоилась. Когда посетители выставки стали расходиться, Эдуард подошёл к матери.

– Ты что стоишь в сторонке? Обиделась на моё замечание? Здесь столица! Нужно думать, что и кому говорить. Этот журналист представляет скандальный журнал. Ему только дай повод – он так распишет, что вовек не отмоешься, а мне заказчиков терять нельзя.

– Сынок, мне казалось, что искусство облагораживает человека, дарит ему возможность стать лучше и чище. И если ты стесняешься своей матери и можешь ей нагрубить, используя даже такой незначительный повод, зачем ты тогда стал художником? – укорила его Лидия Евгеньевна.

Эдуард понял, что перегнул палку.

– Ладно, мам, не обижайся, я не хотел. Пойдём, отпразднуем мой успех, ребята ждут, – примирительно попросил он.

– Ты, иди, отмечай, а я схожу в магазин, кое-что куплю на дорогу. У меня через пару часов поезд, – уклончиво ответила мать и, помахав сыну рукой, направилась к выходу.

...Очутившись в своём прошлом, Елизаров смотрел на эту сцену с ужасом. Как он мог так огорчить свою мать и отпустить домой, с ней не примирившись? Теперь он точно знал, что нужно сделать.

...Эдуард придержал мать за руку.

– Мама, не уходи. Время ещё есть. Давай отпразднуем наш успех, тем более что у меня есть для тебя подарок, который я должен тебе обязательно вручить.

Лидия Евгеньевна удивилась, когда сын сказал «наш успех» и улыбнулась.

– Пожалуйста, не обижайся. Проходи в подсобную комнату. Там уже стол накрыт. Поговори с моей девушкой Надей, ты давно хотела с ней пообщаться. Сейчас самый подходящий момент.

Елизаров увлёк за собой мать и подвёл её к Наде.

– Вы тут поговорите, а я сейчас подойду.

Эдуард торопливо удалился. У входа в галерею его ожидал курьер с большим букетом ярких гербер. Тогда, в прошлом, Елизаров подарил эти цветы директору галереи, а сейчас он решил вручить их своей матери.

Первое слово предоставили Елизарову, как главному участнику события.

Эдуард взял букет и торжественно произнёс:

– Друзья, вы все помогли мне, чтобы эта выставка состоялась, за что я вам сердечно благодарен. Но будет справедливым, если мой тост я произнесу в честь своей мамы – Лидии Евгеньевны Елизаровой. Она первая разглядела и поддержала мой талант. Она всегда в меня верила. В юности я увидел необычный сон. Мне был показан мой лучший друг, дающий мне силы и желание работать. Это моя мама – моя Жар-птица. Пусть эти яркие цветы напоминают ей о моей любви.

Елизаров протянул букет матери, которая, услышав слова сына, заплакала. На этот раз она не скрывала своих слёз. Это были слёзы радости.

Дома Лидия Евгеньевна поставила роскошный букет в вазу.

– Мой сын иногда бывает груб и несдержан, но в его душе всё-таки есть радуга. Этот букет всеяет надежду, что так будет всегда.

...

...Оказавшись в своей реальности, Эдуард Елизаров облегченно вздохнул. Его душа пела! Он исполнил свой сыновний долг – воздал должное матери и выполнил просьбу жар-птицы.

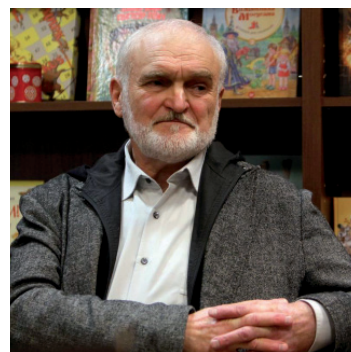

Берега юбилеев

К 200-летию со дня открытия Антарктиды!

Сергей Воробьёв

28 января 2020 года будет отмечаться круглая юбилейная дата – 200 лет со дня открытия Шестого Континента русской экспедицией под руководством наших героических соотечественников Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева. Журнал «Берега» открывает серию публикаций, посвящённых 200-летию открытия Антарктиды, рассказом Сергея Воробьёва, участника 21-й САЭ и зимовки на ст. Новолазаревская из его книги «По ту сторону Земного шара»

Воробьёв Сергей Павлович родился в Ленинграде. Автор нескольких книг прозы, вышедших в издательствах «Светоч» и «Алетейя». Сопредседатель рижского Общества литераторов «Светоч». Член Союза писателей России с 2011 года. Редактор и составитель литературного сборника «Русская проза. XXI век».

Именины на шельфовом леднике

Рассказ

Наш буровой отряд, состоящий из пяти человек, находился всего-то в 40 километрах от основной станции – расстояние для тех мест мизерное – часовой переход на гусеничном вездеходе. Буровикам надо было пробурить-протаять ледяной шельф на глубину порядка 400 метров. Поэтому-то почти всю нашу зимовку они пробыли в «поле» особняком, за что получали свои полевые – 3.5 рубля в день в дополнение к своему основному заработку, что вызывало у отдельных полярников если не зависть, то уважение.

У Вити Боярского¹ день рождения. По этому случаю Володя Степанов приготовил сибирские пельмени и торт. Развели спирт, как всегда по широте нашего пребывания. А это немного-немало 70°. Вечером, после работ, все собрались в командирском балке за праздничным столом. Посидели, попели песни под гитару. Начальник станции по радио передал специальное поздравление по случаю именин. Витя Боярский его и принял самолично, поскольку исполнял ещё и общественную должность радиста. За стенами балка метель-пурга, пустыня великая ледяная, а здесь свет, друзья, гитарный перезвон, разговоры, еда, тепло, и становится по-настоящему радостно и торжественно, спокойно и легко на душе. Такого чувства нигде не испытаешь. Но вот пора расходиться, завтра утром работа, надо выспаться. Володя остаётся в командирском балке, а два Вити, один из которых именинник, одевают «каэшки» (специальная верхняя одежда на верблюжьем меху, получившая название от аббревиатуры КАЭ – комплексная антарктическая экспедиция), накидывают капюшоны, застёгиваются поплотней и – в пургу; до их балка всего-то метров двадцать будет, но метёт не на шутку, надо использовать преимущества полярной одежды, чтобы прийти домой сухими и не обмороженными.

¹ Виктор Боярский – упоминается в рассказе, как участник своей второй зимовки в Антарктиде. В будущем известный российский путешественник, почётный полярник России, председатель Полярной комиссии Русского географического общества, более 80 раз побывавший на Северном полюсе и совершивший в 1990 году трансантарктический лыжный переход в составе международной экспедиции. Долгое время был директором Музея Арктики и Антарктики. Автор нескольких книг по полярной тематике.

*Рассказ Вити Никитина,
как он погибал в двух метрах от жилья вместе с новорождённым*

Спрыгнули мы в пургу, как десантники с самолёта в слепом прыжке. Ну, ничего не видать – сплошной там-тарарам. Снег и ветер, и больше ничего. Взяли направление на балок и пошли, как в связке, друг за друга держась: именинник впереди, я сзади.

Потом поменялись, а то переднему весь снег достаётся: прессует под капюшон, в глаза, в нос – всё залепляет. Я одной рукой лицо прикрыл, другую вперёд выставил, чтоб об балок не удариться. Идём. Балок вот-вот должен быть. Но рука всё по метели шарит. Что за чёрт?! Неужто промахнулись? От ветра стал задыхаться.

– Витя, куда идти?! – кричу, – вроде, мимо прошли!

– Вправо, – показывает он мне.

Вспомнил наставления моего деда: если в лесу заплутал, то ходишь обычно по кругу против часовой стрелки, поскольку правая нога всегда сильнее, она и вводит человека в циркуляцию; поэтому надо всё время на левую нажимать, корректировать свой курс – малость правее забирать. Пошли вправо. Нет балка! Кошмар! Неужто дед ошибался? Аж потом прошибло. Дышать всё труднее. Кажется, сейчас вдохнёшь, а пурга в тебя так и польётся вся водопадом, не удержишь и будешь так на одном долгом вдохе, пока не захлебнёшься, и выдохнуть сил не будет.

– Витька, это конец! – выдавливаю из себя.

– Не паникуй, дура!!! – орёт он мне, – морду набью!

Начали кружить вместе с пургой. Но так можно было плутать без конца. И главное – направление вовсе потеряно. Теперь уже было всё равно куда: вперёд, назад, вправо, влево – всё наугад, всё наудачу. Может быть, балок-то в двух метрах где-нибудь. Ну, прямо – хоть плачь. Валюсь в снег.

– Всё, – решаю я вслух, – дальше не пойду, бесполезно. Скрючусь здесь, снегом быстро занесёт, больше не могу бороться. Помру спокойно...

Хватаю ртом воздух вперемежку со снежной рассыпчатой кашей – дышалка совсем подвела. Витька трясёт меня:

– Вставай, репа старая, не понесу! Слышишь? Вставай!

Поднял меня за «каэшку». Я ноги еле перебираю. Откуда у Витя силы? Тянет вперёд. А впереди – ничего, кроме стены бушующего снега.

– Будем кружить, – кричит в ухо Витя, – наткнёмся на что-нибудь, хотя бы на буровую.

«Да, – думаю, – будем кружить в вихре вальса рядом с буровой, хрен на неё наткнёшься». Но ответить не могу. И не паникую уже, спокойствие какое-то жуткое навалилось, безразличие.

Сейчас даже смешно становится. А ведь это настоящая трагедия, равная целой жизни. Ведь всё испытал: и страх, и отчаянье, и жалость к себе, и помощь верную, исходящую от Витьки. Ведь если б не он, не вышли бы.

Правда, на кабель я наткнулся. Повалился я в очередной раз в снег, решил больше не вставать. Может, Витя один без меня и отыщет балок или в буровую упрётся. А я – пасс. Не ходок больше... Только чувствую под собой что-то твёрдое. Рукой шарю – кабель! Целая бухта кабеля. Вспомнил: это ж мы с Володей его от балка тянули, да бросили... Потом другой протянули – потоньше. Вот тут я испытал такой прилив, так мне жизнь в голову ударила хмельной струёй... Считаю, заново родился.

По этому-то кабелю, как по канату, мы и притянулись к своему балку. Добрались до двери, над дверью лампа светит – праздник! Толкнули дверь, ввалились, как два куля, и лежим на полу. Поверишь? Плакал не то от жалости, не то от радости. Такие вот именины. А и действительно, в один день получилось сразу три дня рождения: один у меня, два у Витьки.

Потом затопили с ним капельницу¹, залезли в спальники из собачьего меха и – богатырским сном до утра. А утром открываю дверь: на улице чисто, метели, как не было. Смотрю я вокруг и думаю: вот где-то здесь мы с Витяем за жизнь вчера боролись, погибали почти, может даже вот на этом месте, где сейчас стою. А до балка два метра с небольшим. Какая случайность – наша жизнь! Как трагично и смешно многое, что мы делаем в этой жизни, и как иногда легко

¹ Капельница – автономная бытовая печь, работающая на дизельном топливе.

Фото из Антарктиды, из далекого 1976 года.

Слева направо: Матвейч (один из двух наших станционных докторов), Витя Боярский (герой рассказа), Сергей Воробьёв (станционный эл. механик) и Петручио (наш единственный повар). Группа расположилась на «корабле ледяной пустыни» – гусеничном вездеходе АТТ, вернувшись из похода на буровую.

выбираемся из, казалось бы, безвыходных ситуаций. А в другой раз не можем одолеть простых, на первый взгляд, вещей. Мы ведь почти никогда об этом не задумываемся. А случись что, начинаем потом философствовать задним числом. Как я сейчас.

Кстати говоря, в июне 65-го года при похожих обстоятельствах исчез с лица Земли геофизик Карл Диш, 26-ти лет от роду. Я читал отчёт американской экспедиции. Он во время пурги взял курс на основное здание станции Мак-Мёрдо, да, видно, промахнулся. Уже потом его следы обнаружили на расстоянии шести с половиной километров от станции. А дальше они уходили в вечность, так как больше никто и никогда не видел его на этой планете. Конечно, красиво умереть не запретишь. Но нелепо, согласишься! Нам суждено было остаться в живых. Честно скажу, не знаю, что лучше? Пока, наверное, второе – жить. А дальше – посмотрим.

Где-то в конце ноября буровой отряд свернул свои работы. Скважина была пробурена, вернее – протаяна¹. Оказалось, что ледник, на котором велось бурение, лежит на подложке из пресной воды, а далее идёт каменный грунт – коренная порода.

Скважину законсервировали: 400-метровый колодец залили рассолом из 60-процентного спирта (почти по широте). Из протаянного ствола было взято необходимое количество проб, которые прольют некоторый свет на историю становления нашей планеты, а это, в свою очередь, даст ключ к пониманию сегодняшнего дня, в который пришли наши поколения, приобретающие свой трудный, но необходимый опыт для дня завтрашнего.

¹ Скважина «бурилась» методом протаивания льда специальным термобуром.

Поэзия

Сэда Вермишева

Поэт, публицист, общественный деятель. Родилась 9 октября 1932 года в Тбилиси. Автор 14 поэтических сборников, а также брошюр и статей по фундаментальным геополитическим и другим проблемам современного мира. В Рязани вышел сборник статей о творчестве Сэды Вермишевой («Феномен Сэды Вермишевой», составитель Л. Осеян. Её литературная и общественная деятельность отмечена многими государственными наградами как России, так и Армении и Нагорного Карабаха. Стихи переведены на армянский, польский, словацкий, болгарский, французский, английский и др. языки. Лауреат многих российских литературных конкурсов: Некрасовского (СПР), Лермонтовского (СПР), «Лучшая книга 2008–2011» (МГО СПР), газеты «Российский Писатель» (СПР) в номинациях «Позиция» (2013), «Поэзия» (2014). Член Высшего творческого Совета СП России.

Плач о потерянной Родине. Жестокий час

Поэма

ПРОЛОГ

Я – зеркало,
(Которому разбиться...)
Запечатлевшее
Всего лишь миг
Один.
И с этим я сумела примириться...
И я сказала –
«Миг – мой господин!..»
Я – лик зеркал,
Вобравших боль сиротства,
Свеченье радости,
Кто духом воспарил...
И я живу
В законе жёстком
Сходства
С законом Солнца,
И других светил...

ЧАСТЬ 1

Я здесь жила.
Не ласково, но длилась
Моя судьба среди тысячи судеб...
Но я потом
В собаку превратилась –
То кость грызу,
А то подбросят хлеб.

Я не ропщу.
Ну, а когда я сгину,
Откинув лапы,
Вытянувшись в рост, –
Я вспомню скал
Оранжевую глину,
И ветром Севера
Коснусь лица
Берёз...
Я вспомню многое.
Я многое забуду, –
Идут на снос
Эпохи и дома...
Как мне собрать
Обломков этих груды,
Как мне прожить,
И не сойти
С ума?....
...
То, что неожиданно с нами
Случилось,
Верно и Господу Богу
Не снилось...
Может, негодие мы,
Иль не те,
Может, живём мы
В дурной простоте? –
Дом на обочине наш,
В пустоте?

Но по-иному
 Мне всё это видится, –
 Может,
 Слепа я,
 А может –
 Провидица...
 ...
 Я в небо,
 Как в страницу,
 Текст вписала, –
 Мне недосуг
 Тетрадный лист
 Сыскать, –
 Такая вот пора нагринула,
 Настала, –
 Хочу писать....
 Неодолимо...
 Слепо...
 Стремить за временем,
 Неукротимым,
 Бег...
 Мне много лет...
 Я выгляжу нелепо...
 Я тороплюсь, –
 Путь замечает снег...
 ...
 Холодно,
 Недужно,
 Трудно стало жить.
 Головы ненужные
 Тяжело носить.
 Вскинешься,
 Опомнишься, –
 Что ты?
 Всё прошло...
 Замыслы досужие
 Ветром занесло...

ЧАСТЬ 2

Разбит наш дом.
 Он превратился в прах.
 Как мне срастить
 Обломки прежней жизни?..
 Как отыскать
 На новых берегах
 Пути к потерянной
 Моей Большой Отчизне?
 Как отыскать?..
 На языке каком
 Окликнуть их,
 Кому назвать приметы?
 И я иду по снегу босиком...
 Стоит зима.

И косяком к нам – беды.
 И обдувают дали сквозняком
 А в прошлое –
 Ни дрожек,
 Ни кареты...
 ...
 И все ушли. Из глаз ушли,
 Из виду,
 Покинули, быть может,
 Шар Земной...
 А я стою, –
 Я здесь,
 У края,
 Стыну –
 Мне некуда идти –
 Там дом спалили мой...
 ...
 И я услышала нежданно
 Своей страны распевной
 Речь.
 И снег кружился непрерывно,
 Равно касаясь крыш и плеч.
 И было тихо так
 И ясно, –
 Сливались с далью города.
 Но колокол звучал
 Ненастно,
 Качая в небе провода...
 По ком звонил он
 В этом мире,
 Какая близилась беда?..
 А звон тот плыл
 Всё шире,
 Шире,
 И рябью хмурилась вода...
 ...
 Об этом трудно говорить, –
 Пустое дело...
 Старались жить.
 Старались быть.
 И вдруг – всё отлетело.
 Исчезло...
 Хоть и не сполна, –
 Оставило приметы...
 Но смело здесь взошли
 Дома,
 Иных устоев стены...
 А я, увы,
 Схожу с ума
 В стране сплошной измены...

ЧАСТЬ 3

Какою мыслью душу успокоить,

К каким трудам,
Целительным,
Припасть?...
На чём мне дом,
На чём мне праздник
Строить,
И ощутить
С каким мне миром
Связь?
Вот с этим полем,
Что звалось страною,
И как лоскут,
Истлевший,
Расползлась? –
Я лучше саваном себя покрою,
Наплачусь, наревусь
Над тёплым пеплом
Всласть...
Мне грудь пробрили
Сапоги чужие,
И униженьем поят реки дня...
И птицы грозные,
Сверхзвуковые,
Летят из дальней дали
На меня...

...
Так плачь же,
Плачь,
Хоть сердцу нет уж дела
До игрищ мира,
До его причуд...
Но живо всё,
Ещё не отболело,
И слёзы по щекам,
Безудержно,
Текут...

...
Когда Империя уйдёт,
Вода высокая отхлынет –
Останется нам мелководье –
На отмелях песок остынет...
И в рог свернёт себя улиткой
Державы праведная твердь...
А тень отступит за калитку,
Затем,
Чтоб к утру умереть...

ЧАСТЬ 4

Как плачется нынче.
Как холодно, Боже!
Какие продрогшие листья лежат
Поверх тротуаров...
Прожилки на коже

Так тихо,
Так сиро,
Так горько дрожат...
И смена эпох,
Словно в траурном шаге ...
Развод караула,
Развал Бытия...
А рядом не сыщется
Даже собаки,
С которой эпоху
Оплакала б я...
И с пеплом надежд
Погребается урна,
И солнце уходит
В чужие края...

...
Эпоха уходит на дно.
Сошла,
Окочурилась,
Сдохла ...
Закрыла в пространство окно,
Под всеми дождями
Промокла.
Истаяла,
Как леденец...
А мы – её дети и внуки,
На нас её скорбный венец,
И в нас её смыслы и звуки,
Начало её и конец...
Никто не возьмёт
На поруки...

...
Пусть всё кончается.
Пусть всё идет на слом.
Я бросила в костёр
Не ветошь –
Нет –
А сердце,
Мир,
Его размах,
Простор!..
Пускай горят!
Пускай идет всё
Прахом!
Я совладала с жизнью,
Смертью,
Страхом...

А нынче уподобилась обломку
Скалы,
Которой нет, –
Ищи-свищи –
Что толку?..

...

А на дворе мороз –
Хоть не спи совсем...
А в миру угрозы...
Да кому поведем,
И кому скажу, с кем развеюсь я? –
И веду вражду,
И в друзьях держу,
Да всё одна брожу,
Душу-дом стужу,
И надеюсь зря, –
К нам лучи с небес –
Холоднее льдин...
А кому служу –
Знает Бог один...

ЧАСТЬ 5

Я превращаюсь
Почти в собаку, почти в дворнягу, –
Мне пища – кость...
Я на крылечке здесь рядом лягу,
Скажу вам тихо –
Я – только гость,
Что послан небом
В придачу к пище
Земной и прочим
Иным благам...
Рюкзак мой старый –
На пепелище...
Его я тоже
Оставлю вам...
Оставлю вам я
Свои коморки,
Свои котомки...
Бумажный хлам
Я осторожно сложу в коробки,
А ветер – листья к моим ногам
Сметёт устало,
Где я стояла –
Давно,
Когда-то,
В стране иной...
Ступай же, ветер, –
Я всё сказала...
И ты,
Прохожий,
Иди,
Не стой.
...
Хотя бы рупь!
Мне это пригодится...
Хоть два рубля,
Подайте,
Люди,

Мне...
В жестокий век
Мне Бог ссудил родиться, –
Мне негде жить,
Мне негде приютиться...
Хожу по городу
С протянутой рукой.
Гляжу на лик,
На шик его лоскутный,
(Где столько дыр, –
Да некому латать...)
И каждый чин –
На диво пёс паскудный...
И на кого нам,
Боже,
Уповать?
Ты обещал когда-то
День всем судный –
Не миловать, –
Пришла пора карать
Рукою праведной...
На ужин
Скудный
Не пожалейте,
Люди,
Рубль подать...

ЧАСТЬ 6

По снегу белому,
По чёрной борозде
Иду-бреду
Я что ни день
В нигде.
В нигде живу.
В нигде я пребываю...
Порой пою,
Порою умолкаю.
Но чаще в том нигде
Я тихо умираю –
Не ставя даты,
Позабыв число...
Была и нет., –
Как ветром унесло...
...
Что же собаки так воют,
Что им неймётся,
Смурным? –
Может, могилу мне роют,
Может быть, страшно самим?
Может быть, угли остыли
В жарких когда-то кострах,
Может быть, душу зарыли
Здесь,

В придорожных кустах?
Ищут,
Пока не забыли,
Дом свой на синих ветрах.
...
Я вынесла, как раненое сердце,
Свои стихи,
Из топи,
Из болот...
Пусть надо мной
Смеются люди дерзко,
На сто октав растягивая рот...
Но не могу,
Я не хочу поверить,
Что музыка распалась
Наших сфер,
Что не с кем мне
Часы и время сверить,
На людной площади,
Под небом смены
Эр...
...
И что ни день –
Темно и грозно,
И каждый час, как новый день.
И снова холодно,
Морозно,
И жизни новая ступень...
Она ведёт всё выше,
Выше...
Но ветер лишь
В моей горсти...
Я ничего уже не слышу...
И самолёт убрал шасси...
...
Вьюги,
Дожди,
Снегопады...
Рельсы,
Щемящая грусть...
Я никогда не умела
Читать на лице твоём,
Русь...
Солнце меня ослепило,
В горные горны трубя...
Но почему мне так сиротливо
Жить на земле
Без тебя?...
...
Ухожу,
Спотыкаясь, –
Оглянуться нет сил...
На бугры натыкаюсь, –

Дождь лицо моё смыл...
И назад возвращаюсь,
Ни домов, ни стропил...
Город псиной голодной,
В подворотне
Скулил...
...
Вот и всё,
Что хотела сказать,
Вот и всё,
Что сумела собрать
Я по крохам,
Всей памятью сердца...
Дождь прошёл.
Отгорела звезда.
И остыла...
Мне душно
Мне тесно...
...
А под ногами
Только щебень битый,
И никаких добавочных прикрас...
Мы все мертвы.
Мы все убиты...
И никого в живых нет
Среди нас...

ЧАСТЬ 7

Мы всё-таки всех потеряли,
Со всеми расстаться смогли.
И вновь мы,
Как прежде,
В Начале
Летящего круга земли...
И надо опять воедино
Собрать свою душу и плоть, –
Долины, низины, равнины,
Разора печаль побороть...
Сквозь все прегрешенья эпохи,
Сквозь их нарастающий гул,
Собрать воедино солёные крохи
Морей,
И пустынь саксаул...
И плыть сквозь разливы разлики,
Пока не коснутся лица
Покинутых сущностей руки,
И тёплые руки творца...
...
А если не исполнен тот завет –
Меня нет в этом мире!..
В этом городе
Нет!

Обыщи хоть полсотни,
 Хоть сто тысяч планет...
 Так всегда на рассвете
 Исчезает звезда
 До грядущего вечера,
 А порой –
 Навсегда.
 И земля опустеет.
 Станет зябко в ночи.
 Ветер резкий повеет –
 Хоть кричи, не кричи...
 (Затерялись от счастья в этом мире
 Ключи...)
 И увижу я ворох
 Улетевших надежд,
 Тихий, траурный шорох
 Погребальных одежд...
 Станет гулко и тихо
 В Галактической мгле,
 В этой жизни прошедшей,
 И на этой земле...
 ...
 Моя жизнь перечеркнута –
 Ни друзей, ни родни...
 А на улице Фучика
 Рано гаснут огни.
 Не осталось и лучика...
 Ни людей. Ни страны...
 ...
 И потому не протяну я руку
 Всем тем,
 Кто розни той науку
 Вскормил,
 Вспоил,
 Пустил её по кругу –
 Тесна мне эта мера и мала!..
 Я, может быть,
 Живу в гордыне грешной,
 Я,
 Может быть,
 В смиренье вознеслась ...
 Не в этом дело! –
 Все равны отныне,
 Пред ликом Родины,
 В её нелёгкий час!...
 ...
 И потому я сбросила фигуры
 С игральных досок
 Напрочь,
 Без затей, –
 Пусть дни стоят
 И пасмурны, и хмуры,
 И небо низко...

Но не быть ничьей!
 Сойдёмся в поле,
 Проторим дорогу
 В сраженья ярость...
 Холод жжется рос...

Гнев поднимается,
 Змея ползёт к порогу...

Горит трава
 На тыщи тысяч верст...

Но я означила черту,
 С которой –
 Не сойду!

ЭПИЛОГ

Я в землю уткнусь,
 Чтоб не чуют угар,
 Азарта ликующей стаи.
 Летит под откос
 Богом созданный
 Шар,
 Сбивая небесные сваи...
 Под тонкой сорочкой
 Корёжится плоть,
 И мечутся чёрные стаи...

 На новых широтах
 Храни нас,
 Господь!
 На новых путях
 Мироздания...

...
 Усталость снять.
 Приникнуть
 К жизни слухом,
 И снова сеять.
 Снова – жать.
 Осмыслить хаос
 Первозданных звуков,
 И хаос мира в Слове
 Обуздать...

Прикована к труду,
 Как каторжник к галере,
 Познания море
 Пробовать проплыть...

Отчаяться...
 И одарить доверьем
 Иную жизнь,
 В которой мне не жить...

Поэзия

Алексей Шорохов

Современный русский поэт, публицист, арт-критик. Родился в городе Орле 8 ноября 1973 года. После школы поступил на филологическое отделение Орловского педагогического университета, затем – Литературный институт имени А. М. Горького в Москве и аспирантура там же. Участник событий Октября 1993 года, гуманитарных миссий на Донбассе. Женат, имеет четверых детей. Живёт в Москве и, по возможности, в своём деревенском доме на Орловщине. Автор семи книг стихов, трёх книг публицистики и культурно-философских эссе, двух книг прозы. Лауреат международных и всероссийских премий. Стихи и проза переведены на сербский, болгарский и якутский языки. Постоянный автор журналов: «Москва», «Наши современники», газет: «Завтра» и «День литературы», интернет-изданий «Свободная пресса» и «Русская народная линия». Секретарь Правления Союза писателей России, член Приёмной коллегии Союза писателей России. Заместитель главного редактора журнала «Отечественные записки»

дены на сербский, болгарский и якутский языки. Постоянный автор журналов: «Москва», «Наши современники», газет: «Завтра» и «День литературы», интернет-изданий «Свободная пресса» и «Русская народная линия». Секретарь Правления Союза писателей России, член Приёмной коллегии Союза писателей России. Заместитель главного редактора журнала «Отечественные записки»

НОВОРОССИЯ

Сны стали яркие сниться,
Детские вещи сны.
Где-то пылают зарницы
Близкой по крови войны.
Где-то становится летом
Парень, сгоревший в броне.
Только ведь я не об этом,
Я не о том совсем... Не
Понимая откуда,
В нас эта вечность течёт,
Наспех прощаемся с чудом,
Свой не жалея живот.
Что же нас встретит на древнем
И бесконечном мосту?
...Домик над речкой в деревне,
В детстве уроненный стул.
Жизни прошедшей начало,
Тёмные воды извне.
Старый отец у причала
С парнем, сгоревшим в броне.

* * *

Вы знаете, – как одинок верблюд,
В своем горбатом упоенье прозой!
Он пересох, как топка паровоза;
Его по рёбрам раскалённым бьют!
Толпится рядом безобразный люд,
И пальцем норовят потрогать слёзы,

А он лежит – он умер безголосым.
Теперь пески в ноздрях его поют!

МОСКВА МОЯ

Друзьям-поэтам посвящается

Здорово, други! Вы ещё ни-ни? –
Такого не бывало в наши годы,
Поэты русские такой не знали моды
И душ своих не тискали в ремни!

Ну, как вы, милые – в постылой и святой,
В которой, может, объявлюсь я вскоре,
С которой пить и мыкать наше горе
До самой распоследней запятой?

...Блестящей в позолоте наших снов,
Пропахшей пылью едкой и всесветной,
Горластой встарь, а ныне безответной –
Поклон тебе из далей и лесов.

Ты, говорят, черней ночи самой,
Как сердце, почерневшее от боли,
Которому никто и не позволит
Стучать с дурной эпохой вразнобой.

Но ты сияешь – тихо и не вдруг,
Как лунный снег на даче опустелой,
Как якорь в небеса – России целой,
Хранящий *там* её небесный струг!

ВТОРАЯ СМЕРТЬ

Южный Крест – в лучшей жизни, не в этой.
Тьма тропических страшных ночей.
Остро пахнет прибором и Летой.
И зовущий, безумный, ничей –

Океана рыдающий голос,
Страстный голос распахнутых недр.
... И скрипучий, как соль, санный полоз.
И пронзающий северный ветер.

Бубенцы... Славный выстрел... И лучше
Лошадей нет в округе, хоть плачь.
Умирает уланский поручик
По вине своей чести и кляч.

Он глядит в незнакомое небо,
И растёт отдалённый прибор.
– Хоть бы пальму какую в окне бы!..
Но, отпет полковою трубой,

Он ложится в последнюю землю,
На которой легко умирать.
И широкие сосны приемлют
Его тонкую южную стать.

* * *

Если мир не проснулся добрей,
Значит, нечего было и братья –
Шум дождя и овражную прель
Воспевать, и в чернилах мараться.

И смотреть на уроках в окно,
Растворяясь в родном и безбрежном.
Что с того, что кому-то дано
Быть непонятым, глупым и нежным!

Всё отмеряно здесь на весах
Нам при жизни не ясного братства...
Если мир не проснулся в слезах,
Значит, нечего было и братья.

* * *

Ещё живут в Орле мои друзья,
Ещё плывут туманы над Окою,
Но возвратится мне уже нельзя
Туда, где жил я каждою строкою.

И всё белей в полях моих, белей.
Студеный ветер бродит по равнине.
Какой же будет горький юбилей,
Когда и это всё в душе остынет!

Когда на миг задумавшись, на час,
Суровый глас услышу над землею,
И, оглянувшись, не увижу вас
В сиянье звёзд – над бездной мировую!

ВОРОБЕЙ

Что-то звёздное, что?.. Не спеши, не спеши,
И не множь понапрасну скорбей...
В этой синей тиши, в этой древней глуши
Ты сегодня один, воробей.

Посиди на моем ненадёжном окне,
Почирикай в густую листву.
Ты сегодня один, кто заглянет ко мне
И увидит поваленный стул.

А бывало тебя я с окошка кормил,
Сыпал пригоршни скачущих крох.
Может нынче тебе этот завтрак не мил,
И ты в чем-то учуял подвох?

Тот же день на дворе, то же солнце в траве,
Те же осы летают, звеня.
Даже тот же ползёт по стене муравей...
Только нет в этом мире меня.

* * *

О. Р.

Облака, провода – до скончанья, до сказочной, странной,
До твоей ли последней, моей непосильной, сохранной,
Как ничто в этом мире, любви – беспримесной, напрасной:
Как угодно зови, навсегда оставаясь прекрасной...

Что дороги нам было дано – до конца, до упора;
Там – закатная кровь, разливаясь, густеет над бором.

...До вечерней звезды над замерзшей чудовищной гладью,
До последних моих сигарет – с этой шуточной кладью:
Невесомой, несомой, по венам бегущей, отпетой,
Уходящей по капле в ничто, в темноту, без ответа
Уходящей по капле...

Осталась какая-то малость –
Этой нежности, этой любви непонятная жалость.

ЧЕРНОМОРСКАЯ ФОТОГРАФИЯ
1996 ГОДА

А.М.

Постепенно забываешь губы, которые целовал.
Оглушающий свист времени подготавливает к тишине –
Внезапной, той, что накроет – будто в горах обвал
Или же сеть из трещин на жёлтой больничной стене.

В мире, где с каждым шагом сужается горизонт,
Где с каждой брошенной горстью – горестней соль земли,
Ты ищешь любви, а солнце садится за Геллеспонт.
Ты хочешь уплыть туда же, барахтаясь на мели.

Глупый, в твои неполных цезаревых двадцать три
Пора бы понять, что вечность превыше всех клеопатр.
И волны согласно ропшут: здесь нету её – смотри.
Мог бы и улыбнуться, чтобы не портить кадр.

Поэзия

Дмитрий Филиппенко

Филиппенко Дмитрий Александрович родился в 1983 году в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Стихи пишет с 15 лет. Публиковался в журналах: «Огни Кузбасса», «Плавающий мост», «Лиффт», «Байкал», «Начало века», «Русское эхо», «Культура алтайского края», «Гостинный двор»; в Литературной газете; газетах: «ЛИК», «Истоки», «Поэтоград», «Площадь Пушкина». Главный редактор литературного альманаха «Образ». Автор трёх книг стихотворений: «На ладонях берёзовых рук», «Небо на подоконнике», «На побережье пультса». Член Союза писателей России.

* * *

Если мир разбивается вдребезги
В предверии февраля,
Если плачут на небе две звезды,
С ними плачу – я.

Если в кассах, в которых солнца нет,
Продаются стихи –
Растекается, кается сосен цвет
И черёмухи штиль.

Если город трясётся от наглости –
Но под ним не трясётся земля,
Мы заплачем в единой тональности:
Солнце, звёзды и нежность моя.

РАССВЕТЫ

Где сегодня торгуют рассветом?
И какие расценки сейчас?
Может, скидки у них этим летом
На рассветные слёзы для нас?

Я случайно узнал на базаре,
Что луна завлекает народ
И торгует налево-направо,
Разливая рассвет, словно мёд.

Соберу я последние деньги –
И скуплю весь рассвет у луны!
Только вечером, встретившись с тенью,
Всё продам ей за четверть цены.

ЕСЛИ...

Если ветер качнёт тишину –
Значит, в небе родится звезда...
Не проснувшись, мечтаем уснуть
И на землю вернуться назад.

Если выключить в жизни стихи,
Словно свет догоревших планет,
Мы не сможем проснуться без них.
Это значит, что нас больше нет.

* * *

И я влюбился в это лето
В девчонку с именем на «Ю».
Зачем влюбляются поэты?
Зачем любить себя дают?

Зачем ругаются поэты?
Ищу ответ на свой вопрос,
По книгам шляются портреты
И прячутся за вопли роз.

Зачем стреляются поэты?
(Но прежде требуют: «Налей!»)
Слезами красными рассветы
Ревут над осенью полей.

ДЕПРЕССИЯ МЫСЛИ

Кто же там – по ту сторону капли,
Что упала на вечер Сибири?
Грустно стёклам в панельной квартире.
В ней не пленник – а всё-таки раб я.

Позабыл я родные мне числа.
Я живу по ту сторону капли.
И не выберусь, мама, никак я
Из-под пресса депрессии мысли.

ХОККЕЙНОЕ

Поздним вечером страна горько плачет.
Уложили всю страну на лопатки.
И солёный лёд последнего матча
Понял правду – почему он не сладкий.

Ждали чудо, запах первого гола –
А в подарок аритмии осколок...
Лишь остался горький вкус валидола.
Не разгонит нам сердца кардиолог.

Голодали без побед и медалей.
Долго всматривался в нас город Сочи.
Поменяем мы коньки на сандалии,
Если наш хоккей ещё кровоточит.

СЛЁЗЫ ЛИСТЬЕВ

Ненавижу я запах осени!
В тёплых листьях асфальт уснул...
Мы друг друга нечаянно бросили –
Подвели молодую весну.
Нас она повенчала – и верила,
Что любовь поселилась у нас.
Не нашли мы общего берега
И смеётся над нами луна.
Я один посреди грустной осени.
Знаю, плачешь в слепой темноте...
Золотистою нежною россыпью
Слёзы листьев дрожат в пустоте.

ДЕРЕВНЯ ДЕТСТВА

Я приехал в деревню свою,
Чтобы детство увидеть далёкое.
Снова плечи целует июль,
Задышали свободой лёгкие.

Прикоснулся я к чистой траве,
Отогрел возле озера душу я –
Я б остался в берёзах навек,
Птичью музыку сердцем слушаю.

А когда приползёт темнота,
Сяду я на скамейку у тополя...
Деревенская спит красота,
И название ей – Протопопово.

СКАЖИ МНЕ...

Скажи мне, сколько будешь ты моей –
Неделю, год, а может быть, полвека?
Я написал черёмуху дождей,
Но книгу не берёт библиотека.

Ответь, ну что мне сделать для тебя?
Скупить все розы и тюльпаны в мире?
Стать радугой в начале декабря,
Теплом и солнцем быть в твоей квартире?

Пускай сгорю и в пепел превращусь,
Но главное – чтоб ты была согрета...

ОСТАНЬСЯ СО МНОЙ

Если любовь называешь войной,
Значит, с тобой воевать я не стану.
Книги оставлю слепому туману,
Выключу ветер. Останься со мной!

Дождь поцарапает стёкла квартир,
Улицы об переулки запнутся,
На побережье затихшего пульса
Молча признаюсь, что я дезертир.

Нервы мои соберутся в кулак –
Но всё равно воевать я не стану.
Осень уйдёт как всегда не по плану.
Утром из снега сошью белый флаг.

ПРОСПЕКТЫ, ЛИВНИ, ФОНАРИ...

Проспекты, ливни, фонари
Запомнили прогулки наши.
Я выстроил забор из рифм,
Но без любви не стал он краше.

Горизонтальная зима
Легла на город мой кузнецкий...
Тебя любил, и ты сама
Меня любила не по-детски.

Тебя любить – напрасный дар!
И в музыке зелёных сосен
Нас разлучила навсегда
Моя кольчугинская осень.

* * *

Купались в озере у парка.
Ты мне шептала: «Не балуй!»
Но помнит каждая байдарка
В воде прозрачный поцелуй.

Расстались в солнечном апреле,
Любви не знали никогда.
Ну, а она такая прелесть
С начинкой горькою стыда.

Когда ко мне приедешь снова,
Разлуки лопнет тетива,
Распустятся фонтаны слова.
Ну, не любовь, а фестиваль!

* * *

Мне с тобою жить невыносимо,
Но тебя любить мне так приятно!
Иногда я словно в Хиросиме,
Но спасать меня не надо. Пятна
Белые скрывает лист бумаги.
И пока мне позволяет сердце –
Скроюсь от твоих коварных магий,
Но от нежности твоей не деться
Никуда...

* * *

Моя любовь замёрзла у реки,
И чувства зябкие – фарфоровые узы.
А через душу проплывают сквозняки,
Но жалят сердце мне как будто бы медузы.

Мосты зевают, и не спит Нева.
Хрустальный ветер прозвенел и в небе скрылся.
Я перед ней в трёх бедах виноват:
Недолюбил, не позабыл, не спохватился.

* * *

На сонный берег января
Упала ночь, звезду ругая...
Любви сорвались якоря,
Чужая ты, совсем другая.

Как будто талая вода
Прошепчешь мне слова: «Good morning».
И уплываешь внавсегда,
В страну разрушенных гармоний.

* * *

Под одеяло хочется твоё...
Холодный ветер с запахом Байкала.
И дождь иркутский больше не поёт.
«Иди ко мне» – тихонько ты сказала.

Неровный свет укутал тишину.
Твоё дыхание ловлю губами.
Под одеялом я твоим уснул
И шёпот наших тел плывёт меж нами.

ХОЛОДНАЯ ПОСТЕЛЬ

Холодная постель – равнина без любви.
Цветы погасли снов и ягоды эротик.
Я приобрёл грехи, конечно, на свои.
Ухаживал. Терпел следы твоих экзотик.

По-прежнему в тебе нет дыма без огня
И полуфразы слёз мне говорят об этом.
Холодная постель укутает меня,
Но жаль моя любовь останется раздета.

* * *

Похоже, мы расстались навсегда.
Два месяца молчишь и дышишь ровно.
По-разному желтеют города,
Но мой грязней и это безусловно.

А сны с тобою больше не смотрю,
И на другое их переключаю.
Сентябрь пришёл не по календарю,
И по тебе я больше не скучаю.

ПРОРАСТАТЬ

Конечно, мне Есениным не стать.
Как Маяковский, мне не застрелиться.
Неудержимым ливнем не пролиться,
Не целовать брусничные уста.

Конечно, же, мне гением не стать –
Не разгадать художника Да Винчи,
Не рассказаться мне седою притчей...
Придётся Филиппенко прорасти.

ИРКУТСКАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Иркутская история любви
Была порой скандальна, но красива.
Она была нежна и молчалива,
Когда спала – а днём не уловить.

А он был слишком мягок и влюблён,
И закрывал глаза на все туманы,
И получал бесчисленные раны –
Всё оттого, что не был он умён.

Любовь её не выпил, не украл –
Она ушла, за ней раскаты грома.
И не помогут восемь рюмок рома:
Остался в сердце холодом Байкал.

ВЛЮБИЛСЯ...

Влюбился я нечаянно в тебя,
В твои дожди, в твой городок уютный,
В твой голос, словно шёпот октября,
Мурлыканье твоё июньским утром.

Влюбился я в касанья рук твоих –
И в их тепле ничуть не усомнился.
Влюбился в воздух с запахом хвои,
И в это небо тоже я влюбился.

Влюбился я давно в твои стихи,
И покорён метафорой, и строчкой,
А для тебя любовь – ха-ха, хи-хи...
В твой вкусный смех влюбился я, и точка!

Поэзия

Николай Алешков

Алешков Николай Петрович родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР 26 июня 1945 года. В настоящее время – главный редактор литературного журнала

«Аргамак. Татарстан». В 1982 году окончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького (семинар Н.Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор двенадцати книг стихов, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Набережных Челнах.

Лауреат нескольких литературных премий. В 2018 году награжден дипломом Золотого лауреата международного литературного конкурса в Германии «Лучшая книга года» за книгу избранной лирики «Дальние луга» (издательство «Маматов», Санкт-Петербург, серия «Библиотека российской поэзии», 2017). За эту же книгу получил Серебряного витязя на Международном Славянском литературном форуме «Золотой витязь» (октябрь 2018).

ЗДЕСЬ

Правый берег, поросший лесом,
Левый берег – цветущий луг.
Здесь крестьянским ржаным замесом
Был я втянут в житейский круг.

От истока реки до устья
Рыба плещется под волной.
Если вдуматься, каждый кустик
Мне с рождения здесь родной.

Здесь отец мой всю жизнь трудился,
Здесь мой дом и моя родня.
«Где родился, там пригодился» –
Эта присказка про меня...

Долго смерти ждать иль недолго –
Здесь меня похоронят пусть.
Я по Каме впадаю в Волгу
И взлетаю на Млечный Путь!

Зачерпнув из реки небесной
Благодати, увижу вдруг
Правый берег, поросший лесом.
Левый берег – цветущий луг.

ВЛАСТИТЕЛЮ

За песню соловья не упрекай –
По воле неба он не зная страха.
Есенин – Божья дудка, а Тукай –
Курай Аллаха.

У МОРЯ

Что было явью, стало снами...
Взлетела чайка в синеву.
И всё, случившееся с нами,
Упало тенью на траву.
А чайка – там, на горизонте,
Где море с небом обнялись,
Не исчезает – и не троньте!

О невозвратном помолись...

* * *

Поэт не врач, а боль. Струна и нерв.
Когда к поэту уваженья нет,
Не сомневайтесь в том, что одурочен
Народ, ведомый властью к поп-звезде
И к зрелищам, и далее везде,
Где Пушкин на Киркорова растрочен.

ПО ДОРОГЕ В БОЛДИНО

Снег в июне. Небо в тучах.
Провисают провода.
То ли нас природа учит,
То ли близится беда.
Не она ль бежит по следу?
В небесах отмщенья зуд?
Еду. Еду. Еду. Еду.
Рельсы к Пушкину везут.

Александр Сергеич, кто ты?
Сын гармонии? О, да!
Господа, откройте шпроты!
Верьте Блоку, господа!¹
Кто сказал – все песни спеты,
И на сердце злая грусть?
Водку пьют в купе поэты
И читают наизусть:
«Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид?»
Этой жалобой дорожной
Дуэлянт в десятку бил.
– Ах, как простенько о сложном
Пушкин с миром говорил!
И про то, что век ужасный
И ужасные сердца...
Но предчувствия напрасны –
У дуэли нет конца.
Все цари навек уснули.
В будке дрыхнет инвалид.
А дантесовская пуля
Всё летит, летит, летит...

МАЛЬЧИШНИК

Хлеба горбушку да сала шматок
С кружкой холодного кваса:
Лучшей еды и не будет, браток,
Вплоть до последнего часа.
Кто-то добавит зелёный лучок
И огурец малосольный
Рядом с картошкой. Про водку – молчок
В нашей беседе застольной...
Лучше не дома, а возле реки,
Ласточки чтобы кружили.
Али не русские мы мужики,
Али друг другу чужие?
Песню старинную вспомним – споём.
Годы, как быстрые реки.
Вовсе не страшно, что скоро уйдём
Все – друг за дружкой – навеки.
Сашка да Витька, да тёзка Колян,
Васька, приехавший в гости.
Песня не ладится? Бросьте баян!
Просто обнимемся, бросьте!
Детство ли вспомним: герань у окна,
Складки отцовской шинели...
Послевоенная рвань и шпана,

Что же вы так поседели?
Живы покуда. И память остра
Вплоть до последнего часа...
Ну-ка, старшой, разливай у костра
Из фронтového запаса!

* * *

Время года – бабье лето.
Грузди, рыжики в лесу.
Два лирических куплета
К ним впридачу принесу.
Время жизни – тоже осень.
Лодка ждёт на берегу.
Не курю. И пьянку бросил.
Катю бросить не могу.
Смерть придёт – слезу уронят
Дети, внуки и родня.
Честь по чести похоронят –
Только первым, чур, меня...
А пока – живу, однако...
Под ногами-то (ура!)
Груздь зарылся в мох, собака!
Вылезай, в ведро пора...

* * *

В морозном воздухе двоится
Крестьянский острый серп луны.
Кто любит Бога, не боится
Иной, неведомой страны.
Земная жизнь – подарок царский.
Что небеса откроют мне?..
А серп заточен по-татарски
Здесь, на казанской стороне.
А рядом с ним над зимней Камой
Горит Полярная звезда.
С землёю этой, словно с мамой.
Легко ль проститься навсегда?
Мы в небеса с рожденья метим.
Но почему-то всё равно
Живой душе смириться с этим
Вплоть до ухода не дано...

ОСЕННИЕ СТИХИ

Спасибо, сторонка родная!
С тобой всё на свете стерплю!
А что за пределом – не знаю,
Но землю, где вырос, люблю.
Люблю это мокрое поле
И эту туманную взвесь.

¹ Имеется в виду речь и статья Александра Блока «О назначении поэта».

Была бы на то моя воля –
И душу оставил бы здесь...
Под мелким дождём моросящим
В лесочке за тёмной рекой
Сыграл бы нечаянно «в ящик»
С оборванной этой строкой.
Наверное, счастье какое
В миру оказаться никем,
С оборванной этой строкою
Уйти навсегда, насовсем...
А чем не финал для поэта?
И пусть зарастёт колея!
Найдут ли, отыщут ли – это
Забота уже не моя.
Друзья и родные, не смейтесь!
Любому, пожалуй, не грех
Подумать о жизни и смерти,
Судьбы разгрызая орех.
Заго меж берёзок осенних –
Откуда? Из ангельских снов –
Мелькнут ненароком Есенин
И с грустной улыбкой Рубцов.
Под тихую музыку – шелест
Дождя и летящей листвы
Коснётся языческий Велес
Пропашей моей головы...

БОБРЫ

Обернётся орлом или решкой
Ремесло – не гадай до поры...
Вот на озере в парке «Прибрежный»
Обитают трудяги-бобры.
Строят дамбы довольно умело
День за днём, никуда не спешат
И своё землеройное дело
Вдоль по берегу молча вершат,
Подгрызают и валят деревья
Для никчёмной затеи своей.
Вот такая у них «лотерея» –
Понапрасну... До пасмурных дней.

Сбросят листья дубы и осины,
И повалит снежок. А потом
Аж до самой болотной трясины
Позатянется озеро льдом...
Всё слышнее гудки тепловозов.
Всё короче предзимние дни.
Но на берег до самых морозов
Выползают из норок они.
После спячки весною проснутся,
И с бобрятами – вновь за своё.
Да! За новую дамбу возьмутся,
Ё-моё!

Холст словесный помечу то сажей,
То белилами – эк занесло!
Неужели и вправду – вот так же
Безнадёжно моё ремесло?

ПУЧИНИН ПРИЕХАЛ...

быль из 1952 года

– Нагрязнули гости! Мариша, встречай!
– Пельмени готовы, заварен и чай...

– Петруха, годок¹, доставай самогон,
Покуда в подполье не выдохся он.
Пучинин приехал, твой друг фронтовой.
Не вы ль обещали с соседкой-вдовой
Меня познакомить? Я – год, как вдовец.
Товар покажите – приехал купец!
Вы ж знаете, Лида мне дочь родила,
Потом заболела, потом... умерла.
Налей на помин ненаглядной жены!
Уж лучше бы я не вернулся с войны...

(И пусть не соврёт у поэта строка:
Не чокаясь, выпили два мужика).

– Два года прошло. Тяжело одному.
Кто дочку полюбит, я ту и возьму.
Жених-то лицом скособочен слегка –
Немецким осколком задета щека.
Повешу (смеётся) медали на грудь!
Вот дети меня не боятся ничуть.
Директором школы назначен в Бетьках.
Башка, вроде, варит, есть сила в руках.
Зарплата, хозяйство, дрова – про запас.
Учителя ценят в деревне у нас!

– Да мы молодые ещё мужики –
Любая достойна солдатской руки!

– Твоя-то рука заживает, кузнец?
(Был в правую ранен на фронте отец).
Как левой рукой – не возьму себе в толк,
Ты, Пётр, научился держать молоток?
– Секрет небольшой, понимаешь ли, тут:
Подручные – Борька да Санька – растут.
А третий – Колянъка – с Маришей у нас.
Вот осень наступит – пойдёт в первый класс.
А вырастет он (я на печке притих),
Чем Люське твоей, сироте, не жених?..
Ходил с полусогнутой я по земле
(Тут гость засмеялся: «Как Сталин в Кремле...»),

¹ Годок – одногодок (диалект.)

Но пальцы и кисть разработать помог
Всё тот же кузнечный простой молоток.
Теперь я и правой работать могу,
И врезать могу по сопатке^{1**} врагу.
Давай за Победу ещё по одной!
Мариша! Не спорь! Не ругайся со мной!

По сорок годков ветеранам войны.
Не раз ещё сдвинут они стаканы.
Не вышло в тот вечер у них сватовства.
До летней пристройки Мариша едва
Друзей довела. Там уснули бойцы,
Всему моему поколению отцы.
Их слушать и дальше хотелось бы мне,
Да только ни слова они – о войне...

* * *

Памяти брата Саши

Только услышу – гармонь заиграла,
Сердце на миг встрепенётся в груди.
Лёгкое пёрышко с неба упало,
Утро настало, вся жизнь впереди.
Песня исчезнет и... снова приснится.
Вот я бегу босиком по тропе
Сквозь золотистое поле пшеницы
Солнцу навстречу, навстречу судьбе.
А за околицей, а на лужайке
Праздник престольный – Кузьма и Демьян^{2.*}

Там на гармошке и на балалайке
Брат мой играет – не нужен баян.
Песню подхватят и бабы, и девки.
Сдвинут стаканы молчком мужики.
И далеко разлетятся припевки –
До горизонта, до самой реки...
Вдруг – из района товарищ. Вопросы:
– Что за гулянка?
Ответят ему:
– Это Орловка вернулась с покоса,
С дальних лугов аккуратно на Кузьму.

Небо в глазах опрокинется навзничь.
Воздух июльский полынью горчит.
И одноногий Максим Афанасьич:
– Мы победили! – сквозь слёзы кричит.-
Руку подай, одногодок Петруха!
Мне деревяшка житья не даёт!
Мы-то живые... Другим невезуха –
Тем, кто с войны никогда не придёт.
На зиму хватит и сена, и хлеба.
Раны болят? Потерплю. Заживёт...

Русская песня – дороженька в небо –
Только услышу – зовёт и зовёт.
Спеет пшеница. Луга покосили.
И нагулялись. Пора и домой!

Как же охота вернуться в Россию
Послевоенную, Боже ты мой!

¹ Сопатка – морда (диалект.)

² 14 июля моё родное село Орловка отмечало престольный праздник святых бессребренников Космы и Дамиана, в честь которых названа церковь

Берега Новороссии

Елена Дубровина

Елена Васильевна Дубровина родилась 29 июня 1979 года в Воронеже в многодетной семье. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета и экономический факультет Института менеджмента, маркетинга и финансов. Автор молодёжного романа-трилогии «Туда, где рождается Солнце», сборника социальных рассказов «Пшеничное сердце», сборника мистических новелл «Бабушка-Вуду», сборника сказок для малышей «Чудо одного дня», волшебной сказки для детей и взрослых «Бука Бякина и удел слабаков», сценарист и режиссёр одноименного аудиоспектакля. Публиковалась в журналах «Подъём», «Молоко», «Наследник», «Полдень XXI век». Участница семинара и областного совещания молодых литераторов Союза писателей России в Воронеже (2018)

Батюшка из Луганска

Рассказ

В алтаре воцарилось молчание: батюшка запнулся. Он ещё не привык произносить молитву за Россию и за русский народ, поминать имя другого митрополита. Совсем недавно там, в Луганске, где он родился и где думал умереть, всегда молился за Украину, за местного епископа, «за власти и воинства ея».

Батюшка растерялся и достал листочек с подсказкой, но строчки плыли. Хотелось рыдать.

Он не думал уезжать, собирался до конца разделить участь своей паствы, но так сложилось. Дом разбомбили, да что там дом, – всё родное селение превратили в полигон. Не стало прихода, и некуда податься: кругом сумятица. Ему ли в ополченцы?..

Отслужил батюшка молебен над пепелищем да и отправился в Россию с детьми, с больной женой. То ли беженцем, то ли «политическим эмигрантом»...

Он здесь и сейчас. Он жив.

А закрой глаза, и вот они, страшные картины... Скоро ли всё это затянется, отлегло? То и дело казалось, вот-вот проснёшься, и нет ничего, а это: бомбёжки, пламя огнемётов, вой ракет – всего лишь затянувшийся американский боевик...

Против русских на Украине настраивали десятилетиями. Да что и говорить, капля камень точит. Вот и у батюшки после бомбёжек Луганска, случилось, возникала мысль, а как вдруг киевская пропаганда не врёт, и это русские самолёты приносили к ним смерть?.. Но перекрестится, – и сомнения отпускали его.

Он здесь и сейчас. Служит. Ведь это самое любимое дело на свете! На руинах своего прихода он уже и не чаял когда-нибудь воскликнуть: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа!»

Батюшку приняли как родного. Он всё ещё порывался куда-то мчаться, принимать решения по привычке. Но уже все опасности были позади, а от него теперь требовалась лишь сосредоточенная молитва. Здесь мир. Он в России...

Батюшка с облегчением вспомнил, что скоро диакон выйдет на амвон и, поминая всех православных христиан всей вселенской Церкви, живущих на этом свете и покинувших его, произнесёт молитву о водворении мира на Украине. От этих мыслей стало легче.

Батюшка не раз с горечью говорил с амвона пастве: «Не к добру вокруг множатся униаты, баптисты, сайентологи и язычники... Не к добру. Храмов-то много, да чьи они теперь? Не отступайте от веры православной, миленькие! Держитесь! Кто нас хочет уничтожить, спрашиваете? Да мало ли чьими руками, умами и словами действует враг рода человеческого? И не всегда жестоко, он и благо-

творительность любит, и этикет, и здравый смысл, и даже мораль. Христа он не любит и христиан. Комом в горле у него Православие и православные!»

Когда батюшка впервые приехал сюда, весь причет церковный собрался в трапезной, чтобы послушать историю о наболевшем. Ему говорить не хотелось, но все ждали. Когда же выговорился, стало легче. Батюшка взглянул на весь ужас со стороны, вспомнил убитых и раненых и прославил Бога, ведь ему сильно повезло...

В тот вечер засиделись. На улице стемнело, а беседа иссякать не хотела. Одна прихожанка начала восторженно рассказывать о чудесах, о том, что, по слухам, их теперь особенно много на Украине.

Батюшка, естественно, не мог не вразумить:

– Милая моя, чудеса нельзя ни принимать, ни отвергать. Нам неведомо от Бога они или нет. Настоящее чудо – это мир! Настоящее чудо – это любовь среди нас! Любовь – это топливо, Бог нам его в сердца вливает, чтобы мы жили. Чтобы хватило нам самим и нашим ближним, а мы её несправедливо почитаем своим личным приобретением. А это самое настоящее чудо! И этому мы перестали удивляться. Вот заберёт любовь, что мы будем делать? Давайте же поблагодарим за эту милость! – батюшка встал перед иконой, чтобы помолиться и закончить беседу.

Но женщина не унималась:

– Знаю, отче. А Вы всё-таки ничего такого не видели?

Батюшка вздохнул и ответил:

– Настоящее чудо – это то, что у меня семеро здоровых деток. Жена каждого выносила без помощи врачей, а ведь у неё с детства порок сердца!

Воцарилось молчание.

Но женщина снова задала вопрос, правда, уже не так решительно:

– Как же так, Вы молитесь, молитесь, а святые что ж, молчат?! Разве Вам не было утешения?

Батюшка снова сел за стол и начал рассказ:

– Сам я, грешник, ничего не видел. Есть случай, мне его поведал священник-ополченец. Был среди них мусульманин, а потом вдруг попросился креститься с именем Спиридон. Его командир ругает, мол, как я тебя буду по рации вызывать? «Тогда Онуфрием», – говорит тот. – «Нет, давай уж лучше Спиридон». Потом вдруг выяснилось, что день крещения того мусульманина совпал с днём праздника Спиридона Тримифунского. Вот как к нам близки Бог и святые Его! И, кстати, этот парень не ждал чуда, которое после крещения ему всё-таки дано было увидеть. Ребята под каски повязывали ленточки с живыми помощами, так вот одному пуля пробила каску и отрикошетила, вышла обратно из отверстия! На ленточке дырочка, а на лбу шишка. Вот вам сила веры!

– А я от беженцев слышал, сама Божья Матерь там у вас многим является, – аккуратно заметил пономарь.

– Да, и я слышал... – подтвердил батюшка. – Было вроде так. Из алтаря вышла Женщина, очень просто одетая, и говорит: «Постреляют-постреляют и успокоятся». И обратно ушла. Опомнились мужики, как, мол, «баба» в алтаре-то? Кинулись, а там никого.

– И что? – в изумлении, открыв рот, спросила любопытная женщина.

– Как что? А как нас святые отцы учат? Не принимать и не отвергать, – ответил батюшка и улыбнулся.

Беседа пошла о чудесах.

Снова подали чай. Вдруг любопытная женщина вскрикнула. Она выглядела бледной и испуганной: как замороженная с ужасом смотрела на окно возле входной двери. На улице было уже темно, но из окна струилось голубоватое свечение. Все смолкли, наблюдая за необъяснимым явлением.

Тут дверь медленно отворилась.

– Ох! – воскликнул сторож с фонариком в руках, – Думал воров, а это вы тут!..

Батюшка улыбнулся, вдруг сердечно почувствовав, как все эти люди: причт и прихожане, – как все они ему дороги, это его семья, а роднит их Христос. «Национальность наша – христианин, а Родина наша – Небесный Иерусалим», – решил он для себя и облегчённо вздохнул.

В трапезной стало тихо. Прихожане замерли. Ни звука... Всяк задумался: пусть батюшка знает – он дома. Мы же понимаем, ему нелегко...

Берега Крыма

Александр Дидуленко

В 1984 году окончил Мелитопольский государственный педагогический университет. Председатель ОО «Экологический Клуб «Кара-Даг», председатель ОО «Территориальное Общественное Самоуправление «Биостанция» в сфере деятельности Кара-Дагского заповедника. Автор (и соавтор) ряда краеведческих изданий, публикаций, включая учебные видеофильмы по эколого-просветительской тематике в Республике Крым.

Что значит Коктебель и откуда он взялся?

Моя земля хранит покой
как лик иконы измождённый,
здесь каждый след сожжён тоской,
здесь каждый холм, – порыв стеснённый.

М.А. Волошин

Это было в XIII веке, во времена Чингиз-Хана и его преемника Батыя. Так называемые «монголо-татарские» орды завоевали огромные территории в Евразии, образовав обширное государство «Золотая Орда». Сразу же в нём чётко выделились три ханства (или улуса), – это Крымское, Астраханское и Казанское. Крымский улус был лидирующим по вполне понятным причинам, и они хорошо известны. Полукочевые ордынцы в то время представляли собой невероятное смешение самых разных народов, этнических и племенных групп, которыми так богаты обширные земли в тайге и евразийских степях. Это был своеобразный «Советский Союз» – огромный кипящий котёл индоевропейских народов, спаянных в одно государство железной дисциплиной своего войска и единым военно-политическим руководством, крепко сдобренным наследственной властью своих древних родов, с хорошо сохранившейся тотэмной культурой почитания священных предков. В современном мире, на этих же самых землях, остатки таких военно-политических племенных структур, которые одновременно спаяны между собой ещё и кровными узами своих фамильных родов, прекрасно сохранились в виде очень древнего военно-крестьянского сословия с остатками вечевого народоправства в форме знаменитых на весь мир Казачьих Кругов, на которых выбирают атаманов, хорунжих и есаулов, сотников и «тысяцких». Но это уже совсем другая «песня», а нас сейчас интересует Коктебель, который в те времена был вот таким...

Среди Орды были так называемые кабаргинцы, – группа близких по происхождению племён, находившихся тогда на стадии родовых отношений. Своё происхождение они вели от обожествлённого ими, а потому священного животного по имени Кабарга. Это саблезубая коза, около метра в холке ростом. Тотэмная культура присуща каждому народу без исключения, даже если кто уже и не упоминает о ней. Потому и живут на белом свете «сыновья Большой Медведицы», «дети Солнца» и многие другие. А эти именовали себя «детьми Кабарги».

Коктебель как посёлок прижат к морю, а с противоположной стороны его окружает большая группа красивых чистых холмов. Как возникло название? На географических картах эта местность устойчиво, от издания к изданию и на протяжении столетий, воспроизводится как «Татар-Хабурга». Чисто этимологически интерпретируется сие название не иначе как «холмы татар из рода Кабарги». А пришедшие сюда обитатели средней тайги вдруг увидели огромное ярко-синее море, которое их заворожило своими размерами и красотой. Ничего подобного они до сих пор не видели. Над морем

ещё более громадное голубое небо, такое же бездонное и яркое, значительное. Синие краски моря и голубые неба представляли собой в сознании «детей Кабарги» нечто единое. Волей-неволей в сознании всадников-кочевников, завоевавших полмира, возникла ассоциация на их родном наречии: «кок-тэпэ-эли».

«Кок» – это сине-голубой, «тэпэ» – холмы, земля, а «эли», – соответствует в нашем русском языке слову *окоём*, т.е. обозримая взглядом округа, покуда *око емлет*. Так и получилось словосочетание *Коктебель*, оформившееся со временем в отдельное географическое название. Учёный мир так до сих пор и не пришёл к единому мнению относительно происхождения названия *Коктебель* и его расшифровки. Здесь изложена только одна популярная версия, самая расхожая и романтическая. Её придумали поэты, брюнетки и эстеты, а также художники со своими музами.

Но мы продолжаем наше временное и пространственное путешествие по этой дивной, маленькой, и такой притягательной стране, – *Коктебель*. В 1475 году Крым завоевали турки-сельджуки и османы. Настало время Отоманской Порты или Османской империи (почти на 300 лет !!!). Здесь его ещё называют «эпоха Роксоланы», из-за известных всему миру событий, также происшедших в этих краях. Турецкому султану так сильно понравилось место, что он его тут же объявил своим личным *дамэном*, т.е. «жилплощадью» своего дома со всеми гаремами, прислугой и личной гвардией из турок-караманлы, а также янычар (вот откуда здесь появились названия: «Большой Янишар» и «Малый Янишар», хотя никаких документов из обширного и подробного архива турецких султанов и их крымских вассалов никто никогда не видел, таких данных нет). Всех остальных, особенно бывших хозяев-кабаргинцев (или синих тебелов), приказано было прогнать. И вот пошли они теперь уже обратно на восток, знакомыми местами, на Кавказ, искать новой доли. А по пути сошлись с близкими им по духу и крови балкарцами. Теперь эта страна называется Кабардино-Балкария, оформленная в виде отдельной республики в составе Российской Федерации (столица *Нальчик* – «лицо новое»).

Обратимся к великому Поэту нашей Киммерии. Этот Макс Александрович Кириенко-Волошин, который писал о *Городе в древности у подножья Кара-Дага с крепостными стенами и башнями. Сейчас – плато Тепсень*.

По картам здесь и город был, и порт.
Остатки мола видны под волнами.
Соседний холм насыщен черепками
Амфор и пифосов. Но город стёрт,

Как мел с доски, разливом диких орд.
И мысль, читая смытое веками,
Подсказывает ночь, тревогу, пламя
И рдяный блик в зрачках раскосых морд.

Зубец, над городищем вознесённый,
Народ зовёт «Иссыпанной короной»,
Как знак того, что сроки истекли,

Что судьб твоих до дна испита мера,
Отроковица эллинской земли
В венецианских бусах – Каллиера!

Он не учёный, а поэт. Но последующие изыскания археологов, историков-компаративистов на Кара-Даге подтвердили, что название этого города было именно *Калиера* (с одним «л» или двумя – это всё равно). Разберём настоящее название. *Кали* – это всё та же чёрная богиня, а *ера* (греческ. *орос*), – чисто скифо-киммерийский апеллатив со значением *гора*. Иногда эту приставку заменяют, в старых летописях, корнем *терра* или сокр. *тра*, что значит «земля». А по сути это сокращённое слово *территория*. Получается ещё Калитра, то есть «земля богини Кали» или место, где её почитают.

Свято место пусто не бывает, а эпохи меняются. Это понятно и неизбежно. На место одного народа со своей культурой и религией приходит другой. И всё на одном и том же месте, где накапливаются археологические культурные слои или скажем более весомо и чётко: обогащается *эгрэгор*,

всё более насыщается людской энергетикой то самое *намоленное* место. Мифы народов говорят, что здесь покоятся *души наших предков*, а современная нейробионика и квантовая физика всё чаще применяют термин *могильные биополя*. Поэт же высказался лучше всех: «древняя земля молитв, могил и медитаций».

Эти самые тавры, их кастовые элиты брахманов с частью народа, ушли отсюда прочь в далёкие края ещё в эпоху Аргонавтов. И унесли с собой свои святыни, то есть своих богов. А Боги-культы сами не ходят, их носят народы-почитатели. Поселяясь в других местах, воспроизводятся неизменно всё те же культы в готовом виде. В восточной части п-ова Индостан давно существует крупный город-порт Калькутта. Название состоит из двух частей: *Кали*, она же, чёрная богиня и древн.-инд. «кутха», – укрепленный круг-частокол с головами, охраняющий эту самую богиню в том месте, где она живёт. Как раз в этом городе до сих пор прекрасно сохранился единственный в мире живой, не мифологический или археологический, а потому действующий, храм богини Кали.

Эдуард Андреевич Юнге

Но вернёмся в собственно Коктебель. Последняя четверть XVIII века. Просвещённая монархия: Екатерина II, светлейший князь Григорий Потёмкин, Александр Суворов, окончание русско-турецких войн, победоносных для России. По Кучук-Кайнаджийскому договору Крым вошёл в состав империи и оформился как главная составная часть обширной Таврической губернии (1783).

И вот коктебельская округа стала быстро преобразоваться. Освобождённые из турецкого плена массы населения (кроме русских, греки, болгары, армяне) получили возможность мирно трудиться на отвоёванных у неприятеля землях. В «краю голубых вершин» люди издревле прижимались к горам, прячась в ущельях. Так легче было отбиваться от кочевников, непрестанно рыскавших на своих неутомимых лошадях, по открытым пространствам и промышляя грабежом среди оседлых земледельцев. Так вот, под рукой «матушки Екатерины» эти бесчинства прекратились. Хорошо высказался об этих событиях А.С. Грибоедов: «времена Очакова и покоренья Крыма». Славные времена, полные судьбоносными изменениями для многих. Пустующие и разорённые набегами сии земли полностью отдали болгарам, тем самым, которые сейчас называются крымские болгары.

Вот тогда-то и построился здесь уже настоящий посёлок, как мы его знаем теперь, не прячущийся в горах со своей церквушкой (об этом мы поговорим отдельно), а раскинувшийся в обширной Коктебельской долине аж до самой Хабурги на севере и реки Янтык (где сейчас нудистский пляж) на востоке. Турецкое слово «янтык» как раз и означает *граница*. Имеется ввиду граница гор и степи.

Поначалу было всего сто дворов, жили бедновато, но трудились хорошо. Главное, что без войны и всяких грабительских поборов с позорным уводом в плен. Посёлок быстро расцвел. Прекрасно об этом рассказано одним местным жителем, возможно единственным из крымских болгар современного Коктебеля, говорящего на своём родном болгарском. Он филолог-индоевропеист, кандидат наук (А.К. Шапошников: «Старый добрый болгарский Коктебель», изд. «Амэна», Симферополь, 1999 г.).

А как это место стало знаменитым на весь мир в плане средоточия творческой интеллигенции, так это связано с одной необычной личностью. Эдуард Андреевич Юнге – выдающийся учёный, врач-офтальмолог и общественный государственный деятель (как тайный советник императора Николая II имел право посещать его в неурочное время без предварительного доклада). Бывая в Феодосии по делам, часто совершал конные прогулки по малоллюдному тогда Коктебелю. И вот таким образом у него родилась мысль: скупить дёшево эти непривлекательные тогда земли, чтобы как-то окультурить их, приобщить к современной столичной цивилизации. Затея удалась, но не сразу. Для освоения настоящей большой латифундии никаких денег у него бы не хватило, но он стал распродавать маленькие участки всем желающим в Москве и Петербурге. Движимые частным интересом, новые богатые насельники Коктебеля стали возводить красивые дачи. Некоторые из них быстро превратились в модные салоны по типу столичных, где проводились интересные вечера и приёмы. Судите сами, друзья: под горой Верблюдов построил себе дачу В.В. Вересаев, прославившийся своей книгой «Записки врача». Недалеко от него поселилась г-жа Дейша-Сионицкая, – выдающаяся опер-

*Екатерина Фёдоровна Юнге
(графиня Толстая),
рисунок М. А. Волошина*

*Дом Елены Оттобальдовны Волошиной
в Коктебеле*

ная певица столичного театра, в гости к ней регулярно приезжал также выдающийся тогда оперный тенор г-н Касторский. Обосновалась здесь ещё издатель детского журнала «Тропинка» госпожа Манасеина (помните, в СССР невероятной популярностью пользовался многократно переиздававшийся книжный альманах «Малютка», так вот в тогдашней царской России было нечто подобное). Заметьте – всё это стало происходить ещё до того, как здесь ярко «взошла звезда» великого Максимилиана Волошина с его домом. Музыканты и издатели, знаменитые художники и поэты, просто выдающиеся интересные люди валом повалили в Коктебель. Это стало модным, подобная «модность» устойчиво сохраняется и поныне.

Вот тогда-то и потянулись сюда столичные знаменитости, на чистую природу к берегу моря. Елена Оттобальдовна Волошина (мать будущего Великого Поэта, чей Дом-Музей сейчас в Коктебеле является центром музейной, культурной и даже политической жизни) также приобрела здесь участок, поселилась навсегда, переехав из Киева. А сам господин Юнге (его жена – урождённая графиня Толстая Екатерина Фёдоровна), со своей многочисленной семьёй основал здесь целое поместье с обширным хозяйством. Современный знаменитый и богатый винсовхоз-завод «Коктебель» – исторический наследник всех его угодий.

Потомки семейства Юнге живут сейчас в Европе, у них другие фамилии, но своих знаменитых предков они никоим образом не забывают. Регулярно наезжают в современный Коктебель, внося значительный вклад в его культурную жизнь, издают книги о Коктебеле того периода, опираясь на свой богатый семейный архив и даже снимают кинофильмы. Их приезд в Феодосию, Коктебель – это всегда заметное событие не только здесь, но и в Москве, Петербурге, где они также презентуют книги и фильмы: <https://www.youtube.com/watch?v=dJnzznLJXys&feature=youtu.be>

Современный вид «Дома Юнге», сейчас это территория воинской части, то есть как объект недвижимости принадлежит Министерству Обороны России. В перечень объектов культурно-исторического наследия этот дом всё же вошёл, но власти не отдают его в инфраструктуру «Историко-культурного мемориального музея-заповедника «Киммерия М.А. Волошина», что логично, естественно и целесообразно. Но это отдельная тема и мы её обязательно здесь коснёмся.

Помните, друзья, знаменитый советский кинофильм по произведению Александра Грина «Алые паруса» (1961 г.). Когда маленький Грэй, будущий капитан «Секрета», прятался от своей няни-дуньбы в многочисленных закоулках обширного замка и на чердаке, ругался со своим отцом, а потом и вовсе сбежал из дома. Так вот: это было здесь, всё прекрасно сохранилось в неизменном виде, как в сказке.

Берега памяти

Евгений Лушев

Родился в 1930 году в деревне на берегу Северной Двины в Холмогорском районе Архангельской области. Окончил Военно-Морской факультет при Первом Ленинградском медицинском институте имени ак. И.П. Павлова. Тридцать три года служил на Балтийском флоте. Ветеран военной службы. После увольнения в запас жил в Таллине. Занимался последипломной подготовкой судовых врачей. С 1996 года – в Гурьевске. Литературные публикации – с 2002 года, в калининградских и гурьевских альманахах, журналах, коллективных сборниках... Изданы книги: «Русское рассеяние. Аргентина», «Митькина запруда», «Память»

Начало войны в 1941 году

I

Хоробрица – три деревни, разделённые глубокими оврагами, по дну которых бегут к Северной Двине, струятся, журчат на перекатах ручьи из далёких таёжных болот. Деревню назвал Петр I во время поездки из Москвы в Архангельск. Царская карета застряла в грязи у деревни Черняево – Дубровинская, названной фамилиями первых новгородских переселенцев. Несколько мужчин, из приветствующих царя на обочинах тракта, подняли карету и вынесли на сухое место. Свита уже доложила Петру: в 1611 году дружина деревни отбила нападение шайки польско – литовских грабителей. Царь, похвалив мужчин, сказал:

– Вы хоробрая дружинишка. Пусть ваша деревня зовётся Храбрицей. Со временем, претерпев изменение, утвердилось название Хоробрица. Все три деревни будто вышли из тайги и, пройдя полтора – два километра, остановились перед высоким, крутым обрывом к Северной Двине. Деревня Заручей – родина Сергея, отделена речкой Пежма от расположенного между Двиной и тайгой длинного и широкого заливного луга.

В двух километрах от Заручья, в соседней деревне Волость, находилась начальная школа; в десяти километрах вниз по течению Двины раскинулась на возвышенностях большая деревня Сия с неполной средней школой; в двадцати километрах выше по течению, на пологом берегу притока Двины в селе Емецк, возвышалось трехэтажное здание средней школы. Названные деревни и ограничивали жизненное пространство Сергея, осваиваемое им до семнадцати лет. Осенью 41-го группа хоробрицких мальчишек и девчонок побежала в пятый класс Сийской школы. Восемиклассник Емецкой средней школы Серёжа утром солнечного майского дня 45-го услышал долгожданную, радостную весть о Победе.

В годы войны Серёжа рос, учился, формировался, становился личностью. Эти годы стали самыми трудными, страшными для страны, деревни, семьи Серёжи и его самого. Он продолжал учиться благодаря маме. Отец умер, когда Серёжа окончил только первый класс. Старший брат в армии, на фронте. Мама – инвалид ни разу не сказала: хватит учиться, пора помогать в работе. В летние каникулы Серёжа работал в колхозе наравне со всеми. Хоробрицкие дети, с которыми он учился в пятом классе, прекратили учебу – в среднюю школу Серёжа пошёл один.

На войне погиб двоюродный брат Серёжи, моряк Северного флота Андрей. Фашистский лётчик, разбомбив береговой штаб корабельного соединения, навсегда вырубил одну из ветвей их рода. Не вернулись с войны многие парни Серёжиной деревни. В Первую мировую убит на фронте Серёжин дядя Сергей, отец Андрея.

Сергея интересовали многие вопросы, связанные с войнами, особенно причины отсутствия на всей огромной территории Советского Союза памятников русским солдатам – героям Первой мировой, а также трагического начала войны 1941–1945 годов и огромных потерь наших войск в её первый год.

В период службы на крейсерах Балтийского флота Сергей просил отпускников – офицеров – мичманов узнавать, есть ли в их городах, областях, республиках памятники русским воинам Первой мировой войны? И убедился: нет. Но есть во всех странах Европы, в которых в ходе войны сражались русские солдаты и офицеры! Итоги многолетних поисков, размышлений о судьбе русских воинов Первой мировой войны обобщены в 2007 году в рассказе «Память».

В последнее время два события привлекли внимание: в передаче «Прав!Да?» Общественного телевидения России высказано мнение «о ползучей реабилитации Сталина», а в аудитории местного дискуссионного клуба одно из выступлений о Великой Отечественной войне подтвердило услышанное в передаче ОТР, так как были приведены многие объяснения событий начала войны с акцентом на хитросплетения Запада, упомянут «заговор генералов», что даже неприлично, и практически не задета позиция И.В. Сталина, назначенного 6 мая 1941 года председателем Совнаркома, то есть уже официально принявшего на себя всю полноту власти в стране. Вызвало возражение поверхностное объяснение больших потерь в начале войны и упоминание о них как-то между прочим. Видимо, у выступавшего угасло «пламя памяти», и не возникла потребность повторить слова юного Тиля – героя писателя Шарля Де Костера «Пепел Клааса стучит в мое сердце».

Высказать свое видение причин трагического начала ВОВ 1941–1945 годов и трудно вообразимых потерь первого года ее Сергею не удалось. Но и промолчать он не мог. Потому и решил изложить следующее.

II

Три материальных составляющих во многом определяют успех боевых действий: военные кадры – армия, вооружение и тыловое обеспечение.

Военные кадры СССР перед Великой Отечественной войной, особенно во второй половине тридцатых годов, подверглись репрессиям – Красная армия была обескровлена: на 1938 год погибло около половины политического и командного состава, а среди высшего командного состава даже больше половины.

В 1937 – 1938 годах были расстреляны: из 5 Маршалов Советского Союза – 3; из 15 командармов – 13; из 57 комкоров – 50; из 186 комдивов – 154; из 106 комиссаров – 100; из 456 командиров полков – 401, ... (Соколов Б. Истребленные маршалы. Смоленск, 2008. с. 82 – 202).

Репрессированные – жертвы беззакония и фальсифицированных обвинений. Многие, не выдержав изуверских истязаний, оговаривали себя. Физическое насилие, пытки при допросе были санкционированы Политбюро ЦК. Маршал Советского Союза Блюхер, завершивший Гражданскую войну, возглавив на Дальнем Востоке разгром бело-повстанческой армии генерала Молчанова, награжденный пятью орденами Красного Знамени, в том числе орденом Красного знамени № 1; двумя орденами Ленина, орденом Красной Звезды № 1, скончался от пыток на восемнадцатый день ареста.

Маршал Советского Союза А.И. Ерёмченко так охарактеризовал репрессии в РККА: «Товарищ Сталин значительно повинен в истреблении военных кадров перед войной, что отразилось на боеспособности армии» (Маршал Ерёмченко. Окопная правда).

Высказал свое мнение и генерал армии А.В. Горбатов: «Считалось, что противник продвигается столь быстро из-за внезапного его нападения и потому, что Германия поставила себе на службу промышленность чуть ли не всей Европы; конечно, это было так. Но меня до пота прошибли мои прежние опасения: как же мы будем воевать, лишившись стольких опытных командиров ещё до войны? Это, несомненно, была, по меньшей мере, одна из главных причин наших неудач, хотя о ней не говорили или представляли дело так, будто 1937 – 1938 годы, очистив армию от «изменников», увеличили ее мощь» (Горбатов А.В., Годы войны).

Маршал Советского Союза А.М. Василевский полагал: репрессии 1937 года сыграли значительную роль в истории России: «Без тридцать седьмого года, возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решил начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошёл» (Журнал «Коммунист», 1988, № 9, стр. 88).

В журнале «Военная история» (№ 3-4 за 2002 год) сообщается: «Во время обсуждения планируемого нападения на СССР часть генералов пыталась убедить фюрера, что ввязываться в войну с русскими преждевременно. Ответ Гитлера был следующий: «80 % командных кадров Красной

Армии уничтожены. Красная армия обезглавлена, ослаблена как никогда. Это главный фактор моего решения. Нужно воевать, пока кадры не выросли вновь».

Начальник Генштаба сухопутных сил Германии генерал-полковник Ф. Гальдер в мае 1941 года отметил в дневнике: «Русский офицерский корпус исключительно плох. Он производит худшее впечатление, чем в 1933 году. России потребуется 20 лет, пока она достигнет прежней высоты».

Более половины командных кадров перед войной находились на своих должностях менее, чем полгода; половина командующих армиями вступили в войну будучи в должности менее трех месяцев. По пять командующих сменилось с 1937 по 1941 год в Западном и Киевском Особых Военных Округах. Репрессии в РККА – часть «Большого террора» в СССР – прямое следствие культа личности И.В. Сталина. В Советском Союзе Сталин врагом народа сделал сам народ.

Личное участие И.В. Сталина в репрессиях доказывают досудебные «расстрельные списки». Всего их 388. Они включают около 45 тысяч человек. Собственноручная подпись – утверждение Сталина имеется на 357 списках. (Денис Крючков, Независимая газета, 45, 7 марта 2003 г.)

В фашистской Германии все фельдмаршалы офицерами участвовали в 1-й мировой войне, обретя основательный командный опыт. Практически всех бывших офицеров – ветеранов Первой мировой вычистили из Красной армии ещё в первую половину 1920-х, а затем в ходе чекистской операции «Весна» истребили основную массу русских офицеров – носителей бесценного опыта войны с немцами. Во властных структурах при Сталине стремились забыть и саму Великую войну, вычеркнув ее из памяти, уничтожив затем и носителей этой памяти. И когда после 22 июня 1941 года пришлось обратиться к корням историческим, Сталин, вспоминая Александра Невского, Суворова и Кутузова, ни разу не обмолвился о тех, кто на четверть века раньше встал на пути германского «drang nach Osten».

III

В приграничных районах к 22 июня 1941 года сосредоточено (по Мельтюхову М.И.):

	Наших	Германских	Соотношение
Дивизий	190	166	1,15 : 1
Солдат	3289851	4306800	1 : 1,3
Танков и штурмовых орудий	15687	4171	3,8 : 1
Самолётов	10743	4846	2,2 : 1
Артиллерийских орудий и минометов	59787	42604	1,4 : 1

Преимущества в вооружении немцы не имели. Наоборот: налицо наше подавляющее превосходство в самолётах, танках и артиллерии.

Германские самолёты 22 июня, взлетев в темноте, с рассветом подвергли бомбардировке и штурмовке все шестьдесят шесть наших аэродромов, расположенных в пределах 250–300 километров от границы, на которых базировалось 70% самолётов приграничных округов. Воздушные налёты продолжались в течение всего дня. В результате было уничтожено около 1200 наших самолетов (800 – на земле). Это больше половины Военно – Воздушных Сил, расположенных вблизи границы. Немцы в первый день войны завоевали господство в воздухе.

Почему? Авиация приграничных военных округов оказалась рассредоточенной не везде – оставалась на аэродромах постоянного базирования. Не все самолёты Западного округа оказались заправлены горючим; на многих не установлен боезапас – взлетевшие летчики шли на таран.

Из 3332 танков западного особого военного округа около 3000 боевых машин были потеряны без боя только из-за нехватки топлива. (Командующий Западным фронтом Д.Г. Павлов на допросе заявил: в округе имелось всего 300 тонн топлива, что хватило бы на одну заправку 400–600 танков). (Мартиросян А.В. Легенда о внезапности. 21.06.2011.).

Большая часть артиллерии находилась в учебных центрах, полевая – на полигонах; орудия и автомашины – в открытых артиллерийских парках.

Итак, значительная часть нашего вооружения: самолёты, танки, артиллерийские орудия, боеприпасы приграничных районов уничтожены в местах постоянной дислокации в первый день войны, 22 июня 1941 года. Почему?

IV

Ни в стратегическом, ни в тактическом плане нападение фашистской Германии не было внезапным (П.И. Ивашутин).

Уже в марте 1941 года наше руководство получило данные о выдвижении войск вермахта к нашим границам. Донесения об усилении группировки на сопредельной территории от Балтийского моря до Чёрного шли до самой войны. Реакция – это бредни провокаторов. И план прикрытия границы не был введен в действие (И.В. Карацупа. 2014).

Документы свидетельствуют: «Советская разведка с 11 по 21 июня 1941 года 44 раза называла дату и час вторжения». Несмотря на донесения разведывательных органов, сообщений дипломатов о грозящей опасности, предупреждений будущих союзников, 14 июня 1941 года опубликовано подготовленное на самом высоком уровне власти СССР сообщение ТАСС, в котором «слухи о готовящемся нападении Германии объявлялись провокационными». Это заявление не успокоило, а дезориентировало, вызвало недоумение и тревогу: ведь уже не только жители западных, приграничных селений, но и люди в городах и селах всей страны говорили между собой: вот-вот начнется война. Это как предчувствие грозы, надвигающейся с запада, ощущалось всеми. Немецкий удар оказался неожиданным, видимо, лишь для И.В. Сталина, который все донесения игнорировал. Страна стала заложницей неверных умозаключений вождя.

По мнению исследователей Сталин, опасаясь дать немцам повод к нападению, проявлял недоверие к докладам о фактах подготовки Германии к боевым действиям против России, требовал не паниковать. Запрещал сбивать «блуждающие» фашистские самолёты, совершающие разведывательные полёты над территорией пограничных округов; разрешал наземным немецким группам вести разведку в приграничных тылах под видом поиска захоронений соотечественников Первой мировой. И только в ночь на 22 июня под тяжестью неопровержимых доказательств разрешил наркому обороны С.К. Тимошенко и начальнику генерального штаба Г.К. Жукову передать в округа отредактированную им самим Директиву № 1 о приведении войск в полную боевую готовность с занятием боевых рубежей. И даже в этой директиве указана «задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения». Директива сильно запоздала – многие части и соединения в округах получили ее, когда война уже началась.

Психологическое состояние командного состава Красной Армии, получившего такую Директиву № 1, показывает следующее. Командующий ПриОВО генерал Ф.И. Кузнецов издал приказ, в котором задача войск округа (фронта с начала войны) – не поддаваться ни на какие провокационные действия... (из Директивы № 1), в случае провокационных действий немцев огня не открывать, при полётах над нашей территорией немецких самолётов не показываться и до тех пор, пока самолёты противника не начнут боевых действий, огня не открывать....

Когда пошла вторая волна германского бомбометания, в советских войсках все ещё действовал приказ «не отвечать на провокации», «не открывать огня по немецким самолётам». Командиры на свой страх и риск отдавали приказ «огонь». (Историк Анатолий Уткин. 20.06.2008)

Арестованный Командующий Западным фронтом генерал армии Д.Т. Павлов на закрытом заседании военной коллегии Верховного суда заявил:

– Я знал, что противник вот – вот выступит, но из Москвы меня уверили, что всё в порядке и мне приказано быть спокойным и не паниковать. Фамилию, кто это мне говорил, назвать не могу. Следователь не стал добиваться фамилии того, на кого ссылался Павлов!

Заместитель командующего Западным фронтом генерал – лейтенант И.В. Болдин в мемуарах (Страницы жизни. М., 1963. С. 84-85; ВИЖ, 1961 № 4, с.65) поведал о разговорах с Москвой ранним утром 22 июня 1941 года. Д.Т. Павлов доложил наркому о нарушении немецкими войсками границы СССР и о бомбардировке расположения наших войск..., а затем уже кричал в трубку:

– Война! Дайте разрешение действовать, открыть огонь артиллерии, сбивать немецкие самолёты!..

С.К.Тимошенко затем четыре раза вызывал к телефону командующего или И.В. Болдина для получения сведений об обстановке. С.К. Тимошенко:

– Товарищ Болдин, учтите: никаких действий против немцев без нашего ведома не предпринимать. Ставлю в известность вас и прошу передать Павлову, что товарищ Сталин не разрешает открывать артиллерийский огонь по немцам.

– Как же так? – кричу в трубку. – Ведь наши войска вынуждены отступать. Горят города, гибнут люди.

- Разведку самолётами вести не далее 60 километров, – говорит нарком. Докладываю:
- Фашисты на аэродромах первой линии вывели из строя почти всю нашу авиацию. Настаиваю на немедленном применении механизированных, стрелковых частей и артиллерии, особенно зенитной.– Нарком повторил прежний приказ:
- Никаких мер не предпринимать, кроме разведки территории противника на шестьдесят километров.

Заместитель командующего Львовского пограничного округа комбриг Антипенко Н.А. получил отпуск с 22 июня 1941 года. Лётчики приграничных аэродромов в субботу, 21 июня, отпущены к семьям.

V

Объединения, соединения и части Красной Армии западных округов не осуществили в полной мере оперативное развёртывание с занятием исходных рубежей для отражения ударов противника. Ранним утром 22 июня упорное сопротивление немецко-фашистским полчищам оказали пограничники. А «боевые порядки» мирно спавших войск были смяты, уничтожены и немецкие войска устремились вглубь СССР.

Генерал Гальдер 22 июня 1941 года записал в дневнике: «О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствуют факты, что части были захвачены врасплох на казарменном расположении, самолёты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими частями, запрашивали командование о том, что им делать». (Куманев Г.А. Подвиг и подлое. Страницы ВОВ 1941–1945 гг. Изд. допол. и испр. М. 2007, с.83).

По-другому был организован перевод в полную боевую готовность Военно – Морских Сил СССР. Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов вечером 21 июня по телефону предупредил командующих флотами о переводе в полную боевую готовность. А когда нарком С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г.К. Жуков довели до него Директиву № 1, нарком не стал ее дублировать, как поступили в округах, а дал конкретный, короткий «как выстрел» приказ – команду флотам: «Оперативная готовность № 1, немедленно. Кузнецов». Флоты своевременно, до начала войны в 3 часа 15 минут 22 июня, приведены в полную боевую готовность, и ни один корабль Северного, Балтийского и Чёрноморского флотов в первые дни войны не пострадал. Черноморский флот до 4.00 22 июня огнем зенитной артиллерии отразил налет фашистских самолётов, не допустив удара по кораблям и минной блокады их в Севастопольской бухте.

Понять ситуацию и поведение Сталина перед войной и в первые дни ее помогает ознакомление с такими данными.

Выступая с речью перед выпускниками военных академий на приёме в Кремле 5 мая 1941 года, Сталин заявил, что СССР будет вести не оборонительную, а наступательную войну, к которой страна готова; что нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе; Красная Армия есть современная армия, а современная армия – армия наступательная (В.В. Неvejeин. Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны). И «...буквально накануне войны с Германией Наркомат обороны и Генеральный штаб занимались составлением документов «в угоду субъективному мнению одного лица» (1941 год. Уроки и выводы. М.,1992. С. 97).

VI

Следствием недоверия И.В. Сталина собственной разведке, многократно сообщавшей о планах Гитлера и сроках нападения Германии на СССР, стала трагедия первых месяцев войны. Из-за массовых довоенных репрессий Красная Армия вступила в войну с вновь назначенными на высокие должности командирами, часто не имевшими достаточного опыта и не подготовленными для принятия самостоятельных решений в сложных, быстро меняющихся условиях современного (41-й год) боя, операции. И психологически советские войска не готовились к смертельному бою со вчерашними союзниками. Любая, предлагаемая снизу инициатива о мерах повышения готовности к отражению уже готового к броску противника, сверху отвергалась с угрозами, отповедью: «Вы паникер, не паниковать». Среди комсостава нагнеталась обстановка страха и неуверенности.

В первые часы войны упорное сопротивление агрессору оказали все наши погранзаставы, и воинские части, командиры которых, выполняя воинский долг, игнорировали различные ограничи-

тельные предупреждения сверху и, своевременно приведя свои подразделения в полную боевую готовность, отразили нападение гитлеровцев.

Были командиры, соединения и части которых дали отпор врагу, нанеся ему значительные потери.

Немецкий генерал Гальдер 24 июня 1941 года записал в дневнике:

– Следует отметить упорство русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен.– Он же пишет 29 июня:

– Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего патрона... Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бои по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности. Теперь это уже недопустимо.

Красноармейцы и командиры повсеместно проявляли героизм в боях с фашистами, однако, при нарушенном управлении, не имея боеприпасов, укреплений, подкрепления танками, прикрытия авиацией и артиллерией, наши войска вынужденно отступали от границы.

Этим и объясняются огромные потери СССР в начале войны: территории, техники, а главное – личного состава армии.

За три недели войны полностью разгромлены 28 советских дивизий и более 72 дивизий понесли потери в людях и технике до 50% и выше. К 26 июня 1941 года Военно – Воздушные Силы СССР потеряли 2500 самолётов – наземные войска практически остались без воздушного прикрытия, а гитлеровцы, по крайней мере, полтора года безраздельно господствовали в небе. К середине июля мы потеряли в боях 11000 танков.

Бездарные решения высшего руководства страны привели к необоснованно большой гибели людей. Трудно себе даже представить: при численности Красной Армии накануне войны 5 млн. человек в 1941 году попало в плен 3,8 млн. бойцов и командиров! А приплюсовать сюда раненых и убитых! По некоторым данным к октябрю 1941 года от кадрового состава Красной Армии осталось всего 8%, и дальше она сражалась лишь за счёт ежедневного пополнения вновь призванными новобранцами и запасниками (Ал. Осокин. 22 июня 1941г. Новая версия) . Вину за трагедию Сталин переложил на других – несколько десятков командиров разных степеней, точно выполнявших его невразумительные приказы, были расстреляны. Историк Дм. Волкогонов указывал:

– Сталин, более всех повинный в катастрофическом начале войны, проявил исключительную жестокость по отношению к тем, кто стал жертвой его просчётов.

Массовое пленение в первые дни войны происходило по обстоятельствам, независимым от командиров и красноармейцев. Они не были предателями, а сами оказались преданы высшим руководством страны, обречены на мучения в гитлеровских концлагерях.

Сталинский приказ № 270 от 16 августа 1941 года предполагал лишать государственного пособия и помощи семьи попавших в плен красноармейцев. Выжившие в плену после войны попадали в фильтрационные лагеря НКВД, где находились на положении заключённых, а затем многие – в ГУЛАГ. Сколько вернувшихся пленных было расстреляно, данные до сих пор не рассекречены. С бывших военнопленных сняты различные ограничения в правах лишь после смерти Сталина в 1953 году.

Постепенно на борьбу с агрессором поднялся весь наш многонациональный народ с его героизмом на фронте, самоотверженностью в тылу, способностью выдержать тяготы, лишения, и фашистский план молниеносной войны был окончательно похоронен в сражении под Москвой. Общенациональные духовные ценности стали главными. Служение Отечеству возвысилось над собственными интересами, нуждами, страданиями, потерями. Встала страна огромная, встала на смертный бой – советский народ и его армия, громя врага, не только прогнали его за наши пределы, но и гнали по странам Европы до полной капитуляции. Победителями в этой страшной войне стали наши отцы, деды, прадеды, ценой своей крови и своих жизней отстаивавшие честь и независимость нашей родины. Победил многострадальный советский народ! Ему, народу, пришлось долгие четыре года под руководством Верховного главнокомандующего И.В. Сталина исправлять последствия грубейших просчётов, допущенных им и его окружением в предвоенный период и в начале войны.

Бывший пулеметчиком на той войне, умерший от ран вскоре после неё, поэт Виктор Авдеев сказал:

– Победой не окуплены потери, победой лишь оправданы они!

VII

Деревня Сергея славилась парнями: мальчиков рождалось больше, чем девочек. Женихи приводили невест из других деревень. Сергей помнит всех земляков, ушедших на ту войну.

В семье дальних родственников – однофамильцев воевало трое: отец, старший сын Федя и средний – Саша. Федя в красивой форме танковых войск перед войной приезжал в отпуск. Родители собрали гостей – пригласили и Серёжину семью. Федя обладал несильным, но приятным голосом и спел несколько песен. Стройный, энергичный, порывистый Федя! – Серёжа с восхищением, обожанием смотрел на красавца – танкиста. Федя в первых боях отличился: заменив убитого командира, возглавил танковую атаку подразделения, чем обеспечил победу в бою. Его товарищи прислали родителям фронтовую газету с описанием подвига Феди и печальное известие: через несколько дней в бою командир–танкист Федя получил смертельное ранение.

Саша для Серёжиных друзей – деревенских малышей был самым любимым. Светловолосый, широкоплечий, среднего роста, весь какой-то ладный, доброжелательный, он частенько, проходя мимо, вступал на минутку – две в ребячьи игры: городки, «прогон попа», лапту... Если кто-то из мальчиков споткнулся, подвернул ногу, Саша подходил, участливо расспрашивал, успокаивал, давал совет. Ребята не видели его сердитым: всегда спокойный, выдержанный, рассудительный, улыбчивый.

Мать не дождалась весточки от сына: умерла в конце войны. Отец погиб в 43-м. Младший сын Виктор воевал с японцами на Дальнем Востоке. В конце 45-го сестре Любе пришло письмо от Саши, переданное, видимо, из рук в руки. Саша сообщал: был в плену, осуждён, находится в лагере, в какой-то степи, больной и голодный. Просил прислать что-нибудь съестное, чтобы не умереть голодной смертью. В деревне все быстро узнали о письме.

Говорили: вызвал Любу председатель сельсовета, напугал ее, сказав, что бывший в плену – враг народа и не следует не только посылать ему посылку, но и отвечать на письмо, чтобы тебе и другим родным не было хуже. Говорили, что от Саши получено еще одно письмо, в котором он снова умолял прислать что-нибудь съестное, и прощался, не надеясь живым дожидаться посылки. Деревня больше ничего о Саше не слышала. Люба уехала из деревни. Передавали: она работала учительницей в каком-то небольшом городе центральной России и жила с дочерью. Говорили: она не хотела встречаться с земляками и даже проклинала свою деревню.

Виктор, в отличие от старших братьев, весельчак, балагур, первый парень на деревне: «красив и весел, всем хорош», после демобилизации вскоре уехал работать на лесопункт, где, прожив недолго, умер. Дом этой семьи, видимо, кто-то из дальних родственников продал на вывоз. На его месте – пустота, поросшая бурьяном.

Рядом дом Рудаковых. В их семье трое сыновей. Как-то малышня собралась на широком въезде их дома, а Сережа играл им что-то на гармошке, оставшейся от отца. Кто-то позвал среднего сына Рудаковых Пашу, приехавшего из Архангельска, и попросил определить, что играет юный «гармонист». Тот послушал и сказал: «Попурри». Паша немного побыл с ребятами. Запомнилось, как серьезно и доброжелательно он общался с ними – деревенскими замарашками. Сережа понимал: его игра – детская фантазия и ничего более. Но впервые услышанное слово «попурри» как-то приподняло и ободрило всю их компанию.

Все три брата Рудаковых погибли: Петя и Паша – на разных фронтах в 41-м, а старший брат Фёдор – на подступах к Берлину в конце апреля победного 45-го.

Из дома Трофимовых на фронт ушло трое: отец и двое сыновей. Погибли отец и Николай, которого детвора уважала за отсутствие зазнайства, доброту и простоту общения с ними. Третий вернулся со спиной, обработанной осколками мины – будто поле плугом вспаханно.

Петька Чертов – очень добрый, из соседнего дома. В первые годы войны он учил Серёжу стрельбе из ружья, оставшегося от отца. Подбрасывали старую шапку и дырявили её дробью. Его призвали в конце 43-го, а через три месяца мать получила похоронку: погиб смертью героя. Двое сыновей из дома Чертовых остались на войне и так почти в любом доме.

Сергей помнит каждого из них, не вернувшихся с войны: их руки, глаза, улыбки... Все они труженики: других в деревне не было: день – работа в поле или на лугу, вечером – на приусадебном участке, да и домашнее хозяйство в северной деревне требовало постоянных и немалых забот и усилий. Вечерами из клуба соседней деревни доносились призывные переливы гармошки – можно потанцевать, сплясать северную «Берёзку», пообщаться, после – проводить девушку. Иногда при-

возили кино. Одни, сменяясь, крутили «динамо», другие – собиралась вся молодежь – смотрели, живо переживая события на экране.

Простые, добрые, сильные, красивые парни. Не выделялись они броской одеждой: многие еще не имели своих костюмов, донашивали одежду старших в семье. А отличались они статью, хорошим ростом, красивой душой. Юноши на пороге влюбленности. Впереди – любовь, семья в своём доме, сельский труд, дети, внуки – обычное человеческое счастье, а к этому времени были бы уже и правнуки.

Деревня без них опустела... Бывало, после кино шли домой. Осенью дни короткие – темнеет рано. А зимой от снега кругом белым – бело и светло как днем: полная луна – снег искрится – действительно «хоть иголки собирай»; дома потрескивают от мороза, а в феврале, марте – наст – ходили по нему напрямик, не выбирая дорог, тропинок. С пригорка соседней деревни Заручей – как на ладони: два длинных ряда домов с заснеженными крышами и почти над каждым поднимаются к небу клубы серого дыма. Зимняя сказка. Волшебная, завораживающая картина. При виде ее ребятыня замолкала: каждый по-своему воспринимал детской душой необыкновенную красоту природы родного края. Дымов насчитывали более сорока. Прошлой зимой их стало пять.

VIII

22 июня 1941 года – одна из самых страшных дат в жизни нашего народа, с которой связаны невосполнимые утраты в каждой семье. Кто виновник трагедии начала войны в 41-м, кто повинен в гибели миллионов красноармейцев и командиров, в пленении их – молодых, сильных, красивых парней, призванных на действительную военную службу из деревень, сел и городов нашей огромной страны для защиты ее? Сталин? Несомненно. Руководитель призван оценивать обстановку и своевременно принимать в интересах страны правильные, единственно верные решения. Сталин, к сожалению, поступал иначе.

Репрессиями с личным участием Сталина перед войной обезглавлена РККА. Когда гитлеровская группировка уже нависла над западной границей страны, 5 мая 1941 года Сталин заявляет на приеме выпускников военных академий: СССР будет вести не оборонительную, а наступательную войну.

Из-за его запретов не организовано своевременное развёртывание войск на западной границе для отражения фашистского вторжения. Генерал армии Павлов 20 июня прислал последнюю телеграмму с объяснением необходимости и просьбой занять полевые укрепления вдоль границы. Сталин приказал наркому Тимошенко ответить отказом.

Впервые приказано: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их...» только в Директиве N 2, утвержденной Сталиным 22 июня в 7 часов 15 минут(!). Но и в ней наземным войскам границу переходить запрещено. И только в Директиве N 3, утвержденной Сталиным 22 июня в 21 час 15 минут, наряду с задачей на 23 и 24 июня окружить и уничтожить две группировки противника под диктовку Сталина записано: «На фронте от Балтийского моря до гос. Границы с Венгрией разрешаю переход гос. Границы и действия, не считаясь с гос. Границей». Комментарии здесь не нужны.

Но «о мёртвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды». Да, И.В. Сталин был диктатор, создал в стране режим личной власти, сопровождаемый многими преступлениями против советского народа. Но любой руководитель берёт на себя столько власти, сколько позволит ему окружение. Оно же и проводит в жизнь указания вождя. Значит, следует говорить не столько о Сталине, сколько о сталинизме – сталинской диктатуре. Ведь историю изучают для того, чтобы лучше понять настоящее и предвидеть будущее.

Видимо, не случайно заговорили о реабилитации Сталина. Память – не только помнить и не забывать, это ещё и ответственность. Утвердить силу права, а не право силы. Не допустить проявлений авторитарного, диктаторского правления в стране, режима личной власти, которые неизбежно связаны со всем тем преступным, что характеризовало СССР в период правления Сталина – задача, вытекающая из истории сталинизма – прямого виновника трагических событий начала войны в 41-м.

Примечание: И.В. Сталин, ознакомившись с данными следствия по делу Командующего Западным фронтом генерала армии Д.Т. Павлова сказал Поскрёбышеву: «Приговор утверждаю, а всякую чепуху вроде «заговорщицкой деятельности» чтобы выбросил».

Берега истории

Екатерина Фёдорова

Забывтый министр Российской империи А.Б. Лобанов-Ростовский

Направление статьи реализовалось в научном проекте МГУ имени М.В. Ломоносова «Идеи века в истории рода» и дало ряд монографий и публикаций в научной и научно-просветительской периодике. Данная работа лежит в русле серии.

Издrevле славен

Род владетельных¹ князей Лобановых-Ростовских, Рюриковичей, насчитывает немало выдающихся деятелей, ставших исторически значимыми фигурами. И первый среди них – внук великого князя владимирского Всеволода Большое гнездо – Василько Константинович Лобанов-Ростовский, удельный² князь Ростовский (1208–1238). Умный воевода, политик и правитель, однажды он попал в плен к монголо-татарам и отказался дать присягу в верности хану. Ему обещали милости и – мучения в случае отказа, но он остался твёрд, за что был предан мучительной смерти. А затем канонизирован русской православной церковью. И, как сказано в его Житии, народ «проливал слезы жалости, встречая тело убиенного князя». Мощи его погребены в Успенском соборе в Ростове и донныне. Сегодня население Ростова Великого знают и почитают это имя.

Рюрикович в начале XXI столетия

Спустя семь веков, в XXI столетии, в Ростове Великом знают и уважают имя прямого потомка Василько Константиновича, геолога, общественного деятеля и мецената Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского³. Он потомок старшей ветви князей Лобановых-Ростовских. Разумеется, его любят в Москве и Петербурге, ценят подвижническую, последовательную и систематическую деятельность по возвращению в отечество вывозимых в первой половине XX столетия российских художественных ценностей. Коллекция театрально-декорационной живописи Серебряного века Никиты и Нины Лобановых-Ростовских, признанная лучшей в мире, ныне находится в Театральном музее Петербурга; дары Никиты Дмитриевича Москве есть в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Доме русского зарубежья, Музее М.И. Цветаевой, Музее личных коллекций при МИИ имени Пушкина, ЦГАЛИ. И за рубежом на мировых аукционах и в музеях он известен как видный пропагандист русского искусства, в частности, является пожизненным членом Метрополитен-музея, где тоже хранятся подаренные им картины. За особые заслуги перед Россией Н.Д. Лобанов-Ростовский награждён Орденом дружбы, является почётным членом Российской академии художеств.

Многие представители рода занимались собирательством, благотворительностью, как «государственные мужи» участвовали в политике. Никита Дмитриевич продолжил не только благотворительную деятельность семьи, но и её летопись⁴. Его тоже можно назвать государственным

¹ Владетельный князь – обладающий правом наследственной монархической власти в данном ареале.

² Удел – княжеское владение на Руси в XII–XVI вв., являвшееся частью великого княжества.

³ вопреки беспрецедентным усилиям администрации Музея-заповедника «Ростовский кремль» очернить его доброе имя и умалить значение его даров. Причина проста. Получив немалые бюджетные средства на создание «Музея Лобановых-Ростовских» и публично объявив населению о его создании, нынешнее руководство не справилось с созданием музея, вместо которого предложила обществу травлю благотворителя. См. Петицию Президенту РФ «Уволить директора Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» Н.С. Каровскую». Яндекс.

⁴ Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. М., 2010; Рюрикович в эмиграции. М., 2015; Рюрикович в XXI веке. М., 2017; Русский барин – герой Франции Н.В. Вырубов, М., 2017; Лобанова-Ростовская В.Д. О российской трагедии. До и после 1917 г. Воспоминания матери. М., Минувшее, 2018.

А.Б. Лобанов-Ростовский

человеком, с большой мерой ответственности перед Отечеством он несёт разные общественно значимые нагрузки, в том числе много лет являясь первым заместителем председателя МСРС (Международный совет российских соотечественников)¹.

Лобановы в XIX веке

Свой вклад в развитие культуры и политики в XIX веке внесли потомки старшей ветви рода – братья Михаил (1819–1858) и Алексей (1824–1896) Борисовичи Лобановы-Ростовские. Старший Михаил, «московский» – жил в Москве и окончил Московский университет. Младший Алексей, «петербургский» – был выпускником Царскосельского лицея. Они – двоюродные братья прадеда Никиты Дмитриевича, ротмистра гвардии Николая Алексеевича Лобанова-Ростовского (1826–1887). В XIX веке их имена были широко известны обществу, в частности, благодаря текущей прессе. Ныне они, к сожалению, известны только кругу специалистов.

Скудость исследований о Лобановых в XX веке

В XX веке о них незаслуженно забыли. Лишь некоторые упоминания о братьях встречаются в середине XX века².

Н.Д. Лобанов-Ростовский. «Эпоха. Судьба. Коллекция».

Старший брат Лобанов

Одним из первых, кто спустя столетие опубликовал систематические сведения о них в начале XXI века, был Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. В книге-энциклопедии «Эпоха. Судьба. Коллекция», М., 2010, где собран материал и о круге интересов автора, и о членах его рода, мы встречаем графические изображения Михаила (1819–1858) и можем составить себе представление о его судьбе и характера. Не дожив до 40 лет, заслужил славу храброго военного, за мужество получившего различные награды и дошедшего до чина подполковника. Другая сторона его индивидуальности: закончил философский факультет Московского университета; независим в суждениях и решениях; знакомец А.И. Герцена и А.В. Сухова-Кобылина; «товарищ и единомышленник М.Ю. Лермонтова по «Кружку шестнадцати»; в числе «шестнадцати» отправился вслед за Лермонтовым на Кавказ под пули горцев»³.

Его труды до сих пор опубликованы фрагментарно. В частности, это извлечения, касающиеся ближнего круга поэта⁴. Из Записок, хранящихся в ГАРФ, одна, под названием «Обзор последних событий на Кавказе», воспроизведена на сайте «Восточная литература»⁵, посвященного публикации российских исторических источников⁶.

Стоит обратить внимание на резолюцию рукой императора Николая I:

¹ МСРС стремится объединять русскоговорящих людей и людей, идентифицирующих себя как представителей русской культуры, и живущих за рубежом; охватывает 52 страны, где есть русские диаспоры.

² А.Б. Лобанов-Ростовский упоминается в работах 1961, 1967 и 1973 гг.: см. Кушнарев И.С. «Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского». Саратовский государственный технический университет. 2008 г. Дисс. на соиск. зв. канд. ист. Наук. На правах рукописи. Некоторые фрагменты сочинений, мысли и соображения М.Б. Лобанова-Ростовского приводятся в связи с его дружбой с М.Ю. Лермонтовым, прежде всего в кн. Эммы Герштейн «Судьба Лермонтова». См. ниже.

³ «Эпоха. Судьба. Коллекция». М., 2010, с. 370-373.

⁴ Лобанов-Ростовский М. Б. Из записок // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989.

⁵ ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 86. Л. 1-72 об. Рукопись. Копия.

⁶ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Vajnachi_impersk_vlast/1-20/10.htm

«Крайне любопытная, верная и плачевная повесть всего, что делалось на Кавказе; она прислана от неизвестного прямо к наместнику; прочтите. Хотя много нам известно, но бездушно читать нельзя. Яснее ничего я не читал. По прочтении возвратить. 15 июля [1844 г.]»

Заметка была направлена наместнику Кавказа анонимно. Ввиду ценности наблюдений Император приказал военному министру князю Чернышеву установить автора.

Вот что пишет последний, обнаружив имя анонима:

«Я прочитал со вниманием записку неизвестного с Кавказа, которую Вашему императорскому Величеству благоугодно было сообщить мне. К сожалению, в ней много правды.. По всем догадкам моим, сочинитель должен быть прапорщик Нижегородского драгунского полка князь Лобанов, состоящий при генерале Фрейтаге. Этот молодой человек, при чрезмерно пылкой молодости, имеет большие способности, изучил арабский и татарский языки, и напуган, как и вся почти тамошняя молодёжь, неограниченным пристрастием к генералу Ермолову! [...] Князь Чернышев. Санкт-Петербург. 9 апреля 1844 г.» (см.: ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 86. Л. 74)¹.

Вернемся к публикации Н.Д. Лобанова-Ростовского. Бесспорно, ясно обозначена оригинальная личность: чиновник и военный, мыслитель и литератор, достойна исследования и публикации всего свода его наследия. При всей сжатости очерка, опубликованного в «Эпоха. Судьба. Коллекция», по точно извлечённым цитациям мы может составить себе представление об образе его мыслей:

«Я осуждал покойного императора в том, – пишет он, – что он не мог в течение 26 лет забыть пролитую 14 декабря кровь, что он держал с тех пор под подозрением всех людей хороших фамилий, образованных и честных, удалял их, заменяя тёмными личностями, которые служили ему, как лакеи, обманывая и обкрадывая его»

«... впоследствии мне удалось составить себе ясное понятие о том, от чего происходят все эти бедствия моей несчастной родины, и я написал по этому поводу записку, которая разделила участь всего написанного мною: всё это осталось неизданным, так как не могло быть опубликовано при правительстве, не допускающем никакой правды и живущем только мраком и ложью».

Следует отдать должное тонкому анализу Записок, сделанному Эммой Герштейн в известном исследовании «Судьба Лермонтова» / Кружок шестнадцати (часть 4). Книга была издана в 1964 г. и переиздана в 1986 г. Теперь её текст во всеобщем пользовании на сайте Лермонтов – лит.ру².

Младший брат Лобанов

О роли Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского (1824–1896), дипломата, генеалога, коллекционера, подробно освещённой в XIX веке в мемуарной литературе и специальных исследованиях, ныне вспоминают мало. В публикации Н.Д. Лобанова-Ростовского точно обозначены «черты и вехи», позволяющие читателю нарисовать его достоверный портрет, ощутить своеобразие личности и оценить значимость вклада в политике и в истории русской культуры.

Так, его характер виден из приведённых мнений современников: «очень важный, умный»; «учтив и раздражающе уклончив»; «с огромным дипломатическим опытом и мировой репутацией»; «широко известный за остроумие и занимательность».

Отмечены этапы его образования и карьеры, среди которых: «выпускник Царскосельского лицея с золотой медалью»;

М.Б. Лобанов-Ростовский в первые годы службы на Кавказе (ок. 1843). Худ. Г.Г. Гагарин. Портрет хранится в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге.

¹ См. там же.

² <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/gershtejn/sudba-lermontova-5-4.htm>

Несомненно, князь занимает почётное место в ряду самых замечательных государственных деятелей России, управлявших Министерством иностранных дел. В возрасте всего лишь 35 лет был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополе (1859–1863 гг.). Затем служил Чрезвычайным и Полномочным Послом в Константинополе (1878–1879 гг.), Лондоне (1879–1882 гг.) и Вене (1882–1895). 26 февраля (10 марта) 1895 года был призван Николаем II на пост министра иностранных дел.

Итак, министр МИД (1895–1896); камергер (старшее придворное звание); сенатор (член назначаемого Императором высшего государственного органа законодательной, исполнительной и судебной власти); действительный тайный советник (что в гражданском Табеле о рангах соответствует военному генералу).

Особое внимание уделено до сих пор замалчиваемой роли А.Б. Лобанова-Ростовского в успешном подписании окончательного Константинопольского мирного договора с Турцией, в результате чего образовалось независимое болгарское государство. Очень точно сформулирована его дипломатическая стратегия: «... если Россия должна идти на те или иные уступки, то лучше делать их не державам, противодействовавшим России, а непосредственно самой Турции, чтобы не раздражать её и не толкать слишком суровыми условиями в стороны Англии и Австро-Венгрии»¹.

Единственное систематическое исследование о дипломате – «на правах рукописи»

В 2008 г. в Саратовском университете защищено диссертационное исследование И.С. Кушнарева, единственное, всесторонне освещающее деятельность дипломата². К сожалению, до сих пор опубликованной монографии Кушнарева нет. Результаты исследования доступны единицам. Общий вывод исследователя такой: если в дореволюционной литературе деятельность дипломата рассматривалась достаточно подробно, то на протяжении всего XX столетия «отражены отдельные эпизоды дипломатической деятельности А.Б. Лобанова-Ростовского, полное исследование его жизни и государственной деятельности отсутствует»³. В западной историографии специальных исследований тоже нет.

Среди более пристального внимания к дипломатическим достижениям Лобанова, которых коснулись в XX веке, интересен, например, вопрос, и ныне актуальный для мирового сообщества. «Советские учёные, касаясь ближневосточного кризиса 90-х гг. XIX в., писали о «своекорыстном» использовании армянского вопроса английской дипломатией, а также о стремлении российской дипломатии, в частности, Лобанова-Ростовского, обязать турецкое правительство провести реформы в пользу христианского населения и сохранить в регионе статус-кво»⁴.

Сжатую оценку в советский период получила и деятельность Лобанова по урегулированию русско-корейских отношений, его деятельности в Лондоне и Вене, взаимоотношения с главами Франции. Особенно автор выделяет статьи о дипломате, написанные в 1991-93 г. «В отечественной литературе постсоветского периода можно встретить несколько работ, посвящённых непосредственно личности и деятельности Лобанова-Ростовского. Наиболее основательными из них являются исследования И.С. Рыбаченок. Автор в двух статьях охватывает весь период жизни князя... Однако автор практически не касалась дальневосточного направления в дипломатической деятельности Алексея Борисовича»⁵.

Повторим, основным пробелом – в советский и постсоветский период – остаётся, прежде всего, роль А.Б. Лобанова-Ростовского в подписании Константинопольского договора и во всём комплексе мер, за которыми последовало образование самостоятельной Болгарии.

¹ «Эпоха. Судьба. Коллекция», с. 374–377.

² Кушнарев И.С. Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского. Саратовский государственный технический университет. 2008 г. Дисс. на соиск. зв. канд. ист. Наук. На правах рукописи.

³ Там же, с. 15.

⁴ Там же, с. 9.

⁵ Там же, с. 10–11.

Главная лакуна – роль дипломата в заключении окончательного договора об окончании русско-турецкой войны 1879 г.

Напомним, что причиной русско-турецкой войны 1877-78 гг. было горячее сочувствие всего российского общества славянам-христианам, подвергавшимся на территории Османской империи жестоким преследованиям. Император Александр II, не желавший новой войны для России, ресурсы которой были истощены предыдущей, равнодушным к ситуации оставаться не мог. Убедившись, что все дипломатические средства для мирных переговоров исчерпаны, а надежда на совместные действия с другими странами растаяла, произнёс неожиданную и решительную речь в Большом кремлёвском дворце, при многочисленном присутствии представителей разных сословий, о своем твёрдом намерении «действовать самостоятельно», коли окончательно не удастся договориться. Это означало, что Россия движется по направлению к военным действиям с Турцией. Российские дипломаты и после этого не оставляли своих попыток уладить конфликт мирным путем¹. Избежать войны не удалось. В результате военных действий была восстановлена независимость княжества Болгарского. Широко известно заключение *предварительного* Сан-Стефанского мирного договора. Однако после заключения произошли некоторые события, подточившие его положительные результаты.

Характер и профессия

Как важнейшие составляющие дипломатических успехов Лобанова-Ростовского отмечается: уникальная способность налаживать отношения с людьми и организаторские способности. Важным было ещё одно обстоятельство – контакт, который Лобанов сумел установить с главами обеих держав: благоволение императора Александра II к князю, расположение к нему лично султана и высших турецких кругов.

В зыбком международном пространстве нужен был такой посланник в Турции, которого бы хотела сама Турция. Им оказался Лобанов. Султан лично просил о его назначении. Современник князя замечал: Лобанов «не тормозил турок, как это делали другие послы, не возбуждал новых вопросов и держался главных линий, данных ему инструкцией... Такою манерою приобрёл он расположение султана Абдул-Гамида, как ни один посол ни до, ни после него»². Роль дипломата в заключении *окончательного* Константинопольского мирного договора и образовании самостоятельной Болгарии огромна.

Однако к периодике середины прошлого века относятся: *одно упоминание* А.Б. Лобанова-Ростовского в достижении константинопольского договора; *три упоминания* роли Лобанова в урегулировании российско-болгарских отношений.

Привлекая обширный корпус разнообразных документальных свидетельств, в том числе, архивы МИД, Кушнарёв убедительно показывает достижения дипломата, заполняя «пустые страницы» историческим документальным материалом, конкретно иллюстрируя, какие черты личности и характера дипломата способствовали успешному решению сложных вопросов. В этом смысле диссертационное сочинение можно назвать учебным пособием для современных дипломатов.

Так, демонстрируется «быстрый ум» Лобанова и решительность его действий. Стремительным дипломатическим натиском одного человека удалось пресечь новый виток массовых военных действий, угроза которого возникла уже после заключения Сан-Стефанского договора. Летом 1878 г., после прекращения военных действий близ Сан-Стефано русская и турецкая армии, расположились друг против друга. Турецкий генерал Фуад-паша обратил внимание на возведённые русскими наблюдательные вышки. Фуад-паша усмотрел в этом нарушение потребовал от русского генерала Скобелева вышки разрушить. В противном случае, предупредил он, будет дан приказ о наступлении по всей линии и *выдвинул за пределы демаркационной линии* передовые войска. Вечером возникла реальная угроза возобновления военных действий. Лобанов прибыл *в 4 часа утра* следующего дня. *В 5 часов утра* Лобанов уже был у турецкого министра иностранных дел Сервет-

¹ См., например, Айрапетов Олег. Россия: решительный шаг к войне во имя сохранения мира. / Regnum (6 апреля 2018), <https://regnum.ru/news/2400948.html>

² Кушнарёв И.С. с. 61.

паша; добился, чтобы его разбудили; ввёл в курс дела; убедительно нарисовал нежелательные для Турции последствия; добился от нерешительного министра, чтобы он телеграфировал об этом султану Абдул-Хамиду II. Уже в 6 часов утра султан телеграфировал Фауд-паше о прекращении провокационных действий¹.

А. Задачи, поставленные перед Лобановым после заключения предварительного Сан-Стефанского договора²

- следить за деятельностью специальных комиссий по разграничению вновь образованных государств с Турцией и между собой;
- решить вопрос об очищении турками крепо-

стей Варны и Шумлы и передаче России Батума;

- контролировать умирение восстания в Родопских горах;
- помочь в становлении новых государственных органов в Болгарии.

– Особенно большое значение российское правительство придавало подписанию с Портой окончательного мирного договора, статьи которого не подлежали рассмотрению на Берлинском конгрессе. В инструкции Лобанову канцлер А.М. Горчаков писал: «Нам важно иметь в руках обязательство, непосредственно связывающее Турцию с Россией, независимо от её обязательств по отношению к Европе, и которое бы нам позволило в случае необходимости потребовать права на то, что у нас оспаривалось до настоящего времени».

Б. Как Лобанов решал сложные текущие вопросы

– До приезда Лобанова в Константинополь главнокомандующий русской действующей армии Э.И. Тотлебен безуспешно добивался от Порты очищения турецкими войсками Варны и Шумлы... К июлю 1878 г. в результате энергичной деятельности Лобанова и Тотлебена вопрос об очищении крепостей был решён

– Турция тянула с передачей Батума... После разговора с Лобановым турецкие власти вынуждены были уступить требованиям России, в результате 25 августа Батум был занят русскими войсками

– По окончании военных действий в мусульманских сёлах, расположенных в районе Родопских гор началось восстание, инспирированное турецкими властями и английской агентурой... Русским войскам не удалось подавить восставших, убивавших и грабивших болгарское население... В конце августа 1878 г. Лобанов и Тотлебен «имели горячие объяснения с высшими турецкими государственными деятелями». В результате было достигнуто соглашение о мерах к прекращению «искусственно возбуждающей агитации»

– В октябре 1878 г. российской дипломатии стало известно, что болгарские вооруженные отряды, сформированные на занятых русскими войсками территориях, производили набеги на пограничные с Болгарией районы Македонии. Царское правительство поставило перед Лобановым и Тотлебенем задачу остановить движение в самом начале его развития... Турция направила державам ноту, адресовав её и Лобанову, обвинив российские власти в «пособничестве болгарским бандам». На Россию возлагалась ответственность в том случае, если Турция вынуждена будет применить военную силу для умирения беспорядков. Здесь Лобанов проявил чёткое понимание всех нюансов ситуации, сформулировав нежелательные правовые последствия для Турции при развитии конфликта.

Лобанов предложил Турции: а) привести «хотя бы единый факт», который мог свидетельствовать о нарушении со стороны России взятых на себя обязательств, и сообщил об ответственности Турции в том случае, если под предлогом подавления беспорядков пострадают мирные жители. «Обвинение русских властей... не только лишено всякого основания, но даже противно истине, так как власти

¹ Кушнарв И.С. сс. 58–59.

² Пункты А и Б: приводится экстракт представленных исследователем документов, см. Кушнарв И.С., с. 47–61.

обезоружили болгар, намеривающихся поддерживать смуты...» б) «Сообщите мне, по крайней мере, названия разрушенных или разграбленных селений, дабы я имел возможность снарядить следствие». Князь предложил провести расследование и турецкой стороне, которая обещала выполнить обе просьбы, но, не имея на руках реальных доказательств, их не выполнила. Это давало основания российской стороне утверждать о полной бесосновательности турецких обвинений и остановило конфликт.

– В конце декабря 1878 года осложнился вопрос о контрибуции, и в частности, по какому курсу Турция должна выплатить обозначенные Сан-Стефанским договором 300 млн. рублей. Лобанов предусмотрел, что «способ уплаты контрибуции составит один из наиболее затруднительных вопросов». Путем переговоров он был решён и включен в договор: Турция обязывалась выплатить России 802,5 млн. франков контрибуции, а также возместить убытки российским подданным и учреждениям, испытанные во время войны, в размере 26,75 млн. франков. При финансовой слабости Турции эти обязательства перед Россией явились эффективным средством давления на турецкое правительство, в том числе в вопросе о российском содействии в становлении государственного суверенитета Болгарии, – делает вывод И.С. Кушнарев.

– Константинополь, под влиянием английской дипломатии, отказался включить в мирный договор пункт, согласно которому Турция брала на себя обязательство перед Россией по всем вопросам придерживаться Берлинского трактата, объясняя возможным недовольством западных государств. Тем не менее, Лобанов в более смягчённой форме смог добиться принять этот пункт.

– после длительных обсуждений 27 января (8 февраля) 1879 г. между А.Б. Лобановым-Ростовским и турецким министром иностранных дел А. Каратеодори-пашой был подписан долгожданный окончательный русско-турецкий договор, закрепивший те условия Сан-Стефанского договора, которые не были отменены или изменены Берлинским трактатом.

«О, как убийственно мы любим...»

Ф.И. Тютчев

Часто большой талант, успешно реализованный, предполагает некоторое подавление других сторон личности, поглощает их. Яркая деятельность на профессиональном поприще может, например, сферу личных чувств оставить вполне заурядной, незначительной для того, чтобы ею интересовались потомки. Алексей Борисович – иной случай. Страсть и темперамент проявлялись не только в отношении к главному делу его жизни, но и к собирательству, к отечественной истории. А также случилась в его жизни история любви, столь ослепительная, будто приготовленная стать основой литературного произведения. Так и случилось¹. Со всеми атрибутами любовно-сказочного жанра: романтическая фигура возлюбленной – баронессы-чужестранки, невероятность хода событий для любого здравомыслящего, и как полагается, трагический конец. И ещё более невероятна снисходительность власти к этой истории, в результате которой, после гибели возлюбленной, Лобанов смог вернуться на дипломатическую работу.

Помнится, как в одном интервью Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, рассказывая о прерванном Лобановым дипломатическом поприще ради вспыхнувшей страсти, на мгновение запнулся, и продолжил с некоторым для самого себя недоумением, не находя, видимо, достаточных оснований поступка для безусловного «человека дела», государственного мужа.

¹ Гентшенфельбе Наталия фон. Диалектика любви. / Рюрикович в XXI веке. М., 2017, сс. 72–147.

А. Каратеодори, Али-паша и А.Б. Лобанов-Ростовский подписывают Константинопольский мирный договор 27 января 1879 г.
Худ. Николай Русев, Варна, 2018 г.

Лобанова страсть настигла на пороге 40-летия. Обстоятельства её по тем временам были беспрецедентно скандальны. Баронесса Жюльетт де Буркне – замужняя женщина. Иностранка. Жена французского дипломата в Константинополе! Но он не отступил. И, видимо, ни о чём не жалел. Потеряв возлюбленную, не предал свое чувство и этот странный период его жизни, вспоминая его как «счастливейший». Разумеется, мягкость отношения к этой истории объясняется огромной пользой, которую приносили и могли принести в дальнейшем Отечеству дипломатические способности Лобанова.

«Официальная формулировка увольнения гласила: «по домашним обстоятельствам». Но по некоторым данным разразился скандал из-за любовной связи князя с женой французского дипломата. Министр иностранных дел А.М. Горчаков сообщил Лобанову, что Александр II сожалеет о случившемся. «Император теряет выдающегося слугу, – писал он, – Вы прерываете в середине прекрасную карьеру». Несмотря на причины, по которым Алексей Борисович ушёл в отставку, в аттестате, который ему был выдан в июне 1863 г., было написано: «Во время служения случаем, лишаящим его права на пользование знака отличия безупречной службы, не подвергался». Период с 1863 по 1866 гг. 1866 гг. Алексей Борисович прожил в Ницце со своей избранницей Ж. Буркне, называя его впоследствии «счастливейшим временем своей жизни». [На вершине холма, в «Chateau Lobanov», построенном в стиле замка Людвига Баварского]¹. Но уже с июля 1863 г. он вновь числился по ведомству российского МИДа. Несмотря на то, что в этот период князь не занимал никаких должностей, он время от времени выполнял поручения министерства. В 1866 г., после смерти возлюбленной, Лобанов-Ростовский вернулся в Россию и в том же году был переведен в Министерство внутренних дел. 22 июля 1866 г. его назначили орловским губернатором»².

Новое об Алексее Лобанове-Ростовском в периодике XXI века

Такая многогранность и оригинальность проявлений личности в разных областях жизни должна бы указать исследователям и на дальнейшие исторические открытия в жизнеописаниях Лобановых-Ростовских. Поскольку эта фигура остаётся «на обочине» исторической мысли, мы решили проследить, есть ли движение навстречу к ней у современных авторов и какие стороны его деятельности и индивидуальности вызывают интерес исследователей, какие новые документы опубликованы?

Школьный театр в Царском селе

Так, из источников мы узнаём, сколь важную роль в Царском селском лицее занимал школьный театр и служил воспитанию того, как держать себя и найтись в любом обществе. Мы бы сейчас сказали: игра на сцене служила для учеников инструментом формирования навыков коммуникации в разных публичных и частных ситуациях, ведь их готовили к общественной государственной деятельности. «Мне чрезвычайно понравилась, так сказать, *манера* воспитанников; я заговаривал со многими из них на разных языках; все отвечали непринужденно, объяснялись щегольски, и притом все эти юноши ловки и развязны в общении»³. Надо обратить внимание, что слово «развязный» употреблено не в современном понимании как синоним «бесцеремонного» или «фамильярного», а в старинном как синоним «непринужденного».

Театральное действо, описанное свидетелем, отличалось протяжённостью и разнообразием жанров. В один вечер; читались стихи, были сыграны комедия А. Шаховского «Ссора или два соседа», представлены сцены из «Мёртвых душ» Гоголя, а также и пьеса на французском языке «Комедиант из Этампа» М. Моро и П. Сердена, и все это завершилось балом, «великолепным и весёлым». Речь идёт о 19 октября 1842 года, Алексею Лобанову-Ростовскому 18 лет, он участвует во всех трех по-

¹ Пояснение Н.Д. Лобанова-Ростовского.

² Кушнарёв И.С. с. 37.

³ Кобеко Дмитрий Фомич. Императорский Царскоесельский лицей. Наставники и питомцы. М., Кучково поле, 2008, с. 339.

становках. На следующий год мы вновь видим будущего дипломата в пьесах А. Полевого «Иван Иванович Недотрога» и комедии Скриба «Секретарь и повар». Бесспорно, навыки владения сценой, своим голосом и телом, вниманием аудитории, а также способность войти в роль не могли не пригодиться Лобанову в профессиональной деятельности.

Библиофил, генеалог, коллекционер – писатель

Отчетливый интерес современных исследователей вызывает ещё одна серьёзная и постоянная страсть Лобанова – к книге. Этот круг интересов дипломата в полноте систематизируется в недавней публикации¹. «Активной натуре Алексея Борисовича было тесно в рамках только профессиональной деятельности: пытливому уму добавляло пищи ещё и библиофильство. С детства Лобанов любил слушать рассказы стариков о прошлом и записывал их. «Больше всего его интересовали XVIII в. (особенно эпоха Павла), родословные дворянских родов (в первую очередь угасших), из взаимосвязи, влияние на судьбу страны, участие в важнейших мировых событиях». Таким образом, из детской любви к истории вырастает интерес к книге, к генеалогии и геральдике, наконец, к коллекционированию не только печатных изданий, но и рукописей, портретов, монет. «Длительная и кропотливая работа по изучению истории русского дворянства... вылилась в двухтомный труд «Русская родословная книга» (СПб, 1873, 1875), ставший моментально библиографической редкостью»².

Пришло время издать собрание трудов Лобанова-историка?

Более того, Лобанов становится очеркистом-историком («в течение 1873–1888 г. в журналах «Русская старина» и «Русский архив» публикуются его очерки, посвященные ... известным лицам»). Благодаря цитируемой публикации чётко вырисовывается и ещё одна лакуна, в связи с ней видится возможность нового диссертационного исследования: «А.Б. Лобанов, как историк. На материале журналов...». Современному читателю, возможно, было бы интересно издание тома этих очерков с добавлением публикации неоконченного сочинения об Императоре Павле I. Ведь современниками научная деятельность князя была высоко оценена, что сказалось, в частности, в избрании его в 1876 г. почётным членом Императорской академии наук. Существует историческое сочинение Лобанова о французской истории: «в Париже Лобанов-Ростовский анонимно издал «Письма маркизы де Куаньи...» (*Letters de la marquise de Coigny et de quelques autres personnes appartenant a la societe francaise*. P., 1884) и другие материалы по истории Франции»³.

Статья является итогом исследования книжного собрания Лобанова-Ростовского в основном фонде РГБ. При его жизни собрание насчитывало 8429 томов. После смерти частично распродано. А после октябрьского переворота задача новой власти (непонятная с точки зрения здравого смысла, но всецело осуществившаяся) – распылять дворянские архивы по разным хранилищам. Сегодня, благодаря экслибрису князя, «в процессе исследования фонда основного хранилища РГБ было выявлено 110 экземпляров изданий из собрания Лобанова-Ростовского»⁴.

Что касается незаконченной рукописи Алексея Борисовича о Павле I, в другой публикации мы встречаем её любопытную предысторию. А также нам открывается, сколь близок был Алексей Борисович к Александру II, беспрепятственно получая доступ к государственным и династическим тайнам. Бесспорно, в ниже приводимых фактах очевидна высокая степень доверия Александра II к Лобанову-Ростовскому, как к личности.

«Александр II любил историю. Эту науку ему в бытность его великим князем преподавал профессор Константин Иванович Арсеньев (1789–1865). От будущего самодержца старались не скрывать щекотливые династические тайны. Для подготовки подобных лекций Арсеньеву иногда доставлялись секретные дела из Государственного архива. Так, например, профессор запросил бумаги о смерти в 1718 году в Трубецком бастионе царевича Алексея Петровича, а о подлинной причине

¹ Ковригина С.И. Дипломат и библиофил Алексей Борисович Лобанов-Ростовский / Книга в пространстве культуры. Вып. 1(6), М., 2010, с. 29–32.

² Там же, с. 29–30.

³ Кушнарёв И.С., с. 45.

⁴ Ковригина С.И., с. 30.

смерти Павла I Александр Николаевич узнал от самого отца-императора: «Обедал один с бесценным моим родителем, и тут папа рассказал, как императрица Екатерина заставила Петра III низложиться, как он был убит Орловым в Ропше, как она взошла на престол, обходилась с Павлом и, наконец, о вступлении на престол Павла I и его умерщвлении и не велел мне никому о сём говорить», – записал Александр Николаевич в своём дневнике 11 марта 1833 года. Говорить он до поры до времени никому не стал, но вообще всегда очень интересовался эпохой деда... *Император всячески поощрял изыскания князя А. Б. Лобанова-Ростовского об эпохе Павла I и предоставлял князю разные документы из своей библиотеки. Последний же, в свою очередь, присылал государю выписки из различных книг, архивных дел, копии всевозможных документов, касающиеся павловской эпохи, свои заметки по данному вопросу*¹.

Ещё один аспект крупного библиофильского собрания Лобанова опубликован сегодня специалистами. Это автографы, то есть рукописи, принадлежащие авторам текстов, список которых предлагает Российский государственный архив древних актов². Достаточно привести такие документы «Письма Александра I кн. П. М. Волконскому, гр. К. В. Нессельроде и др. 1805–1825, вел. кн. Константина Павловича Н. Н. Новосильцеву и др. 1809 – 1819, саксенкобургского принца Леопольда вел. кн. Константину Павловичу 1815... Рисунки К. П. Брюллова (акварель, карандаш, перо) 1831, 1833».

Занятия историей и активная жизненная позиция

Не в последнюю очередь занятия историей воспитали в дипломате глубокое видение общественных событий современности. В силу понимания их последствий он занимал по отношению к ним активную позицию. Отметим, что «после отмены крепостного права... когда начались откровенные нападки на дворян со стороны либералов и разночинцев, министр иностранных дел А. Б. Лобанов-Ростовский немало сил потратил на то, чтобы сохранить за дворянским сословием его привилегии»³.

Осмотрительность и осторожность А.Б. Лобанова-Ростовского

Говорилось о смелости и решительности князя. Здесь выявляется и возможность его действовать и в противоположном русле, коль так диктует ему видение ситуации. Суждения Лобанова о международной политике России на Балканах представлены в работе о посланнике Сербии бароне Розене. Эта была та же осмотрительность, присущая в свое время Императору Александру II в ситуации на Балканах перед войной 1878–1879 г., которую и сейчас нередко, по советской инерции, продолжают квалифицировать как инертность. Рассматривается несколько, один за другим следующих, переворотов в Сербии, произошедшими в связи с недалёковидным поведением бывшего короля сербского Милана в 1894 г. Статья основана на нью-йоркском издании записок барона 1922 г. и вводимых в обиход новых архивных фрагментов⁴: «Как вспоминал барон Р.Р. Розен, кн. Лобанов-Ростовский «был всегда против нашего вмешательства в политические дела славянских государств Балканского полуострова, в частности Сербии»: «Основной его инструкцией для меня была лишь одна короткая фраза: «Не иди по дороге своего предшественника»» [В России возвращение Милана в Сербию вызвало недовольство, о чём предшественник посол Персиани довел до сведения сербских властей, что в итоге привело к разладу в российско-сербских отношениях]. В инструкциях барону Лобанов развивает мысль: «Мы стараемся, – писал Лобанов-Ростовский Розену 25 мая 1895 г., – сдерживать сербских деятелей всех оттенков в пределах законности, предостерегая их от пагубных последствий антидинастических интриг, неминуемо ведущих к внутренним и внешним замешательствам». Прослужив в Сербии лишь несколько ме-

¹ Сидорова Анна, Исаева Елена. Ларец императора Павла / Родина, 03.04.2014, № 4, с. 118.

² Коллекция автографов кн. А. Б. Лобанова-Ростовского. Ф. 1477, 46 ед. хр., 1786 – 1864 (печ. до 1893). Оп. 1/Российский государственный архив древних актов. Путеводитель. В четырех томах. Том 4. 1999. См. <http://guides.eastview.com/browse/guidebook.html?bid=151&sid=336393>

³ Павлова С.Е. О преобразовании университетов./Московский журнал, 15.03.2005, № 3, с. 2-6.

⁴ В частности, в связи с Лобановым приводятся документы АВПРИ (Архив внешней политики российской империи) см. Кабанов Д. С. Дипломатическая миссия Р. Р. Розена в Сербии в 1895 – 1897 годах. / Российская история, №3, 2008, с.110–115.

сяцев, Розен составил подробную программу своей будущей деятельности, одобренную затем кн. Лобановым-Ростовским и Николаем II»¹.

Борьба за пост министра

Последняя по времени работа, с которой нам удалось ознакомиться, посвящена ситуации вокруг назначения Лобанова-Ростовского министром МИД в 1895 г.², и весьма убеждает в значительности фигуры дипломата и в его преклонные годы – ему шёл восьмой десяток лет. Ибо только очень сильные фигуры могут вызвать столь мощное противостояние сторонников и противников, сильнейших игроков во власти. Беспрецедентная ситуация: министерский пост оставался пустым целых полгода после смерти предыдущего министра Гирса в силу того, что князь стал «причиной раздора в верхах». «Представители высшей бюрократии разделились на враждебные лагеря, причём складывается впечатление, что они сложились по принципу отношения к кандидатуре Лобанова – «за» или «против». Причин много. Важнейшие: репутация «либерала-западника» и в своё время неблагоприятное к князю Императора Александра III, а с ним и императрицы Марии Фёдоровны, роль которой в первые месяцы правления Императора Николая II была особой; независимый характер Лобанова, нежелание поддержать министра финансов графа С.Ю. Витте, и отсюда нерасположение к нему последнего. Напротив, дядя Императора Николая II, Вел. князь Владимир Александрович, был бесспорным сторонником назначения Лобанова министром. Была составлена интрига, в результате которой князь должен был отправиться послом в Берлин. Молодой Император колебался между той и другой сильнейшими сторонами. Официальное назначение Лобанова послом в Берлин состоялось и было подписано Николаем II. Кандидатура посла в Лондоне Е.Е. Сталя в качестве министра «возникла в противовес Лобанову». И тут история показала, что искусственно создаваемые фигуры – шаткий козырь власти. Сталь внезапно и категорически отказался. Не без некоторой неприятности для Лобанова в процедуре самого назначения, через три недели после отказа Сталя оно состоялось.

Как известно из исследования И.С. Кушнарева, на посту министра, «ведя осторожную и взвешенную политику, он решал все проблемы исключительно дипломатическими методами, не допуская втягивания России в военные конфликты. К сожалению, после смерти Лобанова внешнеполитический курс России отошёл от намеченной им линии, приобретя авантюристические черты, что привело страну к известным трудностям, особенно остро проявившимся на Дальнем Востоке в начале XX в.»³.

Дальневосточная политика Лобанова на посту министра⁴

Международная ситуация

– К 1890-х гг. Япония стала империалистическим государством, ей было нужно «завоевание плацдарма, который позволил бы ей закрепиться на азиатском материке». Им была «практически незащищённая» Маньчжурия, на подступах к которой лежала Корея.

– В 1894 г. Япония ввела войска в Корею, возник конфликт с Китаем и началась японо-китайская война (1894–1895).

– Россия же граничила с Кореей.

Роль дипломатии Лобанова в исследовании И.С. Кушнарева

Дипломатическое посредничество нового министра А.Б. Лобанова-Ростовского содействовало заключению Симоносекского мирного договора 1895 г., по которому Япония лишилась ряда при-

¹ Там же, с. 111.

² Голечкова О.Ю. Пустующее министерство или борьба вокруг назначения князя А.Б. Лобанова-Ростовского на пост министра иностранных дел. / Клио. Журнал для ученых, 2013, № 4 (76), сс. 50–54.

³ Кушнарев И.С., с. 224.

⁴ Её особенностям посвящена вторая глава диссертации, а также отдельная статья И.С. Кушнарева Участие А. Б. Лобанова-Ростовского в русско-японском урегулировании в Корее (1895–1896) // Вестник Саратовского гос. социально-экономического университета. 2008., № 1(20), с. 111–113.

обретений. Это было крупной победой дипломатии в завершении смертоубийственных военных действий, конкретным завоеванием в деле мира на земле. Однако конфликт между дальневосточными державами был столь сложным и болезненным, что его отдаленные последствия разрушительными штормами отразились и в истории России. Надо отметить, что в связи с этим дипломатическая деятельность России того времени исследователями оценивается неоднозначно. Нам же близка точка зрения И.С. Кушнарева и Б.Б. Пак, показавших, как в реальном отрезке времени с помощью переговоров был погашен вооружённый конфликт.

Да, дипломатическое вмешательство России «резко обострило отношения между Россией и Японией. Особенно остро русско-японское соперничество проявилось в Корее. Россия из всех держав наиболее была заинтересована в защите корейского государства, ей было крайне невыгодно усиление Японии на своих восточных рубежах. Ещё в апреле 1895 г. Лобанов писал послу в Лондоне:

«Мы твёрдо высказывались в пользу независимости Кореи. Отстаивание её самостоятельности будет, быть может, главным предметом наших стараний»¹.

Япония продолжала вмешиваться во внутреннее управление Кореи. Для России это было неприемлемо. «В инструкции новому поверенному в делах в Корее А.Н. Шпейеру Алексей Борисович писал о российской политике по отношению к Корее:

«Не питая против королевства завоевательных замыслов, мы конечно не можем допустить таких со стороны кого-либо другого».

Но министр подчеркивал:

«Неукоснительно преследуя решение исторических задач, стоящих в связи с нашими интересами, мы будем, однако, в Корее, как и везде, избегать всяких рискованных и вызывающих действий, могущих вовлечь нас в нежелательные замешательства»².

Логика стремления российской дипломатии к выводу японских войск из Кореи привела к необходимости упрочить в Корее свое влияние. «Безвольный король Кочжон, оказавшийся под надзором японцев, тайно обратился в русскую миссию за помощью. А.Б. Лобанов-Ростовский в секретной телеграмме в Сеул писал, что «все меры, ведущие к освобождению короля из-под гнёта заговорщиков, одобряются нами», и предлагал предоставить ему убежище. Это позволяло укрепить российское влияние в Корее, не применяя при этом военную силу, чего министр всячески избегал»³. Кочжон бежал и, скрывшись в здании русской миссии, объявил об отмене почти всех японских реформ.

«Ни Япония, ни Россия не были готовы к вооружённому столкновению и пошли на компромисс...»

Договор Лобанов-Ямагата

9 июля 1896 г. в Москве между Лобановым и японским послом генералом А.Ямагатой было подписано соглашение о равенстве интересов России и Японии в Корее... Это был несомненный успех российской дипломатии. Главным достижением России был зафиксированный отказ Японии от особых прав, которые она получила по итогам японо-китайской войны 1894–1895 гг. *Князь Ямагата являлся лидером наиболее воинственной группы в правящих группах Японии*, что придавало договоренности особый вес... Первоначально Ямагата предложил разделить Корею между Россией и Японией по 38-й параллели. Лобанов заявил, что

«уступая по договору Японии южную оконечность Корейского полуострова, Россия формально, раз навсегда, отказалась бы от наиболее важной в стратегическом и военном отношении части Кореи и таким образом добровольно связала бы свою свободу действий в будущем».

Соглашаясь с мнением Б.Б. Пак, Кушнарев приводит её соображения: «российская дипломатия в тот период не питала каких-либо завоевательных замыслов в отношении Кореи и считала необходимым ограничиться укреплением России в Корее и предотвращением возможности новых покушений на независимость корейского государства» [Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Книга вторая., М., 1888–1897.].

¹ Цит. по Кушнарев И.С. с. 111.

² Цит. по Кушнарев И.С. с. 111.

³ Цит. по Кушнарев И.С. с. 112.

К началу июля 1896 г. князь Лобанов написал «Ответные пункты корейскому послу». Согласно первому пункту король под русской охраной

«может оставаться в миссии, сколько сам сочтёт нужным и удобным». Если же он пожелает вернуться во дворец, «русское правительство может принять на себя нравственное ручательство за его безопасность»¹.

Здесь был разработан тщательный «технический» план по охране.

«На ходатайства корейского правительства был дан отрицательный ответ лишь в вопросе о предоставлении Кочжону русской охранной гвардии. Лобанов писал в Сеул:

«Исполнение сей просьбы, с нашей точки зрения, было бы, однако, неудобно по следующим соображениям: 1) охрана короля русскими корпусами в самом дворце кажется нам несовместимым с принципами корейской независимости; 2) это может вызвать явное негодование других держав, в особенности Японии, и усложнить, таким образом, политическое положение Кореи... В то же время я снесся с японским правительством, чтобы заручиться его обещанием воздерживаться от всяких враждебных действий против корейского государя, и на это последовал вполне благоприятный ответ».

*Смерть А.Б. Лобанова-Ростовского в поезде.
Обложка «Le Petit Journal»,
Париж, 13 сентября 1896 г.*

Общий вывод Кушнарева: «Россия в период, когда внешнеполитическое ведомство возглавлял Лобанов-Ростовский, способствовала отстаиванию независимости корейского государства, не допуская занятия там особого положения другими державами, прежде всего Японией. В то же время российская дипломатия стремилась всячески избегать возможного вооруженного столкновения с ней из-за Кореи».

Проведя обзор публикаций периодических научных изданий XXI века, касающихся разных сторон деятельности братьев Алексея (2008-2014 гг.) и Михаила Лобановых-Ростовских (1999–2014 гг.).

Выводы нам видятся следующие:

- обширное наследие Лобановых-Ростовских ныне опубликовано столь фрагментарно, что сегодня о нём не может быть составлено полное впечатление;
- уже опубликованное представляет значительный историко-культурный интерес;
- изучение подлинной роли братьев в истории и культуре России находится в начале пути;
- на наш взгляд, первоочередной задачей является подготовка к изданию и публикации всего корпуса сочинений Лобановых-Ростовских, по крайней мере, значительной его части, с вступительными и историко-текстологическими комментариями. Это даст возможность исследователям объективно и многосторонне в дальнейшем оценить их деятельность и вклад в историю России.

¹ Цит. по: Кушнарев, с. 113.

Русский мир без границ

Берега Болгарии

Никола Р. Казански

Доцент, доктор Софийского университета. Начал собирать материалы о русских эмигрантах в Болгарии в начале 1990-х годов, когда это стало вообще возможным... Благодаря содействию Центральной библиотеки Болгарской академии наук вышли два издания: «Русские в Болгарии» (Пловдив, 2010. 436 с.) и «Русский мир Болгарии» (София, 2012. 472 с.). Первое из них осуществлено по гранту Фонда «Русский мир». Опубликовал также статьи о Н.Н. Глубоковском, А.Н. Грабаре и другие. Вышла «Библиография русской православной литературы в Болгарии 1920–1948 гг.» (Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 3 (15). 2016, С. 174–192). Составил «Золотую книгу и Атлас российской эмиграции в Болгарии», где описаны все выдающиеся люди русской науки и культуры, а также все очаги российской цивилизации

в Болгарии. Именно здесь находилось самое большое число русских школ (10), церквей (7), монастырей (6), культурно-просветных организаций (свыше 60) и единственный Памятник русской эмиграции (в Пернике).

Болгарская миссия в России в 1895 году. Возобновление дипломатических отношений

Болгарию и Россию связывают более чем тысячелетние традиционные связи единого духовного и культурного пространства. Они основаны на религии – святое Православие, славянский язык, алфавит – кириллица, цивилизация – византийско-славянская и общая история – Россия поддерживала духовно и материально угнетенный болгарский народ и наконец освободила его ценою больших жертв. После Освободительной Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. вклад русской цивилизации в военную, духовную, культурную и научную жизнь молодого государства оказался решающим для его дальнейшего успешного развития. Русский язык изучался как обязательный предмет во всех болгарских школах и высших училищах более чем 100 лет (с 1880 по 1994).

Многие болгарские военные, специалисты и священники получили свое образование в России. Как отмечал князь Андрей Павлович Мещерский, русский эмигрант в Болгарии с 1920 по 1992 г.: «множество образованных и даже простых болгар говорили свободно по-русски и даже без всякого акцента». Один только офицерский корпус был составлен исключительно из русских воспитанников, которые принесли победу в неравной Сербско-болгарской войне 1885 г. После гражданского раскола в 1886 г. многие из них верно служили в Русской императорской армии вплоть до 1898 г., когда по негласному соглашению они вернулись в Болгарию. И в значительной степени благодаря им, Болгария выиграла победоносно первую Балканскую войну против Турции в 1912–1913 г. Одним из героев был штабс-ротмистр Рачо Петков Славейков (1857–1931), сын болгарского народного поэта Петко Рачова Славейкова (1827–1895).

Поскольку в 1886 г. был свергнут князь Александр I Болгарский, Россия не признавала возникшее в результате переворота правительство законным и не имела дипломатических сношений с Болгарией. После падения Стефана Стамболова¹ (сам он был русофилом, но проводил антирусскую политику по внутривнутриполитическим причинам) болгары постарались построить новые отношения с

¹ Стефан Николов Стамболов; (или Стамбулов; 1854–1895) болгарский революционер, политический деятель, регент Болгарии в периоды 26 августа – 24 октября 1886 г. и 1 ноября 1886 – 2 августа 1887 г.

Болгарских послов принимает князь А. Б. Лобанов-Ростовский

Россией как со своей освободительницей и признанной покровительницей и защитницей славянских народов. Летом 1895 г. в Санкт-Петербург приехала болгарская делегация во главе с митрополитом Климентом Тырновским, встретившая у Государя российского самый милостивый прием. И тогда же, после десятилетнего отлучения, было официально объявлено, что этот прием оказывает «болгарскому народу, в чувствах которого Россия никогда не сомневалась».

Надобно же, наконец, назвать поименно всех членов этой поистине исторической миссии: митрополит Климент Тырновский (Васил Друмев; 1841–1901); Председатель Болгарской академии наук, архимандрит Василий Михайлов (1847–1927), наставник в Православии будущего царя Бориса III; Теодор Иванов Теодоров (1859–1924), Председатель Народного Собрания; Иван Минчов Вазов (1850–1921), болгарский «Пушкин и Толстой»; доктор Пантелей хаджи Минчович (1834–1898), депутат и член Болгарской академии наук; доктор Димитр Петров Моллов (1846–1914), депутат и член Болгарской академии наук; Иван Стефанов Гешов (1854–1932), депутат и известный дипломат; Пантелеймон *Наботков* (1850, гор. Свиштов – ?), русский воспитанник, герой Апрельского восстания и Освободительной войны, депутат и бывший Председатель Народного Собрания. *Никогда в истории, ни прежней ни последующей, не было и в помине такой представительной делегации болгарских старейшин...*

24 июня 1895 г. представительная болгарская делегация была принята самим министром иностранных дел Российской империи князем Алексеем Борисовичем Лобановым-Ростовским, действительным тайным советником. Он их обласкал и всячески поощрил перед аудиенцией у Государя императора. Сердечно пожал руку каждому из членов делегации и крепко поцеловал благословившую его архиерейскую десницу владыки Климента. Как вещей знаток болгарской действительности он расспрашивал их о видных фамилиях – Бурмов, Чомаков, Славейков, Цанков, Гешов и Тъпчилештов. Надо подчеркнуть, что князь Лобанов-Ростовский всегда особо благоволил к болгарам, имея в виду, что именно он подписал Константинопольский мирный договор 1879 г., который воскресил и увековечил Болгарское царство. Он всегда был сторонником более мягкой и умеренной политики в отношении Болгарии, независимо от ее не всегда лояльного поведения...

После подношения золотого венца к могиле Александра Третьего с надписью «*Царю миротворцу, признательная Болгария*» и венца к надгробию Царя Освободителя Александра Второго была совершена панихида и отслужена заупокойная лития.

5 июля 1895 г. болгарская делегация, наконец, была принята в Большом Петергофском дворце. Владыка Климент был удостоен приватной аудиенции у Царя, которая длилась больше пол часа. Император изволил милостиво принять дар посланничества – образ Святителя Николая Чудотворца и Угодника, его небесного покровителя и заступника.

Сам государь был в униформе полковника – он никогда не принял большей должности в иерархии военных чинов.

В результате этой миссии столь желанное признание государства Болгарского состоялось уже в следующем году...

Надо, наконец, (и напоследок) в заключение, сказать то, что как-то вовсе не произноситься – по всяким разным причинам... Россия, какой бы она была или не была, стояла и стоит всегда за Веру, за Царя и за Отечество. К великому сожалению, Царя она потом предала, Отечество все-таки отстояла, но за ВЕРУ она всегда держалась крепко...

Как говорил болгарин митрополит Климент Тырновский: *«Все, кто посягнет у нас на Православие, посягают на самое существование народа»*. И завершал всегда свои речи словами: *«Има Православие у нас, има български народ; няма Православие – няма български народ!»*. Владыка в самый роковой час своего Отечества не поколебался назидать самого императора Александра III: *«Только ты один, Государь, можешь предотвратить эти несчастья от освобожденной русской крови Болгарии, и мы к тебе припадаем и молим тебя защитить и спасти нас»*.

Сам владыка Климент жестоко пострадал за православную веру – был незаконно низвергнут, несправедливо осужден и заточен в Гложенскую обитель. Это снискало ему самое высокое уважение и всеобщее расположение в России.

Для замирения с болгарями у России было только одно условие – крещение болгарского престолонаследника принца Бориса Тырновского в православную веру. Это было принято с благодарностью, и сам Император Всероссийский Николай Второй стал крестным отцом будущего болгарского царя Бориса Третьего.

В связи со всем этим вспоминается случай из пресловутой Крымской войны когда юноша-доброволец был ранен в бою и доктор его спрашивает: «Тебе больно?!?», – а он ответил гордо *«Нет! Это за Царя!!!»*.

Русский мир без границ

Берега Великобритании

Мария Львова

Мария Львова – руководитель секции публикаций «Русского наследия в Великобритании»

Интервью

**с Ольгой Викентьевной Ткаченко-Матвеевой,
дочерью первого послевоенного корреспондента
«Известий» в Лондоне
Викентия Александровича Матвеева (1923–1997)**

Воспоминания об отце

Викентий Александрович Матвеев окончил МГИМО в 1948 году, журналист, кандидат исторических наук, доцент; лауреат Ленинской премии (1960, за книгу «Лицом к лицу с Америкой»). С 1948 года сотрудник газеты «Известия». В 1954–1959 годах корреспондент «Известий» в Великобритании. В 1961–1992 годы политический обозреватель «Известий».

Автор книг: «Провал мюнхенской политики (1938–1939)» (1955), «Империя Флит-стрит. Современная пресса Англии» (1961), «Атлантический клубок. (Черные кресты над Западной Европой)» (1962), «Судья – время. Путешествие по нашей меняющейся планете» (1973), «Страсть власти и власть страсти. Историческое повествование о нравах королевского двора Англии XVI–XX веков» (1997) и др.

М.Л. Ольга, я благодарна только что ушедшему 2018 году за наше с Вами знакомство, которое произошло по интересному совершенно сценарию. Кратко расскажу, а Вы поправьте меня. Вы составили коллективное письмо-обращение за подписью целого перечня людей в поддержку объекта культурного наследия, имеющего федеральное значение – Знаменской церкви, Московская область, Клинский район, село Тёплое. Знаменская церковь была спроектирована архитектором Н.А. Львовым (1753–1803), чьим прямым потомком являюсь я. Вы обратились к моей маме с просьбой подписать данное обращение, что она и сделала. В свою очередь Вы поведали, кем был Ваш отец. Получается, Ваше внимание привлёк мой прапрадедушка, а моё Ваш папа. Сказать честно, за 4 года существования «Русского наследия в Великобритании», чьим членом я являюсь, мне не встречалось информации о Викентии Матвееве. Это говорит о том, что сведения о нём, о его работе корреспондентом в Лондоне на протяжении 5 лет, о его многочисленных книгах и трудах ушли в историю и архивы. И у меня возникло желание ознакомиться с ними как можно ближе. Данное интервью можно отнести к первому шагу знакомства. Но мой первый вопрос отступлением. А что Вас привело именно к Знаменской церкви в селе Тёплое?

О.Т.-М. Полвека назад отец купил дом в деревне, в Клинском районе Подмосковья. Здесь мы с папой любили ходить на байдарке по Нудоли, на которой стоит наша деревня, до Истринского водохранилища. Окрестности дачи, где я теперь практически постоянно живу, не только очень живописные, но и с богатой историей. К сожалению, я увлеклась краеведением сравнительно недавно, когда многие памятники истории и архитектуры уже были уничтожены и утрачены – особенно разрушительным был период с конца 90-х годов. Стремительно разрушается и расположенная неподалеку от моего деревенского дома Знаменская церковь великого русского зодчего Николая Александровича Львова в бывшем селе Тёплое. Пожалуй, это самое удивительное, чарующее, и вместе с тем вызы-

*ВА Матвеев за печатной машинкой
в газете «Известия»*

вающее чувство боли место рядом с моей деревней. Несуществующее ныне село Тёплое расположено среди девственной природы, в междуречье двух небольших речек – Нижней Вельги и Верхней Вельги, несущих свои воды в Нудоль. Чем больше я узнаю об истории Тёплого, его владельцах, заселявших эти места ещё до Смутного времени и открываю для себя, насколько гениален был Ваш прапрадед, тем больше поражаюсь небрежению к памятнику истории и культуры Федерального значения – как со стороны нашего государства, так и Церковных властей. Их бездействие и сподвигло меня попытаться привлечь общественность к делу спасения Знаменской церкви. Удивительно, что, работая в архивах в поисках материалов по Тёплому, я нашла интересные документы, связанные с историей нашей семьи.

Мария, я благодарна судьбе, что познакомилась с Вами и Аллой Петровной – Вашей мамой, сделавшей так много для сохранения памяти о Вашем гениальном предке.

М.Л. Возвращаемся к Вашей семье. Что Вы знаете/помните о происхождении Вашего отца?

О.Т.-М. Я хорошо помню бабушку – папину маму. Она жила вместе с нами в последние годы. Папа был очень заботливым и любящим сыном. Елена Геннадиевна одна поднимала маленьких ребят – отца и его сестру Варвару. Отец Викентия Александровича умер, когда ему было всего 6 лет. Воспитывать детей помогали дяди отца – Владимир Арсеньевич и Сергей Арсеньевич. Братья Матвеевы – Александр, Сергей, Владимир и Николай происходили из бедной костромской крестьянской семьи, переехавшей в Ярославль. Все братья были целеустремленными и талантливыми личностями. Владимир Арсеньевич мечтал стать лётчиком. Прочитав в газете объявление о школе военных авиаторов в Санкт-Петербурге, он незамедлительно туда поехал и успешно окончил это училище. Во время I Мировой войны управлял самолётом «Фарман», стал Георгиевским кавалером всех степеней этого ордена. В эпоху «Сталинских соколов» работал в НИИ ГВФ, испытывал самолет «Сталь 7» авиаконструктора Роберта Бартини. В 1939 установил мировой рекорд скорости полёта на дальнем расстоянии, подтверждённый Международной Авиационной Федерацией ФАИ. Был награждён орденами Ленина и Красного знамени.

Сергей Арсеньевич Матвеев после окончания Строгановского художественного училища работал художником-декоратором в Санкт-Петербурге, был дружен с Константином Коровиным и Александром Бенуа. В 1913 Сергей Арсеньевич организовал в Петербурге детскую школу прикладного искусства. После революции С.А. Матвеев преподавал в Петербургской Академии художеств, был профессором на кафедре рисунка. В 1921 он был одним из организаторов Ярославского художественного техникума. После чего Луначарский пригласил его в Москву организовать подобное учебное заведение в столице. В 1925 открылось Московское Художественное училище имени 1905 года (МАХУ), основанное моим двоюродным дедом. Он также основал московский полиграфический техникум. В 30-е годы Сергей Арсеньевич был директором художественного училища в Палехе. Мой отец с сестрой приезжали туда к нему на лето. Сергей Арсеньевич заботился об осиротевших рано племянниках, и папа считал его своим вторым отцом. Сергей Арсеньевич был женат на племяннице Г.Н. Габричевского, учёного-основателя русской научной школы микробиологии.

Об Александре Арсеньевич Матвееве, своём деде, я знаю только, что 1912–1914 годах он уехал с бабушкой в Персию, Иран, работал в Транспортном Бюро Персии. Вернувшись в Россию, он служил в конторе Золотоусской железной дороги в Самаре. Там в 1923 году родился мой отец. В 1925 семья переехала в Москву.

М.Л. Вы и Ваш старший брат Никита появились на свет в Лондоне, когда отец работал там корреспондентом «Известий». Уместно ли спросить: что осталось в Вашей памяти о жизни в Лондоне или о моменте переезда, если семья вернулась в Россию, когда Вам было 2–3 года?

О.Т.-М. Мы вернулись в Москву, когда мне было чуть больше двух лет, и я ничего не помню об этом времени.

М.Л. Любил ли вспоминать тот период времени сам Викентий Александрович? Расскажите яркий эпизод его пребывания в Лондоне, к которому он часто возвращался в своих рассказах.

О.Т.-М. Жизнь отца после возвращения из командировки в Лондон была такой насыщенной и напряжённой! К тому же он довольно часто ездил в Великобританию и как журналист, и по линии Советского Комитета защиты мира, по приглашению общества дружбы Великобритания – СССР. Поэтому я не могу сказать, что он в семейном кругу предавался ностальгическим воспоминаниям о тех 5 годах работы в Лондоне. Его воспоминания о годах работы в Англии корреспондентом «Известий» легли в основу книг, которые он написал – «Британия вчера и сегодня», «Мир творят люди» и других. Знаю, что книга отца «Империя Флит-стрит» была учебным пособием на факультете Международной журналистики МГИМО, где он преподавал.

М.Л. Ваши первые воспоминания об отце?

О.Т.-М. Папа воспитывал нас с братом в строгости, учил нас быть скромными и чуткими по отношению к другим людям. Первое яркое воспоминание о нём – как он отчитывал меня, пятилетнюю, за то, что я радостно сообщаю подружкам о поездке на дачу. «Что ты расхвасталась! Думаешь, у этих девочек есть дача?». Отец не рассказывал нам с братом, каким трудным и бедным было его детство, и я поняла гнев отца только много лет спустя, прочитав его дневниковые записи.

М.Л. Работа корреспондентом подразумевает встречи, беседы, интервью. Рассказывал ли он, встреча с какой персоной потрясла его? Был ли в его жизни человек, личность которого оказалась значимой?

О.Т.-М. Круг общения отца в Лондоне был весьма обширен. Он встречался с известными политиками, бизнесменами, общественными деятелями, журналистами, писателями.

Личностью «крупного калибра», как выражался отец, который произвёл на него большое впечатление как своим политическим весом, так и человеческими качествами, был Дэвид Астор – владелец и главный редактор старейшей английской газеты Observer. Отец познакомился с Астором в 1954 году. Их переписка оборвалась лишь в 1996 году со смертью моего отца. В письме, адресованном мне в 2000 году, Дэвид Астор написал, что у них с отцом была многолетняя дружба, и он высоко ценил отца. В том же 1954 году на «Форуме прогрессивных бизнесменов» отец познакомился с шотландцем, депутатом английского парламента, лейбористом Эмрисом Хьюзом. По воспоминаниям отца, Хьюз располагал к себе с первых минут и содержательностью сказанного, и юмористическим тоном. Любовь к поэзии Роберта Бернса связывала многолетней дружбой с Хьюзом не только моего отца, но и Самуила Яковлевича Маршака – переводчика прекрасных стихотворений Бернса. С Хьюзом отец посетил родину Бернса в Шотландии. Хьюз несколько раз был в нашей стране. Помню, как он гостил у нас дома в Москве. В серии «Жизнь замечательных людей» вышел перевод книги Эмриса Хьюза о Бернарде Шоу.

На Пасхальном антиядерном митинге на Трафальгарской площади отец познакомился с выступавшим там 80-летним настоятелем Кентерберийского собора Хьюлеттом Джонсоном, деканом Кентербери. Убеждения христианского социалиста, религиозного и общественного деятеля произвели на отца сильное впечатление. По просьбе Матвеева Джонсон написал статью для «Известий».

Накануне визита в 1955 в Англию Булганина и Хрущёва отец брал интервью у Монтегю Вудхауза, директора Чатам-хауза, Королевского института международных отношений. По мнению отца, Вудхауз был деятелем, не уступающим по калибру Дэвиду Астору. Вудхауз привлекал отца прямоотой, откровенностью. Интервью с ним было напечатано в «Известиях» на видном месте. Спустя 2 года после того, как отец брал интервью у Вудхауза, в день, когда я родилась, отец выступал в Чатам-хаузе о советской политике в Европе. Викентий Матвеев был первым советским гостем в институте,

выступившим там. Отец также был первым советским журналистом выступившем на английском телевидении.

В 50-е годы советские писатели по понятным причинам избегали контактов с Пен-клубом. Но отец считал, что ему в качестве журналиста, а не писателя, вполне уместно присутствовать на конгрессе этой организации, на которую он получил приглашение в июле 1955 года. В своём дневнике отец сделал интересную запись о выступлении Уинстона Черчилля на этой конференции.

В декабре 1958 в Лондон приехал Ясен Засурский с факультета журналистики МГУ. Вместе с отцом они посетили писателя Грэма Грина в «холостяцких апартаментах» Олбени на Пиккадили, где останавливался Байрон, а Маколей писал свою «Историю». По воспоминаниям отца, встреча была душевной. О Пастернаке в связи с шумом, поднятым в Советском Союзе вокруг «Живаго», писатель заметил: «Досадно, что эта история порвала наши писательские связи».

Отмечу также встречи Викентия Матвеева с Бертраном Расселом и с депутатом парламента Мэган Ллойд-Джордж – дочерью бывшего британского премьера, которая рассказала об усилиях её отца в середине тридцатых годов добиться от западных держав привлечения Советского Союза к мероприятиям по обеспечению безопасности в Европе.

Интересные встречи были не только с англичанами. На одном из приёмов в Ассоциации иностранной прессы в 1954 году отец познакомился с очень бедно одетым человеком. Это был сербский поэт, писатель, драматург Милош Црнянский, работавший в то время в Лондоне корреспондентом нескольких латиноамериканских газет. Он окончил пять университетов – Белградский, Венский, Берлинский, Парижский и Лондонский, работал дипломатом в Риме и Берлине, его поэзией зачитывалась молодёжь, в 1921 году вышел его первый роман «Записки о Чарноевиче», в котором Црнянский писал и о России. В 1947 на английском языке вышел его «Роман о Лондоне». Црнянский опасался возвращаться в Югославию, так как во время войны входил в королевское эмигрантское правительство в Лондоне. После окончания войны, отказавшись от возвращения домой, зачислил себя в глазах югославских властей в число недоброжелателей новой власти у себя на родине. Црнянский оказался в бедственном положении, и чтобы не умереть с голода он занялся журналистикой. Црнянский вернулся в Белград в 1965 году, где и был похоронен. В Сербии учреждена литературная премия имени Милоша Црнянского.

У отца были многолетние деловые отношения с Мильтоном Эйзенхауэром, в те годы президентом Университета Джона Гопкинса, братом Президента США Дуайта Эйзенхауэра. Высоко ценил отец знакомство с Авереллом Гарриманом, который в военные годы 1943–1946 был послом США в СССР. После одной из встреч с Гарриманом отец записал в дневнике «с людьми крупнокалиберными как-то сам поднимаешься выше». Хорошо помню, как Гарриман гостил у нас дома на московской квартире в мае 1974 года. До этого только один раз посол США был в гостях в частном доме – в 30-х годах у писателя Алексея Толстого на даче.

М.Л. Можно слушать бесконечно... очень интересно и познавательно.

К кому или к чему он относился с антипатией?

О.Т.-М. К лениности – духовной, умственной и телесной. К показухе, неискренности и лживости.

М.Л. У Вас сохранился архив фотографии Лондона, Англии периода 1950–1956 годов?

О.Т.-М. Да, я храню архив отца. Это не только фотографии Англии того периода, но и вырезки из газет, переписка с людьми, о которых я упомянула, отвечая на Ваш предыдущий вопрос.

М.Л. Ваша любимая фотография?

О.Т.-М. Для меня это фотографии нашей семьи, когда мы все вместе, с братом Никитой.

М.Л. Будучи корреспондентом, политическим обозревателем, автором многочисленных статей и книг, читал ли он художественную литературу и какого автора выделял для себя, если такой был?

О.Т.-М. Конечно, помимо колоссального объёма текущей прессы, специальной литературы по истории и вопросам международных отношений, отец находил время и на чтение классической литературы. Когда мы с братом были детьми, папа часто читал нам вслух Диккенса, Лескова, Толстого. Он ценил дружбу с экономистом, социологом и журналистом Юрием Константиновичем Острови-

тяновым – заместителем главного редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения». Островитянов был большим эрудитом, очень хорошо знал русскую поэзию и прозу. Помню долгие беседы отца с Юрием Константиновичем на литературные темы у нас дома.

М.Л. Я просто уверена, что у Вас огромная библиотека книг дома. Какая полка была особо дорога Викентию Александровичу? И какая Вам?

О.Т.-М. Отец интересовался историей Британской монархии. Он собрал много книг, изданных как в Британии, так и у нас на эту тему. Наверно, это была его любимая полка. Вернее, не полка, а целый шкаф книг.

Мне интересны книги по истории России, архитектуре, живописи, мемуарная литература. Отец собрал также большую коллекцию самых разнообразных словарей, с которыми я очень люблю работать. Особенно с этимологическим словарем Фасмера.

М.Л. Как он относился к юмору? Любимая история/анекдот/поговорка?

О.Т.-М. Да, папа юмор любил, и его умение разрядить напряжённую обстановку уместной шуткой часто спасало ситуацию. Отец собирал английские, американские и русские издания книг пословиц и поговорок. Не могу выделить какую-либо его любимую поговорку или поговорку. Помню, как папа отреагировал на моё желание уйти из внешнеторговой организации, в которой я проработала всего несколько недель и стала свидетелем ареста всего её руководства. Он ответил мне Библейским «Надо отделять зёрна от плевел». Я тогда послушала отца, проработала во Внешторге более 20 лет.

М.Л. Викентий Александрович является автором многих книг, в которых описываются те или иные события разных стран. А какая страна его пленила или интересовала больше всего и почему?

О.Т.-М. Помимо Англии отец был увлечен Грецией – историей и культурой этой страны.

М.Л. Ольга, Вы закончили МГИМО, как и отец. Пошли ли Вы по его стопам?

О.Т.-М. В нашей семье три поколения выпускников МГИМО. Кроме отца и меня этот институт окончил и мой сын Алексей. Факультет журналистики МГУ окончила моя дочь Лена. Я не стала журналистом, как мой отец. Я училась в школе с литературным уклоном, где нашим преподавателем был талантливейший филолог Александр Владимирович Музылев. У меня была высокая планка внутренних требований к творческой профессии журналиста, и я видела, как работает отец. Считала себя недостаточно способной для профессии журналиста. Окончила факультет международных экономических отношений МГИМО. Проработала много лет в системе Внешторга, затем на одном из проектов Всемирного банка в России, в нескольких крупных американских компаниях.

М.Л. Когда речь заходит о Викентии Александровиче Матвееве, каким он появляется в Вашей памяти: стоящим с фотоаппаратом, сидящим за печатной машинкой, с карандашом в руке, читающий утреннюю газету или просто любящим отцом?

О.Т.-М. Вы знаете, все эти перечисленные Вами картинки складываются у меня в одну общую картину воспоминаний о папе – любящем отце и человеке, увлечённом своей профессией.

М.Л. Как Вы думаете, он любил свою профессию?

О.Т.-М. Конечно, любил! Он мечтал стать журналистом ещё будучи школьником. Отец был очень целеустремленным человеком, он достиг своей цели.

М.Л. Викентий Александрович всю жизнь проработал в газете «Известия». «Известия» были учреждены в 1917 году. Существовали при советской и существуют при российской системе. Пережили многих правителей нашей страны. Такая деловая, ежедневная газета. Ваш отец трудился в ней как в России, так и представлял этот бренд в зарубежных поездках и целых пять лет был корреспондентом и политическим обозревателем в Лондоне. Что для него/Вас было понятие «Известия»? Лично для меня, человека, родившегося в СССР, получившего образование в России, сразу рисуется картинка в голове двух зданий в Москве: одно с надписью «Правда» и второе «Известия».

О.Т.-М. Отец проработал в «Известиях» более 40 лет. Ему предлагали заманчивые должности в МИДе, но он никогда не изменял родной газете – наиболее читаемой из официальных газет в нашей стране. Я думаю этим все сказано. В «Известиях» работала целая плеяда талантливых журналистов. Мне посчастливилось видеть Татьяну Тэсс, Анатолия Аграновского, Александра Бовина, Станислава Кондрашова и других мастеров-публицистов, талантливых журналистов в Пахре, доме отдыха «Известий». Для меня это было прекрасное, незабываемое время.

М.Л. Ольга, Ваша семья была очень активной и спортивной по Вашим рассказам. Расскажите про это. Какие спортивные мероприятия любил отец и что он привил Вам? Начните с детских воспоминаний.

О.Т.-М. Со студенческих лет папа увлекался водными видами спорта. В Лондоне он купил замечательную шлюпку «Динги», на которой мы ходили по Темзе. Отец привез её после окончания работы в Лондоне в Москву. Помню наши походы на байдарках по литовским озерам, на Селигере, по Пестовскому водохранилищу. Интересно, что в Лондоне папа как-то сыграл в крикет – первый раз в жизни, и об этом даже была заметка в местной газете. Англичане удивлялись умению русского играть в крикет! В Лондоне родители освоили игру в теннис. Я до сих пор храню их первые ракетки Dunlop. Моя мама в студенческие годы была в сборной Тимирязевской академии по конькобежному спорту, так что увлечение спортом отца она полностью разделяла. В Лондоне отец купил прекрасную палатку. Решил незамедлительно её испробовать на лужайке в саду нашего дома на Белсайз-парк. Картину, как мама со мной и Никитой осваивает палатку, увидел кто-то из наших журналистов и разнёс по Лондону слух, что Матвеев выгнал жену с детьми из дома, и те вынуждены жить в палатке! Беговые лыжи были ещё одним увлечением отца. По выходным мы садились на электричку до станции Усово и шли излюбленным маршрутом до Опалихи. Я так хорошо «натренировалась» с отцом в лыжных гонках, что школьницей удачно выступала на соревнованиях, занимала призовые места по нашему Октябрьскому району Москвы. Когда папе было уже за 50, он увлёкся горными лыжами и «заразил» этим видом спорта меня. Сначала осваивали подмосковные склоны, потом ездили на Кавказ, в Приэльбрусье. Папа участвовал в лыжных соревнованиях, проводившихся в разных странах по линии СКИЖ – международной организации журналистов-лыжников. Несколько лет подряд мы совершали довольно трудные восхождения на вершины Кавказа. Брат Никита ездил в альплагерь Джайлык, получил значок «Альпинист СССР». Но теннис был, пожалуй, главной страстью отца. Он продолжал ходить на корт даже когда уже был серьезно болен. Считал, что физическая активность помогает приостановить негативные процессы в организме и всегда чувствовал себя «в тонусе» после тенниса.

М.Л. Он ушёл в 1997 году. Успел ли осуществить всё задуманное: рассказать, написать, издать/ опубликовать?

О.Т.-М. Он уходил умиротворённым – незадолго до смерти была напечатана его последняя книга о жизни британских монархов «Страсть власти и власть страсти». Он подготовил к изданию самые интересные места из своих дневниковых записей, который вёл почти 60 лет. Но не успел опубликовать. Спустя 22 года после его ухода это хочу сделать я.

М.Л. Я как раз держу его последнюю опубликованную книгу «Страсть власти и власть страсти» в руках и с удовольствием прочитаю от корки до корки. Мне очень интересно. В предвкушении. Спасибо, Ольга, за такой подарок.

Будем надеяться, что дневники Викентия Александровича увидят свет в 2019 году с подборкой архивных фотографий, иллюстраций, писем, которые собрал отец, и бережно храните Вы, и будут публиковаться впервые. О выходе книги мы сообщим читателям. Я искренне желаю, чтобы желание отца опубликовать дневники осуществилось.

О.Т.-М. Спасибо, Мария за Ваш интерес к работе отца и Ваши добрые пожелания! Надеюсь, что дневниковые записи Викентия Матвеева будут опубликованы и будут интересны для широкого круга читателей.

М.Л. Ольга, спасибо за интервью.

Русский мир без границ

Берега Великобритании

Юлия Пляукшта

Юлия Пляукшта – выпускница Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, востоковед-японист, историк, член «Союза журналистов России», главный редактор журнала «Русское наследие». Родилась в 1973 г., жила в Японии, Китае, Республике Корея. Училась в аспирантуре Института востоковедения РАН, далее – в МГОУ, посвятив несколько лет изучению вопросов воспитания японской молодежи в духе любви к своей родине и уважения предков. Преподавала в МГУ им. М.В. Ломоносова и ИГУМО и ИТ (Москва). С 2009 г. живёт и работает в столице Великобритании Лондоне, является основателем и директором художественной галереи «Zlago Art», секретарём общества «Русское наследие в Соединённом королевстве». Занимается исследованиями в области формирования национальной идентичности и сохранения русского наследия за границей.

Меморальный вишнёвый сад посажен!

13 апреля 2019 г. стал днём рождения нового Вишневого сада, высаженного по инициативе «Русского наследия в Соединённом королевстве» членами комитета и прихожанами Сестричества святой великомученицы Великой княгини Елисаветы Фёдоровны и новомучеников и исповедников российских на территории сестричества.

Идея высадить сад родилась после того, как в сентябре 2018 г. в комитет поступило рекламное объявление о том, что мэрия Лондона бесплатно выдает саженцы на озеленение Лондона. К сожалению, среди саженцев не было фруктовых деревьев и по условиям акции деревья надо было высадить только на территории столицы Великобритании. Но сама идея – принять участие в озеленении Англии – понравилась членам Общества. К слову, четыре дерева по программе озеленения Лондона они тоже получили – саженцы клёна и березы уже высажены в парке Советского мемориала рядом с Имперским военным музеем. Ещё два дерева от имени «Русского наследия» на личном участке посадила семья члена Общества Ирины Вариводы.

Вишнёвый сад – знаковое понятие в русской культуре. Постановки чеховского «Вишневого сада» каждый год идут на сценах британских театров, с этим спектаклем приезжают в Англию артисты российских театров, о новых постановках пьесы великого русского писателя пишут в газетах. Вишнёвый сад – русское явление, хорошо понятное и принимаемое англичанами, а проблематика чеховского произведения близка жителям старой доброй Англии. Немаловажно и то, что Туманный Альбион славится своими садами и знаменитыми садоводами, а идея – посадить дерево, которое останется жить после нас, – также отзывается в сердце англичан, как и у русских. Общество «Русское наследие в Соединённом королевстве» занимается сохранением памяти о россиянах, живших, работавших и почивших в Англии и Великобритании в течение 400 лет, поэтому было решено разбивкой этого сада почтить память российских соотечественников, которые оставили след в истории Великобритании, а многие даже нашли последнее пристанище в этой стране.

Самым сложным оказалось найти участок. Обращения комитета к землевладельцам заканчивались или отказом, или условием дальнейшего ухода за садом за деньги комитета. Но полив, который осуществляет профессиональная компания, например, 130 фунтов – Обществу «Русское наследие в Соединённом королевстве», которое полностью работает на волонтерской основе, не под силу оплатить и обеспечить уход за более чем 20 деревьями. Организовать же уход за деревьями своими

силами тоже не представлялось возможным: члены комитета являются волонтерами, которые работают и живут в разных концах Лондона и за его пределами. К слову, территория Лондона больше территории Москвы в три раза, поэтому чтобы добраться из одной точки в другую, требуется иногда два-три часа.

Шло время, заканчивался февраль, и вот состоялась встреча в Географическом Обществе в память о Св. Серафиме Саровском, на которой рассказывали о влиянии великого русского святого на их жизнь митрополит Каллист Уэр и бывший Архиепископ Кентерберийский доктор Роуэн Уильямс. На этой встрече секретарь Общества Юлия Пляушкита встретила монахиню сестричества св. Елисаветы и Новомучеников и исповедников Российских Марфу (Персианинову). Уже после встречи Юлия аккуратно спросила матушку, не представляется ли возможным посадить на территории сестричества вишневый сад в честь россиян, которые жили в Великобритании. Ответ матушки Марфы поразил: «Я давно молилась и просила Господа помочь мне обновить фруктовый сад, посаженный еще прежними владельцами. И вот Вы говорите мне об этом! Явно это случилось по молитвам св. Серафима Саровского!». Так как сестричество является архиерейским подворьем, то перед началом работ монахиня Марфа получила благословение преосвященного епископа Сурожского Матфея.

Первый вопрос, который надо было выяснить – насколько хороши почвы для высадки вишен и черешен в этом месте, и не это ли стало причиной гибели прежнего сада. На этот вопрос ответили профессиональные садоводы, посетившие сестричество: место и почвы идеально подходят для вишневого сада, остается только правильно выбрать саженцы, правильно посадить их и хорошо ухаживать за ними!

Итак, место было определено! Оставалось составить проект – узнать, где купить саженцы, компост, протекторы, колышки и прочие необходимые для посадки предметы, составить смету, и, конечно, объявить сбор денег! Матушка Марфа активно взялась за работу: так как до сестричества ехать полтора часа от Лондона, и члены комитета не сразу смогли добраться до него, чтобы оценить участок и объем работ, матушка пригласила садоводов, которые проверили почву и дали советы по подбору сортов и высадке саженцев. Саженцы были куплены в одном из лучших питомников юга Англии, далее прихожанами сестричества и самой матушкой выкопаны глубокие лунки. Ею же были куплены компост и специальный крупный песок для дренажа, а также кольца с ремнями, защита от кроликов и оленей, которые заходят на участок.

Параллельно «Русское наследие в Соединенном королевстве» собирало деньги на реализацию проекта. Сначала дело шло медленно: за первые четыре недели из нужной суммы была собрана всего десятая часть, нас одолевали сомнения, что поступят ли пожертвования в полном объеме, чтобы проект был выполнен. Рассылка с просьбой помочь делалась почти ежедневно. Постепенно всё больше людей проникалось идеей – дать жизнь мемориальному саду в Англии, и на счёт комитета стали поступать суммы от нескольких человек в день. Первое пожертвование сделал пожилой англичанин, который сказал, что для него посадить дерево – важное дело в жизни, так как эту идею ему привили в детстве. Не правда ли, это похоже на то, чему учат в русских семьях? Деньги стали поступать от жителей разных городов Великобритании, общественных организаций, представителей русской аристократии и интеллигенции, верующих Сурожской епархии и людей, далёких от церкви, сотрудников Посольства Российской Федерации, а также от неравнодушных англичан. Последняя сумма, которая закрывала сбор денег, пришла тогда, когда мы уже брались за лопаты и шли на поле, чтобы сажать сад!

В назначенный день в сестричестве собралось около 20 человек, некоторые семьи приехали вместе с детьми – все были экипированы непромокаемой обувью и одеждой, инвентарём и хорошим настроением. Как и любое дело в монастыре, работы по разбивке сада начались с молебна, в нашем случае – под открытым небом, и это давало особое ощущение. Далее матушка Марфа провела инструктаж по посадке первого дерева, подробно рассказывая, как надо выкладывать лунку слоями компоста, земли и песка, не оставлять воздушных ям, класть дерн лицом строго вниз по бокам и на дно ямы, чтобы трава не проросла наверх, утрамбовывать лунку. Кроме этого, каждое деревце надо было снабдить кольшком для поддержки во время роста, подвязать его ремнем и закрыть ствол протектором. И работы начались! Трудники распределили обязанности, перенесли саженцы лункам и стали основательно их готовить для принятия постоянного жителя с биркой, обозначающей сорт дерева.

Посадка сада

Этот день подарил нам сначала яркое солнце, потом тёмные тучи, град и холодный дождь, затем снова яркое солнце и необыкновенные пейзажи. Небо было так близко, а дали простирались до самого горизонта! Труд с единомышленниками да на свежем воздухе всегда приносит радость, шутки, смех, а понимание того, что дело творится во славу Божию, ещё и духовную наполненность. Через четыре часа работы были окончены, высажено 21 вишнёвое и черешневое дерево, несколько растущих по близости фруктовых деревьев, накренившихся со временем, поправлены, территория приведена в порядок, инвентарь убран на место. Уставшие, но счастливые работники отправились обедать. Матушка и её помощницы приготовили отменное постное угощение, которое казалось ещё вкуснее после насыщенного кислородом воздуха и активного физического труда!

Теперь вишневый сад в честь православных россиян, которые в разные столетия российско-британских отношений стали полноправными членами британского общества и достойно представляли Русский мир и российское государство в Соединённом королевстве, растёт на юге Англии, и у каждого, кто хочет посетить это место, есть возможность приехать, помолиться, насладиться красотой английских пейзажей, а через несколько лет – и вкусной ягодой!

Критика

Людмила Воробьёва

Член Союза писателей Беларуси с 2017 года, лауреат Международной премии им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (2017), Международного литературного конкурса «Славянский калейдоскоп – 2018», посвященного Дню единения России и Беларуси (Минск). Автор книг литературной критики: «Душа слова» (2015), «Время жизни, любви и подвига» (2016), «Единство вечных истин» (2018). Живёт в Минске. Литературно-критические статьи публиковались в российских газетах: «День литературы», «Литературный Санкт-Петербург», «Дагестанская правда», «Приневский край» (Гатчина); белорусских: «ЛіМ», «Звезда»; журналах: «Берега», «Невский альманах», «Язык и литература: проблемы теории и практики» (Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН), «Аспект» (Belgrade – Minsk), «Новая Немига литературная», «Белая Вежа», «Родные слова», а также на Интернет-порталах: «Литературный Санкт-Петербург» (Дом писателя), «Осиянная

Русь», «Русское Воскресение», на сайтах газеты «День литературы», Союза писателей Беларуси, холдинга Издательского дома «Звезда» (Минск, проект «Созвучие: литература и публицистика стран СНГ»).

Посредине странствия земного...

Размышления над книгой Лидии Довыденко «Гумилёвская осень»

Часть 1-я, продолжение в следующем номере

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды,
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

Николай Гумилёв.

«Солнце духа»

Жизнь и человеческая судьба пронизаны символами. Концепция символа как вечного вошла и в литературу. Осень – одно из самых пророческих времён в истории и природе земли – итог определённого пройденного пути, или часто та последняя черта, когда открывается и высота, и бездна. И русский поэт Николай Гумилев неслучайно в своих стихах обращается к этой философской и знаковой поре, как неслучайно и Лидия Довыденко назовёт свою книгу о нём «Гумилёвская осень» (Калининград: «Капрос», 2009), в самом названии которой символически задана многовариантность прочтения. Книга посвящена тем десяти напряжённым дням октября, когда Николай Степанович, будучи вольноопределяющимся Лейб-гвардии Её Величества Уланского полка, оказался на территории нынешней Калининградской области, где в августе 1914 года развернулись события Первой мировой войны. Данный «пространственно-временной перекрёсток в жизни Гумилёва», на каком неоднократно концентрирует внимание Лидия Довыденко, и стал целью её историко-краеведческого и философско-литературного исследования. Нужно сказать, что пребывание поэта на военной службе в годы первой мировой войны – малоизученная страница его биографии, которая долго оставалась почти неосвещённой. Но не так много информации на этот счёт мы имеем и сегодня. По мнению автора, «исследователи творчества поэта совершенно не уделили внимания данному периоду».

Лидия Владимировна Довыденко – автор 20 художественных и публицистических книг, лауреат и победитель многочисленных всероссийских и международных литературных премий и конкурсов, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», что стал за пять лет с момента его создания достаточно известным периодическим изданием не только в России, но и за её пределами, журнал охватывает различные временные отрезки в истории русской культуры и литературы.

Сквозь толщу лет, эпох, исторических наслоений ведёт нас автор книги «Гумилёвская осень», ведет уверенно, погружаясь в лучшие произведения поэта, пропуская через себя его творчество, высвечивая день сегодняшней, при этом не боясь заглянуть и в наше завтра, представляя сложный и многомерный аспект поэтического искусства Серебряного века. «Эволюционный взгляд Гумилёва, его изменяющееся отношение к ратному делу, к жизни, к творчеству, связан с десятью днями под прусским небом», – читаем мы в книге точные и выверенные авторские мысли.

Конец XIX – начала XX веков – время, насыщенное событиями огромного исторического значения, переломными и глобальными. Глубокий кризис, охвативший всю европейскую культуру, отразился и на русской литературе. Серебряный век насчитывал 35 литературных направлений. И совершенно очевидно, что каждая эпоха рождает свои незаурядные имена и личности, которые со временем становятся её ведущими символами. А. Блок, А. Белый, В. Иванов – символисты с ярко выраженным философско-религиозным пониманием мира; Н. Гумилев, А. Ахматова, М. Кузмин, О. Мандельштам, С. Городецкий – акмеисты, утверждавшие возврат к миру материальному, к таковому, каков он есть. Гумилев удивительным образом вобрал в себя и черты символизма, и романтизма, и некоторые черты футуризма, и имажинизма. Поэтический мир его был далеко неоднозначен. Пожалуй, единственное, что роднило всех – любовь к родине и народу. В их поэзии, по словам М. Горького, «запечатлены великие порывы духа» истинных художников. «Сердце русского писателя, – говорил он, – было колоколом любви и вещей, и могучий звон его слышали все живые сердца страны...»

На историческом рубеже конца XX и начала XXI мы прошли аналогичную ломку и материальных, и духовных ценностей, тот же по сути мучительный переход в новую неизвестную реальность. Нам сегодня так же крайне важно почувствовать себя одним целым, неразъединимым во времени и пространстве, важно проникнуться непреходящими смыслами и тайнами природы, человека, Бога, что всегда волновало передовые умы любой эпохи. И не зря Д. С. Лихачев на стыке XX и XXI столетий говорил: «<...> Культура движется вперёд не путём перемещения в пространстве, а путём накопления ценностей...» А что может быть более ценным, чем человеческая жизнь, наполненная служением родине? В мире всё повторяется, всё, кроме отдельной судьбы. И каждый год этой жизни, особенно творческой, чрезвычайно значим, как для самой личности, так и для пространства, где эта личность жила и творила. Именно о значении всего десяти дней в четырёхлетней воинской и тридцатипятилетней жизни поэта Н. С. Гумилёва и рассказывает Л. Довыденко.

Вспомним последние дни жизни великого писателя и мыслителя Л. Н. Толстого, когда он был предельно радикален, считая, что даже в самый роковой момент, момент собственной смерти, можно и не поздно ещё изменить многое, если ты осознал главную истину. Но мы, к сожалению, привыкли к упрощению, и наше современное общество, страдающее леностью ума, инерцией мысли, не готово порой к подобного рода литературе, в которой прежде всего прочитывается позиция писателя по отношению к миру: социальная, философская, эстетическая, как в книге Л. В. Довыденко «Гумилевская осень», когда приходит это мудрое время по Экклезиасту, время анализа и содержательных оценок. Хочется сказать и о впечатлениях, вызываемых самим авторским повествованием. Книга написана изящным чётким языком и ясным стилем. Она словно возвращает ускользающее время, помогая увидеть изнанку тех далёких, но таких исторически важных событий и в судьбе России, и в судьбе поэта, в груди которого мерно билось её «золотое сердце». Предельно упруг ритм книги, в чём-то сравнимый и с такой же стремительной гумилёвской строкой. «Гумилёвская осень» – зримое воплощение авторского художественного стиля, в котором реалистическое письмо, публицистика искусно озвучены живой поэтической речью. В ней задана установка на краткость, конкретику и лаконизм. Книга впечатляет синтезом философии и литературы, феномена, малоизученного сегодня, а также истории, краеведения, реальной жизни, где всему этому придается поэтическая окраска и сопутствует пронзительный взгляд автора, вбираю-

щий в себя вечную силу искусства и силу красоты этого противоречивого, но всё же такого прекрасного мира.

«...милый запах земли»

Автор чётко очерчивает конкретный маршрут, когда началось второе прусское наступление русской армии: 14 октября 1914 года – Ширвиндт – ныне посёлок Кутузово; Пилькаллен – посёлок Добровольск; Ласденен – город Краснознаменск; Шилленен – посёлок Победино – места боёв, «в которых довелось принять участие русскому поэту Николаю Степановичу Гумилёву, описанных им в документальной повести «Записки кавалериста». Краеведческая страсть и вдумчивая аналитическая мысль философа и литератора помогают Л. Довыденко вновь увидеть эти легендарные места, хранящие гумилёвские «священные ночи» и «огнезарные дни», увидеть «записи судеб» поэта-воина, поэта-путешественника, конквистадора и рыцаря, поэта-ратника с высоты тех ушедших времен.

«Есть так много жизней достойных», – писал поэт, провидчески заглядывая далеко в будущее. Л. Довыденко, общаясь с «творческими, прекрасными жительницами Краснознаменска», скажет, что их «с полным правом можно отнести к тем, кто «грезился» Гумилёву, ведь он писал: «Так не умею думать я о смерти, / И все мне грезятся, как бы во сне, / Те женщины, которые бессмертье / Моей души доказывают мне». И приведёт вдохновенные стихи Людмилы Быковой, которые она посвящает поэтам Серебряного века и которые перекликаются со стихами самого Гумилёва. Круговорот всего происходящего в мире, в человеческой судьбе, таинственная лента Мёбиуса – всё это нашло продолжение в гениальных стихах поэта: «Так, объята тихою печалью, / детство от себя в себе тая, / мы стремимся от конца к началу, / замкнутые в кольцах бытия». И многое повторилось, только в другой жизни, в другом тысячелетии. Нечто мистическое и вечное, для которого нет времени, нет забвения, если живет чья-то неизбывная память, что подтверждают и стихи нашей современницы, учителя химии Нины Цветковой, – «Жертвам репрессий»:

Гумилёв писал стихи о многом / До ещё случившейся беды,
И теперь мы ходим по дорогам, / Где его разбросаны следы.
Вместе плачем горькими слезами / По своей растерзанной стране,
А поэт летит под облаками / На крылатом белом скакуне.

Прощаясь с Пруссией, Гумилёв писал в документальной повести «Записки кавалериста» о невероятном «счастье вырваться в простор полей, увидеть деревья, услышать милый запах земли». Несмотря на то, что ему не было и сорока лет, у него уже сформировалась собственная стратегия освоения мира.

«На священный, долгожданный бой»

Пусть дух твой станет тих и спокоен,
Уже не будет потерь:
Он божьего воинства новый воин,
О нем не грусти теперь.

Анна Ахматова, «Утешение», 1914 г.

«Почему поэт стал воином?» – задается автор закономерным вопросом, размышляя о судьбе Гумилёва, о её предначертании и о божественной судьбе слова в его короткой, но такой насыщенной событиями жизни. Глеб Струве, аналогично отмечая её интенсивный ритм, скажет и о том, что «поражает как бы полное отсутствие воспоминаний о Гумилёве – солдате и офицере». Неужели не настало время написания полной и исчерпывающей биографии выдающегося русского поэта?! И в книге «Гумилёвская осень» Л. Довыденко пытается восполнить столь непростительный пробел в военной биографии поэта, она ищет причины его ухода на фронт, ведь в 1907 году Гумилёв получил освобождение от воинской повинности по болезни глаз. И тем не менее, как пишет автор, «он с упорством пробивал себе дорогу на фронт». Он был настойчив и ему удалось добиться принятия в армию добровольцем, как тогда говорили, «охотником». Подобное определение, как нельзя лучше, характеризовало Гумилёва, за плечами которого уже были две африканские экспедиции. «Прежде, чем стать воином, он стал путешественником», – замечает Л. Довыденко. Именно об этом

в 1915 году писал Ф. К. Сологубу и сам Гумилёв: «<...> Мне всегда было легче думать о себе, как о путешественнике или воине, чем как о поэте...»

Н. Гумилёв обладал тем восхитительным и стремительным воображением, без которого не бывает настоящей поэзии. Странствия вливали в неё новые впечатления и образы. Известный философ Н. Лосский свою главную книгу «Обоснование интуитивизма» начинает словами: «В душе каждого человека, не слишком забитого судьбой, пылает фаустовская жажда бесконечной широты жизни. Кто из нас не испытывал желаний жить одновременно и в своём Отечестве, волнуясь всеми интересами своей родины, и в то же время где-нибудь в Париже, Лондоне или Швейцарии, в кругу других, но тоже близких интересов и людей, обладающих интеллектуальной и мистической интуицией». Гумилёву даже за столь непродолжительный отпущенный ему жизненный отрезок удалось во многом утолить эту фаустовскую жажду. Собственно, она и не покидала его никогда.

И, когда в июне 1914 года в далеком Сараеве раздался роковой выстрел Гавриила Принципа, и Европу охватил пожар войны, то ответом был патриотический порыв, охвативший всё русское общество. С этого момента и начинается та трагическая эпоха, которую мы так до конца и не пережили. Россия испытала потрясение, какое сотрясает нас до сих пор. В автобиографической прозе Анна Ахматова писала: «XX век начался осенью 1914 года вместе с войной, так же как XIX начался Венским конгрессом. Календарные даты значения не имеют». Л. Довыденко в книге обращает наше внимание на сложные взаимоотношения Н. Гумилёва с женой А. Ахматовой: «<...> их отношения скорее были тайным единоборством...» Может поэтому никто не мог отговорить Гумилёва идти на фронт. Он был едва ли не единственным среди видных русских писателей, кто отозвался на обрушившуюся на страну войну действительно, и почти тотчас же, 24 августа, записался добровольцем. «Гумилёва от многих отличало его мужество, его неустранимость, его влечение к риску и тяга к действительности», – справедливо подчеркивал Глеб Струве. Это подтверждает и Вячеслав Иванов, ссылаясь на бытовавшую в русской литературе эстетическую концепцию исполнения жизненного долга, когда осуществление общего дела было важнее дела поэзии. Ещё сильно и остро впечатляли живые примеры Давыдова, Лермонтова, Толстого. Дело «мореплавателя и стрелка», ездившего, как Хемингуэй, в Африку, привело Гумилёва и на фронт. Возможно, выходом из сложившейся тяжёлой личной ситуации и оказалась война и участие в ней, о чем он напишет в «Пятистопных ямбах»:

И в рёве человеческой толпы, / В гуденье проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы / Я вдруг услышал песнь моей судьбы
<...>
Так сладко эта песнь лилась, маня, / Что я пошёл, и приняли меня,
И дали мне винтовку и коня, / И поле, полное врагов могучих...

Впрочем, существовало в литературе и понятие иного ухода, не только на войну, открытого побега от общества, семьи, родных и близких – пример того же Л. Н. Толстого.

Между тем, в своей книге Л. Довыденко смогла в сжатой форме, ёмко и образно донести до нас немало информации из военной жизни Гумилёва. Вот некоторые штрихи того периода: 5 августа 1914 года Гумилёв уже в военной форме, и их с Ахматовой на Царкосельском вокзале встречает Блок. Имея право самому выбирать род войск, Гумилёв предпочёл кавалерию, так как с раннего возраста полюбил верховую езду, природу и скитания. Обучался владению шашкой, брал уроки фехтования. Ахматова вспоминала, что поэт взял с собой на войну, как потом и в тюрьму, Евангелие и книгу Гомера. Автор цитирует А. Левинсона, касающегося патриотизма Гумилёва, который был, по его убеждению, «столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание...» «Глубокое религиозное восприятие Гумилёвым войны» отмечал и Г. Струве. Этому свидетельством – одни из лучших во всей «военной поэзии» в русской литературе стихи о войне, вошедшие в его сборник «Колчан» (1916), где сказались и романтически-патриотические чувства Гумилёва, и философско-лирические.

16 октября 1914 Уланский полк Гумилёва подошел к границе Восточной Пруссии, а 17 октября боем, в котором он участвовал, были взяты Владиславов (Литва) и Ширвиндт (посёлок Кутузово Калининградской области). «В разъездах Гумилёв находился два дня 18 и 19 октября», – сообщает автор, уточняя, что поэт был в разъезде в направлении на Шилленен, где проходила железная дорога, о которой он укажет в своей повести «Записки кавалериста». Как видим, перед нами своеобразный вариант исторической хроники тех десяти дней на прусской земле, проведённых Гумилёвым, в ко-

торой Л. Довыденко следует и литературному, и жизненному документальному материалу, беря за основу его повесть «Записки кавалериста», и в процессе изложения приводит выдержки из нее. Книга конкретизирует: первые две главы повести посвящены именно боевым действиям в Пруссии.

Естественной интонацией, образным языком, хорошо выверенным стилем, над которым Гумилёв усиленно работал, вселяет доверие уже само начало повести. Гумилёв потом напишет о том, что подобного результата он добивался «месяцами усиленной работы над стилем прозы», пытаясь «победить роковую инертность пера», и постоянно живя «заботами о выработке прозаического стиля». Буквально с первых строк Гумилёв заинтересовывает повествованием о кавалерии, о которой на страницах своего документального произведения он рассказывает приподнято, «с воодушевлением: «Мне, вольноопределяющемуся-охотнику одного из кавалерийских полков, работа нашей кавалерии представляется как ряд отдельных, вполне законченных задач, за которыми следует отдых, полный самых фантастических мечтаний о будущем. Если пехотинцы – подёнщики войны, выносящие на своих плечах всю её тяжесть, то кавалеристы, – это весёлая странствующая артель, с песнями в несколько дней кончающая прежде длительную и трудную работу. Не ни зависти, ни соревнования. «Вы – наши отцы, – говорит кавалерист пехотинцу, – и за вами, как за каменной стеной». Тон повествования будет меняться по мере осознания нелёгкого дела войны, но никогда у автора «Записок...» не встретишь полного уныния, в большей степени лишь лёгкую иронию и безобидный юмор. Убеждаешься, что Гумилёв не был жесток даже в условиях войны. Вера и добро жили в его душе. Далее в «Записках кавалериста» он скажет «о глубокой разнице между завоевательным и оборонительным периодами войны», о «внезапно закипевшей жажде боя и мести», о мечте об атаках, о долгожданном наступлении, когда «наступать – всегда радость, удесятёрённая гордостью, любопытством и каким-то непреложным ощущением победы», «время, когда от счастья спирается дыхание, время горящих глаз и безотчётных улыбок».

В документальной повести Гумилёва все названия поселков и городов обозначены лишь заглавными буквами, поэтому автор поясняет данный нюанс, проводя сопоставления относительно современных названий, непосредственно отсылая и к гумилёвскому тексту «Записок кавалериста». Так, 26 октября наступление русских войск было продолжено, в результате – взяты Вилюнен и Шилленен. А затем последовало решение вернуть Уланский полк в Россияны и готовить к переброске на другой фронт. «Вечером мы узнали, что наступление будет продолжаться, но наш полк переводят на другой фронт. Новизна всегда пленяет солдат, но, когда я посмотрел на звёзды и вдохнул ночной ветер, мне вдруг стало очень грустно расставаться с небом, под которым я как-никак получил моё боевое крещение», – скажет Гумилёв, покидая Пруссию. В свою очередь и Л. Довыденко сделает вывод: «Итак, поэт воевал совсем немного на территории нынешней Калининградской области в окрестностях нынешних посёлков Кутузово, Победино и Добровольска. <...> здесь Гумилёв получил «боевое крещение», и именно об этом периоде его военной жизни написано в первых двух главах «Записок кавалериста».

Причём, достаточно обстоятельно автор говорит и об исторической роли России во Второй мировой войне и в главе «Война идей» анализирует общую ситуацию на политической карте мира. Лидия Владимировна упоминает прекрасные высказывания русского философа, князя Евгения Николаевича Трубецкого, для которого были очевидны ключевые истины: «Россия – держава-освободительница», «защитница всех малых и слабых народов», имеющая свой «собственный образ Божий», потому что она «служит всему человечеству», подчиняясь «сверхнародному смыслу войны» – идее «освободительной миссии». Большое значение уделяет автор и роли Николая II, ясно понимающего необходимость уничтожения всё нарастающего германского милитаризма.

Общеизвестно, что XIX век в истории России был озаменован многочисленными войнами, но начало XX века потрясло всех особенно – страшной и тяжёлой войной, которая так непредсказуемо закончилась для России, ужасая неимоверной беспредельностью жертв русского народа. В главе Л. Довыденко «Война идей» дана объективная характеристика политического и экономического положения Германии, когда явственно становятся понятны причины катастрофы и высвечивается логика извечного немецкого пути, что отзовется и во второй мировой войне. Г. Гейне еще в 1834 году писал: «Мысль предшествует действию, как молния – грому <...> и если вы однажды услышите грохот, какого ещё не слыхивала немецкая история, то знайте: немецкий гром наконец-то достиг цели». Однако при всех потерях и неудачах России удалось преодолеть и надломить эту немецкую

радикальность, этот интеллектуальный рационализм Германии, который не знал себе подобных и который роковым образом повторился в 1941 году, чтобы быть окончательно поверженным русским народом.

«Дело величавое войны»

Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.

Н. Гумилев

Русская тема и тема войны – в послевоенном поэтическом творчестве Н. Гумилёва новые темы. Он уже не только «зачарованный викинг», который «шёл по земле...», но и настоящий герой, властитель дум. Поэт явственно слышит зов родной земли, он впитал её силу и мощь, её кровь и скорбь. Невероятное преодоление любых физических трудностей стало одним из главных мотивов как его военных стихов, вошедших в сборники «Колчан» и «Костёр», так и военной прозы, в частности, документальной повести «Записки кавалериста». Автор книги «Гумилёвская осень» акцентирует наше внимание на этом прозаическом произведении поэта, в семнадцати главах которого отражены события, связанные с пребыванием его в Уланском полку, в особенности, на периоде с октября 1914 года по сентябрь 1915 года, когда Гумилёв участвовал во втором прусском походе. Л. Довыденко подробно останавливается лишь на первых двух главах повести, рассказывающих о боевых действиях на территории нынешней Калининградской области.

Книга «Гумилёвская осень» – это в чём-то особый взгляд на историю войн, раскрывающий совершенно неожиданные и давно забытые моменты тех далёких времен. И, обращаясь к «Запискам кавалериста», мы сегодня глубже и шире постигаем феномен бытия в условиях войны, безусловно, увеличивающий интерес к живой человеческой личности, какую не всегда можно судить жёсткой мерой требований «нравственного императива», ведь в повести Гумилёва предстают обычные, земные люди в военной форме, когда принцип «хорошие – плохие» уже своё отжил, потому что реальная жизнь автора «Записок...» привлекает гораздо больше. Мы понимаем, что не просто варить эту критическую похлебку войны. И нам нужна правдивая литература о минувших войнах, как Отечественной 1812 года, как первой мировой 1914 года, так и Великой Отечественной 1941-го.

Здесь уместно привести поразительное высказывание Ф. Тютчева, строки из его стихов «Неман» о войне 1812 г., которые есть в книге, строки, по-своему пророческие, и тем самым подчеркивающие духовное родство поэтов: «И целость русского народа ты там навеки утвердил». Н. Гумилёв, как и философ Е. Трубецкой, видел в войне «возрождение образа единой России», укрепление её национальной мощи. Поэт страстно мечтал на своём скакуне въехать в побеждённый Берлин. Истинно дороги всех русских войн вели в Берлин! Он так мечтал одеть «парадную форму»! Она была уже изготовлена по императорскому распоряжению Николая II для всей русской армии, но этот освободительный порыв лихо перехватили революционеры, и легендарные буденовки, и кожаные куртки, предназначенные для торжественного парада, в итоге пришлось в пору Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Горькое прозрение и разочарование ожидало участников Первой мировой войны.

А пока война и само её бравурное начало воспринимались по-рыцарски. «Розы за ушами лошадей», как писал Гумилёв, позже сменились суровым пониманием войны. И всё же поэт был в большей степени оптимистом. Он описывает «самые трогательные и счастливые часы перед боем», хотя «в благословенной кавалерийской службе даже отступление может быть весёлым». Как хороший рассказчик и собеседник, Гумилёв не испытывал недостатка в друзьях, пользовался заслуженным авторитетом среди сослуживцев и службу закончил в чине прапорщика полка. А. Ахматова говорила в последствии: «Как бы свято ни было чувство долга, Гумилёв – честный, храбрый солдат – боялся войны, боялся греха убийства». Он был человеком православным, настоящим христианином, верил в Бога. Человеческая жизнь имела для него истинную ценность. Читая «Записки кавалериста», мы убеждаемся в том, что содержание любого произведения определяется только поведением самого художника. И Гумилёв является ярким свидетельством того, что содержание есть сам художник, есть собственная душа, заключённая в форму. Ведь и смысл христианства выражается в жертвенной любви.

Целая философия духа предстает в его описаниях, посвящённых одной из ночей перед боем, когда физические лишения тела не могут сломить патриотический дух, о чём он потом скажет и в гражданственных стихах «Наступление»: «Я всю ночь не спал, но так велик был подъем наступления, что я чувствовал себя совсем бодрым. Я думаю, что на заре человечества люди так же жили нервами, творили много и умирали рано. Мне с трудом верится, чтобы человек, который каждый день обедает и каждую ночь спит, мог вносить что-нибудь в сокровищницу культуры духа. Только пост и бдение, даже если они невольные, пробуждают в человеке особые, дремавшие прежде силы». Нечто подобное прочитывается и в описании Гумилёвым другой ночи, когда поэту-воину сопутствует символический образ розы, по словам В. Иванова, это «роза духа, аромат и огонь которой ему открылся в бдениях фронтовых ночей». «И всё же чувство странного торжества переполняло мое сознание. Вот мы, такие голодные, измученные, замерзающие, только что выйдя из боя, едем навстречу новому бою, потому что нас принуждает к этому дух, который так же реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его», – здесь сливаются и романтизм, и трезвые реалии войны, потрясающие своей мощной и непоколебимой верой в человека.

Мысли и высказывания русского философа, князя Е. Трубецкого (1863–1920), из его книги «Смысл жизни», которую он писал в годы гражданской войны, когда Россию постигла духовная катастрофа, помогают тоже взглянуть на жизнь совсем другими глазами, без суеты повседневности. Посреди братоубийственной бессмыслицы, остро переживая происходящее, он искал то, ради чего всё-таки стоит жить: «Вся жизнь наша есть стремление к цели. От начала и до конца она представляется в виде иерархии целей, из которых одни подчинены другим в качестве средств. Есть цели, желательные не сами по себе, а ради чего-нибудь другого: например, нужно работать, чтобы есть и пить. Но есть и такая цель, которая желательна сама по себе. У каждого из нас есть что-то бесконечно дорогое, ради чего он живет. Всякий сознательно или бессознательно предполагает такую цель или ценность, ради которой безусловно стоит жить... вот почему никакие неудачи не могут остановить человечество в искании этого смысла». Никакие временные неудачи не останавливали и Н. Гумилёва в его духовном росте, в его неудержимом стремлении к высшей цели. Поэт будто предчувствовал, предвосхищал свою судьбу, зная, что человеку отмерено в этой жизни не так много. Он был несказанно храбр и выдержан, внутренне спокоен, был готов в любой момент к смерти. Не раз, о чем говорится и в «Записках...», стоял «у бездны мрачной на краю», но должен был пройти свой путь до конца, ради единственной и великой цели. Об этом поэт признавался и в своих письмах с фронта, которые дышали отрезвляющим вдохновением борьбы и победы над самим собой. «Чеканить, гнуть, бороться» – слова, от которых исходил металлический холодок совершенства, стали его поэтическим лозунгом жизни.

Ирина Одовьева писала в стихах: «Он был среди храбрых храбрейшим, / И может быть оттого / Вражеские снаряды / И пули щадили его». Два солдатских Георгия, полученные поэтом, на протяжении первых пятнадцати месяцев войны сами говорят за себя. Гумилёв умел сочетать трагизм жизни, такой скоротечной и несправедливой, с наслаждением и восторгом от неё. Не всем это дано. Война обостряет внутреннее зрение и дает чувство обретаемой свободы, когда ты вдруг можешь взглянуть в глаза смерти. Чрезвычайно поразительно, но Гумилёв предсказывал собственную смерть в 53 года, а получил в 35 – мистика, словно зеркальное отражение и зловещее воплощение последовательности цифр. История культуры знает мистические числа: 37 – знак смертной черты в судьбах многих творцов. Гибель Лермонтова, Гумилёва, Есенина отозвалась долгим и болезненным эхом в русской лирике, ведь, как оказалось, никто так жертвенно не любил Россию, её историю и культуру, как те, кого за это преследовали. Парадокс, но подлинные поэты умирают на взлёте. И нам лишь остаётся потом собирать по крупичкам скудные сведения о них, чтобы явить миру и потомкам истоки их стоицизма, истоки их жизненной и творческой позиции.

Л. Довыденко упоминает в книге, что 17 глав «Записок...», не считая двух глав о Пруссии, посвящены военным действиям в приграничных регионах Польши, Литвы, Белоруссии, Украины. Разумеется, возникает жгучее желание прочесть всю повесть, она этого заслуживает. Гумилёв удивляет массой вещей, захватывает горячей бытовой деталью. В. Брюсов, который не понял позднего Н. Гумилёва, оказался прав в одном, считая, что он был «более эпиком, чем лириком». В гумилёвских «Записках...» мы находим и поэзию войны с её ночным звёздным небом, и романтизм В. Скотта, и дивное зрелище – наступление пехоты. «Мы седлали ещё в темноте, и по дороге к позиции я любо-

вался каждый день одной и той же мудрой и яркой гибелью утренней звезды на фоне акварельного рассвета...», или ещё: «Иногда мы останавливались в лесу на всю ночь. Тогда, лежа на спине, я часами смотрел на бесчисленные, ясные от мороза, звёзды и забавлялся, соединяя их в воображении золотыми нитями...» – разве это не та же поэзия в прозе?! Дальше всё конкретней и чётче проступает суровая действительность войны: «Я ел хлеб со снегом...», «Люди засыпали в сёдлах...», от невыносимой усталости, катастрофического недосыпания у них «порой возникали галлюцинации...»

Гумилёв часто был на волосок от смерти и «бормотал молитву Богородице», но и узнал, как награду за томительные ожидания, «ослепительную радость последней победы». Напряжённый диалог между Жизнью и Смертью ведёт он в «Записках...», что добавляет его лёгкой строке уверенности, философской сосредоточенности и углубленности. Поэт резонно писал Михаилу Лозинскому о том, что «успех зависит совсем не от солдат, солдаты везде одинаковы, а только от стратегических расчётов». Участие в боях на территории Восточной Пруссии, как отмечает автор, поэт назвал «лучшим временем жизни». Затем, что вполне закономерно, его тон меняется, ведь мы знаем, каковы были результаты Первой мировой войны, знаем о подписанном Россией «позорном» Брестском мире, когда до желанной победы оставалось так непростительно мало. «Я буду говорить откровенно: в жизни пока у меня три заслуги – мои стихи, мои путешествия и эта война», – вот комментарий самого поэта. И автор расставляет акценты, обращая наше внимание на то, как изменилось отношение Гумилёва к войне, лишённое прежней эйфории и теперь это уже только «работа по ассенизации Европы». Разочарование постигло многих представителей русской интеллигенции. К примеру, художник редкой оригинальности, очень противоречивый и сложный, талантливо сочетающий будничное и обыденное с идеально-высоким, общечеловеческим, поднимающий глубинные проблемы нравственной философии, Леонид Андреев, кстати, уникальный писатель, до сих пор недостаточно исследованный и оцененный в русской литературе, пришёл в конечном итоге к осуждению войны как таковой. Еще в повести «Красный смех», используя насыщенные экспрессионистические приемы письма, он высказывает своё отрицательное отношение к русско-японской войне, описывая её кровавую бойню, безумие и ужас. Литературная параллель: частое присутствие красного цвета встречается и на страницах повести Н. Гумилёва «Записки кавалериста», просто он старается избегать сгущения трагических красок, не увлекается ими. Однако российским государством не были сделаны должные выводы о причинах проигранной русско-японской войны, не была пересмотрена не совсем эффективная система управления страной. Может поэтому и Первая мировая война закончилась революцией и гибелью Империи. Что касается войны 1914 года, Л. Андреев писал так: «Россия должна победить, какой бы ни было ценой, и в стремлении достичь победы народ и правительство должны быть абсолютно едины». Его повесть «Иго войны» (1916) о событиях того периода тоже порицала убийственную сущность войны. Андреев не стал в ряды активных строителей новой культуры, Октябрь не принял. Основатель абстракционизма В. Кандинский, создавая эпохальные «Композиции», предсказал весь XX век по своим художественным смыслам. В них: 1913 год – время, истекающее перед Апокалипсисом, плавно переходящее в 1914, обозначающее категорию абсурда, хаоса, где преобладает цветовая гамма чёрного и красного как предчувствие всех грядущих войн.

В своих поэтических озарениях, предвидя будущее, не ошибся и Гумилёв. Он с самого начала не скрывал отрицательного отношения к большевистскому режиму, что и приблизило его неминуемую кончину. Поэт в стихах, входящих в его последние сборники, предсказал свою смерть. «И умру я не на постели, / При нотариусе и враче, / А в какой-нибудь дикой щели, / Утонувшей в густом плюще...» – остается лишь поражаться его сверхчувственной интуиции (Сборник «Колчан», «Я и вы»). 26 октября 1921 года Н. Гумилёв был приговорен к расстрелу. Воистину – это трагическое завершение жизни человека, которому был неведом страх. И разве можно не думать об этой жизни, как о подвиге?! Иначе, что же тогда есть подвиг?

Продолжение в следующем номере

Владимир Подлuzский

Хочу высказать свои некоторые размышления по поводу «Львов». Предлагаю Вашему просвещённому вниманию нечто подобное авторецензии. Кто сказал, что такой жанр не имеет права на существование в критическом литературоведении? Оппоненты, радостно потирая руки, заявят, что не слышали. Так почему бы славным «Берегам» не стать тут основоположником. Тогда критикам не придётся мучительно додумывать, что имел в виду поэт в той или иной главе? Неумные фантазии пресных зоилов зачастую и убивают пропитанную солью литературу. Сюжет в данном случае лишь с первого взгляда кажется простым и незатейливым.

Львиная доля

Перечитываю поэму и вижу в ней ранее скрытые даже от автора смыслы. Видимо, о них и писал мне в декабре 2018-го Николай Фёдорович Иванов. Натянутые внутренние пружины произведения, его поэтические и откровенно политические аллюзии позволяют надеяться, что исследование будет интересно не только вашему покорному слуге.

Моя главная героиня Евдокия, Дуся, если по-простому, и есть, сама современная Россия. Недаром имя её переводится с греческого, как *благоволение*. Оправдается ли?! Я намеренно не называю её Дуней. Чтобы не было и тени аналогии с пушкинским «Станционным смотрителем».

Едва выбравшаяся из красных одежд, шитых белыми и разноцветными нитками. С многочисленными заплатами. В ветхой избушке. Без куска хлеба. Переживающая, как и весь народ, за завтрашний день. Мучающаяся по злой воле увядшей старой власти и не менее равнодушной на историческом переломе к своим гражданам новой. Плюс проклятие родичей по двоюродному прадеду линии. Не позавидуешь. Столько лет её душу, как святой лесной родник, большевики пытались завалить идеологическим мусором. Кажется, всё, жди духовной засухи. Многих такая сушь спалила. Но у Евдокии, женщины с русским национальным характером, на первый взгляд, неприметным, однако, способным при случае горы свернуть, каждый раз пробивался тонкий чистый ручеек и будил молитвы. К таким, не только литературным героиням, видать, и благоволят небеса. Только испытания посылают им более тяжкие, чем другим.

Дуся-Россия потеряла пращуров, что смертельно боролись сами с собой. За богатство. За право дарить людям данные им Богом таланты. История наша катилась под уклон, как задолго то и предсказывал Серафим Саровский. (Именно в Дивеево мечтает попасть моя героиня). Как в канун революции предупреждал императора Григорий Распутин. (Всегда помню о мистической схожести фамилий придворного старца и нынешнего хозяина Кремля. В России ничего случайного никогда не было и не бывает).

Получается, что дворянская интеллигенция, заварившая колдовское зелье разрушительной революции, в нём же и сварилась, как неразумный царь из «Конька-Горбунка». Отсюда страшная судьба у Дусиных прадедов Константина и Михаила. Младший брат переживает старшего лишь из-за тайного поклонения тёмной силе. Например, отверженному ещё Зимним дворцом графу Калиостро. Ведь в первые десятилетия после Великой Октябрьской, Господь насильно изгонялся из народного сознания. На его место всячески пытался взгромоздиться Антипод. Жгучие осколки мистики впились в миллионы русских душ. Особенно крестьянских. Всегда обитающих на водоразделе светлых и тёмных сил. Вот почему «переформатированные» колхозники в любых действиях внуки Константина видят откровенную чертовщину. То коровы и собаки у неё дьявольского цвета. То рак свистит отверженной селом бабуле с кладбищенской горки.

Так ли всё на самом деле? Евдокия толком не знает, но охотно верит деревенским побасенкам. Спросить не у кого. Мать по привычке кусает губу и молчит. Комсомольцы бегут в церковь, пере-

деланную в клуб, с гармошками. Новое поколение бывших именитых панов, в лице Евдокии, о чём та и не подозревает, затюкано советским строем, которому верно служил прадед Михаил. В своём полковом агитпропе он науськивал красноармейцев на восставших против нелюбимой власти тамбовских крестьян. Недавнему светскому гуляке и моту было откровенно наплевать и на первых, и на вторых. У него свой идефикс «братской» мести. Могли ли небеса простить смертные грехи бывшему дворянину и штабс-капитану, ненавидящему по своему «высокому» происхождению быдло, чернавок. Женившемуся для прикрытия на сельской комсомолке с агрономическим циркулем.

Истина же в том, что всю жизнь не прошагаешь в блестящих сапогах по грязи, не измазав обувку и не запятнав душу. Не удивительно, что заболтавшийся о своих подвигах на гражданской войне Михаил получает пулю в лоб. Может, даже в том лагере, где по его предательскому наущению, расстрелян брат Константин. А ведь тот мог при Сталине стать, скажем, директором крупного оборонного завода. Или наркомом. Не зря же себя считал учеником реформатора Витте. Введшим, между прочим, знаменитый царский золотой червонец. Может, самый устойчивый в истории Руси номинал. Только сейчас понятно, сколько нужнейших Родине миллионов русских людей живьём сварилось в том кипящем котле.

В некотором смысле поэма «Львы» – логический итог всего дурного, что, зародившись в бунтарские годы, отобразилось в блоковских «Двенадцати». В обоих произведениях часть действия вращается вокруг многострадального Питера. И никакой не Христос идёт там революционным шагом впереди расхристанных морячков. Скорее всего, вчерашний студент и армейский гуляка Михаил, быстро привыкший к красному банту, с которым легко рифмуется банда.

Можно лишь догадываться, почему из восьмилетнего заключения вдова Константина Ксения возвращается с одним сыном, хотя её увозили к чёрту на кулички с троими. Куда единственный наследник через годы пропал, оставив на попечение бабушки свою дочку. Девочка, естественно, в атмосфере классового презрения сельчан к старшей Ксении, вырастает дичком. Власть, как и бабу, её, словно заговорённую, не трогает. Не исключаю, что потомки дворян знали специальную молитву. Дома, как полагается, русскому человеку, у младшей Ксении киот, а рядом, совершенно неожиданно, портрет вождя. Наверное, того, что прижал к ногтю так называемую ленинскую гвардию. Принёсшую роду первые жертвы.

Атрибуты церкви и государства отделяет липучка с пойманными в ловушку мухами. Явная аллегория с заблудшими в годы оные людьми. Символы, в принципе, не мешают друг другу и существуют будто бы в параллельных мирах. Как, видимо, и душа готовой к скорой смерти хозяйки.

Но жизнь продолжается. Она призывает Дусю, Евдокию, пригретую вместе с семьёй двоюродной бабкой, после всех страхов, то бишь, ужасных потрясений девяностых, окунуться в новый русский капитализм. Пусть и под предупредительный петушиный крик на заре. Да, ящик с фамильным золотом и бриллиантами молодой женщине, матери троих детей, достался при довольно странных обстоятельствах от предков. Конкретно, от Константина, которого прадед Михаил и погубил.

Да и сама-то героиня, говоря официальным языком, незаконнорожденная. Как и страна с новым строем после каждой из революций. Дуся увидела своего тайного отца, советского туза из соседней деревни, мельком. На своей свадьбе. Судя по всему, первый и последний раз в жизни. А не так ли к нам, словно искуситель, заявился уже однажды отверженный строй, потрясая западными железзяками и тряпками. Увлёк в первую очередь сильно сомневающимися Евдокий, прижитых партийными буржуа, словно нарочно для такой эпохи. Не зря, наверное, что-то разузнав, муж бросает Евдокию на сносях. Уходит к даме из чужой колоды. Точно так же, как бросили Россию вскормлённые ею «братские» республики. Хотя многие потом осознали, что дама-то пиковая. Несущая смерть.

Зверь явно ошибся в простой русской женщине с незамысловатым именем. Вроде отверженной на земле, но не потерявшей в глубине души Спасителя. Не учёл, что в России далеко не все жадно тянутся к халяве. Сначала пощупают – а от кого дары и чем за них расплачиваться. С того никак не может Телец пробить своим золочёным копытом грудную клетку всё ещё святого царства, дабы достать и смять русское сердце. Ему бы Пушкина перечитать: «И почему не надо золота ему». Там не о государстве речь. Гений хитрит. Думаю, имеет в виду нашего православного человека.

Дуся клад всё же взяла. Не с восторгом. Скорее, со страхом. Ведь в каждой вещице с огорода таилась чья-то трагедия. Понимая, что бронзовый ящик не дар, а наказание за грехи прапрадеда, от которого просто нельзя отказаться, вчерашняя нищенка тут же вспоминает Богородичную Канавку.

По ней на коленях паломники ползут почти полтора километра. Там никакие золотые булавы не оградят от гнева Божьего, коли заслужишь кары небесной.

Казалось, Антипод спланировал всё заранее, до мелочей. Вырастил чуть ли не в каждой деревне и уездном городке себе пособников. Не говорю уж о столицах. Да не на ту напал. Моя героиня готова на всякие жертвы, которые заключены в сейфе, как в ящике Пандоры. Надеется, что грязные слитки вскоре удастся пристроить. Например, ювелиру, чей род верно служит нескольким поколениям семьи Евдокии. Тамашний народец ко всякому привычен. Ничем не брезгует. Откуда, думаете, появились денежки у неработающей вдовы Константина. И за что дворянка по происхождению получила охранную грамоту от рабоче-крестьянских властей. Хотя, конечно, не забывала о молитве.

К чести Дуси, та не мечтает о гобеленах на стенах собственного дворца и яствах на хрустале и фарфоре с вензелями. Деток бы чёрствой горбушкой накормить и не пустить их по миру. Смело идёт на зов к соседке-«колдунье». Где, мол, наша не пропадала. Если что, отобьюсь от нечистой силы. Львов-то ночью не испугалась. Хоть и во сне. Встречает же раскаявшуюся двоюродную тётку, которая становится племянницей и судьёй, и адвокатом, и кормилицей.

Я не зря называю Евдокию олицетворением новой России. В женщине сработали едва теплящиеся гены некогда славного рода. По Менделю, на которого я ссылаюсь в прологе поэмы, лучшие признаки срабатывают в потомках в третьем-шестом, а то и в девятом поколении. Вот и на Дусю упал лучик из тёмного для других прошлого. Нечто светлое и честное сохранила она от пана-прапрадеда, не оставившего Михаилу за его похождения наследства. Мать троих детей отдаёт во сне явившимся львам последние копейки. Конечно, есть вопрос: из какого мира они пришли? Не вестники ли грядущего Царя? Почему клад уготован судьбой Дусе, а не кому-то другому? Мало ли чёрных копателей, пытающихся разрыть старинные дворянские усадьбы. Думаю, потому что Евдокия верующая. Правда, её Вера, как у всякого вчера ещё советского человека, пробуждающегося к Благовещению, тесно перемешивается с языческими взглядами. А за «многоверие» надо платить. Уезжает-то она в Питер с тремя сыновьями, а дальше повествование идёт об одном. Куда делись двое? Неужто повторяет путь Ксеньи-старшей.

Питер в девяностые – бандитский. А тут невесть откуда свалилась прямо на Невский неведомая деревенская богачка. Да ещё по храмам ходит. Возможно, горы золота попам отваливает. Почему бы не пощупать её капиталы. Где презренный металл, там и кровь. Методы хорошо известны по сериалам и реальным предсмертным крикам в тёмных вагонах электричек. Сам слышал.

В конце поэмы Евдокия, судя по всему, понемногу воцерковляется. Разве не похоже это на современную Россию? Дуся за весь род простила своих предков. Старается примирить их души в церкви. В праздник Яблочного Спаса. (Тоже символично). Она боится, что её внуки, получив богатый капитал от ворочающего миллионами отца, опять, как их предки сто лет назад, начнут кровно мстить друг другу. И всё возвратится на круги своя. Чародей-то не отходит от сейфа, в котором хранился клад. Но Евдокия, замаливая грехи пращуров, старается облегчить планиду родной семье и страны. Как раз в похожем состоянии находится ныне многострадальное наше Отечество.

Что его ждёт, варварский капитализм или православный социализм? Может, нечто среднее? Главное, чтобы не было раздора между братьями и поколениями. Чтобы золото из казённых недр доставалась всему народу, а не бандам с большой дороги. Вот о чём поэма «Львы».

Не мне судить о её месте в современной русской поэзии. Но придёт время, когда второй номер «Берегов» за нынешний год, ещё станет предметом пристального изучения литературоведов, критиков и ещё Бог весть каких специалистов. «Львы» заставят. Говорю уже не как автор, а как понимающий каждую их золотую шерстинку читатель.

Берега молодых

Анастасия Косташ

Анастасия Косташ родилась в Калининграде в семье железнодорожников. Окончила начальное профессиональное образование корреспондента газеты в «Школе журналистики» Дворца творчества детей и молодёжи Калининграда. В 2007 году вступила в Союз свободных писателей «Эклога» (Калининград), созданный известным писателем Ю. Н. Курановым. В 2008 году окончила Калининградский государственный колледж сервиса и туризма, а сейчас является студенткой Балтийского федерального университета им. И. Канта. Стихи публиковались в периодических изданиях области, в частности, альманахах: «Дуновение Дюн» (Калининград) и «Балтийские зори» (Зеленоградск).

О белых пятнах истории и Тартарии

Известная нам история русского государства XV – XVI веков имеет множество белых пятен по причине недостатка письменных источников – виной были не только частые городские пожары, но и периоды политической смуты, во время которых реальные факты на бумаге искажались в угоду новым правителям. Плюс к этому светских текстов на Руси создавалось сравнительно немного. По разным причинам пострадала достоверность дошедшей до наших дней информации о взаимоотношениях Московского государства и крупного государства Тартарии (Tartaria), хотя более правильно говорить – Татарии.

Как же заполнить пробелы в истории русско-татарских отношений? Заглянем в поистине уникальный труд, созданный в XVI веке одним австрийском послом, который дважды посетил русское государство и позже подробно описал его в своей книге «Известия о делах московитских» – «**Rerum Moscoviticarum Commentarii**». Этот австриец лично знал русского правителя Василия Третьего и турецкого султана Сулеймана Великолепного. Посла звали Сигизмунд фон Герберштейн. Давайте заведём эту машину времени и увидим Москву глазами иностранного дипломата, узнаем от местных жителей малоизвестные факты о тамошних нравах, географические и исторические детали той далёкой эпохи.

ОСНОВНЫЕ ДАННЫЕ О НАРОДЕ РОССИИ ИЛИ МОСКОВИИ

Книга, вышедшая на латыни в Вене в 1549 году, основана на докладах и заметках, составленных для правителей Священной Римской империи – Максимилиана и Фердинанда – во времена пребывания Герберштейна в качестве посла при дворе Василия Третьего, а именно в 1518 и 1527 годах. Владение славянским языком открывало для австрийца широкое поле для исследования. Сигизмунд принялся собирать информацию об этой экзотической стране, ведь до него основная масса западных источников о России базировалась на банальных слухах от тех, кто так или иначе имел отношение к Московии. До сих пор в сознании европейцев проскальзывают детали русской культуры, которые изначально были описаны на страницах «Известий о делах Московитских». Ведь то, что «для русского – хорошо, для немца – смерть». Поэтому многие ужасы от Герберштейна на деле могли оказаться просто «пугалками».

Вот, например, любопытная деталь: по описаниям австрийца, русские люди при Василии Третьем произносили букву «г» как украинскую «гх»: «Юхра», «Волха». Также Герберштейн рассказывает: сами русские считали, что слово «Русь» происходит от слова «Рассея» – то есть «рассеяние». «Это мнение, – пишет он, – очевидно, справедливо, так как до сих пор различные народы живут попеременно с обитателями Руссии, в которую повсюду вклиниваются, разделяя её, иные народы».

Из Священного Писания мы знаем, что словом «рассеяние» пользуются и пророки, когда говорят о расселении народов. Однако таким способом имя русов можно вывести из греческого или даже халдейского корня, или от арамейского «Resissaia» или «Ressaia», что обозначает «разбрызгивание».

Получается, что слово «Россея» имеет общие, так называемые индоевропейские корни. Любопытно то место в книге, где автор перечисляет народы, говорящие на славянском языке. В этот список он помещает «остатки вандалов, живущих кое-где на севере Германии за Эльбой». А теперь секундомер: вандалы – это античный народ, согласно официальной версии истории. Последний король вандалов правил якобы в VI веке нашей эры. А тут – XVI век! Разница – десять веков! И это далеко не единственный случай, когда античность и Средневековье на страницах современников сливаются воедино. Далее Герберштейн пишет, что немцы, пользуясь именем одних только вандалов, называют всех, говорящих по-славянски, одинаково вендами, виндами или виндскими народами.

РУСЬЮ ПРАВИЛИ БРАТЯ-СЛАВЯНЕ

В другом месте книги Герберштейн отмечает, что, согласно русским летописям, жители Руси призвали варягов или вагров на княжение. Варяжским морем, то есть «морем варягов», русские называют Балтийское или Немецкое море, уточняет австриец. А ведь именно там, на севере современной Германии, где расположены города Шверин, Росто́к, Ва́рен, Берлин или Бе́рлин, – и жили вандалы, вагры, варяги, то есть ободриты; там же Герберштейн помещает их столицу Вагрию.

И тут автор уточняет: «Более того, вандалы тогда не только отличались могуществом, но и имели общие с русскими язык, обычаи и веру, то, по моему мнению, русским естественно было призвать себе государями вагров, иначе говоря, варягов, а не уступать власть чужеземцам, отличавшимся от них и верой, и обычаями, и языком». Интересно, что в латинском оригинале книги Герберштейна имя Рюрика написано как **Rurickh** (Рурих), что очень напоминает вандальское. Например, Гундери́х, Хильдери́х... и вот вам для сравнения – Рурих.

С трудом верится, что Шлёцер-Байер не было известно о книге их же земляка – Сигизмунда фон Герберштейна, которая описывает историю русского народа и его правителей. Таким образом, сочинение в XVIII веке нормандской теории происхождения русской государственности имело под собой чисто политическую основу.

Любопытно, что, говоря о трёх братьях-варягах – Рюрике, Синеусе и Труворе, австрийский посол при Василии Третьем писал: «Если верить бахвальству русских, эти три брата вели свой род от римлян, как и, по его собственным словам, нынешний московский великий князь». Получается, варяги, призванные править Русью, имели римские корни. Хотя, если учесть, что варяги были славянами, то вполне возможно: родство с римлянами они получили через этрусков.

ВОЛГА – РА-ИТИЛЬ

Или вот ещё подробность, которая не каждому известна. Если вы интересуетесь альтернативной историей, то наверняка читали в старинных источниках, что река Волга имела дополнительно два названия – первое «Итиль» и второе – «Ра». Первое из них – татарское. А как думаете, из какого языка пришло второе? Сигизмунд Герберштейн уверен – из греческого. Как вариант, можно предположить, что это слово перешло из египетского в греческий во времена правления династии Птолемеев. Но это уже просто версия.

РУСЫ И СКИФЫ – ОТ ОДНОГО ПРЕДКА

Герберштейн пишет: «О происхождении своём им (то есть русским) известно только то, что сообщают их летописи. Перескажем их. Этот народ славянский произошёл от колена Иафетова; некогда он обитал на Дунае, где сейчас Венгрия и Болгария. Расселившись и рассеявшись затем по различным землям, они стали называться по этим местностям: моравы – по реке Мораве, другие – чехи, иначе богемцы, а также хорваты, белы, сербы; севшие на Дунае назвались хорутанами; изгнанные валахами пришли к Висле и получили имя лехов от некоего Леха, князя польского; прочие – литовцы, мазовшане, поморяне; севшие по Борисфену (то есть Днепру) возле нынешнего Киева назвались полянами, другие древлянам; жившие между Двиной и Припятью получили имя дреговичей; у впадающей в Двину реки Поло́ты – полочане, поселившиеся у озера Ильмень, завладели Новгородом;

назвавшиеся северянами или северскими жили по рекам Десне и Суле, а кривичи – выше истоков Волги и Днестра, столицей у них была крепость Смоленск. Вот что говорят их летописи». Здесь Герберштейн ставит жирный знак равенства между славянами и скифами, ведь они тоже были потомками Иафета, согласно Писаниям. И недавние результаты ДНК подтверждают, что славянами были сарматы, скифы, готы, саки.

МОСКОВИТЫ И ТАТАРЫ

Герберштейн пишет, что с 6745 года от сотворения мира, согласно русским летописям, то есть с 1237 года нашей эры, вплоть до нынешнего (то есть Третьего) Василия, который правил с 1505 года, «в Руссии не было верховных правителей, а только князья, над которыми верховными правителями были татары». Значит ли это, что 1480 год как дата конца зависимости от Орды ошибочна?

Вот, например, описание княжения Ивана Третьего, дедушки Ивана Четвёртого:

«Впрочем, как он ни был могуществен, а всё же вынужден был повиноваться татарам. Когда прибывали татарские послы, он выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих. Его гречанка-супруга (то есть Софья Палеолог) так негодовала на это, что повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она уговорила мужа притворяться при прибытии татар больным».

Или вот ещё отрывок: «Хотя татары и решали путем разбора и расследования тяжбы, возникавшие между русскими о преемстве в княжениях или из-за наследств, тем не менее, между русскими и татарами всё же возникали частые войны; между братьями же происходили разные смуты, изгнания и мены. Например, герцог Андрей Александрович добился великого княжения; когда же его занял Димитрий, то его брат Андрей, выпросив у татар войско, выгнал его и сотворил много нечестия в Руссии. Равным образом и герцог Димитрий Михайлович убил у татар герцога Георгия Даниловича. Узбек, татарский царь, схватил Димитрия и подверг его смертной казни. Был также спор и о великом княжении Тверском».

Любопытно то, как Герберштейн описывает поведение русского, татарина и турка в случае сдачи врагам. «Московит, как только пускается в бегство, не помышляет уже ни о каком ином спасении, кроме как бегством; настигнутый и пойманный врагом, он не защищается и не просит пощады.

Татарин же, сброшенный с лошади, лишившись всякого оружия, даже тяжело раненный, как правило, отбивается руками, ногами, зубами, вообще пока и как может до последнего вздоха.

Турок, видя, что лишился всякой помощи и надежды на спасение, покорно просит пощады, бросив оружие и протягивая победителю сложенные вместе руки, чтобы тот связал их; сдачей в плен он надеется спасти себе жизнь».

ТАТАРИЯ ИЛИ ОРДА?

Сигизмунд Герберштейн писал о жителях Татарии: «Татары разделяются на орды и называют свою страну или царство Ордой, первое место среди которых и славой, и многочисленностью заняла Заволжская Орда, так как говорят, что все остальные орды получили начало от неё. «Орда» же на их языке значит «собрание» или «множество». Впрочем, всякая Орда имеет своё название, а именно: Заволжская, Перекопская, Ногайская и многие другие, которые все исповедуют магометанскую веру; однако, если их называют турками, они бывают недовольны, почитая это за бесчестье. Название же «бесермены» (очевидно, «басурманы») их радует, а этим именем любят себя называть и турки. Поскольку татары населяют разные и далеко и широко раскинувшиеся земли, то они не совсем походят друг на друга своими обычаями и образом жизни».

Вот такие интересные подробности о Русском государстве и Татарии XVI века нашлись на страницах уникальной в своём роде книги пера Сигизмунда Герберштейна.

Бережок

Анатолий Мартынов

Анатолий Мартынов родился в городе Советске Калининградской области. Имеет высшее филологическое образование. Работает в Калининградском «Художественно-промышленном техникуме» мастером-ювелиром. Пишет стихи, прозу. Им изданы четыре поэтических сборника и сборник повестей, рассказов, пьес. Возглавляет два литературных объединения «Балтийские зори» и «Эклога».

Жили-были

Рассказ

Жили-были ... Нет, не старик со старухой. Жили-были в небольшом курортном городе, у самого синего моря, папа Саша, мама Лена и двое их сыновей. Младший, Серёжа, учился в первом классе, старший, Максим, – в пятом. Разница в возрасте, хотя никого и не пугала, но на отношениях сказывалась. Старший признавал только свою гегемонию. Младший всячески сопротивлялся. Особенно ему не нравилось, что Макс, так он называл брата, с головой уходил в компьютерные игры, даже не думая о том, что и ему, Серёже, они интересны. Компьютер в доме был один. На покупку другого, как сказал папа, «лишних денег» не было. Родители выплачивали кредит за приобретённую недавно двухкомнатную квартиру. До этого семья ютилась в однушке пятиэтажного дома-хрущёвки.

Серёжа не долго раздумывал над тем, как оттащить Максима от компьютера. Дедушка Коля недавно заменил вилку шнура системного блока. Он попросту отрезал старую и на её место поставил новую разборную вилку. Серёжа всё это видел. И когда Максим ушёл на кухню пообедать, он этим тайм-аутом воспользовался. Перерезал один проводок, аккуратно подсунул под него кусочек изоленты, замотал так, чтобы одна часть проводка не состыковалась с другой частью, собрал вилку и вставил её в розетку. Затем положил инструмент в выдвижной ящик стола, взял в руки карандаш, альбом для рисования и стал рисовать кошку. Сам он родился в год рыжей собаки, но любил кошек. Не раз и не два просил родителей взять в дом котёнка. Но мама даже слышать не хотела о дворовых бродяжках, а папа больше любил собак.

Вскоре в комнату вошёл сытый и довольный старший брат и сразу сел к компьютеру. Минут пять он пытался включить его, но тот, словно онемел. А Серёжа, как ни в чём не бывало, продолжал рисовать свою любимую кошку.

– Сергей, ты к компьютеру не подходил? – обернувшись к нему, спросил Максим.

– Не-а, – беззаботно ответил Серёжа, не отрывая глаз от рисунка, – а что?

– Да ничего... Кажется, компьютер сломался.

– Ой, Максим, и будет тебе от папы!..

– А ты ему ничего не говори. Я что-нибудь придумаю. – Максим вопросительно смотрел на брата, и тот пообещал, что будет молчать, как самая немая рыба.

В это время Максиму позвонил его одноклассник и друг Денис Купавин. О чём они говорили, Серёжа не разобрал – Максим вышел разговаривать с Денисом в коридор. Через минуту он вернулся, взял спортивную сумку и сказал:

– Я – на тренировку. Закрой за мной дверь.

После его ухода Серёжа соскочил с дивана, радостно потёр руки и крикнул: «Сработало!». Тут же закрыл дверь на ключ, достал инструмент и занялся починкой вилки. Через несколько минут он опробовал её – всё работало. «Вот так-то! – возликовал Серёжа. – Ну держись теперь «пулялки-стрелялки!»

«Пулялками-стрелялками» называли игры детей папа и дедушка Коля. У мальчишек был ещё один дедушка – Петя. По линии мамы. Он работал инженером в энергосистеме района. Вот к нему Максим и решил обратиться за помощью. Но это будет завтра. А сегодня у него тренировка в секции

САМБО. Юным спортсменам через неделю предстояло принять участие в областных соревнованиях по этому виду борьбы. «Чтобы победить, надо попотеть» – так сказал мальчишкам перед началом занятий их тренер Геннадий Степанович Тужик. Максим потел в паре с другом Денисом Купавиным. И ему было тяжелее: разница в весе составляла почти восемнадцать килограммов. Разумеется, не в пользу Максима.

Серёжа в это время вёл бой с танками противника. Их было много. Появлялись они внезапно, как будто вырастали из земли. Его танк чудом уходил от чужих снарядов и стрелял, стрелял. Стрелял до тех пор, пока рука папы не легла на его плечо.

– Так, так, – сказал папа, – мы с мамой звоним-звоним, а он, видите ли, в пулялки-стрелялки играет. Давай-ка заканчивай. Тебя и Максима ждёт сюрприз.

– Что за сюрприз? – Серёжа с любопытством уставился на папу.

Но тот по-своему отреагировал на вопрос сына:

– Узнаешь, но только после того, как наведёшь порядок на столе. Да, а где Максим?

– На тренировку ушёл. У него скоро областные соревнования по САМБО.

– Соревнования – это хорошо. А вот домашние задания, наверное, не выполнил.

Александр Сергеевич поднял с пола альбом с нарисованным котом. Задержал взгляд на рисунке. Кот был исполнен в сидячем положении. В нём, как в человеке, виделось какое-то нервное состояние. Казалось, что вот-вот он сорвётся с места и помчится в ту сторону, куда устремлены его пронзительные глаза.

– Молодец! – похвалил папа сына. – Даже движение сумел передать.

На лице Серёжи первоцветом зацвела улыбка, и он, с присущей ему откровенностью сказал:

– Понимаешь, это я так нервничал, когда рисовал котика. Макс меня к компьютеру не пускал, вот я и придумал одну интересную штучку...

– Какую ещё штучку? – поинтересовался папа.

– Как сломать компьютер, – выпалил Серёжа и, испугавшись, что папа его неправильно поймёт, поспешил разъяснить: – сломать не взаправду, а понарошку. Ну чтобы Макс подумал, что компьютер сломан и ушёл на тренировку.

– И что ты учудил? – заволновался папа.

– Да ничего особенного. Пока Макс обедал на кухне, я в вилке перерезал один проводок и всё. А после его ухода соединил два конца проводка и заизолировал твоей лентой.

– Однако сметлив ты у меня, – отметил папа. – И всё же твой поступок не совсем хорош по отношению к брату.

– А его поступок хорош: компьютер общий, а на нём только он и играет?

– Здесь ты прав, – согласился папа, – с Максимом я поговорю, а если понадобится, то и расписание ваших компьютерных игр составлю... Ты закончил приборку? Пошли на кухню. Мы с мамой познакомим тебя с твоим долгожданным другом.

А долгожданный маленький друг, голубой британец, в это время пил из блюдца молоко. Серёжа, увидев котёнка, радостно закричал:

– Родители, вы супер! Я вас люблю!

Он сел на корточки перед котёнком и стал смотреть, как тот лакает молоко.

– И как это таким маленьким языком можно выпить столько молока? – с недоумением спросил сын.

Ответила мама:

– Коты не пьют, они лакают. И это делают быстро. Молоко с языка почти не стекает, а попадает в рот. Вот так-то. Сам увидишь.

Но увидеть, как опорожнилась чашка, Серёже пришлось вместе с братом. Максим пришёл весёлый и заметно уставший. Увидев котёнка, он так же, как и Серёжа, возликовал от радости.

– Ну, наконец-то, у нас появился настоящий, а не игрушечный друг! А имя у него уже есть?

– Морис, – делая ударение на втором слогe, сказала мама, – так записано у него в родословной.

Максим скривился. Имя, данное коту, ему не понравилось, и он предложил:

– А может, назовём его по-другому? Ну, например, Норис. В честь Чака Нориса.

– Так котик же совсем маленький, – сказал Серёжа.

– Тогда пусть будет Малыш. И звучно, и по-нашенски.

– А когда Малыш вырастет, ты его будешь называть Большиш – и звучно, и по-нашенски? – засмеялся Серёжа.

– Ладно, умник, – нахмурился Максим. – Сам-то что предлагаешь?

– А ничего. Мама же сказала, что есть родословная, и в ней вписано имя нашего красавчика... Макс, ты только погляди – он уже всё молоко съел! А я-то думал, он будет его целый час лакать.

Серёжа поближе подвинул лицо к котёнку, и Морис лизнул его в нос, а потом подошёл к сидящему на стуле Максиму, потёрся о ногу и лизнул протянутую к нему ладонь.

– Ну вот, – сказал папа, – знакомство состоялось. Так что дружите и дружно живите.

Да, подумайте, где Морис будет спать и где устроить его туалет.

Братья ушли в свою комнату. И пока они думали, а по большому счёту спорили, котёнок сам решил одну из проблем: он залез в картонную коробку из-под обуви и, свернувшись в клубок, засопел.

А папа, Александр Сергеевич, и мама, Елена Петровна, занялись приготовлением ужина.

Вот так поселился в доме Варванских не просто котёнок, а как сказал папа, член семьи, который прибавил её обитателям новых серьёзных забот. Его нужно было кормить, убирать за ним, выносить на прогулки. К тому же он постоянно запускал свои коготки в обои и немилосердно рвал их. Пришлось папе сделать специальную доску, обтянуть дермантином и установить её в прихожей в том месте, где коту особенно нравилось это занятие.

«Выгуливали» Мориса Папа и Максим. А когда Серёжа перешёл во второй класс, то и ему доверили эти совсем нелёгкие прогулки с котом. Он это понял очень скоро. Вчера, вынося Мориса из подъезда, Серёжа заметил, что тот вдруг заволновался и стал вырываться из рук. За спиной загавкала собака. Это был огромный водолаз, чёрный и лохматый. Кот выскользнул из рук и стремительно понёсся к ближайшему дереву. В один миг он взобрался на большой сук клёна и оттуда с ядовитым интересом смотрел на пса-пустобрёха.

Серёжа растерянно наблюдал за происходящим. Водолаза вскоре увёл со двора хозяин. А вот как быть с котом, Серёжа не знал. Он подошёл к дереву и стал уговаривать своего любимца:

– Морисик, миленький, слезай. Твой враг ушёл. Ну же, Морисик.

Но кот только мяукнул в ответ и продолжал сидеть. Серёжа даже сбегал за кусочком варёной курицы, которую так любил Морис. Но не помогло и лакомство. Тогда он положил мясо под дерево на лист подорожника и сел на ближайшую от подъезда скамейку. Ему, конечно, очень хотелось посидеть не в этом месте, а за компьютером. А тут такая невезушка. «Если я уйду, – подумал Серёжа, – то Морисик может слезть с клёна и потеряться. А сообщу-ка об этом маме или папе».

Папа отозвался тут же и пообещал минут через пятнадцать-двадцать приехать.

Он приехал чуть раньше, попросил сына принести ключи от подвала, где хранилась лестница-раскладушка. С помощью этой лестницы папа добрался до сука, подозвал кота и, посадив его на плечо, спустился на землю.

– Па, ты супер! У тебя это классно получилось, – восхитился Серёжа.

– И у тебя получится, – улыбнулся папа, – я сейчас вернусь на работу, а ты отнеси лестницу и позаботься о Морисе. Через два часа буду дома... Смотри, чтобы всё было хорошо.

Александр Сергеевич предупредил сына не просто так. Серёжа был любознательным, в меру задиристым мальчишкой, но порой мог сказать такое, что смущал даже выдавших виды людей и ставил их в неловкое положение. То, что он обманул брата, испортив, пусть и на время, вилку шнура системного блока, было его самой безобидной шалостью. Были и другие подобные шалости, а были...

Как-то, будучи в гостях у старшей сестры Валентины, Александр Сергеевич вышел во двор покурить. Неподалёку, на скамейке, сидели молодые женщины, о чём-то увлечённо вели разговор. Одна из них заметно выделялась. И не только своим грубым голосом, но и короткой задиристой причёской, красным мужским галстуком на белоснежной рубашке и сигаретой, словно прилипшей к нижней оттопыренной губе. При этом рот был приоткрыт. Она одновременно и говорила, и курила.

Серёжа появился из-за угла дома внезапно, как Чингачук, с луком за плечом.

– Здравствуйте, зенсины

– Здравствуй, милый, – ответила одна из них. – Ты никак на охоту собрался?

– Не-а. Я вот лук смастерил, – Серёжа похлопал себя по плечу и переключил своё внимание на ту,

которая говорила и курила. Эту женщину он знал. Она работала вместе с мамой в детской исправительной колонии. Секунд двадцать он разглядывал её и вдруг выпалил:

– Ситана Иванна, а скажите, пожалуйста, вы зеньсина или мусина?

– А что по мне не видно? – удивилась Светлана Ивановна.

– Не-а, – усомнился Серёжа. – Вы курите, а курить должны мусины.

Женщины еле сдерживали смех. Светлана Ивановна чувствовала себя неловко и постаралась прогнать назойливого мальчишку:

– Вот что, юный мужчина, а тебя не учили, что нельзя встречать в разговор взрослых? Шёл бы ты лучше с ребятами гулять.

– Извините, Ситана Иванна, – ничуть не тушуясь, сказал Серёжа, – я, кажется, опро... опрохвостился.

– Опростоволосился, – поправила его Светлана Ивановна.

Серёжа с неуклюжим достоинством повернулся к женщинам спиной и не спеша пошёл в глубину двора к играющим в футбол мальчишкам, бормоча: «Просто, опросто, опростолосился...»

Александр Сергеевич хорошо помнил этот случай из жизни сына, которому в то время было неполных шесть лет. Сарафанное радио разнесло его по всей округе, каждый раз переиначивая на свой лад. Теперь Серёжа повзрослел. Но не настолько, чтобы по-взрослому оценивать свои поступки. «Хотя, мальчик успеет ещё стать скучным и вот таким, как я, «законником», – подумал Александр Сергеевич. Его самоуничижающая ирония вызвала бы у коллег-юристов недоумение, так как он был не просто хорошим, а талантливым специалистом в области юриспруденции и всегда с честью защищал интересы своей городской больницы. Александр Сергеевич взял со стола мобильный телефон, чтобы позвонить сыну, но тот опередил его.

– Папа, – услышал он голос Серёжи, – ты знаешь, что... нет, ты только вникни... наш Максим... ну, это просто супер!

– Серёжа, скажи внятно, что произошло? – испугался Александр Сергеевич.

– Да всё нормально, па. Помнишь, ты говорил, что без труда, не вытащишь и рыбку без труда?

– Помню, – подтвердил Александр Сергеевич, – и что?

– А то, что наш Максим без труда занял первое место на соревнованиях по САМБО. Так в Грамоте написано.

– Что-то я тебя не совсем понимаю. В Грамоте написано, что Максим занял первое место без труда?

– Да нет же, папа, в Грамоте сказано только о первом месте. А Максим сказал, что он ни разу не выходил на ковёр. В его весовой категории не оказалось противников.

– Так иногда бывает, – сказал Сергей Александрович. – Как с уроками? Кота кормил?

– Кота кормил. И Макс ему ещё добавки давал. А вот с уроками...

– Всё, Серёжа, разговор заканчиваю. Значит, так... Вернусь домой, чтобы все задания и у тебя, и у Максима были выполнены. Понял? Вот и хорошо.

Наши друзья

Советуем почитать:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/vse-zhurnaly>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
День литературы: <http://denlit.ru/>
Сайт Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры: <http://slav-academ.ru/regions.html>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17–65
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistskogo-masterstva-slava-rossii>
Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Русский народный дом: <http://rusnarodom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org
Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура в Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург – <http://rodnayaladoga.ru/index.php/onas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «Врата Сибири», гл.ред. Л.К. Иванов, Тюмень
Журнал «Белая вежа», гл.ред. Наталья Костюченко, Минск
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Корни», редактор Ольга Соколова, Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл.ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Поэтический альманах «Письмена», редактор Юрий Касянич, Рига
Альманах «Резекне» – Almanah-rezekne.lv, редактор Ольга Орс, Латгалия
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл.ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный журнала «Аргмак», Татарстан, гл. ред. Николай Алешков
Литературный альманах «Крылья» (Луганск) <http://lugansk1.info/>

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счет: **2202 2009 0582 4080**.

Стоимость одного журнала — 500 руб. Подписка на год — 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:

dovidenko_L@mail.ru